

КНИГА

4917-372-4(02)-26

для

Уч. Кош.

ЧТЕНІЯ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНІИ

4917 (082)

П 212

ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

СОСТАВИЛЪ

~~188~~
6188

І. ПАУЛЬСОНЪ.

НОВОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

ПРОВЕРЕНО
1948 г.

Тридцать третий десятокъ тысячъ.

ЦИФРЕННО
БИБЛИОТЕКА

(Проверено 1852 г.)

МОСКВА.

У книгопродавцевъ-издателей БРАТЬЕВЪ САЛАВЫХЪ.
1871.

1
Б
Б
Б

Кромѣ статей, находящихся и въ другихъ руководствахъ подобнаго рода, въ составъ этой книги вошли еще: 1) отрывки изъ различныхъ русскихъ авторозъ, не встрѣчающіеся ни въ какой другой книгѣ для чтенія или хрестоматіи, изданной до 1861 г. (первое изданіе этой книги вышло въ 1860 г; 2) статьи, заимствованныя изъ различныхъ дѣтскихъ книгъ, но частію или совершенно передѣланныя, и 3) статьи, взятыя изъ иностранныхъ сочиненій. *Всѣ же статьи вообще имѣютъ отличную отъ оригиналовъ свою редакцію*; а потому *всякій*, кто при составленіи подобнаго же руководства позволитъ себѣ дѣлать заимствованія изъ этой книги, превышающія законное для этого число страницъ (см. уст. ценз. стр. 297), *будетъ преслѣдуемъ авторомъ какъ контрафакторъ*.

ОГЛАВЛЕНИЕ ОБЩЕЕ.

	Стран.
I. Изъ семейнаго быта.	1—26
II. Изъ городскаго быта.	26—54
III. Изъ сельскаго быта	54—124
А. Деревня	54—76
Б. Поле.	76—86
В. Дорога.	87—94
Г. Лугъ.	94—100
Д. Лѣсъ	100—118
Е. Воды	118—124
IV. Человѣкъ.	124—146
V. Животныя, растенія и минералы.	146—193
VI. Мировыя явленія.	193—224
VII. Отношенія человѣка къ Богу: статьи нравственнаго и религиознаго содержанія.	225—256
На русскомъ языкѣ.	225—232
На церковно-славянскомъ языкѣ.	232—256
VIII. Родина, отечество: очерки изъ отечественной географіи и исторіи	257—314
Объясненіе церковно-славянскихъ буквъ, словосокращеній и цифръ.	315—318
<i>Примѣчаніе.</i> Статьи, отмѣченныя въ книгѣ звѣздочкою, назначаются преимущественно для первоначальнаго чтенія, а напечатанныя болѣе плотнымъ шрифтомъ — для различныхъ упражненій въ языкѣ высшаго курса.	

ОГЛАВЛЕНИЕ ПОДРОБНОЕ, АЛФАВИТНОЕ.

(Статьи въ стихахъ означены здѣсь буквою с.)

	№№
Августъ сильный и кузнецъ	239
Александръ Невскій. Изъ «Разсказовъ» Водовозова	404
Анекдоты о крысахъ. Изъ «Звѣздочки».	250
Арабское судопроизводство	78
с. Беззаботность птички. Пушкина.	238
Бережливость и скупость.	66
Битва Куликовская.	407
с. Богъ не оставляетъ сиротъ. К. Петерсона.	350
с. Болото. А. Майкова.	201
Большая собака	3
Большой столъ. II.	141
Борисъ Годуновъ. Изъ «Записокъ Русской Исторіи».	412
с. Бородино. Лермонтова.	429
Бумага. Изъ «Звѣздочки»	293
Буря. II. Козлова.	326
Бутлерь	53
Бѣдность лучше увѣчья	

Гѣдный Гѣдко. Одоевского.	382
Вазуза и Волга. Изъ «Народныхъ сказокъ» Аванасьева.	33
Великодушная дочь	346
Великодушный незнакомецъ	99
с. Веселость птички. Изъ «Звѣздочки»	319
с. Весеннія воды. О. Тютчева.	
с. Весеннія пѣсенки: 1. А. Майкова; 2. Изъ Гейне, Михайлова; 3. Плещеева; 4. Изъ «Басень и пѣсень для дѣтей»; 5. Б. Федорова.	323
с. Весенняя гроза. О. Тютчева	324
Весна: 1. П. 2. с. А. Майкова.	321
— Весна въ Россіи. Карамзина.	322
с. Вечеръ: 1. Изъ «Пѣсень и разсказовъ»; 2. Изъ «Звѣздочки»; 3. Кудряшева.	312
с. Вечеръ въ лѣсу. Никитина	170
с. Вечеръ на сѣнокосѣ. Никитина	159
Виноградъ и плодовые деревья.	289
Виттингтонъ.	244
Владиміръ Великій. По Соловьеву	395
Владиміръ Мономахъ. Изъ «Исторіи Россіи» Паниной.	399
Владиміръ на Клязьмѣ. Изъ «Путев. записокъ» М. Жданова.	401
с. Внутренность избы. Мея.	91
Вода. С. Аксакова	197
с. Водопадъ и ручей. Крылова	199
Волкъ	247
с. Волкъ и журавль. Крылова.	180
с. Волкъ и котъ. Крылова.	111
с. Волкъ и лисица. Измайлова.	183
Волкъ и мужикъ. Изъ «Народныхъ сказокъ» Аванасьева.	189
Волсатикъ. Изъ «Чтеній Гугеля».	276
Волчьи ягоды. П.	290
с. Воробы и овсянка. Измайлова.	140
с. Ворона и кувшинъ. Измайлова.	129
с. Ворона и лисица. Крылова	178
с. Вороненокъ. Крылова	163
Времена года. П.	318
с. Всенощная въ деревнѣ. Н. Аксакова.	116
с. Вырубка лѣса. Н. Некрасова.	172
Вѣжливость украшаетъ всякое состояніе. П.	81
Вѣрное средство разбогатѣть. П.	56
Вѣрность. Изъ Круммахера.	351
Вѣрочка и коноплянка	106
Гвоздика. Изъ Шмита.	219
Глупому сыну не въ помощь богатство. Изъ «28 пословъ».	31
с. Гвѣздо ласточки. Никитина.	143
Годуновъ	413
с. Гошепъ. Пушкина.	42
Городъ и деревня. Изъ книги «Деревня».	8
Горькій пѣвотокъ. Изъ «Звѣздочки».	21
Грибы.	29

	№№
Грузія, Пушкина	386
Грушевое дерево	103
Гряда гвоздики	98
Гусеницы, куколки и ихъ враги. П.	265
Гуси.	254
с. Два великана. Лермонтова	428
Два друга и медвѣдь.	195
с. Два крестьянина и облако. Измайлова	135
Два мороза (сказка). Изъ «Народнаго Чтенія»	240
с. Два мужика. Крылова	114
Два работника	47
Двѣ яблони	29
с. Демьянова уха.	110
с. Деревенскій вечеръ. Н. Аксакова	120
с. Деревенскій сторожъ. Н. Огарева	122
с. Дерево. Крылова	117
Десять правилъ для жизни. Изъ «Звѣздочки»	37
Дитя и шелковичный червь. П.	267
Для чего нужны деньги. Изъ «Разск. о Богѣ, челов. и природѣ»	24
Добрая слава лучше богатства.	105
Доброе сердце	16
Добрый отецъ. Изъ Круммахера	349
Долгіе и короткіе дни. П.	302
Долгоруковъ, Яковъ	421
Домашніе совѣтники.	36
Домикъ Петра Великаго	430
Дорогая травка	50
Драгоценные камни	62
Древесная лягушка. П.	264
с. Дремучій лѣсъ. Кольцова	166
Друзья послѣ смерти. Изъ Гердера	353
Дубъ и верба. Изъ Шмита	142
Думы (сказка). Изъ «Народнаго Чтенія»	177
Дурная кухарка	216
Дѣтское желаніе	137
Дѣтство Франклина	38
Еванг. Матѳея гл. ѿ1, в—ѿ1	373
Еванг. Луки гл. в ст. вѣ—ѿв	374
с. Елка. Свѣчина	281
с. Жаворонокъ. Жуковскаго	173
Жгучая вода. П.	295
Жизнь Петра Великаго въ Сардамѣ	420
Жуки. П.	273
с. Завтра. Б. Федорова	10
Загадки, на страницахъ:	
1, 4, 5, 7, 10, 11, 21, 28, 30, 38, 56, 57, 58, 59, 61, 63,	
73, 78, 81, 83, 84, 86, 87, 90, 91, 102, 104, 120, 121,	
124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 140, 148, 152, 161.	

163, 164, 165, 170, 174, 175, 176 183, 185, 188, 190,
194, 195, 196, 197, 202, 203, 204, 205, 207, 210, 211,
214, 215, 218, 220, 221.

	№№
Загадка мужика. Изъ «Народн. сказокъ» Аванасьева.	126
с. Загадочный цвѣтокъ. Изъ дѣтской книги «Золотой Цвѣтокъ»	288
Задача для смѣтливыхъ дѣтей. Изъ «Звѣздочки»	8
Замѣчательная собака. Изъ «Звѣздочки»	245
Зачѣмъ данъ тебѣ вкусъ? Изъ «Разсказовъ о Богѣ, человѣкѣ и природѣ»	215
Зачѣмъ не видалъ? Изъ той же книги	211
Зачѣмъ не слышалъ? Изъ той же книги.	213
Заецъ. С. Аксакова.	249
с. Звѣзды. Хомякова.	315
Здѣсь удобно гипсомъ П.	294
Земля и находящіяся на ней государства. Изъ «Сельскаго Чтенія».	375
с. Зима: 1. Баратынскаго; 2. Тургенева; 3, 4 и 5. Пушкина.	340
с. Зимнее утро. А. Майкова.	344
с. Зимнее утро въ столицѣ. Пушкина.	44
с. Зимняя дорога. Пушкина.	148
с. Зимняя почъ. Лихачева.	345
с. Зимняя почъ въ деревнѣ. Никитина.	121
с. Змѣя и пѣвица. И. Дмитриева.	263
Золотые орѣхи. П.	17
Ивашъ Сусанинъ	417
Играющія собаки.	2
с. Изба. Н. Огарева.	89
Извилистыя тропинки	191
Изобрѣтеніе пороха. Изъ «Звѣздочки»	299
Искатели меда	270
Искусство жить долго	226
Испытаніе.	352
Истинное благочестіе. Изъ «Первоначальнаго учителя Канту».	359
Истинное добродушіе. П.	54
Исторія дождевой капли. П.	332
Источникъ живой воды.	203
Иова гл. Ѵ—М.	366
Іоаннъ Грозный изъ «Записокъ Русской Исторіи».	409
Іоаннъ Даниловичъ Калита	405
Іоаннъ III. Изъ «Русской Исторіи» Бутовскаго.	408
Кавказъ Пушкина.	385
Какъ баба сама себя вылечила. В. Даля.	231
Какъ кошки ловятъ рыбу. С. Аксакова	261
Какъ образуется сѣбгъ.	343
Какъ пишеть котенокъ.	9
Какъ правда терется. Изъ «Звѣздочки».	87
Банарейка изъ Крумахера	14
Капуста. Изъ Шмита	100

	№№
Картофель. П.	289
Каспійское море. Марлинскаго.	387
с. Квартетъ. Крылова.	72
Кивачъ. А. Грена.	378
с. Кіевъ. Хомякова	390
Клочокъ ваты. П.	13
Книги Бытія, глава 4.	362
— — — 4з.	363
— — — 4а	364
— — — 4в.	365
Князь Пожарскій	416
Князь Я. О. Долгоруковъ.	421
Когда-бъ на дятла не свой носокъ, никто-бъ его въ дупль не нашелъ. Изъ «28 пословиць».	256
Кола.	377
с. Колосья. Изъ «Звѣздочки»	139
Кому кукушка куковала	192
с. Косарь. Больцова.	160
Костя и жукъ	27
с. Котъ и поваръ.	41
Кофе.	387
с. Крестьянинъ и лошадь. Крылова.	130
с. Крестьянинъ и топоръ. Крылова.	90
с. Крестьянинъ съ ношею. Хемницера.	151
с. Крестьянская прпрушка. Больцова.	113
Крещеніе Руси. Карамзина	396
Кротъ. Изъ «Звѣздочки».	251
с. Кто онъ? А. Майкова	422
Кузнецъ. Изъ Шмита	233
с. Кукушка. Измайлова.	175
Куликовская битва	407
Курица и утята. С. Аксакова.	255
Къ чему нужно обоняніе?	218
с. Ларчикъ. Крылова	61
Ласточки. Пшимовой	257
с. Ласточки. А. Майкова.	338
Лебедь. С. Аксакова.	253
с. Левъ состарѣвшійся. Крылова.	185
Легучая мышь. П. ✕	252
Лиса и журавль. Изъ «Народн. сказокъ» Аванасьева.	181
Лиса и тетеревъ. Изъ «Народ. сказокъ» Аванасьева.	182
с. Лисица и виноградъ. Крылова.	101
с. Лисица и осель. Крылова.	186
Ложный стыдъ. П.	22
Лошадь и верблюдъ. Изъ Лессинга.	243
с. Лошадь и осель. Хемницера.	184
Луна — образъ челоѣческой жизни. П.	304
Лучшая приправа. П.	225
Лучшее украшеніе матери. П.	31
с. Лѣтний мужикъ. Больцова.	124

Льса. Изъ «Звѣздочки»	165
с. Лѣтній вечеръ. Жуковского.	329
с. Лѣтній дождь. А. Майкова	134
Лѣтняя жара: 1. П.; 2. Тургенева.	330
с. Любопытный. Крылова.	48
с. Лягушка и вошь. Крылова	161
✓ Магнитъ	297
Мальчикъ и животныя	5
с. Мартышка и очки. Крылова.	212
Медвѣдь. В. Даля.	248
с. Медвѣдь плясунъ. Хемницера	184
с. Мельникъ. Крылова	144
Мертвая голова	268
Мишинъ.	415
Миниоумершая дѣвица. П.	236
Много желать, добра не видать. Изъ «28 пословиць»	25
Можно ли въ разгоряченномъ состоянїи пить холодную воду?	229
с. Мой садикъ. Плещеева.	97
Молодая муха	19
с. Монастырь. И. Козлова	358
с. Морозъ. Б. Федорова	341
с. Морская тишь. Изъ Гете, Ф. Миллера	205
с. Москва. Ф. Глинки	388
с. Мужикъ и борова. Хемницера.	149
Мужикъ и заяць. Изъ «Народн. сказокъ» Аванасьева	125
Мужикъ и паредворецъ. Изъ «Народн. сказ.» Аванасьева.	76
Муравьи. П.	274
с. Муха. И. Дмитриева.	128
Награда по заслугамъ	75
Надъ тѣлесными недостатками смѣяться не должно	224
Ваклонись. П.	82
Народная пѣсня про покореніе Казани.	410
с. Наступленіе ночи. Жуковского	313
Находчивость русскаго солдата. В. Даля.	73
с. Начало весны. Пушкина.	320
Начало Москвы. Карамзина.	402
Нашествіе татаръ. Изъ «Исторїи Россїи» Ишимовой.	403
Не давши слова, крѣпись; а давши слово, держись. Изъ «28 пословиць»	67
Не завидуйте богатству. В. Даля	228
Не положивъ, не ищи. В. Даля	193
Непрїатели пчелъ. Изъ «Міра Божїя».	269
Неумышленное похищеніе.	214
Неустрашимый мальчикъ. Изъ «Сельскаго Чтенїя».	118
Нечистоплотный крестьянинъ. В. Даля.	230
с. Нива: 1. А. Майкова; 2. Ю. Жадовской	136
Нижній Новгородъ. А. Разина.	389
с. Нищїе. Никитина.	55
Новгородъ	411
с. Вочь. 1. Касилыча, 2. Никитина, 3. Тургенева	314

Облака. Изъ «Звѣздочки»	307
О волосатикѣ. Изъ «Чтеній» Гугеля	276
Одесса	427
О землѣ и находящихся на ней государствахъ, особенно рус- скомъ. Изъ «Сельскаго Чтенія»	375
Окунь. Изъ «Міра Божія»	260
О ласточкахъ. Ишимовъ	257
Олегъ. Изъ «Разсказовъ» Водовозова	392
Ольга. Изъ той же книги	393
О паукахъ. Изъ «Чтеній» Гугеля	275
с. Осель и соловер. Крылова	188
с. Осенняя пѣсенка. Пушкина	337
с. Осень: 1. Фета; 2. А. Майкова; 3. Тургенева	335
с. Осень въ деревнѣ. Изъ «Звѣздочки»	336
с. Осиротѣлая птичка. А. Загоскина	174
Ось и чека. В. Дала	155
О томъ, какъ странствуютъ деревья. П.	280
Палицынъ	414
Пастушьа свирѣль	84
Пауки. Изъ «Чтеній» Гугеля	275
с. Пейзажъ. А. Майкова	168
Первые русскіе князья. Изъ «Разсказовъ» Водовозова	391
Первый русскій гофъ малеръ	71
с. Передъ дождемъ. Н. Некрасова	325
Переправа черезъ рѣку	51
Персики. Изъ Круммахера	108
Персіянинъ и сынъ его. Изъ «Чтеній» Гугеля	83
Петръ Великій подъ судомъ	77
Печаль маленькаго садовника	283
Печорскій край. Изъ «Чтенія для взросл. дѣтей» Максимова	376
Письма гимназиста къ роднымъ (3 письма). Н. Гоголя	12
Подарокъ отъ чистаго сердца	1
Подкова. Изъ Шмита	153
Подвигъ Ивана Сусанина	417
Пожарскій, князь	416
Покрытое блюдо	68
Полтава	424
Померанцевое дерево. П.	234
Пословицы діететическія	237
Пословицы изъ повседневнои жизни	42
Пословицы изъ ремесленнаго и купческаго быта	70
Пословицы изъ сельскаго быта	123
Пословицы и поговорки, заимствованныя изъ царства живот- ныхъ	277
Пословицы и поговорки, имѣющія отношенія къ лѣсу и водѣ	207
Пословицы и поговорки, относящіяся къ человѣческому тѣлу	223
Пословицы и поговорки, относящіяся къ явленіямъ природы	348
Пословицы историческія	418
Пословицы о добрѣ и худѣ, о правдѣ и лжи	85
Пословицы о любви и послушаніи	34
Пословицы о нуждѣ и бѣдности	58

Пословицы объясненныя	25, 35, 6
Пословицы о пользѣ ученія и знанія	1
Пословицы о трудолюбіи и праздности	
Пословицы религиозныя	36
Похороны на кораблѣ. Д. Григоровича	20
Поученіе Владиміра Мономаха дѣтямъ. Изъ «Разсказовъ» Водозова	400
Правосудіе	78
Премудрость Іисуса, сына Сирахова	370
с. Примѣты осени. Грекова	334
Природа днемъ и ночью. Н. П. Вагнера	317
с. Природа до и послѣ дождя. Демидова	167
с. Природа и жизнь въ деревьѣ. Н. Некрасова	119
Присутствіе духа крестьянской дѣвочки. Изъ «Сельскаго Чтенія»	109
Притча о дубовой бочкѣ. В. Дала	101
Притяг. Г. Христа. Еванг. Матѣ. гл. ГІ	36
Притчи Соломоновы	364
Причина и дѣйствіе П.	231
Пробка. Изъ «Звѣздочки»	281
Пророка Даниила гл. 5	371
Пророка Іеремии гл. М5	37
Пророки и волшебники. Карамзина	39
с. Прохожіе и собаки. Крылова	4
Псаломъ ДІ	36
Псаломъ ІІІ	368
Птичка. Ѳ. Туманскаго	259
Пустынникъ и медвѣдь	190
Путешествія по міровому пространству. П.	300
с. Путь. Кольцова	147
с. Пчела и курица	94
с. Пчела и мухи. Крылова	271
Пчела и овца. П.	95
с. Пѣснь Байна. Н. Языкова	394
с. Пѣсня пахаря. Кольцова	127
с. Пѣтухъ, котъ и мышенокъ. П. Дмитриева	20
Раздѣленіе дня. П.	301
с. Раздѣлъ. Крылова	69
Различіе растенія отъ животнаго. Изъ «Сельскаго Чтенія»	279
с. Разсвѣтъ. Лермонтова	309
с. Разсказъ мышенка о помощи льву. Жуковскаго	187
Резедная бабочка. П.	266
У Роса и иней. П.	333
с. Рукодѣльная пѣсня. Одоевскаго	
с. Русская зима. Вяземскаго	3
Русская тройка. Н. Гоголя	1
с. Русскія рѣки. Ѳ. Миллера	4
Ручей. Изъ Круммахера	9
с. Рѣчка. Цыганова	5
Садовыя деревья	1
	14

Самарскія степи. А. Разина.	384
Самозванецъ.	413
Сапожные гвозди. Изъ Шмита.	57
Сахаръ.	286
с. Свинья подъ дубомъ. Крылова.	96
Священникъ и крестьянинъ.	132
с. Сельское кладбище. Жуковского.	117
с. Сельскій вечеръ. Изъ «Звѣздочки».	115
Семилѣтка.	112
Сказка о лисицѣ и волкѣ. Изъ «Народн. сказ.» Аванасьева.	156
Сказка о щуцѣ зубастой. Изъ «Народн. сказ.» Аванасьева.	198
с. Скворецъ и кукушка. Хемницера.	176
Скоро, да не споро.	152
Скука. П.	23
Слово въ Великій Пятокъ. Иннокентія.	357
с. Слоны и моська. Крылова.	49
Смѣшленная мышка. П.	18
Смѣлые мальчики. П.	194
Смѣтливый мужикъ. Изъ «Народн. сказокъ» Аванасьева.	92
Снигирь и мальчикъ.	347
Собака и волкъ.	162
с. Собака и лошадь. Крылова.	93
Сожъ и Днѣпръ. Изъ «Народныхъ сказокъ» Аванасьева.	383
Солдаты и падающая звѣзда. П.	316
Солнечное сіяніе и дождь. П.	331
Солнце. П.	303
с. Солнце и мѣсяцъ. Я. Полонскаго.	305
Солнце, морозъ и вѣтеръ. Изъ «Народн. сказ.» Аванасьева.	339
с. Соловей и чижъ. Хемницера.	40
Соляной источникъ. П.	296
Сонъ и смерть. Изъ Гердера.	355
Соперничество домашнихъ животныхъ. П.	242
Сострадательная Паташа.	26
Сиустя лѣто, да въ лѣсъ по малину. Изъ «28 пословицъ».	209
Сраженіе на берегахъ р. Вожи.	406
Старикъ.	210
с. Старикъ и ребята своевольные. Хемницера.	204
Старые и молодые люди.	208
Старый волкъ. Изъ «Подсѣжкина».	164
Стекло.	298
Странникъ. П.	80
Странный рецептъ. П.	59
Строевая лошадь.	74
с. Строитель. Хемницера.	46
с. Стрѣлка часовая. Хемницера.	45
с. Сумерки.	311
Сусанинъ.	417
Сцена въ типографіи. Измайлова.	60
Счастье. В. Даля.	227
Съ пользою употребленныя деньги.	33
Сѣяніе рая. Изъ «Звѣздочки».	131
с. Сѣнокосъ. А. Майкова.	153

Теплокровныя и холоднокровныя животныя	241
с. Тишина ночи: Никитина	86
Товія. Изъ Круммахера	354
Три золотыя рыбки	21
с. Тринкипъ кафтанъ. Крылова	63
с. Туча. Пушкина	327
Угорь и змѣя	262
Умный червякъ. П.	306
с. Урожай. Кольцова	138
Усталость малтника. Изъ «Чтенія для дѣтей» Классовскаго	39
У страха глаза велики. В. Дала	196
Утреннія занятія Петра Великаго	423
с. Утренняя звѣзда. Жуковскаго	308
с. Утренняя пѣсня. Одоевского	4
с. Утро: 1. Изъ «Пѣсенъ, разсказовъ и басенъ для дѣтей»; 2. Никитина	310
Утро на лугу	157
Ученіе Петра Великаго	419
Финляндія. Батюшкова	381
Худой плательщикъ	66
с. Цвѣтокъ. Кольцова	169
Цвѣты плодовыхъ деревьевъ	284
Церковь. Изъ «Сельскаго Чтенія»	356
Цикута. П.	291
с. Цыганевокъ. Д. Ленскаго	107
с. Человѣкъ, медвѣдь, лисица и голубь	221
Чернильная муха. А. Дарагинъ	272
Честность	64
Четыре стихіи. Изъ Шмита	28
с. Чижъ и ежъ. Крылова	179
Чистое небо и тучи. П.	133
Члены человѣческаго тѣла	220
Что знаешь, о томъ не спрашивай. В. Дала	150
Что такое растеніе?	278
Чувство любви сильнѣе боли. П.	15
Чудный врачъ. П.	232
с. Чудское озеро. Н. Языкова	380
Чужой разумъ. В. Дала	222
Швейцарскія собаки на горѣ Сенъ-Готардъ	246
с. Шоссе и обыкновенная дорога. П. Аксакова	145
Щегленокъ	104
Эльтоцское озеро	373
Эхо. Изъ Шмита	328
Ярославъ Первый. Изъ «Русской исторіи» Бутовскаго	387

1. ИЗЪ СЕМЕЙНАГО БЫТА.

* 1. Подарокъ отъ чистаго сердца.

Авдотья Петровна Зимина была нездорова и не могла выходить изъ комнаты. Призвавъ своего пятилѣтняго сына, она сказала ему: «Володя, возьми эту корзинку съ яблоками и отнеси къ бабушкѣ, — сегодня день ея ангела. Поздравь её хорошенько и поцѣлуй ручку; а вотъ это яблоко ты можешь скушать.» Съ этими словами госпожа Зимина подала ему большое, румяное яблоко. Поблагодаривъ мамашу, Володя взявъ корзинку, положивъ своё яблоко въ карманъ и, въ сопровожденіи стараго слуги, пошёлъ къ бабушкѣ. — «Поздравляю васъ съ днёмъ ангела, милая бабушка», сказалъ онъ, входя къ ней: «вотъ это отъ маменьки», прибавилъ онъ, подавая корзинку; а потомъ, робко вынимая яблоко изъ кармана, проговорилъ тихо: «а это отъ Володи».

Загадка.

Мать съ дочерью, да мать съ дочерью, да бабушка съ внучкой
а всѣхъ-то ихъ трое.

* 2. Играющія собаки.

Митя стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу, гдѣ грѣлся на солнышкѣ большой дворовый пёсъ, Полканъ.

Къ Полкану подбѣжала маленькая моська и стала на него кидаться и лаять; хватала его зубами за огромныя лапы, за морду и, казалось, очень надоѣдала большой и угрюмой собагѣ. «Погоди-ка, вотъ онъ тебѣ задасть!» сказалъ Митя: «проучить онъ тебя!» Но моська не переставала играть, а Полканъ смотрѣлъ на всё очень благосклонно.

— Видишь ли, сказалъ Митѣ отецъ: Полканъ добрѣе тебя! Когда съ тобой начнутъ играть твои маленькіе братья и сёстры, то непременно дѣло кончится тѣмъ, что ты ихъ обидишь. Полканъ же знаетъ, что большому и сильному стыдно обижать маленькихъ и слабыхъ.

* 3. Большая собака.

Въ гостиницѣ маленькаго городка сидѣлъ человекъ, водившій
ого медвѣдъ, и ужиналъ; а Мишенька стоялъ на дворѣ, при-
саянъ къ столбу. Въ верхней комнатѣ гостиницки играли въ

это время три мальчика; старшему было шесть лѣтъ, а младшему только два года. Имъ не оставили свѣчки, но съ нихъ довольно было свѣту и отъ блѣдныхъ лучей мѣсяца. Въ эту минуту послышались тяжёлые шаги на лѣстницѣ — шаги не человѣческіе... Дверь отворилась, и кто же вошёлъ? Мишенька! огромный, мохнатый Мишенька. Ему одному стало скучно на дворѣ, и онъ случайно нашелъ дорогу наверхъ.

Дѣти испугались, увидѣвъ страшнаго звѣря, и скорѣе попрятались по угламъ. — Напрасно! онъ скоро отыскалъ ихъ, обнюхалъ, но не сдѣлалъ имъ никакого вреда. Дѣти ободрились и подумали: это вѣрно большая собака, и начали ласкать её, сначала робко, потомъ посмѣле. Медвѣдь прилѣтъ на полъ, младшій мальчикъ влѣзъ на него и пряталъ золотыя кудри свои въ его теплое шубѣ. Старшій началъ бить въ барабанъ, и тогда-то настало истинное веселье для дѣтей: Мишенька встала на заднія лапы, началъ плясать и показывать всѣ свои штуки; чудно было смотрѣть на него! Потомъ каждый мальчикъ взялъ въ руки по деревянному ружью, медвѣдю дали тоже одно, и онъ прекрасно держалъ его въ лапахъ. Каковъ былъ товарищъ? Послушный, добрый Миша. И всѣ вмѣстѣ пустились маршировать: разъ, два! разъ, два!

На лѣстницѣ опять послышались шаги, — вошла маменька малютокъ. Боже мой, какъ она испугалась! Отъ страха остановилась она у дверей, какъ окаменѣлая. Лицо ея покрылось смертною блѣдностію, глаза остановились неподвижно. Но младшій мальчикъ весело кивнувъ ей головою, закричалъ: «маменька, посмотри, мы играемъ въ солдаты». Въ эту минуту вошёлъ и проводникъ медвѣдя.

* 4. Утренняя пѣсня.

Встань по утру, не лѣнись! мѣломъ вымойся, утрись. Кто растрѣпанъ, не умыть, тотъ собой людей смѣшить.

Зубы, дѣсны крѣпче три, и снаружи и внутри; чистымъ гребнемъ причешись, да и Богу помолись.

Долго спать тебѣ не въ прокъ, лишь забудешь про урокъ; ты за книжку — повторить, а ужъ начали звонить.

Знай заранѣе, что взять, времени чтобъ не терять. Въ классѣ когда идти велѣтъ, тутъ ужъ некогда искать.

То забылъ налить чернилъ, то пера не очинилъ; книжку бросилъ безъ пути, а потомъ и не найдти.

Но въ порядкѣ что лежитъ, подь руку само бѣжить. Въ классѣ быть, такъ не зѣвать, а стараться понимать!

Кто зѣваетъ, негодяй; ты ему не подражай. Слышишь новое — смекни, да въ тетрадкѣ отчерени.

Полѣнился, пропустилъ, — смотришь, завтра позабылъ. А написалъ — прочтешь, лучше въ толкѣ себѣ возмѣшь. ~~X~~

Одоевскій.

* 5. Мальчикъ и животныя. X

Былъ одинъ маленькій мальчикъ; папенька и маменька послали его въ училище. Утро было прекрасное; солнце свѣтило ярко; голосистыя птички весело распѣвали; мальчику не хотѣлось учиться, а хотѣлось поиграть. Оглядываясь вокругъ, онъ увидѣлъ пчёлку, которая летала съ цвѣтка на цвѣтокъ. — «Пчёлка», сказалъ онъ, «поиграй немножко со мною!» — «Нѣтъ», отвѣчала пчела, «мнѣ играть некогда; мнѣ надобно собирать мѣдъ».

Пройдя нѣсколько шаговъ, мальчикъ встрѣтилъ собаку и сказалъ ей: «собачка, поиграй немножко со мною!» — «Нѣтъ», отвѣчала собака, «мнѣ играть некогда; мнѣ надобно идти стеречь дворъ моего хозяина, чтобы туда не зашѣлъ воръ».

Далѣе мальчикъ увидѣлъ птичку, которая таскала носикомъ своимъ клочки сѣна изъ кошны. — «Птичка», сказалъ онъ ей, «поиграй немножко со мною!» — «Нѣтъ», отвѣчала птичка, «мнѣ играть некогда; мнѣ надобно собрать сѣна, мху, шерсти, чтобы свить себѣ гнѣздышко».

Потомъ мальчикъ увидѣлъ лошадь и сказалъ ей: «лошадка, поиграй немножко со мною!» — «Нѣтъ», отвѣчала лошадь, «мнѣ играть некогда; мнѣ надобно пахать землю. Если я не стану пахать, то негдѣ будетъ сѣять хлѣбъ; а если хлѣбъ не будетъ посеянъ, то нечего будетъ ѣсть» — «Никто не хочетъ играть», подумалъ мальчикъ: «видно и мнѣ нужно работать». И онъ скорѣе пошѣлъ въ училище. †

6. Руководѣльная пѣсня.

Ну, подруженьки, скорѣе! солнце красное взошло; за него мы дружиѣ! пока время не ушло. Помолись, потрудишься, знай не лѣнись! Безъ нужды проживешь, да добра, наживеши.

Чтобъ добра себѣ прибавить, надо въ жизни работать самимъ умѣть исправить, и другимъ не докучать. Что танеть

какъ не знать ни кроить, ни стирать? Я и платье скрою, и рубашку сошью.

У хозяйки все поспѣло, только надо присмотрѣть, не сидѣть самой безъ дѣла, да и дѣло разумѣть. Что за стыдъ! какъ не знать, что обѣдать подать? Я и хлѣбъ испеку, да и кашу сварю.

У плохой хозяйки въ домѣ ходить дѣти босикомъ, не въ порядкѣ, не въ приборѣ, все разбросано кругомъ. Всюду соръ, всякій вздоръ, для хозяйки позоръ. Эдакъ домъ не сберешь и концовъ не сведешь.

Если любить кто трудиться, вправѣ тотъ и отдохнуть, погулять и порѣзвиться, да и въ книжку заглянуть. Что за стыдъ! какъ не знать ни читать, ни писать? Я и книжку прочту, да и счетъ подведу.

Станемъ дружно мы трудиться и другъ другу помогать! Надо многому учиться, чтобы что-нибудь да знать. На другихъ погляжу, да свой умъ приложу; и чего не смогу, то я въ книжкѣ найду.

Не страшна работѣ бѣдность! Кто работаетъ, тотъ сытъ; кто къ труду имѣетъ ревность, Богъ того благословитъ. Будемъ шить, будемъ мыть, будемъ деньгу копить! И себѣ сберегу, и роднымъ помогу.

Одоевскій.

Загадка.

1. Штучка одноручка, носочекъ стальной, а хвостъ льняной.
2. На ямкѣ, ямкѣ, сто ямъ съ ямкой.

2. Пословицы о трудолюбіи и праздности.

Богъ труды любить. Кто работаетъ, тому Богъ помогаетъ. Трудъ человѣка кормитъ, а лѣнь портитъ. Когда станешь лѣниться, будешь съ сумой волочиться. Лѣнь добра не дѣлаетъ, безъ соли обѣдаетъ. Кто лѣнивъ, тотъ и сонливъ. Праздность есть мать пороковъ. Праздный живетъ, только небо копитъ. Гулявши много съ молоду, умрешь подъ старость съ голоду. Игра игрою, а дѣло дѣломъ. Дѣлу время, а потѣхѣ часъ. Маленькое дѣло лучше большаго бездѣлья.

* 8. Задача для смѣтливыхъ дѣтей.

пастушка, Василій и Пётръ, возвращаясь вечеромъ домой, съ своимъ маленькимъ стадомъ, встрѣтились и стали разговаривать. Василій, посмотрѣвъ на овецъ Петра, сказалъ: «Знаешь ли ты, что я тебѣ предложу: отдай ты мнѣ одну изъ твоихъ овецъ, такъ у меня будетъ стадо ровно вдвое числомъ противъ твоего».

твоего.» Пётръ посмотрѣлъ на овецъ, немножко подумалъ и отвѣчалъ: «Нѣтъ, Вася, я же предложу тебѣ лучше и справедливѣе, отдай ты мнѣ одну изъ твоихъ овецъ, такъ у насъ будетъ поровну: никому не завидно.»

Теперь вопросъ: сколько у каждаго было овецъ?

* 9. Какъ писать котенокъ.

Былъ дождливый день, и Ваня долженъ былъ оставаться дома; кромѣ того ему нужно было приготовить къ классу письменный урокъ. Но ему лучше хотѣлось скакать по комнатѣ, шумѣть и щёлкать кнутомъ, чѣмъ заниматься дѣломъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Но вотъ его «поди!» и «держи правѣй!» услышала мать, и велѣла приняться за работу. Ваня же, не будучи расположенъ писать, началъ плакать и выдумывать различныя отговорки: и чернила густы, и перо брызгаетъ, и нѣтъ больше бумаги, и Богъ вѣсть! какія ещё причины мѣшали ему работать. Но всё это не помогло; онъ долженъ былъ сѣсть за письменный столъ, взять бумагу и начать писать. Однако не долго онъ занимался; скоро сталъ онъ зѣвать, задумался и наконецъ заснулъ. Мать все это замѣтила, но покачала только головой и оставила его въ покоѣ.

Въ это время съ печки прыгнулъ котёнокъ и сталъ бѣгать по комнатѣ. По стульямъ онъ взобрался и на столъ; тутъ онъ обнюхалъ перо, взялъ его въ зубы и сталъ усердно танцевать по столу. Но — о Боже! лапочка его попадаетъ въ чернильницу. И этой лапкой онъ выводитъ на бумагѣ Вани самыя замысловатыя фигуры; никакой живописецъ не придумалъ бы такихъ узоровъ. Наконецъ, сбавивъ своё дѣло, котёнокъ соскочилъ со стола и пошёлъ чистить запачканную лапку. Спустя нѣсколько времени Ваня просыпается, протираетъ глаза, смотритъ на бумагу и не можетъ надивиться, а потомъ начинаетъ плакать и жаловаться, что кто-то подшутилъ надъ нимъ, запачкавъ чернилами и бумагу его, и руки.

«Напрасно ты жалуешься», сказала ему со смѣхомъ мать, «тебѣ не хотѣлось писать урокъ, такъ за тебя написала его котёнокъ.»

Загадка.

Серву воматому голову, выну сердце, дамъ пить, станеть сорить.

* 10. Завтра.

Завтра, завтра, не сегодня! такъ лѣнивцы говорятъ: завтра — всё я дѣлать радъ, хоть въ день праздника Господня! А сегодня отдохну. Завтра свой урокъ начну, завтра не хочу лѣниться, завтра надобно трудиться; нынче лучше поиграть, завтра — трудъ свой докончатъ. Вотъ сужденіе какое! Для чего же не теперь? Завтра сдѣлаешь другое, нынче это сдѣлай; вѣрь, что на каждый день есть дѣло. Что поспѣло, то созрѣло; что ты сдѣлалъ, то съ концомъ вижу я, и поздравляю. А что сдѣлаешь потомъ, я, дружекъ, ещё не знаю. Если кто нейдѣтъ впередъ, то назадъ идѣтъ навѣрно; день за днёмъ вся жизнь пройдётъ невозвратно и мгновенно. Быстро каждый часъ летитъ, далѣ, далѣ время мчитъ! То лишь наше, что имѣемъ, и своимъ назвать лишь смѣемъ настоящій только часъ; будущій — сокрытъ отъ насъ. Каждымъ часомъ настоящимъ въ жизни пользоваться знай, мигомъ дорожи летящимъ, завтраму не довѣрай!

11. Пословицы о пользѣ ученія и знанія.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Ученье красота, а неученье сухота. Ученье атаманъ, а неученье комаръ. Ученье лучше богатства. Ученье въ счастіи украшаетъ, а при несчастіи утѣшаетъ. Учись доброму, такъ худое на умъ не поидеть. Корень ученья горекъ, да плодъ сладокъ. Повторенье мать ученья. Чему съ молодю не научился, того и подъ старость не будешь знать. Къ мягкому воску печать, а юну человѣку ученье. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. За ученаго двухъ неученыхъ даютъ. Азбука къ мудрости ступенька. Кто грамотъ гораздъ, тому не пропасть. Наука не бука, она не страшаетъ, а мракъ незнанья отгоняетъ. Не на пользу книги читать, когда только верхки съ нихъ хватать. Знай больше, да говори меньше. Много будешь знать, такъ скоро состаришься.

12. Письма гимназиста къ роднымъ.

Почтенные родители, папенька и маменька!

Я весьма радъ, что узналъ о вождѣлѣнномъ здоровіи вашихъ. Я поставилъ для себя первымъ долгомъ и первымъ удовольствіемъ молить Бога о сохраненіи безцѣннаго для меня здоровія вашихъ.

Вакаціи быстро приближаются; я не успѣлъ еще окончить всего: слѣдовательно нужно заняться во время вакацій, чтобы съ честью во второй классъ. Учитель математики мнѣ обходимъ. Если вы будете въ Полтавѣ сами скоро, то я увѣренъ, что все устроите для моей пользы.

Цѣлуя безцѣнные ручки ваши, имѣю честь быть съ сыновнимъ
моимъ къ вамъ высокопочтеніемъ

вашъ послушный сынъ

Н. Г.

Полтава.

— Мая 1829 г.

Дражайшая бабушка!

Извините меня въ томъ, что долгое время не могъ писать къ
вамъ, дражайшая бабушка. Покорно васъ благодарю, что вы при-
слали гостинецъ мнѣ. Отъ всего сердца желаю вамъ благополучія
и долготѣйшей жизни, при чемъ остаюся

вашъ покорный внукъ

Н. Г.

Полтава.

1820 г.

П. П. Пришлите мнѣ, дражайшая бабушка, погребецъ; я
кушу для него приборъ. Обрадуйте папеньку и маменьку, что я
успѣлъ въ наукахъ, т. е. въ томъ, что проходитъ въ первомъ
классѣ гимназій, и учитель мною доволенъ. Прошу поцѣловать за
меня няню и сестрицъ моихъ.

Милая сестрица!

Благодарю тебя, другъ мой, за твою приписочку и за воспо-
минаніе частое обо мнѣ. Я не знаю только, почему ты думаешь,
какъ о несбыточной вещи, о нашемъ свиданіи. Вѣрь, милый
другъ мой, что мы непременно увидимся съ тобою, и раньше,
нежели ты думаешь. Если только я буду имѣть возможность при-
ѣхать домой на свой счётъ, не доставя вамъ никакихъ издержекъ,
то первымъ моимъ долгомъ будетъ — поблагодарить васъ лично за
ваши великодушныя пожертвованія для меня. Не могу тебѣ объ-
яснить, какъ я радъ счастію милой и доброй сестрицы нашей
Александры Федоровны. Отъ всей души желаю ей продолженія его
на всю жизнь. Она его достойна по своей доброй, кроткой и пре-
красной душѣ. Подарокъ твой, моя милая сестрица, я всегда буду
носить на себѣ, если тебѣ только вздумается прислать его.

Цѣлую несчетно моихъ прелестныхъ сестрицъ и горю нетерпѣ-
ніемъ видѣть ихъ. Бабушкамъ, дѣдушкѣ, всѣмъ родственникамъ,
знакомымъ и всѣмъ, кто только помнитъ обо мнѣ; поклонъ!

Загадки.

1. Я молча говорю издалека съ тобою; не слышу, не смотрю,
но то, что видѣли и слышали, — открою.
2. Бѣлое поле, черное сѣмя; кто его сѣетъ тотъ и разумѣетъ.

* 13. Ключокъ ваты.

Маленькая Оля сидѣла у окна съ своею матерью и шила халатъ въ подарокъ отцу ко дню его рожденія. Мать, пользуясь этимъ временемъ, чтобы внушить дочери своей то, что важнѣе всякаго рукодѣлья, рассказывала ей о премудрости и благодати Божіей, какъ всё созданное Богомъ имѣетъ свою цѣль и ничто на свѣтѣ не пропадаетъ даромъ. Наконецъ халатъ былъ готовъ; отъ него остался маленькій ключекъ ваты. Оля не знала, что съ нимъ дѣлать, и такъ какъ она не смѣла оставлять обрѣзковъ въ комнатѣ, то выбросила его за окно, сказавъ при этомъ: «милая маменька, съ этимъ кусочкомъ ваты, я думаю, и Богъ не будетъ знать, что дѣлать, потому что, не правда ли, Богу не нужно ни халатовъ, ни ваточныхъ одѣялъ?» — Конечно, возразила мать; но всё же этотъ ключекъ не пропадѣтъ даромъ. Если мы и не знаемъ, на что онъ пригодится, но онъ непременно къ чему-нибудь да послужитъ. — «Но мнѣ бы хотѣлось знать, къ чему именно онъ послужитъ», сказала Оля, поглядывая изъ окна. Вдругъ подулъ вѣтерокъ и понёсъ ключекъ ваты; Оля смотрѣла ему вслѣдъ. Вотъ подлетѣлъ воробей и, кажется, очень обрадовался, увидя ключекъ ваты, — схватилъ его носикомъ и полетѣлъ съ нимъ. Между тѣмъ налетѣло еще нѣсколько воробьевъ съ громкимъ чиликаньемъ; они подоспѣли сзади: каждый щипнулъ себѣ по ключечку ваты и полетѣлъ съ нимъ прочь. Забавно было смотрѣть на нихъ. — «Что же воробьи будутъ дѣлать съ ватою?» спросила Оля. — Они отнесутъ её къ себѣ въ гнѣздо, чтобъ ихъ малюткамъ было тепло. Вѣдь я говорила тебѣ, что каждая вещь въ мірѣ на что-нибудь да полезна. Вотъ теперь изъ маленькаго ключка ваты вышло не одно, а много покрываль, — конечно не для людей, но вѣдь и птички также созданія Божіи.

14. Канарейка.

У маленькой Лизы была канарейка, которая пѣла съ утра до вечера и была чрезвычайно красива. Дѣвочка очень любила её и усердно ходила за нею, давала ей сѣмя и зелень, а иногда выпрашивала для ней у матери и кусочекъ сахару, и всякій день ставила ей свѣжую воду.

Но вдругъ птичка начала скучать, и въ одно утро, когда Лиза принесла ей воды, она лежала мёртвая въ клѣткѣ.

Малютка подняла громкій, жалобный вопль и горько плакала

о любимой птичкѣ. Чтобъ утѣшить её, мать купила другую канарейку, которая была еще красивѣе и такъ же прекрасно пѣла, какъ и та, и посадила её въ прежнюю клѣтку.

Но дѣвочка, какъ скоро увидѣла птичку, ещё болѣе начала плакать. Мать очень удивилась и сказала: «Дитя моё! что же ты всё плачешь и такъ печалишься? Твои слёзы не воскресятъ умершей птички, и у тебя же есть теперь другая, которая нисколько не хуже той!»

— Ахъ, маменька! сказала дитя: я худо обращалась съ канарейкой и не всё для нея дѣлала, что должна была.

«Милая Лиза», сказала мать, «ты такъ много всегда заботилась объ ней.»

— Ахъ, нѣтъ! отвѣчало дитя: еще не задолго до ея смерти я не отнесла ей, а съѣла сама кусочекъ сахару, который ты дала мнѣ для нея. Такъ говорило дитя съ смущеннымъ сердцемъ.

Мать не смѣялась надъ слезами малютки. Она узнала и почтила священный голосъ истины въ сердцѣ дитяти.

* 15. Чувство любви сильнѣе боли.

Мальчикъ, бѣжа черезъ улицу, попалъ подъ колесо роспусковъ, которое переломило ему ногу. Когда его принесли домой стонущаго, больная мать отъ испугу соскочила съ постели и упала въ обморокъ. Мальчикъ, видя это, тотчасъ пріостановилъ свой стонъ, и въ продолженіе всего времени, какъ ему вправляли и перевязывали ногу, не испустилъ ни одного звука, который бы обнаружилъ его страданіе. «Да развѣ тебѣ не больно?» спросилъ наконецъ костоправъ. — О, очень! отвѣчалъ мальчикъ шепотомъ; но я не хочу, чтобъ маменька знала объ этомъ: она слишкомъ сгорчается.

* 16. Доброе сердце.

Наканунѣ Троицына дня Вася, сынъ богатаго помѣщика, игралъ на дворѣ съ крестьянскимъ мальчикомъ, своимъ ровесникомъ, когда вышедшій слуга позвалъ его обѣдать.

«Приходи опять!» сказалъ ему мальчикъ: «я тебя подожду здѣсь».

— А ты развѣ не пойдешь обѣдать? спросилъ его Вася.

«Я? нѣтъ... мы не обѣдаемъ, отвѣчалъ тотъ, вздохнувши.

Вася вошёлъ въ комнату и, бросившись на шею отцу, сказалъ:
«Папенька, сколько будетъ стоить платье, которое вы обѣщали
купить мнѣ на праздники?»

— Рублей тридцать. А что?

«Да я хотѣлъ... милый папенька, не разсердитесь только: я
хотѣлъ васъ попросить, вмѣсто этого платья, подарить мнѣ трид-
цать рублей.»

Отецъ согласился; и читатели мои, вѣроятно, уже угадали, что
сдѣлалъ Вася съ этими деньгами.

* 17. Золотые орѣхи.

Наканунѣ Рождества Христова дѣти стояли воеругъ ёлки, зеле-
нѣющія вѣтви которой изукрашены были множествомъ зажженныхъ
свѣчъ и разноцвѣтныхъ вещицъ. Маленькой Леночкѣ болѣе всего
бросались въ глаза золотые орѣхи, и она стала просить ихъ. «Эти
орѣхи только украшаютъ деревцо», сказала мать, «пускай они
висятъ. Вотъ тебѣ другіе орѣхи.» Но Леночка начала плакать.
«Не хочу я тѣмныхъ орѣховъ», кричала она, «а хочу золотыхъ;
у нихъ вѣрно вкуснѣе ядро.» Мать подумала, что нѣтъ лучшаго
наказанія для упрямыхъ дѣтей, какъ исполнить ихъ прихоть; по-
этому она дала Леночкѣ золотые орѣхи, а прочіе раздала другимъ
дѣтямъ. Леночка очень обрадовалась и съ нетерпѣніемъ стала ихъ
расколочивать. Но какова же была ея досада, когда она увидѣла,
что они всѣ пустые. Всѣ дѣти стали смѣяться надъ нею. «Эти
орѣхи», сказалъ отецъ, «повѣшены только для виду, а не для
того, чтобъ ихъ кушать. Они сдѣланы изъ пустыхъ чашечекъ орѣ-
ховой скорлупы, которыя я склеилъ и позолотилъ.»

Загадки.

1. Росло, повыросло, изъ куста повылѣзло, по рукамъ пока-
тилось, на зубахъ очутилось.

2. Маленько, кругленько, въ серѣдкѣ бѣленько, и горько и
сладко и маслянисто.

* 18. Смышленная мышка.

Вышла мышка изъ своей щели и увидѣла ловушку. «Ага!»
сказала она, тутъ стоитъ ловушка! Какіе, право, хитрецы эти
люди! Подпираютъ тяжѣлый кирпичъ тремя палочками и къ одной
изъ нихъ прицѣпляютъ кусочекъ сала. И это они называютъ мы-

шеловкой. Просто бѣда! еслибъ наша братія была менѣ смышлена. Но мы знаемъ: какъ только дотронешься до сала, бухъ! кирпичъ упадетъ и убьетъ до смерти. Нѣтъ, нѣтъ, меня на этомъ не проведешь!

«Но», продолжала мышка послѣ нѣкотораго молчанія, «понюхать бы, кажется, можно. Отъ этого кирпичъ вѣдь ещё не упадетъ. А я очень, очень люблю запахъ сала. Дай, понюхаю немножко!» Она подбѣжала къ ловушкѣ; но едва коснулся сала, какъ кирпичъ — хлопъ! — упалъ и раздавилъ неводержную умницу.

Загадка.

Подъ поломъ, поломъ — ходить барыня съ коломъ.

* 19. Молодая муха.

Молодая муха сидѣла съ матерью на очагѣ, недалеко отъ котла, въ которомъ кипѣла вода.

Старая муха должна была отлучиться отъ дочери и, улетаая, сказала ей, чтобъ она не оставляла своего мѣста.

«А почему, матушка?» спросила любопытная дочь.

— Я боюсь, отвѣчала старая муха, чтобъ ты не подлетѣла къ этому кипящему колодцу (такъ называла она котелокъ съ водою).

А это почему же?»

— Ты упадешь въ него и потонешь.

«Какъ это можетъ статься?»

— Причины сказать тебѣ не могу; однако я ещё не видала, чтобъ муха, подлетѣвши къ такому колодцу, не упала въ него и не утонула.

Сказавши это, старая муха улетѣла.

Дочь, оставшись одна, разсуждала сама съ собою: какъ чудны старики! — Они всего боятся. Для чего мнѣ не позволить себѣ этого невиннаго удовольствія, чтобъ пролетѣть раза два надъ этимъ колодцемъ. У меня есть уже столько ума, чтобъ остерегаться. Что матушка ни говори, однако я отъ скуки полетаю немного надъ колодцемъ. Посмотримъ, какъ-то я упаду!

Лишь только подлетѣла она къ котелку, какъ паръ лишилъ её чувствъ, и она упала въ кипящую воду и — сварилась.

Загадка.

Надъ нами вверхъ ногами: ходять, не страшатся и никого не боятся.

20. ПѢТУХЪ, КОТЬ И МЫШЕНОКЪ.

Мышёнокъ, не выдавши свѣта, попалъ было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней рассказывалъ въ семьѣ своей: «Оставя нашу нору и перебравшись черезъ гору, границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать, какъ молодой мышёнокъ, который хочетъ показать, что онъ ужъ не ребенокъ. Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ: какіе звѣри самъ не зналъ. Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ, такъ миловиденъ былъ собою! Другой — нахалъ, крикунъ, теперь лишь будто съ бою; весь въ перьяхъ: у него косматый, крюкомъ хвостъ, надъ самымъ лбомъ дрожить наростъ какой-то, огненного цвѣта, и будто двѣ руки, служащи для полета; онъ ими такъ махалъ и такъ ужасно горло дралъ, что я хоть и не трусь, а подавай Богъ ноги — скорѣе отъ него съ дороги. Какъ больно! Безъ него я вѣрно бы въ другомъ нашелъ наставника и друга. Въ глазахъ его была написана услуга; какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ! съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры смиренны, кроткіе но полные огня! Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня; головка пестрая, и вдоль спины узоры; а уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу, что у него должна быть симпатія съ нами, высокогородными мышами.» — «А я тебѣ на то скажу», мышёнка мать остановила, «что этотъ доброхотъ, котораго тебя наружность такъ прельстила, смиренникъ этотъ — котъ! Подъ видомъ кротости онъ врагъ нашъ, злой губитель; другой же былъ пѣтухъ, миролюбивый житель. Не только отъ него не видимъ мы вреда иль огорченья, но самъ онъ пицей намъ бываетъ иногда. Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.

И. Дмитриевъ.

* 21. Три золотыя рыбки.

Одинъ добрый человекъ имѣлъ у себя три маленькія рыбки, пригожія собою, и чешуйка на нихъ была будто золотая. Онъ пустилъ ихъ въ чистый прудокъ и любовался ими, смотря на ихъ свободу.

Часто онъ садился на берегу прудка и бросалъ хлѣбный мякишъ въ воду; тогда прекрасныя рыбки приплывали и ѣли мякишъ. Въ это время онъ имъ всегда говаривалъ: «рыбки, рыбки! берегитесь двухъ вещей, если хотите жить всегда такъ счастливо, какъ вы теперь живёте: не ходите сквозь рѣшетку изъ этого ма-

ленькаго въ большой, смежный съ нимъ прудъ, и не плавайте поверхъ воды, когда меня здѣсь нѣтъ».

Но рыбки словъ его не разумѣли. Тогда этотъ добрый человекъ самъ въ себѣ подумалъ: ужъ я имъ это какъ-нибудь растолкую; и сталъ подлѣ рѣшетки. Какъ скоро которая-нибудь изъ нихъ приходила туда и хотѣла проплыть сквозь рѣшетку, то онъ хлопалъ по водѣ, чтобъ она опять ушла на дно. Теперь вѣрно онѣ меня поняли, думалъ онъ, и пошелъ домой.

Тогда три пригоженькія рыбки сплылись вмѣстѣ, и качаютъ головками, и не могутъ понять, для чего этотъ добрый человекъ не хочетъ, чтобъ онѣ сквозь рѣшетку въ большой прудъ и поверхъ воды плавали. «Самъ онъ ходитъ по верху», сказала одна изъ нихъ, «для чего же намъ не всплывать иногда кверху?» — «И для чего быть здѣсь взаперти?» сказала другая: «что намъ сдѣлается, если мы на часокъ выйдемъ погулять въ большой прудъ?» — «Конечно это злой человекъ», повторила первая: «онъ насъ не любитъ и не хочетъ, чтобъ мы жили весело.» — «Я на него не посмотрю», примолвила вторая, «и пойду себѣ, погуляю въ большомъ пруду.» — «А я», сказала опять первая «всплыву между тѣмъ наверхъ и тамъ на солнышкѣ поиграю.»

Но третья золотая рыбка была благоразумнѣе ихъ и такъ размышляла: «Добрый этотъ человекъ конечно имѣетъ какія-нибудь причины намъ то запрещать. По всему видно, что онъ насъ любитъ. Зачѣмъ бы ему приносить намъ такъ часто хлѣбный мякишъ и радоваться, глядя, какъ мы ѣдимъ? Нѣтъ, онъ конечно не злой человекъ; и я все то буду дѣлать, что ему угодно, хотя сама и не знаю, для чего онъ этого хочетъ.»

Такимъ образомъ добренькая эта рыбка осталась на днѣ пруда, а другія пошли и исполнили, что сказали. Одна проплыла сквозь рѣшетку въ большой прудъ, а другая всплыла поверхъ воды, играла на солнышкѣ, и обѣ онѣ смѣялись надъ третьею сестрою своею, что она къ нимъ пристать не хотѣла.

Но что случилось? Лишь только первая рыбка вошла въ большой прудъ, то бросилась на нее щука и проглотила ее. А другую увидѣла чайка, спустилась, схватила ее въ когти и понесла клевать.

Осталась только третья рыбка. Добродушный хозяинъ радовался, найдя ее столь послушною, и приносилъ ей каждое утро самый лучшій кормъ.

22. Ложный стыдъ.

- Здравствуй, Лиза!
- Здравствуйте, Иванъ Петровичъ.
- Почему ты вчера не остановилась, когда я тебя звалъ?
- Ахъ, да вѣдь съ вами шли двѣ женщины.
- Ну, такъ что же? развѣ ты сдѣлалась нелюдимкою?
- О, нѣтъ!.... Я торопилась.
- Ну, на одну минуту-то ты бы могла остановиться.
- Да.... но я несла кувшинъ съ водой, и потому стыдилась.
- Вотъ тебѣ на! Ты смѣшишь. Такъ по твоему стыдно носить воду?
- Да — нести на улицѣ.
- На что же у насъ руки? Работать вовсе не стыдно; а стыдно то, что теперь многія дѣвушки стыдятся работать.
- Но вѣдь носить воду прилично только служанкамъ.
- А развѣ ты не знаешь, гдѣ и какъ встрѣтилъ Авраамъ Ревекку?
- Знаю очень хорошо: онъ встрѣтилъ её, когда она несла на плечахъ своихъ ведро съ водой.
- Да, она несла на плечахъ ведро и, почерпнувъ имъ воды, дала напиться рабамъ Авраама.
- А также и верблюдамъ.
- Вотъ видишь ли! А ея отецъ былъ очень богатый человекъ, которому служили сотни рабовъ; да и сама Ревекка имѣла много рабынь. Кому же, какъ не ей, можно было оставаться праздною и требовать услуги отъ другихъ?
- Да, вы правы, Иванъ Петровичъ; я не буду больше этого стыдиться.
- И хорошо сдѣлаешь, потому что это *ложный* стыдъ. И онъ можетъ дойти до того, что наконецъ дочь не захочетъ подать стаканъ воды больной матерп; вѣдь и это, пожалуй, можетъ показаться неприличнымъ.

23. Скуча.

Андрей. Что ты вчера дѣлалъ, Коля?

Коля. Я ужасно скучалъ.

Андр. Скучалъ? Но какъ же можно скучать?

Коля. Я былъ совершенно одинъ.

Андр. Значить — ты самъ виновать, что тебя мучить скука когда остаешься одинъ на одинъ съ собой.

Коля. Что же мнѣ дѣлать, чтобъ убить время, когда я остаюсь одинъ?

Андр. Зачѣмъ убивать время, драгоценное время? Вмѣстѣ съ временемъ убивается и жизнь. Время поэтому слѣдуетъ не убивать, а употреблять, какъ можно, благоразумнѣе. Жизнь наша и безъ того очень коротка.

Коля. Да иногда время тянется слишкомъ медленно.

Андр. Такъ, конечно; но это оттого, что мы не умѣемъ употреблять его на дѣло.

Коля. Но скажи, пожалуй-ста, что мнѣ дѣлать, когда я одинъ сижу дома и ни къ чему не расположенъ?

Андр. Займись какою-нибудь работою.

Коля. Такъ; но если у меня нѣтъ охоты заниматься?

Андр. Всѣ зависитъ отъ начала; начни только, какъ можно, бодрѣе, какъ будто тебѣ непременно нужно сдѣлать известную работу. Сначала конечно она пойдетъ не лучше игры на разстроенномъ инструментѣ. Но это ничего! Не теряй только бодрости! Чѣмъ дольше будешь трудиться, тѣмъ лучше будетъ казаться тебѣ твоя работа, и тѣмъ успѣшнѣе будетъ она совершаться; время пролетитъ быстро и незамѣтно для тебя, и душа твоя снова просвѣтится и прояснѣетъ.

Коля. Попробую послѣдовать твоему совѣту.

Андр. Скука — это злой духъ, подобный тому, который нѣкогда мучилъ царя Саула. Его можно прогнать только трудомъ и прилежаніемъ.

24. Для чего нужны деньги.

Сельскій учитель замѣтилъ въ одномъ уже довольно взросломъ мальчикѣ необыкновенную любовь къ деньгамъ. Этотъ мальчикъ часто говорилъ, что у его родителей много денегъ, и что у него самого столько и столько; онъ часто въ школѣ вынималъ деньги и показывалъ ихъ другимъ; наконецъ молодой скряга началъ то то, то другое продавать и, продавая, обманывать. Видно было, что онъ готовъ былъ продать все за деньги, которые цѣнилъ выше всего.

Въ одинъ день, когда не было ученья въ школѣ, учитель пригласилъ къ себѣ мальчика утромъ и пошелъ съ нимъ гулять

по полямъ и лѣсамъ, по холмамъ и долинамъ. Въ полдень сѣли они подъ деревомъ немного отдохнуть. «Я ѣсть хочу», сказалъ мальчикъ. — Здѣсь ничего нѣтъ, отвѣчалъ учитель: пойдемъ дальше.

Было около пяти часовъ вечера, когда они подошли къ стоявшей у дороги часовнѣ, у которой сидѣлъ нищій и просилъ милостыни. Старикъ протянулъ свою шляпу, въ которой было нѣсколько кусковъ хлѣба. Учитель, подавая нищему грошь и посмотрѣвъ на мальчика, спросилъ: «а ты ничего не дашь бѣдному?»

— Я готовъ отдать ему всё мои деньги, если онъ дастъ мнѣ кусокъ хлѣба.

При этихъ словахъ бѣднякъ немедленно подалъ ему свою шляпу говоря: «возьми, если ты голоденъ. Бери, сколько хочешь, я не возьму за это ничего; я знаю, что такое голодь!» У мальчика навернулись слезы на глазахъ; и какъ ни былъ онъ голоденъ, но отъ стыда не захотѣлъ ѣсть.

Послѣ этого учитель съ своимъ ученикомъ поворотилъ домой, Онъ шелъ нѣсколько времени, не говоря ни слова, наконецъ сказалъ: «Ты теперь видишь, для чего нужны деньги. Что тебѣ пользы въ нихъ, когда онѣ лежатъ въ твоей шкатулкѣ или карманѣ? Вѣдь ты не можешь ихъ ѣсть, когда ты голоденъ. Сейчасъ ты хотѣлъ было отдать всё свои деньги за кусокъ хлѣба. Нищій ихъ не взялъ и, изъ состраданія къ тебѣ, предложилъ тебѣ свой хлѣбъ даромъ. Можешь ли ты послѣ этого быть жестокосердымъ къ бѣднымъ и терпящимъ нужду? Голодь причиняетъ страшную муку. Тебѣ часто представляется случай, когда ты можешь избавить людей отъ голода, если не будешь скупъ. — Скупъ тотъ, кто не пользуется тѣмъ, что онъ имѣетъ, но постоянно старается умножать свое имущество, жадничаетъ, все хотеть взять одному себѣ. Скупые люди противны Богу и людямъ.»

Мальчикъ былъ тронутъ и хотѣлъ было всё свои деньги отдать учителю, съ тѣмъ, чтобы онъ употребилъ ихъ на доброе дѣло; но учитель не взялъ денегъ и сказалъ: «Нѣтъ, ты самъ употреби ихъ на добро, и смотри всегда на деньги, какъ на средство дѣлать добро.»

23. Много желать, добра не видать.

Если вы привыкнете къ простой жизни, то не узнаете самой ужасной болѣзни: неизвѣренности въ желаніяхъ. Если вы зна-

ете, что вамъ немного надобно, чтобъ быть сытыми, что все получается молитвою и терпѣнiемъ, то вѣрно не измучитесь надъ пустыми и несбыточными желанiями. Желайте только того, что вамъ полезно, — а много желать, добра не видать, говорить по-словаца.

26. Сострадательная Наташа.

Мать. Куда ты дѣвала свои дѣньги?

Наташа. Я ихъ отдала, маменька.

Мать. Кому?

Наташа. Одному шалуну мальчику.

Мать. Небось для того, чтобы онъ не шалилъ впередъ?

Наташа. Да, маменька, чтобъ онъ не шалилъ впередъ. Не правда ли, вѣдь птички принадлежать Богу?

Мать. Какъ и мы, другъ мой, и всѣ прочія существа, которыя сотворены Богомъ.

Наташа. А этотъ мальчикъ унесъ у Бога птичку и хотѣлъ ее продать. Она такъ жалобно плакала, а онъ ей все носикъ зажималъ: онъ вѣрно боялся, что Богъ услышитъ крикъ птички и накажетъ его.

Мать. Что же ты сдѣлала?

Наташа. Я дала мальчику деньги, а птичку пустила на волю. Вѣдь это Богу приятно?

Мать. Конечно ему приятно, что ты была сострадательна.

Наташа. Можетъ быть, мальчикъ сдѣлалъ это изъ нужды.

Мать. Я тоже такъ думаю.

Наташа (сестрѣ Лизѣ). Тѣмъ лучше, что я отдала ему всѣ деньги.

Лиза (матери). Маменька, у насъ споръ. Наташа отдала мальчику всѣ свои деньги, не спросивъ его, чего онъ за птичку хочетъ; а я говорю ей, что этого не должно было дѣлать.

Наташа. Кто изъ насъ правъ, маменька?

Мать. Ты не совсѣмъ права, душа моя. Ну, еслибъ послѣ того попался тебѣ другой мальчикъ съ такою же птичкою, а у тебя не было бы болѣе денегъ?

Наташа. Тогда бы я къ тебѣ пришла, милая маменька.

Мать. А если бы и у меня не было денегъ?

Наташа. Ну, тогда....

Мать. Надобно быть бережливымъ, для того, чтобы можно было дѣлать болѣе добра. Тебѣ бы, во всякомъ случаѣ, слѣдовало по-

710055

1871

торговаться съ мальчикомъ; но еслибъ онъ не захотѣлъ уступить дешевле, то дѣло другое. Какая же эта была птица?

Наташа. Я не спросила, маменька. Вѣдь ты же сама говорила мнѣ, что не должно справляться объ имени, когда дѣлаешь добро не такъ ли?

Мать (улыбаясь и цѣлуя Наташу). Такъ, такъ, другъ мой.

Наташа. И еслибъ ты видѣла! птичка отъ радости почти не могла летать; но я взяла съ мальчика обѣщаніе, чтобъ онъ ее болѣе не ловилъ.

Мать. Ты очень хорошо сдѣлала. Вотъ тебѣ опять деньги.

Наташа. Благодарю, милая маменька.

Мать (цѣлуя ее). Будь всегда такъ сострадательна и добра, и Богъ тебя благословитъ.

* 27. Костя и жукъ.

«Точка! кончено!» сказалъ Костя самодовольно, приготовивъ всѣ свои уроки къ слѣдующему дню: «теперь можно пойти поиграть на свѣжемъ воздухѣ.» Сказано, сдѣлано; убравъ тетради и книги, онъ побѣжалъ въ садъ и прямо къ тому мѣсту, гдѣ росла молодая яблоня, которую ему подарилъ отецъ. Вдругъ онъ увидѣлъ на ней чѣрнаго жука, который взбирался вверхъ по стволу. «Ахъ, ты злодѣй!» воскликнулъ Костя въ сердцахъ: «вотъ я тебѣ дамъ, портить моѣ деревцо!» Схвативъ жука, онъ привязалъ его за ножку къ ниткѣ, которую досталъ изъ кармана, и пошелъ тѣшиться надъ нимъ. Бѣдный жукъ всячески пытался уйти, но напрасно: нитка не пускала; наконецъ онъ сталъ летать, но Костя вдругъ такъ сильно дернулъ за нитеу, что оторвалъ ножку, и жукъ упалъ на землю. Тогда мальчику послышался голосъ — жука? нѣтъ, заговорило его собственное сердце, какъ бы отъ имени жука: «подумай, что еслибъ я былъ на твоёмъ мѣстѣ, а ты на моёмъ, и тебѣ захотѣлось бы ѣсть, а я сталъ бы мучить тебя за то, что ты ищешь себѣ пицци. Каково бы тебѣ было? И еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ больно, ахъ, какъ больно!»

Костя тотчасъ же оставилъ жука въ покоѣ и ушелъ; но веселость его исчезла.

* 28. Четыре стихіи.

«Я хочу быть садовникомъ», говорилъ пятнадцатилѣтній Финнъ, желая избрать себѣ ремесло: «пріятно жить посреди зелени

и душистыхъ цвѣтовъ! — Но чрезъ нѣсколько времени онъ возвратился домой, жалуюсь, что долженъ безпрестанно нагибаться и ползать по землѣ: у него заболѣли и спина, и колѣни. Тогда Филиппъ задумалъ сдѣлаться охотникомъ. «Въ лѣсу — говорилъ онъ — жить очень хорошо. Но скоро и эту ему опротивѣло: онъ не могъ снотить свѣжести утренняго воздуха, то сырого, то холоднаго или туманнаго; сѣверный вѣтеръ рѣзко дулъ ему въ лицо. Тогда задумалъ онъ сдѣлаться рыбакомъ: «Разъѣзжать въ лодкѣ по чистой и прозрачной рѣкѣ, и вытаскивать сѣти, наполненные рыбой, — какъ это весело!» Но и это занятіе ему скоро не понравилось. «На водѣ очень сыро, говорилъ нашъ рыбакъ, а это нездорово.» Наконецъ онъ рѣшился быть поваромъ. По его мнѣнію, садовникъ, охотникъ и рыбакъ должны доставлять повару плоды своихъ трудовъ; у повара же никогда не бываетъ недостатка въ лакомомъ кускѣ. Однако онъ скоро сталъ опять жаловаться своему отцу. «Все бы хорошо — еслибъ не огонь, говорилъ онъ: «но когда я стою передъ пылающей печкой, то мнѣ кажется, что я растаю отъ жару.» Тогда отецъ строго сказалъ ему: «Ты никогда и ничѣмъ не доволенъ. Что сначала тебѣ нравится, къ тому поспѣ ты чувствуешь отвращеніе. Если ты не можешь привыкнуть ни къ водѣ, ни къ воздуху, ни къ землѣ, ни къ огню, то тебѣ трудно жить на свѣтѣ, ты всегда найдешь, на что жаловаться. Теперь ты останешься при своемъ послѣднемъ занятіи.»

* 29. Двѣ яблони.

У одного садовника было два сына, почти однолѣтки. Въ маѣ мѣсяцѣ подарилъ онъ имъ по яблонѣ. Деревья эти были одинаковаго роста, одинаковаго сорта, и хотя стояли на разныхъ концахъ сада, но оба роскошно расцвѣли въ одно время. «Дѣти мои, сказалъ садовникъ, дарю вамъ эти деревья; отъ васъ будетъ зависеть содержать ихъ въ одинаковомъ порядкѣ; но предупреждаю, что много предстоитъ вамъ труда и заботы.» Старшій сынъ, прилежный и благоразумный мальчикъ, обрадованный отцовскимъ подаркомъ, принялся за него съ должнымъ стараніемъ. Очистивъ деревцо отъ гусеницъ, онъ привязалъ его къ шести, взрыхлилъ вокругъ землю, чтобы влага удобнѣе доходила до корней, однимъ словомъ, употребилъ всѣ мѣры для его воспитанія. Меньшой же,

лѣнивый и невнимательный, совершенно позабылъ о своей яблонѣ, и вспомнилъ о ней только въ сентябрѣ, когда вездѣ въ садахъ начали собирать яблоки. Прибѣжавъ къ деревцу, онъ не нашёлъ на нёмъ ни одного яблочка: одну часть плодовъ гусеницы съѣли ещё въ зародышѣ, другую обило вѣтромъ. Опечаленный, пошёлъ онъ посмотрѣть на яблоню брата, и остановился въ недоумѣніи. Деревцо значительно выросло, а прекрасныя, большія яблоки виднѣлись издалека. Видъ этотъ огорчилъ его, возбудилъ зависть, и мальчикъ побѣжалъ жаловаться отцу. «Папенька, сказалъ онъ, зачѣмъ вы подарили брату хорошее и плодovitое дерево, а мнѣ гадкое и бесплодное?» — «Обоимъ вамъ я подарилъ по одинаковой яблонѣ», отвѣчалъ отецъ: «но братъ твой умѣлъ ходить за своею, а ты лѣнился и не обращалъ на свою вниманія. Каковъ трудъ, такъ и вознагражденіе.»

30. Садовыя деревья.

Въ одно прекрасное весеннее утро господинъ Бобровъ пошёлъ съ своимъ сыномъ, Петрушею, въ садъ, гдѣ они оба разсматривали деревья и цвѣты, на которыхъ еще блистала роса.

«Отчего это дерево стоитъ такъ прямо, а то совершенно криво?» спросилъ Петруша своего отца.

«Оттого, сынъ мой», отвѣчалъ отецъ, «что за этимъ деревомъ смотрѣли: его обрѣзывали и привязывали къ тычинкѣ, чтобъ оно росло прямо; а то росло безъ всякаго присмотра, по своей волѣ.»

«А почему эти цвѣты уже такъ хорошо цвѣтутъ, а тѣ даже не имѣютъ ни одной почки?» спросилъ Петръ.

— «А потому, что за этими имѣютъ присмотръ и хожденіе, т. е. ихъ полютъ и поливаютъ; а за другими и не смотрятъ.»

«Слѣдовательно отъ этого много зависитъ? сказалъ Петруша съ большимъ вниманіемъ.

— «Безъ сомнѣнія», отвѣчалъ отецъ. «Изъ этого ты можешь вывести для себя хорошее правило. Ты—молодое дерево, за которымъ должно ходить. Если я буду исправлять твои погрѣшности и научать тебя полезному, а ты станешь во всемъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, будешь всегда послушенъ, — то возростешь хорошо и прямо, и будешь полезнымъ человѣкомъ.»

31. Лучшее увраженіе матери.

Корнелія, дочь знаменитаго римскаго полководца Сципіона и супруга консула Семпронія, однажды находилась въ обществѣ знатныхъ римлянъ, которыя хвастались своими драгоценными камнями, золотыми украшениями и богатыми нарядами. Наконецъ онѣ и Корнелію попросили показать имъ что-нибудь изъ своихъ драгоценностей. Корнелія тотчасъ же позвала своихъ дѣтей, въ которыхъ она старалась развивать для будущей славы отечества всевозможныя добрыя качества. Указавъ на нихъ, она сказала: «вотъ вамъ мои наряды, мое украшеніе, мои драгоценности!»

32. Съ пользою употребленныя деньги.

Одинъ прилежный столяръ, при всѣхъ своихъ хорошихъ работахъ, жилъ весьма умѣренно. Онъ довольствовался самою умѣренною пищею, носилъ простое платье, а также и дѣтей своихъ одѣвалъ въ небогатое, но опрятное платье.

«Куда ты дѣваешь свои деньги?» спросилъ его однажды сосѣдь его, токарь.

— «Частию я уплачиваю свой долгъ», отвѣчалъ столяръ, «а частию отдаю въ процентъ».

«И, помилуй, Семень!» вскричалъ товарищъ: «у тебя, сколько я знаю, нѣтъ ни долговъ, ни капитала въ процентахъ!»

— «То и другое есть», возразилъ столяръ. «Вотъ я тебѣ растолкую. Деньги, которыя я отдаю своимъ престарѣлымъ родителямъ, считаю уплачиваемымъ долгомъ, а которыя употребляю на воспитаніе своихъ дѣтей, считаю капиталомъ, съ котораго проценты уже получаю; когда же доживу до старости, а дѣти мои придутъ въ возрастъ, то получу и весь капиталъ, ибо надѣюсь, что мои дѣти въ состояніи будутъ заплатить мнѣ свой долгъ. Какъ мои родители ничего не жалѣли для моего воспитанія, такъ и я ничего не жалѣю для своихъ дѣтей; какъ я считаю обязанностію вознаграждать моихъ родителей за всѣ ихъ ко мнѣ благодѣянія, такъ и отъ своихъ дѣтей надѣюсь получить нѣкогда вознагражденіе.

Загадки.

1. Молоткомъ побьютъ — и намъ дадутъ.
2. Кругленько, бѣленько, всему свѣту миленько.

33. Велиководушная дочь.

Въ Китаѣ есть древній законъ, по которому должно отрубить руки тому, кто уличенъ будетъ въ какомъ-либо обманѣ. Одинъ мандаринъ заслужилъ эту казнь, и когда уже хотѣли ее совершить надъ нимъ, то дочь его приняла на себя оправдать отца своего. Представили ее государю. «Великій монархъ!» сказала она: «отецъ мой по справедливости заслужилъ наказаніе и долженъ лишиться рукъ своихъ. Вотъ онъ!» примолвила она, поднявъ свои руки. «эти руки, великій государь, принадлежатъ моему несчастному отцу: Онъ не способенъ доставлять пропитаніе его семейству; и такъ онъ подвергаетъ ихъ строгости законовъ, дабы сохранить тѣ, которыми можетъ пропитать себя и свое семейство.» Императоръ былъ тронуть такою дѣтскою любовью и простилъ виновнаго.

34. Пословицы о любви и послушаніи.

Кто кого любитъ, тотъ того и слушаетъ. Гдѣ любовь, тамъ угожденіе; гдѣ же страхъ, тамъ принужденіе. Любовь братская лучше каменныхъ стѣнъ. Смиренье дѣвушкѣ ожерелье. Кто отца и матери не слушаетъ, тотъ послушается телячей кожи. Тѣ счастливы дѣти, отъ коихъ отецъ и мать радость могутъ имѣти. Покорному дитяти все кстати. Добрый сынъ всему свѣту завидище. Дѣтки хороши — отцу, матери вѣнецъ; худы — отцу, матери — конецъ.

35. Глушому сыну не въ помощь богатство.

Пословица говоритъ: глушому сыну въ не помощь богатство Отчего же? Оттого, друзья мои, что богатство требуетъ такъ же ума, разсѣтливости, оборотовъ; а глупецъ умѣетъ только лѣниться, праздновать и бросать деньги. А деньги счѣтъ любятъ; деньгамъ счѣтъ, хлѣбу мѣра, говоритъ пословица. Глушечка этого не знаетъ: ему кажется, что его богатство никогда не переве-
дется.

Надобно, чтобъ наши расходы не были выше доходовъ; надобно безпрестанно повѣрять себя: такъ ли мы употребляемъ деньги, какъ должно? Точно ли нужны намъ тѣ вещи, которыя мы купили? Бѣда, бѣда, если забудемъ это правило! Много богатыхъ сынеювъ пошло по міру оттого только, что они не сами считали свои деньги и покупали все безъ разбору. Объ нихъ есть и пословица: щеголялъ много съ молодю, а подъ старость умираетъ съ голоду.

36. Домашніе совѣтники.

Скажите, любезный сосѣдъ, какъ вы дѣлаете, что у васъ такъ хорошо все устроено въ хозяйствѣ и такой порядокъ въ домѣ? И

мы также хлопочемъ, стараемся, толкуемъ о томъ, чтобъ и у насъ хорошо шло, но все какъ-то не ладится. — Вотъ видите ли, отвѣчалъ сосѣдъ, я бы и самъ не зналъ, отчего это происходитъ, еслибъ у меня не было трехъ домашнихъ совѣтниковъ: имъ обязанъ я всѣмъ этимъ. — Домашнимъ совѣтникамъ? Кто же они? — Дворовая собака, пѣтухъ и кошка. — Вы шутите? — Ничего. Видите ли, когда воръ подкрадывается къ моему дому — собака лаетъ; это значить: не зѣвай, смотри! Когда начинается свѣтать — поетъ пѣтухъ; это значить: вставай! Когда приближается дорогой гость — кошка умывается; это значить: приготовься угостить его. — А! понимаю, сосѣдъ, что вы хотите этимъ сказать. Это значить, что для домашняго благоустройства необходимы три качества: *заботливость*, чтобы предупредить все вредное для насъ, — *длительность* во всемъ полезномъ и *радужие* къ тѣмъ, которые добротны и привѣтливы. — Я очень радъ, что вы меня такъ понимаете; своихъ же домашнихъ совѣтниковъ хвалю я за то, что они напоминаютъ мнѣ во всякое время, что должно дѣлать, иначе я легко могъ бы позабыть объ этомъ.

37. Десять правилъ для жизни.

Джефферсонъ, бывший президентъ Соединенныхъ штатовъ (умершій въ 1826 году), написалъ въ письмѣ къ своему тезкѣ, Томасу Джефферсону-Смиту, десять слѣдующихъ правилъ для жизни:

1. Никогда не откладывай до завтра того, что ты можешь сдѣлать сегодня.
2. Никогда не утруждай другихъ тѣмъ, что ты самъ можешь сдѣлать.
3. Никогда не расточай денегъ своихъ прежде, нежели получишь ихъ.
4. Никогда не покупай бесполезныхъ вещей потому только, что онѣ дешевы.
5. Гордость дороже намъ обходится, нежели голодь, жажда и холодъ.
6. Никогда не случится человѣку раскаяваться въ томъ, что мало вѣлъ.
7. Никогда не бываетъ трудно то, что дѣлается охотно.

8. Какъ часто испытываемъ мы только въ воображеніи то страданіе, которое въ дѣйствительности никогда не наступаетъ для насъ.

9. Смотри на все съ хорошей стороны.

10. Если случится тебѣ разсердиться на что-нибудь, то прежде, нежели начнешь говорить, просчитай до десяти; если же случится очень разсердиться, то считай до ста.

38. Дѣтство Франклина.

Интересно узнать нѣкоторыя подробности дѣтства и юности изобрѣтателя громовыхъ отводовъ. Вся жизнь этого великаго человѣка есть образецъ добродѣтели, мудрости, неутомимыхъ трудовъ и желанія блага ближнимъ; но первые годы его въ особенности содержатъ въ себѣ много полезныхъ уроковъ: они могутъ приготовить къ тѣмъ обязанностямъ, которыя возлагаются на человѣка обществомъ, когда онъ достигаетъ совершеннаго возраста.

Веніаминъ Франклинъ, столь много содѣйствовавшій успѣхамъ просвѣщенія въ Америкѣ, родился въ 1706 году въ Новой Англій, въ городѣ Бостонѣ. Семейство его было многочисленно, бѣдно, но честно и трудолюбиво. Отецъ его, простой ламповщикъ, думалъ, что изъ этого ребенка, такъ же какъ изъ братьевъ его, выйдетъ скромный фабрикантъ; но замѣченная имъ въ маленькомъ Веніаминѣ охота къ чтенію и наукамъ вскорѣ подала ему мысль посвятить его духовному званію. Для этого отдалъ онъ его въ школу, когда ему было только восемь лѣтъ. Спустя нѣсколько времени оказалось, что воспитаніе его стоитъ слишкомъ дорого, и отецъ, полагая, что сыну его совсѣмъ не нужно такое блестящее образованіе, чтобъ быть хорошимъ ремесленникомъ, взялъ его изъ этой школы и помѣстилъ въ другую, гдѣ учили только читать и писать. И такъ Франклинъ очень мало былъ обязанъ учителямъ за свое воспитаніе, потому что всему остальному выучился самъ собою. Вышедши изъ школы, онъ принялся за ремесло отца; но по страсти своей къ наукамъ не могъ оказывать въ немъ никакихъ успѣховъ. Въ свободное время онъ занимался чтеніемъ, и успѣлъ прочитать всѣ книги отцовской бібліотеки и тѣ, которыя могъ покупать на собственные деньги. Благоразумный отецъ не хотѣлъ противиться наклонностямъ его и, чтобы упрочить его состояніе, рѣшился наконецъ опредѣлить его въ типо-

графію: у него уже былъ тамъ одинъ сынъ, и потому ничего не стоило отдать туда же въ ученіе молодого Веніамина. Хотя ему было тогда не болѣе 12-ти лѣтъ, однако въ короткое время онъ оказаль удивительные успѣхи въ новомъ занятіи. Тутъ ему уже не трудно было доставать книги отъ прикащиковъ тѣхъ книгопродавцевъ, съ которыми онъ имѣлъ сношеніе по своей должности. Всего болѣе любилъ онъ читать путешествія, исторію и все, что только входило въ составъ общепользныхъ знаній.

Иногда въ числѣ прочихъ книгъ случалось ему находить стихотворенія; они возбудили въ нашемъ маленькомъ типографчикѣ желаніе, свойственное многимъ молодымъ людямъ, тоже сочинять стихи. Онъ написалъ двѣ пѣсни, которыя братъ его напечаталь. Одна изъ нихъ, какъ кажется, имѣла успѣхъ; это польстило самолюбію молодого Франклина, и, можетъ быть, онъ потерялъ бы еще много времени на пустое занятіе — писать плохіе стихи, еслибъ отецъ не показалъ ему всѣхъ недостатковъ его сочиненія и тѣмъ самымъ не спасъ отъ несчастія остаться навсегда дурнымъ поэтомъ, т. е. самымъ бесполезнымъ существомъ въ мірѣ. Этого не довольно: впоследствии отецъ оказалъ ему еще другую услугу. У Франклина былъ другъ по имени Коллинсъ, съ которымъ онъ велъ спорную переписку. Молодой типографчикъ отличался умомъ и правописаніемъ; противникъ его щеголеватостію оборотовъ и выборомъ выраженій. Отецъ Франклина замѣтилъ ему недостатки его и превосходство предъ нимъ соперника; Веніаминъ почувствовалъ всю справедливость этихъ замѣчаній и далъ себѣ обѣщаніе приобрѣсть то, чего не доставало.

Воздержность Франклина въ пищѣ и удовольствіяхъ доставляла ему возможность копить деньги на покупку книгъ, которыхъ онъ не могъ доставать отъ своихъ пріятелей и которыя составляли для него единственное средство образованія. Онъ всегда такъ благоразумно распредѣлялъ свое время, что должность его въ типографіи нисколько не мѣшала страсти къ чтенію. Такимъ образомъ одинъ, безъ всякой другой помощи, кромѣ книгъ и прилежанія, онъ приобрѣталь познанія въ наукахъ, которыя предназначено было ему впоследствии усовершенствовать.

Таково было дѣтство этого знаменитаго мужа, который впоследствии возвысился между учеными, занималь первыя должности въ государствѣ и былъ избираемъ защитникомъ выгодъ и правъ своего отечества передъ другими націями. Таково было воспитаніе Франк-

лина, который хотя и сдѣлался однимъ изъ правителей государства, однако не переставалъ трудиться въ пользу народного образованія.

II. ИЗЪ ГОРОДСКОГО БЫТА.

39. Усталость маятника.

Старые стѣнные часы, находившіеся болѣе двадцати лѣтъ въ дортуарѣ одного пансіона, ни разу доголѣ ни на что не пожаловались, въ одно зимнее утро совершенно неожиданно остановились. Открытое, румяное лицо циферблата вдругъ какъ будто окаменѣло, стрѣлки съ уныніемъ опустились, и колеса, къ немалому своему удивленію, перестали придирааться другъ къ другу... Захваченныя въ распахъ обморокомъ, составныя части часовъ имѣли однако же довольно еще жизни, чтобы ссориться между собою и сваливать вину другъ на друга.

«Молчать, господа!» повелительно вскрикнулъ циферблатъ: «разберемъ дѣло обстоятельно, и тогда доищемся, кто виноватъ.»

У маятника совѣсть была не чиста; съ другой стороны онъ, какъ добрякъ, не умѣлъ лукавить. «Что таить грѣхъ», со вздохомъ сказалъ онъ, «я всему виноватъ; я первый остановился. Если же вы спросите, почему я такъ поступилъ, то говорю на прямикъ, мнѣ стало наконецъ не въ мочь качаться направо и налево; усталъ: совѣсьмъ выбился изъ силъ; воля ваша, товарищи, не стану болѣе работать.»

— «Ахъ ты безсовѣстный, грубіянь! лѣнтяй ты этакій! отвѣтилъ циферблатъ: «еще смѣешь говорить при всемъ почтенномъ собраніи, что онъ не станетъ работать. Какъ это у тебя языкъ повернулся на такую дерзость?»

«Хорошо тебѣ говорить про дерзость да про лѣнь другихъ! Ты выбралъ себѣ видное и спокойное мѣсто; у тебя только и дѣла, что смотрѣть, вынуча глаза, на всѣхъ. Поставь-ка себя на мое мѣсто; подумай, каково мнѣ болтаться всю жизнь въ темномъ ящикѣ, похожемъ на гробъ!»

— «Что за бѣда, что ты висешь въ ящикѣ? Да притомъ же не ври: тебѣ совѣсьмъ не темно; вѣдь въ ящикѣ прорѣзано око-

печко. Смотри и ты на коге хочешь, и съ кѣмъ угодно перемигивайся!»

«Окно-то есть въ моей квартирѣ», продолжалъ со вздохомъ маятникъ, «да некогда мнѣ смотрѣть въ него: чтобы видѣть то, на что смотришь, надобно остановиться хоть на минуту у окна, а ты же мнѣ теперь простить не можешь, что я остановился. Впрочемъ, упреки твои ни къ чему не служатъ: не стану болѣе работать, — усталъ; пора и на покой.»

— «Отчего же ты именно сегодня остановился — послѣ безпорочной двадцатидвухлѣтней службы?» прошипѣли въ одинъ голосъ колеса.

«Оттого, что умныя мысли обыкновенно приходятъ поздно въ голову. Вѣдь и у меня есть голова; хоть она плоская и свѣшена книзу, но все же голова. Я сталъ считать, сколько разъ мнѣ приходится покачнуться въ теченіе однѣхъ сутокъ, и насчиталъ.»

— «Восемьдесятъ шесть тысячъ четыреста разъ», подхватили проворныя стрѣлки, всю жизнь имѣвшія дѣло съ цифрами.

«Именно столько», продолжалъ маятникъ. «Какъ вамъ кажется? Мало этого, чтобы утомить хоть кого угодно? И когда я потомъ помножилъ сумму суточныхъ моихъ качаній на число дней въ году, то мною овладѣло невольное уныніе. Подумалъ, подумалъ я, да и сталъ.»

Всмыслчивый, полнокровный циферблатъ хотѣлъ было въ прахъ разбранить маятникъ, но счелъ за нужное сдержать себя, и поддѣльно-спокойнымъ, притворно-ласковымъ голосомъ произнесъ:

— «Многоуважаемый г. маятникъ! Я, право, не могу понять какъ, бывъ доселѣ образцомъ благонамѣренности и смиреннаго трудолюбія, ты сегодня невпопадъ заумничалъ и, вмѣсто того чтобы дѣйствовать, сталъ мѣрять да вычислять свои труды. — Если бы всѣ, сидя надъ работою, только думали, а не работали сами, то мертвый застой смѣнилъ бы пылѣющую животрепещущую безконечно разнообразную дѣятельность. Непривлекательна дѣнь со стороны, и сама себя наказываетъ она скукою. Но оставимъ разсужденія. Не откажись исполнить одну просьбу — сдѣлай полдюжины качаній.»

«Полдюжины — изволь: это не трудно.» И согласившись на просьбу циферблата, маятникъ качнулся трижды направо и налево.

— «Утомили ли тебя эти движенія?»

ало

«Нимало, отвѣчалъ маятникъ: «шесть разъ покачнуться —

равно, что ничего: но шестьсот, шесть тысяч, шесть миллионъ разъ, это другое дѣло.»

— «Хорошо. Разсуди однако же: въ теченіе одной полусекунды ты можешь конечно подумать о миллионѣ качаній, но всетаки не болѣе двухъ разъ покачнешься ты въ секунду.»

«Что же отсюда слѣдуетъ?»

— «А отсюда слѣдуетъ то, что, не вычисляя предстоящаго миллиона качаній, качайся спокойно по два раза въ секунду, тогда и самъ не заметишь своей работы: такъ легка, она будетъ для тебя.»

«И въ самомъ дѣлѣ! Мнѣ не пришла эта мысль въ голову», вскрикнулъ добрякъ. «Ну, господа, къ дѣлу! вниманіе! Разъ! два! три!» И маятникъ пустился по прежнему летать направо и налево; колеса толкнули подъ бока другъ друга и пошли дружно вертѣться на осяхъ своихъ; стрѣлки принялись указывать на цифры, и циферблатова физіономія оживилась по прежнему, осмыслилась. Черезъ тридцать минутъ часы пробили 7, и дежурный гувернеръ сталъ будить воспитанниковъ.

З а г а д к и.

1. Кто всегда идетъ впередъ, не трогаясь съ мѣста?
2. Стучить, бречить, вертѣться, ходить весь вѣкъ, а не чело-вѣкъ.

40. Соловей и чижъ.

Былъ домъ, гдѣ подъ окномъ и чижъ и соловей висѣли и пѣли. Липъ только соловей, бывало, запоетъ, сынъ маленькій отцу проходу не даетъ: все птичку показать къ нему онъ приступаетъ, что такъ хорошо поетъ. Отецъ, обоихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ. «Ну, говорить, узнай, мой свѣтъ, которая тебя такъ много забавляетъ.» Тотчасъ на чижику мальчишка указалъ. «Вотъ, батюшка, она!» сказалъ; и мальчикъ отъ чижа въ великомъ восхищеніи: «какія перышки! куда какъ онъ пригожъ! затѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!»

Мелницеръ.

41. Котъ и поварь.

Какой-то поварь, грамотѣй, съ поварни побѣжалъ своей въ баню (онъ въ этотъ день по кумѣ тризну правил), а дома сте-не въ свѣтное отъ мышей кота оставилъ. Но что же, возвратясь,

онъ видѣть? На полу объѣдки пирога; а Васька котъ въ углу прижавъ за укусынымъ боченкомъ, мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.

«Ахъ, ты обжора! ахъ, злодѣй!» тутъ Ваську поваръ укоряетъ: не стыдно-ль стѣнъ тебѣ, не только что людей? (А Васька все-таки курченка убираетъ.) Какъ! бивъ честнымъ котомъ до этихъ поръ, бывало; за примѣръ тебя смиренства важутъ, а ты — ахти! какой позоръ! Теперь всѣ сосѣди скажутъ: котъ Васька плутъ, котъ Васька воръ! и Ваську-де не только что въ поварню, пускать не надо и на дворъ, какъ волка жаднаго въ овчарню: онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣсть!» (А Васька слушаетъ, да ѣсть.)

Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью, не находилъ конца правоученью. Но что-жь? Пока его онъ пѣлъ, котъ Васька все жаркое съѣлъ.

Крыловъ.

42. Пословицы изъ повседневной жизни.

Порядокъ душа всякаго дѣла. Гдѣ работаютъ, тамъ и густо; а въ лѣнивомъ домѣ пусто. Хозяйкою все стоитъ. Береженье лучше вороженья. Приказывай слугѣ, да дѣлай самъ, такъ и дѣлу ладъ. Одинъ рабъ двумъ господамъ не служить. Всякій человекъ у дѣла познается. Не говори, что не могу, — говори, что не хочу. Мѣсто человека не просвѣщаетъ, но человекъ мѣсто. Съ поклономъ голова не болитъ. За честное обхожденье всегда получишь почтенье. Начинаячи дѣло, о концѣ размышляй. Людскихъ рѣчей не переслушаешь. Худой солдатъ, который не надѣется быть генераломъ. Скажи, съ кѣмъ ты другъ, а я скажу, кто ты таковъ. Шапочное знакомство не пойдетъ въ потомство. Доброе братство лучше богатства. Новыхъ друзей наживай, а старыхъ не забывай. Старый другъ лучше новыхъ двухъ. Другъ познается въ несчастіи.

43. Прохожіе и собаки.

Шли два пріятеля вечернею порою, и дѣльный разговоръ вели между собой, какъ вдругъ изъ подворотни дворянска тѣкнула на нихъ; за ней другая, тутъ еще двѣ-три, и въ мигъ со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалось съ полсотни. Одинъ было уже прохожіи камень взялъ. — «И, полно, братецъ!» тутъ другой ему сказалъ: «собакъ ты не уймешь отъ лаю; лишь пуще всю раздрѣшь; иди стаю; пойдемъ впередъ, я ихъ натуру лучше знаю. И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять, собаки начали помалу затихать, и стало наконецъ совсѣмъ ихъ не слышать.

Крыловъ.

Загадка.

Собой не пита, пить не поеть; кто къ хозяишу идетъ, она знать дастъ.

44. Зимнее утро въ столицѣ.

Встаётъ купецъ, идётъ разнощикъ; на биржу тинется извощикъ; съ кувшиномъ охтенка спѣшить, подъ ней снѣгъ утренній хруститъ. Проснулся утра шумъ пріятный; открыты ставни; трубный дымъ столбомъ восходитъ голубымъ, и хлѣбникъ, пѣмецъ акуратный, въ бумажномъ колпакѣ, не разъ ужъ отворялъ свой васисдасъ.

Пушкинъ.

45. Стрѣлка часовая.

Когда-то стрѣлка часовая на башнѣ городской, свои достоинства счисля, расхвасталась собой, и прочимъ часовымъ частямъ, въ пренебреженъе, — не должно-ль, говорить, имѣть ко мнѣ почтенъе? Всему я городу служу какъ бы въ законъ; все, что ни дѣлають, по мнѣ располагають: по мнѣ работають, по мнѣ и отдыхаютъ; по мнѣ чрезъ колокольный звонъ къ молитвѣ даже созываютъ; и только часъ я покажу, какъ будто прикажу. Да я-жъ стою домовъ всѣхъ выше, весь городъ подо мной; всѣмъ видима и всѣхъ я вижу подъ собой! А вы что значите? кто видите васъ?

— «Постой, нельзя ли какъ-нибудь потише, и слово дать и намъ сказать», другія части отвѣчали: «знай, что когда-бъ не мы тобою управляли, тебя бы ни во что считали; важна ты нами, не собой.»

Хемницеръ.

46. Строитель.

Что можешь начинать теперь и начинать старайся; лишь настоящему ты вѣрь, на завтрае не полагайся.

Построить нѣкто дожъ желать, и нужные къ тому собирать припасы сталъ: и собралъ ужъ не мало. Построить долго ли? лиха бѣда начало. Проходить день за днемъ, за годомъ годъ идетъ, а все строешь пить; все намъ строитель отлагаетъ строенье до другого дни. Внезапно смерть пришла: строитель оставляетъ припасы лишь одни.

Хемницеръ.

* 47. Два работника.

Одинъ работникъ долженъ былъ для постройки дома носить камни, между которыми былъ одинъ весьма большой. Работникъ

не трогалъ этого камня, а носилъ сперва маленькіе, думая, что и послѣ можетъ перенести его. Наконецъ дошла очередь и до большого камня; но работникъ уже такъ усталъ, нося маленькіе камни, что не въ состояніи былъ поднять его. Дѣлать было нечего: онъ долженъ былъ оставить большой камень на мѣстѣ и лишиться нѣкоторой части платы, за которую уговорился переносить всѣ камни.

Другой работникъ долженъ былъ исправить такую же работу. Онъ началъ съ самаго большого камня; и зная, что ему непременно надобно перенести его, перенёсъ не случая, хотя и съ немалымъ трудомъ. Исполнивъ это, онъ ещё съ большею охотою принялся за маленькіе камни. Работа казалась ему легка, потому что онъ самое трудное уже сдѣлалъ, и кончилъ её въ надлежащее время.

48. Любопытный.

«Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?»

— «Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ; все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленія, повѣришь ли, не станеть ни умѣнья пересказать тебѣ, ни силъ. Ужъ подлинно, что тамъ чудесь палата! Куда на выдумки природа торовата! Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я ни видалъ! какія бабочки, букашки, козявки, мушки, тараканки! Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллы! Какія крохотны коровки! есть, право, менѣе булавочной головки!»

— «А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ! Я чай подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?»

— «Да развѣ тамъ онъ?»

— «Тамъ.»

— «Ну, братецъ, виновать: слона-то я и не примѣтилъ.»

Крыловъ.

49. Слонъ и москъа.

По улицамъ слона водили, какъ видно, на показъ, — извѣстно, что слоны въ диковину у насъ, — такъ за слономъ толпы звѣаеъ ходили. Отколѣ ни везьмисъ, на встрѣчу москъа имъ. Увидѣвши слона, ну на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться, ну такъ и лѣзеть въ драку съ нимъ.

«Сосѣдка, перестань срамиться!» ей шафка говорить: «тебѣ-ль съ слономъ возиться? Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ впередъ и лаю твоего совѣзмъ не примѣчаетъ.»

«Эхъ, эхъ!» ей мосьба отвѣчаетъ: «вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ, что я совсѣмъ безъ драки могу попасть въ большія забійки. Пускай же говорятъ собаки: ай, мосьба! знать она сильна что лаетъ на слона!»

Крыловъ.

* 30. Дорогая травка.

Двѣ служанки, Анна и Катерина, шли въ городъ. Каждая изъ нихъ несла на головѣ корзину съ плодами.

Анна безпрестанно ворчала и вздыхала, а Катерина смѣялась и шутила. Анна сказала: «Какъ ты можешь быть такъ весела? Вотъ твоя корзина такъ же тяжела, какъ моя, да и ты сама не сильнѣе меня!»

— Я положила въ мою корзину, отвѣчала Катерина, такую травку, которая облегчаетъ всякій трудъ.

«О это, должно быть, дорогая травка!» сказала Анна: «я желала бы также облегчить ею свою ношу. Скажи мнѣ, какъ зовутъ эту травку?»

Катерина отвѣчала: эта травка — *терпѣнне*, котораго у тебя нѣтъ.

31. Переправа черезъ рѣку.

Молодой человѣкъ, еще никогда не ѣздившій по водѣ, подошелъ къ берегу широкой и быстрой рѣки, и попросилъ лодочника перевезти его на другую сторону. Деревня, куда нужно было придти ему, лежала на другой сторонѣ, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ ошъ стоялъ; но перевозчикъ, вмѣсто того чтобы прямо ѣхать, куда хотѣлъ молодой человѣкъ, сталъ подыматься вверхъ по рѣкѣ, и давно уже миновалъ деревню. — «Куда же это ты ѣдешь, приятель?» спросилъ его юноша. — «Прямо туда, куда нужно», отвѣчалъ перевозчикъ. — «Если это называется прямо», сказалъ юноша, «то я ужъ и не знаю, что значить криво. Если мы будемъ все такъ ѣхать, то пристанемъ шаговъ за пятьсотъ отъ деревни.» — «Да, баринъ, еслибъ мы все такъ ѣхали», возразилъ перевозчикъ: «но когда мы выѣдемъ на средину рѣки, то сильное теченіе снесетъ насъ далеко внизъ. Мой покойный батюшка — дай Богъ ему царство небесное! — говаривалъ часто: хорошій перевозчикъ и добрый христіанинъ должны ставить цѣль свою повыше: одного снесетъ внизъ теченіе воды, а другого теченіе жизни.» Дѣйствительно, подъѣзжая къ другому берегу, перевозчикъ долженъ былъ употребить всѣ свои силы, чтобы не пристать ниже деревни.

32. Бѣдный Гнѣдко.

Посмотрите, посмотрите, мои друзья, — какой злой извозчикъ, какъ онъ бьетъ лошадку!... Въ самомъ дѣлѣ: она бѣжить очень плохо... Отчего-жъ это? Ахъ, бѣдный Гнѣдко, да онъ хромаеть...

Извозчикъ, извозчикъ! какъ не стыдно: вѣдь ты совсѣмъ испортишь свою лошадь; ты ее до смерти убьешь!

— «Что нуды», отвѣчаетъ извозчикъ: «ужь или мнѣ, или ей умереть, — нынче праздникъ.»

То-то и есть, что праздникъ, любезный! Ты подгулялъ, да и не посмотрѣлъ, что лошадь потеряла подковку; оттого она поскользнулась, спотыкнулась и зашибла ногу. Что мудренаго, что она не можетъ бѣжать? Она, бѣдная, что шагнетъ, то ей больно, — тутъ не побѣдяшь. А ты знаешь, что тебѣ надо будетъ платить за ее леченье, за подковку, да еще хозяинъ тебя будетъ бранить, такъ тебѣ хочется, во что бы то ни стало, выручить деньги, навести, какъ ты говоришь. Теперь же благо праздникъ, ѣзды много, платить дорого, — да бѣдная-то лошадка въ чемъ виновата? Виноватый-то ты глупый извозчикъ: зачѣмъ ты не смотрѣлъ за нею, зачѣмъ не видалъ, когда она потеряла подковку?...

Но онъ не слушаетъ насъ; онъ уже далеко. Вотъ онъ на Невѣ — и все погоняетъ бѣдную лошадь; а лошадь все спотыкается и что шагнетъ, то ей больно.

А еще ребяташки бѣгутъ за санями, да смѣются и надъ лошадкой, и надъ извозникомъ; а онъ еще больше злится и вымещаетъ свою злость на лошадабѣ.

Но скажите, сдѣлайте милость, какъ не стыдно этому толстому господину, который сидитъ въ саняхъ? какъ онъ не запретить извознику мучить бѣдную лошадку? Этотъ толстый господинъ завернулся въ шубу, нахлобучилъ на глаза шляпу и сидитъ сиднемъ, какъ ни въ чемъ не бывалый.

«А мнѣ что за дѣло», бормочетъ про себя толстый господинъ: «я спѣшу на обѣдъ, — пусть извозчикъ убьетъ свою лошадь — не моя лошадь, — мнѣ что за дѣло?»

Бѣдный Гнѣдко! какъ мнѣ жаль его! Я его давно знаю. Я помню, какъ онъ былъ еще жеребенкомъ. Тогда, бывало, по веснѣ солнце свѣтитъ, птички чиркаютъ, роса блеститъ на лужайкахъ, въ воздухѣ свѣжо и душисто; вотъ Сѣрко пашетъ землю, а нашъ жеребенокъ бѣгаетъ вокругъ матки: то подбѣжить къ ней, то отсочетъ, пѣщиплетъ молодую травку, и опять къ матери, и опять

брыкнеть, — веселая тогда была его жизнь! Вечеромъ возвратится домой, его встрѣтятъ Ванюша съ Дашею, расчешутъ его коротенькую гривку, вытрутъ соломкою... Ужъ какъ Ванюша съ Дашею любили своего жеребеночка! Бывало, вмѣсто того чтобы бѣгать безъ всякаго дѣла, они нарвутъ молодой травки, положатъ въ коробокъ и кормятъ своего жеребеночка; на ночь натаскаютъ ему подстилки, да и днемъ кусочка хлѣба не съѣдятъ, чтобы не подѣлиться съ своимъ пріятелемъ. И какъ жеребенокъ-то зналъ ихъ: бывало, издали увидитъ Ванюшу съ Дашею, пустится къ нимъ со всѣхъ ногъ, прибѣжитъ, остановится и смотритъ на нихъ, какъ собачка. Въ такой холъ подростъ нашъ жеребеночекъ, выровнялся и сталъ статною лошадкой. Вотъ отецъ Ванюши подумалъ, погадалъ: жалко такую лошадку въ соху запрячь! сведу-ка я его въ городъ, да продамъ: мнѣ за ея цѣну двухъ лошадей дадутъ. Сказано, сдѣлано: свели Гнѣдко на конную, въ Петербургъ, продали извознику. А ужъ какъ плакали Ванюша съ Дашею, какъ они упрашивали извозника беречь ихъ Гнѣдко, не заставлятъ его возить тяжести, не мучить его... Они возвратились домой очень печальныя, чего-то имъ не доставало; отецъ радовался, что получилъ за Гнѣдко хорошія деньги, — дѣти же горько плакали.

Но въ этихъ разговорахъ мы прошли почти всю набережную... Посмотрите! что это тамъ столпился народъ?... Подойдемъ!

Ахъ! это нашъ бѣдный Гнѣдко! Посмотрите: онъ упалъ и не можетъ болѣе встать, — прохожіе помогаютъ извознику поднять его; — они поднимаютъ, онъ опять упадетъ. Какъ нога у него вспухла; самъ извозникъ теперь плачетъ навзрыдь. «По дѣломъ ему!» скажете вы. Нѣтъ, не говорите этого, — онъ уже самъ видитъ свою вину и уже довольно наказанъ. Какъ онъ покажется на глаза хозяину? Да и что теперь дѣлать съ лошадыю? Оставить ее на улицѣ нельзя; сама она идти не можетъ; надо нанять другую лошадь съ санями, и на сани взвалить бѣднаго Гнѣдко. Но на это нужны деньги, — а у извозника ихъ нѣтъ: толстый господинъ разсердился, зачѣмъ лошадь упала, и не заплатилъ ничего... Бѣдный Гнѣдко! онъ не можетъ пошевелинуться, зарылъ голову въ снѣгъ, тяжело дышетъ и поводитъ глазами, какъ бы требуя помощи; бѣдный! онъ не можетъ даже кричать, потому что лошади не кричатъ, какъ бы жестоко ни страдали. «Злой извозникъ! зачѣмъ ты такъ измучилъ бѣднаго Гнѣдко?» — Но перестанемъ упрекать его, хотя снѣгъ и много виноватъ; а лучше дадимъ ему денегъ: пусть онъ найметъ товарища свести Гнѣдко на квартиру!

да прибавимъ совѣтъ: впередъ не ѣздить на хромои лошади и не требовать отъ больной, чтобы она бѣжала, какъ здоровая. X

Одесскій.

53. Бутлерь.

Англичанинъ Бутлерь, извѣстный по своему остроумію, заѣхалъ однажды осенью въ одинъ трактиръ, гдѣ уже было много гостей, которые сидѣли вокругъ топившагося камина и разговаривали между собою, не обращая вниманія на прибывшаго незнакомца, который дрожалъ отъ холоду.

«Эй! человекъ! вскричалъ Бутлерь, отнеси моей лошади блюдо устриць.»

Четверку овса, хотѣли вы сказать, сударь, отвѣчалъ слуга.

«Я знаю, что говорю, возразилъ Бутлерь съ гнѣвомъ: не овса а устриць дай моей лошади.»

Слуга пошелъ, и гости, сидѣвшіе около камина, оставляли комнату одинъ за другимъ, желая видѣть чудную лошадь, которая бѣла устриць. Между тѣмъ Бутлерь садится къ камину и грѣется.

Вскорѣ послѣ этого слуга возвращается, а съ нимъ вмѣстѣ являются и любопытные гости.

— Милостивый государь, сказалъ первый, ваша лошадь не бѣсть устриць. — «Не бѣсть? повторилъ Бутлерь, ну, такъ насыпь ей овса; а устрицы подай мнѣ, ужъ я справлюсь съ ними.» X

54. Шетинное добродушіе.

Одна крестьянка въ Стразбургѣ несла корзину съ яицами для продажи. Вдругъ откуда взялись два маленькіе шалуна, опрокинули корзинку и съ хохотомъ убѣжали прочь. Видя это, другой мальчикъ, сжавъ кулаки, погнался за ними; они ужъ было струсили. Но вдругъ мальчикъ остановился и, какъ бы задумавшись, повернулъ назадъ и побѣжалъ домой. Между тѣмъ крестьянка стояла и плакала надъ разбитыми яицами. Вдругъ она видитъ предъ собою маленькую руку, которая высыпаетъ ей въ передникъ всѣ деньги изъ копилки, — эта рука была та самая, которая за нѣсколько минутъ въ негодованіи сжимала свой кулакъ, — и прежде чѣмъ крестьянка успѣла поблагодарить, маленькій благодѣтель исчезъ изъ виду. X

35. Нищія.

И вечерней, и ранней порою много старцевъ и вдовъ и сиротъ подь окошками ходить съ сумою, Христа ради на помощь зоветь. Надѣваетъ ли сумку неволя, неохота ли взяться за трудъ: тяжела и горька твоя доля, безпріютный, оборванный людъ! — Не откажутъ тебѣ въ подаяны, не умрешь ты безъ крова зимой жалъ разумное Божье создаше — человекъ въ грязи и съ сумой!

Пикитинг.

36. Вѣрное средство разбогатѣть.

Лѣтомъ 1791-го года, когда я еще былъ студентомъ, — рассказываетъ одинъ французскій писатель, — я каждое воскресенье отправлялся пѣшкомъ въ Версаль, гдѣ жила моя матушка. У самой заставы въ то время постоянно находился нищій, дѣтина рослый и молодой, но на видъ хилый и болѣзненный; низкіе поклонь его и жалобный возгласъ: «Подайте милостыню, Христа ради!» издали уже обращали на него вниманіе прохожихъ. Антонъ (такъ звали этого нищаго) получалъ отъ меня всякій разъ два су.

Однажды, въ одно время со мною, къ заставѣ подошелъ очень небольшого роста, сухощавый господинъ. Услышавъ кликъ нищаго онъ остановился, посмотрѣлъ на него, и послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ ему:

«Ты, братецъ, на взглядъ кажешься человекомъ не глупымъ да и работать еще можешь, а занимаешься такимъ гадкимъ промысломъ! Хочешь ли, я тебя научу, какъ сдѣлаться богачомъ?»

Антонъ разсмѣялся, и я также.

«Смѣйся, любезный, сколько угодно», возразилъ маленький господинъ добродушно, «только послушайся моего совѣта, и ты, право, не будешь раскаяваться въ этомъ. Вотъ тебѣ примѣръ: я былъ точно такимъ же бѣднякомъ, какъ и ты; но, вмѣсто того чтобы просить милостыни, я ходилъ съ сумой по городамъ и селамъ собирать — не подаліе, а старья тряпки, которыя я находилъ въ мусорныхъ кучахъ, или же даромъ получалъ отъ добрыхъ людей. Эти тряпки я продавалъ бумажнымъ фабрикантамъ, и въ одинъ годъ приобрѣлъ столько денегъ, что могъ завести себѣ тележку и осла для перевозки моего товара, который я съ тѣхъ поръ уже не брать даромъ, а покупаю. По истеченіи семи лѣтъ у меня было десять тысячъ франковъ наличными деньгами, и тогда

одинъ бумажный фабрикантъ принялъ меня къ себѣ въ товарищи. Я былъ молодъ, дѣтеленъ и бережливъ, и вотъ у меня теперь два каменныхъ дома въ Парижѣ; а фабрику свою я уступилъ сыну, котораго съ малолѣтства приучалъ къ трудолюбію и устойчивости. Послѣдуй моему примѣру, и ты будешь такъ же богатъ какъ и я.» Съ этими словами маленькій господинъ сталъ поспѣшно продолжать свой путь; а Антонъ до того углубился въ размышленіе, что безъ всякаго вниманія пропустилъ двухъ проходившихъ мимо него дамъ.

Въ 1815 году, будучи мимоѣздомъ въ Брюсселѣ, я однажды вошелъ въ книжный магазинъ. За прилавкомъ, у конторки, стоялъ видный и довольно красивый мужчина, который давалъ различные приказанія нѣсколькимъ прикащикамъ. Лицо его мнѣ показалось знакомымъ; но я не могъ припомнить, гдѣ именно я его видѣлъ. Взглянувъ пристально на меня, онъ послѣ нѣкотораго размышленія подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Мы, кажется, знакомы.... позвольте спросить, не ходили ли вы двадцать пять лѣтъ тому назадъ по воскресеньямъ въ Версаль?» — Антонъ! воскликнулъ я, удивленный. «Да, я дѣйствительно тотъ самый Антонъ.... и вы видите, что маленькій господинъ былъ правъ: неутомимая дѣятельность и бережливость лучшія средства для приобрѣтенія богатства. Благодаря его совѣту, я теперь хозяинъ этого магазина.»

* 37. Сапожные гвозди.

Старикъ Павелъ работалъ въ кузницѣ такъ усердно, что искры градомъ сыпались подъ ударами его молотка. Сынъ богатаго дворянина Броуна, жившаго по сосѣдству, часто приходилъ къ Павлу и смотрѣлъ по цѣлымъ часамъ на его работу. — «Выучитесь сударь, для препровожденія времени, хоть дѣлать гвозди», сказалъ однажды Павелъ: «кто знаетъ? можетъ быть это вамъ когда-нибудь пригодится.»

Празднѣй молодой человекъ, для шутки, согласился на предложеніе. Смѣясь, онъ сталъ передъ наковальнею, и черезъ нѣсколько времени сдѣлалъ въ новомъ для него искусствѣ такіе успѣхи что могъ довольно легко выковывать хорошіе сапожные гвозди.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, война лишила дворянина Броуна всего его имѣнія и принудила его оставить отечество. Онъ скрылся въ отдаленной деревнѣ. Тамъ жило множество сапож-

никовъ, которые покупали сапожные гвозди въ сосѣднемъ городѣ, но въ это время они не находили ихъ въ достаточномъ количествѣ, потому что должны были изготовить для арміи нѣсколько тысячъ паръ сапогъ. Тутъ молодой Броунъ вспомнилъ, что онъ выучился дѣлать сапожные гвозди. Онъ предложилъ сапожникамъ доставлять имъ большое количество гвоздей, если только они согласятся выстроить для него мастерскую. Они охотно согласились, и съ тѣхъ поръ онъ жилъ спокойно и безъ нужды.

Загадки.

1. Мы какъ арапы чернотой, ростъ одинакій, небольшой, а защищаемся гвоздями, и неразлучными друзьями по городу гуляемъ съ вами.

2. Хожу на головѣ, хотя и на ногахъ; хожу я босикомъ, хотя и въ сапогахъ.

38. Пословицы о нуждѣ и бѣдности.

Кто въ нуждѣ не бывалъ, тотъ ея не видалъ. Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ. Нужда и по воскреснымъ днямъ постится. Нужда послѣднюю копѣйку ребромъ. Нужда остритъ разумъ. Нужда научитъ Богу молиться. Бѣдность не порокъ. Лучшее бѣдность да честность, нежели прибыль да стыдъ. Бѣдность учить, а счастье портить. Избытка убожество ближній наслѣдникъ. Скупой богачъ бѣднѣй нищаго. Подъ толстымъ сукномъ не хуже согрѣешься, чѣмъ подъ бархатомъ. Приведи Богъ подать, не приведи Богъ примать. Коль можешь, веселись, а все на бѣдныхъ оглянись. Дающая рука не оскудѣетъ. Съ міру по ниткѣ, голому рубаха. Не проси у богатаго, проси у добраго. Дорога милостыня во время скудости.

39. Странный рецептъ.

Вѣдь, кажется, въ томъ нѣтъ ничего смѣшного, когда человѣкъ принужденъ идти въ аптеку за лекарствомъ? Но разъ какъ-то по этому поводу вышелъ довольно забавный случай. Входитъ въ аптеку человѣкъ, втаскивая съ собою огромную сосновую дверь. Аптекарь, думая, что тотъ вошелъ по ошибкѣ, кричитъ ему: «куда ты, братецъ? здѣсь аптека; а столяръ живетъ насупротивъ.» Но вошедшій преспокойно ставитъ дверь передъ аптекаремъ и, показывая на нее, отвѣчаетъ: «вотъ батюшка, приготовьте-ка лекар-

ство по этому рецепту. У меня ночью жена захворала: я и позвалъ доктора. А когда онъ хотѣлъ прописать лекарство, у меня въ домѣ не нашлось ни пера, ни бумаги. Вотъ онъ, по моему предложенію, и написалъ рецептъ мѣломъ на этой двери. Сдѣлайте одолженіе, приготовьте лекарство.»

Аптекарь посмѣялся; но долженъ былъ сознаться, что мальчикъ былъ догадливый.

60. Спена въ типографіи.

Неизвѣстный. Здѣсь напечатана эта книга?

Факторъ. Здѣсь.

Н. А продается она у васъ?

Ф. Никакъ нѣтъ; здѣсь только печатаются книги, а не продаются; извольте спросить въ книжныхъ лавкахъ.

Н. Я спрашивалъ, да ни у кого нѣтъ. Нашелъ только одинъ экземпляръ въ публичной библиотекѣ, да и тотъ не продажный.

Ф. Не мудрено, что въ пятнадцать лѣтъ вся книга разошлась.

Н. А что стоитъ напечатать вновь?

Ф. Двадцать листовъ ровно... за наборъ и напечатаніе по пятнадцати рублей съ листа — триста... бумаги три стоны на листъ хоть по три рубля... сто восемьдесятъ... четыреста восемьдесятъ рублей всего за полный заводъ, то есть за тысячу двѣсти экземпляровъ.

Н. (отдавая трехрублевую бумажку) Дай же, братецъ, сдачи и напечатай мнѣ скорѣе одинъ экземпляръ.

61. Ларчикъ.

Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ. Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза кидался; ну, всякій ларчикомъ прекраснымъ любовался.

Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ. Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ: ларецъ съ секретомъ; такъ, онъ и безъ замка; а я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ. Не смѣйтесь такъ изподтишка! Я отыщу секретъ, и ларчикъ вамъ открою; въ механикѣ и я чего-нибудь да стою.»

Вотъ за ларецъ принялся онъ: вертитъ его со всѣхъ сторонъ, и голову свою ломаетъ; то гвоздикъ, то другой, то скобку пощипываетъ. Тутъ, глядя на него, иной качаетъ головой; тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой. Въ ушахъ лишь только отдается «пе

туть, не такъ, не тамъ!» Механикъ пуще рвется. Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ усталъ, отъ ларчика отсталъ, и какъ отереть его, никакъ не догадался: а ларчикъ просто открывался.

Крыловъ.

62. Драгоценные камни.

Одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ взялся приготовить какой-то знатной госпожѣ уборъ, для котораго она дажи ему нѣсколько драгоценныхъ камней. Романъ, его ученикъ, разсматривалъ ихъ часто съ большимъ удовольствіемъ. Вдругъ мастеръ замѣтилъ, что пропали два самые красивые камня. Подозрѣніе пало на Романа, и мастеръ сталъ искать пропавшихъ камней въ его спальнѣ. Тамъ онъ нашелъ ихъ въ щели, которая находилась въ стѣнѣ, надъ постелью мальчика. Романъ божился, что не онъ бралъ камни; но не смотря на то, мастеръ наказалъ его и выгналъ изъ своего дома. Спустя нѣсколько времени опять пропалъ одинъ драгоценный камень, и мастеръ нашелъ его въ той же самой щели. Тогда онъ началъ сторожить неизвѣстнаго вора, и вскорѣ замѣтилъ, что воръ этотъ былъ — ручная сорока сына его. Она-то брала камни и прятала ихъ въ щель. Мастеръ очень сожалѣлъ, что обидѣлъ невиннаго мальчика, и взялъ его тотчасъ же опять къ себѣ въ домъ.

63. Тришкинъ кафтанъ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался. Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся: по четверти обрѣзалъ рукавовъ — и локти заплаталъ. Кафтанъ опять готовъ; лишь на-четверть голѣе руки стали. Да что до этого печали? Однако же смѣется Тришкѣ всякъ. А Тришка говорить: «такъ я же не дуракъ, и ту бѣду поправлю: длиннѣе прежняго я рукава поставлю.» О, Тришка малый не простой! Обрѣзалъ фалды онъ и полы, поставилъ рукава, и весель Тришка мой, хоть носить онъ кафтанъ такой, котораго длиннѣе и камзола.

Крыловъ.

64. Честность.

Одинъ лондонскій купецъ бился объ закладъ съ фабрикантомъ Н*. Черезъ два мѣсяца фабрикантъ умеръ. И вотъ является къ его вдовѣ купецъ и объявляетъ ей, что покойный мужъ ея бился съ нимъ о 1000 фунтовъ стерлинговъ и проигралъ закладъ. Онъ

явился теперь къ ней узнать, считаетъ ли она себя обязанною заплатить проигранный закладъ? Вдова тотчасъ встала, подошла къ своему бюро и хотѣла тогда же заплатить этотъ долгъ; но купецъ остановилъ ее и сказалъ: такъ какъ вы думаете, сударыня, что закладъ вашего мужа дѣйствителенъ и послѣ его смерти, то вотъ 1000 ф. ст.: я проигралъ этотъ закладъ.

65. Бережливость и скуность.

Въ одномъ городкѣ два добрые челоѣка желали оказать вспомошествованіе бѣдному семейству; но какъ они не были въ состояніи сдѣлать большой помощи, то обратились съ просьбами къ тѣмъ изъ своихъ согражданъ, которые имѣли болѣе средствъ помочь страждущимъ, и для этого, посѣщая достаточныхъ людей описывали имъ крайнюю нужду бѣднаго семейства и просили ихъ о посильномъ содѣйствіи.

Такимъ образомъ они зашли къ одному зажиточному купцу, въ надеждѣ получить отъ него какое-либо вспомошествованіе. Но вошедши къ нему на дворъ, они услышали, какъ онъ бранить кучера своего за то, что тотъ забылъ положить въ сарай веревки и оставилъ ихъ въ прошлую ночь подъ дождемъ. «Развѣ ты не знаешь», говорилъ купецъ, «что веревки могутъ сгнить отъ мокроты? Вѣдь они стоятъ денегъ, которыя заработать не такъ легко, какъ ты думаешь.» — «О, этотъ купецъ ничего не дастъ!» сказалъ одинъ изъ пришедшихъ, «когда онъ за такую ничтожную вещь такъ сердится и бранится. Пойдемъ лучше въ другой домъ.» «Можно попробовать», отвѣчалъ другой: «пойдемъ къ нему и скажемъ, зачѣмъ пришли.» Между тѣмъ купецъ, избранивши своего кучера, подошелъ вѣжливо къ нимъ и пригласилъ ихъ въ свои покои.

Узнавши о причинѣ посѣщенія этихъ добрыхъ людей, онъ безъ всякихъ отговорокъ далъ имъ довольно значительную сумму денегъ, а сверхъ того обѣщалъ еще прислать бѣдному семейству нѣсколько четвертей муки. Такая щедрость удивила просителей, и они не могли не сказать ему о своемъ мнѣніи, которое о немъ имѣли, услышавши его брань за такую ничтожную вещь. «Оттого-то я и могу иногда помогать немущимъ», отвѣчалъ онъ, «что былъ всегда бережливъ. Бережливость не есть скуность.»

66. Худой плательщикъ.

Семень не умѣлъ приобрѣтать денегъ трудомъ и увеличивать ихъ бережливостію. Дѣла его пошли такъ плохо, что ему при-

шлое занять. По счастью онъ нашелъ знакомаго человѣка, который не отказался помочь ему.

Пришла пора расплачиваться. Семень думаетъ: отдавъ эти деньги, я буду въ томъ же затрудненіи, въ какомъ былъ прежде; лучше всего, не отдамъ деньги и буду продолжать дѣла свои.»

Такъ онъ и сдѣлалъ: отказался отъ платежа и упорствовалъ во лжи. Но плохо ему пришлось. Знакомый его долго ждалъ и терпѣлъ; но когда увидѣлъ, что должникъ не стоитъ никакого снисхожденія, онъ потребовалъ его въ судъ. Семень, уличенный въ ложномъ показаніи, присужденъ былъ возратить занятую сумму и сверхъ того заплатилъ большой штрафъ.

67. Не давши слова, крѣпись; а давши слово, держись.

Хорошій человѣкъ никогда не клянется, никогда не божится — грѣхъ! Скажетъ: хорошо, согласенъ, буду, даю честное слово — и довольно! Честное слово добраго человѣка крѣпко, какъ алмазь. Кланутся, божатся лгуны, трусы, дурные люди. Хорошій человѣкъ что обѣщаетъ то выполняетъ, несмотря ни на какія препятствія: его честное слово дороже ему всѣхъ почестей и богатства. Надобно съ малолѣтства затвердить, что «обѣщать значитъ исполнить». Для этого всегда надобно прежде подумать, можно ли намъ исполнить то, что обѣщаемъ. Не давши слова, крѣпись; а давъ слово, держись! Слово не воробей, — выпустишь, не поймашь!

68. Покрытое блюдо.

Гамбургскій купецъ Бель давалъ однажды обѣдъ и непременно хотѣлъ попотчивать своихъ гостей свѣжею лососиною, которой въ то время года почти невозможно было достать. Онъ самъ обошелъ всѣ рыбныя лавки и, послѣ долгихъ поисковъ, нашелъ наконецъ одну довольно большую лососку, только что пойманную. Рыбакъ, зная, что въ городѣ едва ли можно отыскать другую, потому что въ это время года эта рыба не ловится, запросилъ за нее 50 марокъ, т. е. почти семь червонцевъ. Бель предложилъ ему 20, 25, наконецъ 30 марокъ; но рыбакъ и слышать не хотѣлъ объ уступкѣ. Конечно Белю ничего не значило бросить 50 марокъ; но жадность и упрямство рыбака взбѣсили его, и онъ рѣшился обойтись на обѣдѣ безъ лососины. Въмѣсто нея поставили на столъ покрытое блюдо. Когда дошла очередь до лососины, хо-

заяинъ снялъ крышку съ блюда, и въ немъ оказалось — нѣсколько золотыхъ монеть. Гости чрезвычайно изумились; но хозяинъ разсказалъ имъ о своемъ торгѣ съ рыбакомъ и присовокупить: что деньги за рыбу онъ назначилъ въ пользу одного бѣднаго семейства и надѣется, что его друзья будутъ довольствоваться, вмѣсто дососины, другою рыбою, менѣе цѣнною. Всѣ одобрили рѣшеніе хозяина и изъявили желаніе участвовать въ его добромъ дѣлѣ. Блюдо обнесли вокругъ стола, и каждый положилъ на него свое пожертвованіе. Такимъ образомъ набралось нѣсколько сотенъ марокъ, помощію которыхъ бѣдное, честное семейство не только вышло изъ нужды въ настоящее время, но даже могло поправить свои дѣла, разстроенныя несчастнымъ случаемъ.

69. Раздѣлъ.

Имѣя общій домъ и общую контору, какіе-то честные торгаша наторговали денегъ гору; окончили торги и дѣлятъ барыши. Но въ дѣлежѣ когда безъ спору? Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ, — какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ. «Скорѣй, скорѣй спасайте товары вы и домъ!» кричитъ одинъ изъ нихъ: «ступайте, а счѣты послѣ мы сведемъ!» — «Мнѣ только тысячу мою сперва дайте!» шумить другой: «я съ мѣста не сойду долой.» — «Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счѣты ясны», еще одинъ кричитъ. — «Нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны! Да какъ, за что и почему!...» Забывши, что пожаръ въ дому, проказники тутъ до того шумѣли, что захватило ихъ въ дымъ, и всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

Крыловъ.

70. Пословицы изъ ремесленного и купеческаго быта.

Всякое дѣло мастера боится, а иного дѣла и мастеръ боится. Не худое ремесло, кто умѣетъ сдѣлать и весло. Ремесло за плечами не виситъ, а ко времю годится. Всякій своего счастья кузнецъ. Куи желѣзо, пока горячо. Безъ топора не плотникъ, безъ иглы не портной. Торгуи правдою, больше барыша будетъ. Фунтъ пуду долженъ уступить. Почини дороже денегъ. На свой аршинъ не мѣрай. Семь разъ отмѣрай, однажды отрѣжь. На хорошій товаръ много купцовъ. Долгъ платежомъ красенъ. Займомъ богатъ не будешь. Худо нажитое въ прокъ не пойдетъ. Выигрышъ съ проигрышемъ на одиѣхъ саняхъ ѣздить. Береги денежку про черный день.

71. Первый русскій гофъ-малеръ.

Петръ Великій, посѣщавшій въ 1718 году Новгородъ, слушала объѣду въ Софійскомъ соборѣ. Въ густой, непроницаемой тѣсотѣ, у праваго клироса, стоялъ бѣдный, но пріятной наружности мальчикъ, и стоялъ не безъ дѣла: пристально всматриваясь въ лицо государя, угадкой въ шляпѣ чертилъ что-то карандашомъ. Никто на это не обращалъ вниманія: отъ одного лишь пронизательнаго Петра не могли укрыться дѣйствія ребенка. Онъ и въ этой густой толпѣ замѣтилъ бѣднаго маленькаго мальчика; однако-жъ, чтобъ не помѣшать его работѣ, взглядывалъ на него только изрѣдка и какъ бы мимоходомъ. Служба кончилась, народъ почтительно подался назадъ и очистилъ государю дорогу къ западнымъ вратамъ; но вдругъ, къ общему изумленію, Петръ повернулся къ южнымъ и прямо къ бѣдному мальчику, который въ это время былъ такъ занятъ своимъ дѣломъ, что даже не слышалъ шуму отъ хлынушаго, разступившагося народа, — но легкий ударъ царя по плечу вывелъ его изъ задумчивости. Мальчикъ поднялъ глаза свои и, вмѣсто ожидаемаго смущенія и испугу, на лицѣ его просіяла радость и удовольствіе.

— «Что ты дѣлалъ во время объѣди?» кротко и ласково спросилъ его государь.

— «Чертилъ ликъ твой», отвѣчалъ смѣло и не запинаясь прекрасный мальчикъ.

— «Зачѣмъ?»

«Земля русская полна славою твоею. Я хотѣлъ для себя на память сохранить образъ твой и носить его при себѣ до гроба. И слезы брызнули изъ глазъ его, какъ онъ ни силился удержать ихъ.

— Ну-ка, покажи!»

И бѣдный мальчикъ, до того отличавшійся смѣлостью и неустрашимостью, вдругъ ужасно какъ испугался, оробѣлъ: вспыхнувши до ушей, дрожащею рукою онъ подалъ лоскутокъ бумаги. Что, вы думаете, было на этомъ лоскуткѣ бумаги? Вѣрно схваченный образъ Петра Великаго? Какъ бы не такъ!... Это было какое-то странное, смѣшное очертаніе, едва похожее на лицо человеческое. Но тотъ, кто изъ нижней массы народа избралъ Менщикова и Шафирова, тотъ съ перваго разу угадалъ призваніе и назначеніе мальчика. Судьба его рѣшена — и передъ вами является извѣстный первый русскій гофъ-малеръ Матвѣевъ.

22. Квартетъ.

Проказница мартышка, осель, козель, да косолапый Мишка затѣяли сыграть квартетъ. Достали ногъ, баса, альты, двѣ скрипки, и сѣли на лужекъ подъ липки, пѣть свонимъ искусствомъ свѣтъ. Ударили въ смычки, деруть, а толеу нѣтъ.

«Стой, братцы, стой!» кричитъ мартышка, «погодите! Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы не такъ сидите. Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альты, я, прима, сяду противъ вторы; тогда поидеть ужъ музыка не та: у насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»

Разсѣлись, начали квартетъ; онъ все-таки на лады неидеть.

— «Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ», кричитъ осель; «мы вѣрно ужъ поладимъ, коль рядомъ сидятъ.»

Послушались осла: усѣлись чинно въ рядъ; а все-таки квартетъ неидеть на лады.

Вотъ пуще прежняго пошли у нихъ разборы и споры, кому и какъ сидѣть. Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть. Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье: — «пожалуй», говорятъ, «возьми на часъ терпѣнье, чтобъ квартетъ въ порядокъ нашъ привести: и ноты есть у насъ, и инструменты есть; скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»

— «Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье и уши вашихъ понѣзливѣй», имъ отвѣчаетъ соловей: «а вы, друзья, какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь.»

Крыловъ.

23. Находчивость русскаго солдата.

Часовой, стоявшій у пристани на рѣкѣ, увидѣлъ, что офицеръ шель мимо него по льду прямо на широкую полынью, которую чуть только подернуло льдомъ и запорошило снѣгомъ. Часовой сталъ кричать офицеру, чтобъ онъ туда не ходилъ; но за сильнымъ вѣтрочнымъ вѣтромъ офицеръ не могъ слышать: оглянулся было, но пошелъ опять своимъ путемъ. Часовой закричалъ ему въ другой разъ изо всей силы, и когда офицеръ опять на него оглянулся, то часовой брякнулъ ему ружьемъ на погребень. Офицеръ поглядѣлъ, призадумался и подошелъ ближе спросить, что это значить. Часовой растолковалъ ему дѣло и спасъ такимъ образомъ офицера отъ смерти.

В. Даль.

24. Стрелая лошадь.

Въ военное время остановился въ одномъ городкѣ на короткое время гусарскій полкъ. Крестьянинъ Климычъ, который не только

торговать лошадьми, но и красть их, подмѣтилъ стоявшую у воротъ красивую лошадь, и угналъ ее въ лѣсъ. Когда гусары выступили изъ городка, Климъ отправился въ другой край, на ярмарку, чтобы продать тамъ украденную лошадь.

Дорогою онъ долженъ былъ проѣзжать чрезъ одинъ городъ. Климъ побоялся показаться въ городъ на украденной лошади и рѣшился объѣхать его стороною. Недалеко отъ городской стѣны онъ увидѣлъ въ полѣ эскадронъ драгуновъ. Начиналось ученіе. Лишь только раздался звукъ трубы, какъ лошадь Клима перепрыгнула черезъ ровъ на большую дорогу, понеслась съ дороги въ поле и, пригнувъ къ драгунамъ, дѣлала по командѣ всѣ обороты, то рысью, то вскачь, съ величайшею точностію. Солдаты смѣялись надъ испуганнымъ конокрадомъ, но ему было не до смѣха: отъ страха катился съ него потъ градомъ.

По окончаніи ученія офицеры и солдаты окружили Клима, а начальникъ отряда сказалъ ему: «эта лошадь офицерская; она красива и хорошо обучена. Откуда ты взялъ ее?» Климъ смѣшался, отвѣчалъ, что кушилъ, однако-жъ не могъ сказать — у кого. И такъ онъ былъ обличенъ въ похищеніи и наказанъ по закону.

23. Награда по заслугамъ.

Петръ Великій, бережливый въ своихъ расходахъ, щедро награждалъ людей, служившихъ ему вѣрно. Онъ жаловалъ многихъ деревнями въ завоеванныхъ провинціяхъ, даже вдовамъ и сиротамъ морскихъ и полевыхъ офицеровъ назначалъ пенсіи. Однажды доложили ему объ иностранцѣ, который прослужилъ около 30 лѣтъ и теперь за старостию и слабостию здоровья не можетъ продолжать службу, и просили разрѣшенія государя: назначить ли ему при отставкѣ полное, или половинное жалованье? Государь отвѣчалъ съ неудовольствіемъ: «Какъ же! развѣ тотъ въ старости долженъ терпѣть нужду, кто лучшія лѣта свои посвятилъ мнѣ на службу? Выдайте ему полное жалованье и не принуждайте его къ службѣ, если онъ не въ состояннн болѣе служить; но совѣтуйтесь съ нимъ о дѣлахъ, касающихся прежней его службы, и пользуйтесь его искусствомъ. Кто бы захотѣлъ служить мнѣ, если-бъ зналъ напередъ, что я, которому онъ посвятилъ лучшіе годы свои, въ старости оставлю его въ нуждѣ и бѣдности?»

76. Мужикъ и царедворецъ.

Ораль мужикъ въ полѣ и выораль самоцвѣтный камень. Идеть домой, а на встрѣчу ему сосѣдь, такой стародревній; показаль ему камень: «кому тоже?» — Неси, говорить, къ царю. Понесъ; приходитъ во дворецъ и пострѣчалъ царедворца. Поклонился ему до земли: «батушка, доведи до царя!» — Зачѣмъ тебѣ нужно? «Несу изъ деревни подарокъ.» — Ну, мужичекъ, чѣмъ царь тебя наградить, отдай мнѣ половину; а не хочешь, — во вѣкъ не дойдти до царя. Мужикъ согласился.

Вотъ царедворецъ довелъ его до самаго царя. «Благодарю, мужичекъ! говорить царь: вотъ тебѣ въ награду за то двѣ тысячи рублей.» Мужикъ палъ на колѣни: «не надо мнѣ, царь государь, иной награды, кромѣ пятидесяти стегей въ спину.» Возжалъ его царь, и приказаль дать ему пятьдесятъ стегей лепоцько. А мужичекъ зачалъ считать; какъ дали двадцать пять онъ и закричалъ: «полно, будетъ съ меня; другая половина посулена тому, что довелъ меня до вашего царскаго величества. Позвали царедворца и сполна отсчитали половину награды, какъ слѣдовало; только онъ не радъ былъ такой наградѣ. Царь поблагодарилъ мужика и подарилъ ему цѣлыхъ три тысячи.

77. Петръ Великій подъ судомъ.

По взятіи Риги императоръ Петръ Великій наградилъ генераль-фельдмаршаловъ, князя Меншикова и графа Шереметьева, гаками (участками) въ завоеванной землѣ. Одинъ изъ подобныхъ гаковъ принадлежалъ рижскому гражданину, который, не зная за собою никакой вины, просилъ государя объявить, за что у него отнять гакъ. Монархъ, выслушавъ его просьбу, сказалъ ему, что если онъ правъ, то можетъ судомъ отыскивать принадлежавшее ему. Гражданинъ написалъ просьбу на Меншикова, какъ на насильственнаго завладѣтеля его гака; судьи приняли просьбу. Но Меншиковъ объявилъ, что гакъ пожалованъ ему отъ государя. Дѣло по повелѣнію монарха продолжалось. Петръ I-й призывается былъ въ судъ, и наконецъ было рѣшено возвратитъ гакъ просителю, а государя обвинили. Когда монархъ выслушалъ рѣшеніе, то поблагодарилъ судей за безпристрастіе, поцѣловаль каждаго изъ нихъ въ голову, и сказалъ: что когда онъ повинуется закону, то да не дерзнуть никто на противное.

78. Арабское судопроизводство.

Однажды въ городѣ Багдадѣ турецкій купецъ потерялъ кошелекъ съ 200 червонцами. Онъ поручилъ объявить о потерѣ публичному крикуну, общая нашедшему половину. Является матросъ и требуетъ общаго награды. Желая отдѣлаться, купецъ увѣряетъ, что въ кошелькѣ, кромѣ 200 червонцевъ, находился еще драгоценный камень, и что матросъ, для полученія общаго награды, долженъ возвратить алмазъ. Матросъ клянется, что не видалъ камня. Купецъ однако-жъ обвиняетъ его въ похищеніи алмаза и жалуется судѣ; а какъ этотъ не въ состояніи рѣшить дѣло, то обоихъ ведутъ къ великому визирю. Выслушавъ жалобу купца, визирь произнесъ слѣдующій приговоръ: «въ кошелькѣ, который ты потерялъ, находился, кромѣ 200 червонцевъ, еще драгоценный камень; матросъ же увѣряетъ, что въ найденномъ имъ кошелькѣ находились только одни червонцы: слѣдовательно ясно, что этотъ кошелекъ не тотъ, который ты потерялъ. Чтобы не ошибиться вторично, вели публичному крикуну объявлять о потерѣ кошелька съ 200 червонцами и алмазомъ. Что же касается до матроса, то онъ долженъ хранить у себя находку въ течение 40 дней; а потомъ; если не явится потерявшій его, онъ можетъ считать его своею собственностію.» Такимъ образомъ несправедливый купецъ былъ наказанъ за свою жадность и неблагодарность.

79. Правосудіе.

«Подайте милостыню ради правотѣрныхъ!» прокричали жалобнымъ голосомъ два странника подъ окномъ богатаго дома кади Гусейна, который сидѣлъ на роскошномъ диванѣ и читалъ книгу.

— Да подастъ вамъ великій пророкъ, сказалъ кади, облокотясь на оеюшко.

«Подайте милостыню ради пророка!» снова повторили странники.

— Нищіе, убирайтесь прочь! закричалъ грозно кади, и съ досады бросилъ книгу на полъ.

«О, сжальтесь надъ нами и подайте милостыню хотя ради истиннаго Аллы! со слезами повторили странники. Тогда кади вскочилъ съ дивана и закричалъ страшнымъ голосомъ: «гей, невольники! Махмудъ, Азаметь, свяжите этихъ бродягъ и бросьте въ темницу!» Но странниковъ уже не было.

Прошло послѣ сего три дня; у кади было многочисленное собраніе. Все, что роскошь востока изобрѣла, было видно въ огромныхъ залахъ его, и онъ, облокотясь на оюшко, стоялъ съ великимъ муфтіемъ и смотрѣлъ на окрестности Багдада, когда къ окну подошли два странника.

«Радость и веселіе у тебя, великій кади», сказали жалобно два странника: «удѣли и бѣднымъ частицу оныхъ.»

— Великій муфтіи! вотъ уже второй разъ приходятъ сіи бродяги докучать мнѣ, сказалъ кади. — Что смотритъ мудрый халифъ нашъ? Онъ теперь спитъ, а намъ не приказываетъ брать въ темницу сихъ праздншатающихся; но я ослушаюсь и прикажу ихъ заковать въ желѣзо, дабы они не бродили по улицамъ Багдада. Гей! закричалъ грозно кади своимъ невольникамъ; подите, свяжите сихъ бродягъ.

Въ это время странники вошли въ залу собранія, и одинъ изъ нихъ, сбросивъ скудную епанчу свою, сказалъ грознымъ голосомъ: «Кади! такъ-то ты сострадатемень и правосудень къ бѣднымъ? Я полагаю видѣть въ тебѣ милосердаго и справедливаго судію моего народа, но горько ошибся. Джафаръ! возьми сего ничтожнаго червя и суди по мудрымъ законамъ нашимъ. Пусть знаютъ всѣ, что государя обмануть не можно, и что — рано ли, поздно ли, — худыя дѣла будутъ открыты и наказаны.»

Все собраніе поверглося въ прахъ, узнавъ въ говорящемъ своего государя, халифа Гаруна аль-Рашида, а въ товарищѣ его великаго визиря Джафара.

80. Странникъ.

Въ одномъ прекрасномъ зѣмкѣ, отъ котораго въ настоящее время не осталось ни одного камня, жилъ богатый рыцарь. Онъ тратилъ много денегъ на великолѣпное украшеніе своего зѣмка, но бѣднымъ мало дѣлалъ добра.

Однажды пришелъ въ зѣмокъ странникъ, и просилъ ночлега. Рыцарь гордо отказалъ страннику и сказалъ: «этотъ зѣмокъ не гостинница». Тогда странникъ сказалъ: «позвольте мнѣ предложить вамъ только три вопроса». Рыцарь отвѣчалъ: «спрашивай, сколько угодно; я охотно буду отвѣчать».

И странникъ спросилъ: «кто до васъ жилъ въ этомъ зѣмкѣ?»

— «Мой отецъ», отвѣчалъ рыцарь.

«А до него кто жилъ въ немъ?»

— «Мой дѣдъ.»

«А послѣ васъ кто будетъ жить въ этомъ замкѣ?»

— «Надѣюсь, сынъ мой.»

«И такъ продолжалъ странникъ, если каждый живетъ въ этомъ замкѣ только опредѣленное время и потому уступаетъ свое мѣсто другому, то кто всѣ вы, какъ не гости? Значить замокъ этотъ дѣйствительно гостиница. Не тратьте же такъ много денегъ на украшеніе этого дома, который можетъ давать вамъ принять только на самое короткое время; лучше дѣлайте больше добра бѣднымъ.»

Рыцарь принялъ къ сердцу эти слова, далъ ночлегъ страннику, и съ этого времени сдѣлался гораздо сострадательнѣе къ бѣднымъ.

81. Възвѣливость украшаетъ всякое состояніе.

Одинъ знатный и богатый человѣкъ, управлявшій цѣлою провинціею, встрѣтился однажды съ другимъ, такимъ же богатымъ и знатымъ лицомъ, и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Въ то самое время проходилъ мимо этихъ господъ бѣдный крестьянинъ, и очень въжливо поклонился имъ, на что губернаторъ отвѣчалъ очень привѣтливо. «Какъ!» замѣтилъ ему другой господинъ, съ которымъ тотъ говорилъ: «вы, ваше превосходительство, унижаетесь до того, что отвѣчаете на поклонъ какого-нибудь ничтожнаго мужика?» — А почему же и не отвѣчать? возразилъ ему губернаторъ: — я не хочу, чтобы какой-нибудь бѣдный мужикъ, не получившій никакого образованія, былъ възвѣливѣ меня.

82. Наклонись.

Когда знаменитый Веніаминъ Франклинъ былъ еще восемнадцатилѣтнимъ юношею, ему однажды случилось посѣтить священника Медера въ Бостонѣ, принявшаго его весьма ласково. При уходѣ Франклина, Медеръ вывелъ его кратчайшимъ путемъ изъ своего дома; но выходная дверь была такъ низка, что взрослому человѣку нужно было наклониться, чтобы не стукнуться о поперечную балку. Франклинъ, уходя, продолжалъ разговаривать съ ласковымъ хозяиномъ, и потому не обратилъ вниманія на дорогу передъ собою. «Наклонись, наклонись!» вскричалъ священникъ, но въ ту самую минуту Франклинъ ударился лбомъ о балку. «Эта маленькая непріятность», сказалъ улыбаясь священникъ, «можетъ послужить тебѣ наукою; не забывай ея. Ты молодъ и передъ тобою

жизнь; наклоняйся почаще на пути, и ты избѣгнешь многихъ жестокихъ ударовъ.»

Это наставленіе сдѣлало такое глубокое впечатлѣніе на молодого Франклина, что онъ помнилъ его еще, будучи 80-лѣтнимъ старикомъ, и рассказывалъ этотъ анекдотъ сыну упомянутаго священника, присовокупилъ: «этотъ добрый совѣтъ вашего покойнаго батюшки былъ мнѣ чрезвычайно полезенъ; и теперь еще онъ приходитъ мнѣ на мысль, когда я вижу, какъ гордость часто бываетъ пристыжена, и какъ многіе губятъ себя только тѣмъ, что слишкомъ высоко держатъ голову.»

83. Персіянинъ и сынъ его.

Одинъ персіянинъ, съ девятилѣтнимъ своимъ сыномъ, отправился изъ деревни въ городъ Тегеранъ для закупки различныхъ вещей; а чтобы на обратномъ пути не нужно было нести купленное, онъ взялъ съ собою и осла своего. Дорога была весьма дурная, по причинѣ сильныхъ дождей, которые уже нѣсколько дней сряду шли безостановочно. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, персіянинъ сѣлъ на осла и продолжалъ путь свой верхомъ, между тѣмъ какъ сынъ его шелъ пѣшкомъ. Попадаетъ имъ на встрѣчу прохожій и, видя, что малютка тащится по грязи, кричитъ старику: «не стыдно ли тебѣ сидѣть на ослѣ, когда ребенокъ чуть тащится за тобой?» — Персіянинъ, подумавъ, нашелъ, что прохожій правъ, и потому слѣзаетъ съ осла и сажаетъ на него мальчишку своего. Едва прошли они такимъ образомъ шаговъ двадцать, какъ вдругъ имъ кричитъ другой прохожій: «экой недогадливый! что бы ему сѣсть вмѣстѣ съ малюткой на осла; нѣтъ, охота же ему тащиться по грязи.» — Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ про себя нашъ путешественникъ, вѣдь я могу сѣсть вмѣстѣ съ сыномъ. Сказалъ и сѣлъ. Только едва вѣззаютъ они въ городъ, какъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ ихъ народъ, крича: «экіе бесовѣстныя! сидятъ себѣ спокойно и не видятъ, что тварь едва передвигаетъ ноги.» И пошли ругательства и насмѣшки. — Ахъ, Господи! вскричалъ нашъ старикъ, слѣзая съ осла; ну, какъ на всякаго угодить? Нѣтъ! вскричалъ онъ, сбуду же скорѣе этого осла; съ нимъ только бѣда и худа. Пошелъ и продалъ осла. Помни, на всякаго не угодишь. Послушать всѣ людскія рѣчи; придется и осла ввалить себѣ на плечи.

84. Пастушья свирѣль.

Какому-то царю однажды донесли, что его казначей, къ которому онъ имѣлъ большое довѣріе, похищаетъ государственныя сокровища и прячетъ ихъ въ своемъ домѣ, въ какой-то особенной комнатѣ, за желѣзною дверью. Царь отправился лично въ домъ казначея, велѣлъ показать себѣ таинственную комнату и отпереть желѣзную дверь. Но какъ велико было его изумленіе, когда онъ въ этой комнатѣ, вмѣсто похищенныхъ сокровищъ, увидѣлъ только — четыре голыя стѣны, продолговатый столъ и соломенный стулъ! На столѣ лежали пастушеская свирѣль и пастушеская сума. Изъ окна комнаты былъ превосходный видъ на зеленые луга и лѣсистыя горы. Казначей сказалъ царю: «Въ моей юности я пасъ овецъ. Ты, государь, взялъ меня къ своему двору. Съ тѣхъ поръ я провожу въ этой комнатѣ ежедневно по нѣскольку минутъ и, смотря отсюда на луга и лѣса, съ удовольствіемъ вспоминаю о моемъ прежнемъ состояніи. Ахъ, тогда въ бѣдной хижинѣ я былъ счастливѣе, чѣмъ теперь въ богатыхъ палатахъ!» — Лучше жить въ неизвѣстности, но спокойно, чѣмъ быть знатнымъ и подвергаться напраснымъ клеветамъ и преслѣдованіямъ.

85. Пословицы о добрѣ и худѣ, о правдѣ и лжи.

Какъ проживешь, такъ и прослывешь. Кто за худымъ пойдетъ тотъ добра не найдетъ. На злодѣѣ и шапка горитъ. Честь на волоскѣ виситъ, а потеряешь, такъ и канатомъ не привяжешь. — Добраго не бѣгай, а худого не дѣлай. Будь голъ, да не воръ, а бѣденъ, да честенъ. Рцы слово твердо! Стой за правду горой, и Богъ съ тобой. Правда ходитъ въ лаптяхъ, а неправда въ кривыхъ сапогахъ. Правда избавляетъ отъ смерти. Все минется, одна правда остается. Царю правда лучший другъ. Засынь правду золотомъ, а она всплыветъ. Дороги твои сорокъ соболей, а на правду цѣны нѣтъ. Живи не ложью, все будетъ по Божью. Въ комъ честь, въ томъ и правда. Судія праведный — ограда каменная. Праведному законъ не писанъ. Правда глаза колетъ. Правду всякъ хвалить да не всякъ ее хранить. Кто вчера солгалъ, тому и завтра не повѣрятъ. Ложь ходить на гнилыхъ ногахъ. У лжеца на одной недѣлѣ семь пятницъ. Кто лжетъ, тотъ и крадетъ. Берегись козла спереди, лошади сзади, а лихого человѣка со всѣхъ сторонъ.

86. Тишина ночи.

Въ глубинѣ бездонной, полны чудныхъ силъ, идутъ миллионы вѣковыхъ свѣтилъ. Тускло освѣщенный блѣдною луной, городъ

утомленный смолкъ во тѣмѣ ночной. Спитъ онъ, очарованъ чудной тишиной, будто заколдованъ властью неземной. Лишь объять дремотою, закричить порой сторожъ беззаботный въ улицѣ пустой. Кажется, мѣръ сонный, полный сладкихъ грезъ, отдохнулъ спокойно отъ заботъ и слезъ. Но взгляни: вотъ домикъ освѣщенъ огнемъ, на столѣ покойникъ ждетъ могилы въ немъ. Онъ, бѣднякъ голодный, утѣшенъ чуждъ, кончилъ вѣкъ безплодный тайной жергвой нуждъ. Дочери не спится. Въ уголѣ сидитъ.... и въ глазахъ мутится, и въ ушахъ звенитъ. Ночь минетъ, — быть можетъ, Христа ради ей кто-нибудь поможетъ изъ чужихъ людей. Можетъ-быть, какъ нищей, ей на гробъ дадутъ, въ гробъ на кладбище старика снесутъ.... И никто не знаетъ, что въ нѣмой тоскѣ сирота рыдаетъ въ тѣсномъ уголѣ. Миръ заснулъ.... и только съ неба видитъ Богъ тайны жизни горькой и людскихъ тревогъ.

Никитинъ.

87. Какъ правда терлется.

Въ городѣ нашемъ жилъ давно одинъ страстный охотникъ до собакъ всякаго рода. Можно было знать навѣрное, что онъ всякую приметь къ себѣ въ домъ и еще будетъ благодарить, какъ за какое-нибудь благодѣяніе, того, кто приведетъ ее къ нему. Вотъ въ одинъ день разнеслась по городу нашему странная новость, будто къ этому охотнику одинъ мальчикъ принесъ собаку о двадцати головахъ. Это говорилъ человекъ, слышавшій о томъ отъ жены своей. Съ удивленіемъ спрашивали всѣ у ней, правда ли это? «Да, отвѣчала она, совершенная правда.» — Вы видѣли это собственными глазами? — «Нѣтъ, мои милые, не собственными; но все равно, мнѣ сказывалъ на рынкѣ одинъ купецъ, который бываетъ въ домѣ у этого собачьяго охотника.

Вотъ любопытные пошли и на рынокъ, къ этому купцу, и спрашивали у него, что за собака о двадцати головахъ. «Я ее не видалъ, отвѣчалъ онъ: да я и не говорилъ о двадцати головахъ, а только о десяти. Это правда, мнѣ сказывалъ дворникъ, изъ того дома.»

Нѣкоторые изъ любопытныхъ побѣжали даже и къ дворнику, спрашивали его, гдѣ это чудо, и просили показать имъ собачку о десяти головахъ. «Кто это выдумалъ — о десяти головахъ? заворчалъ сердито Андрей. Я сказалъ только о двухъ.» — Такъ кто же выдумалъ, что о десяти? — «Да ужъ не я же, отвѣчалъ угрю-

мый Андрей: я слышалъ, какъ говорили, что принесли собаку о двухъ головахъ, а больше я ничего не знаю; да я еще и не ходилъ посмотрѣть на эту диковинку: работы столько, что вздохнуть некогда.»

Какъ быть! добрались до самого охотника, и ну просить его показать имъ собаку о двухъ головахъ. Удивился онъ такой сказкѣ, и никогда не добрался бы, кто сочинилъ ее, если бы не вошла въ эту минуту жена его и не объяснила дѣла. «Добрые люди, сказала она, у насъ нѣтъ никакой ни двадцатиголовой, ни двухголовой собаки; я говорила только мальчику, который принесъ намъ обыкновенную собачку дворняжку, выброшенную на рѣку, только вчера покрывшуюся льдомъ: развѣ онъ о двухъ головахъ, что пускается ходить по такому тонкому льду?»

III. ИЗЪ СЕЛЬСКАГО БЫТА.

А. ДЕРЕВНЯ.

88. Городъ и деревня.

Что такое деревня? Чѣмъ отличается деревня отъ города? Что есть въ ней такого особеннаго, чего нѣтъ въ городѣ, и на оборотъ, что есть въ городѣ, чего нѣтъ въ деревнѣ?

Въ городѣ дома большіе, красивые, по большей части каменные, въ два, въ три этажа, а въ большихъ городахъ и еще выше; они стоятъ ровными рядами, одинъ вплотъ подлѣ другого. Между рядами домовъ проходятъ улицы, по большей части ровныя, гладкія, мощенныя; на улицахъ встрѣчается много идущихъ и бѣдущихъ, и не столько крестьянъ, какъ кучцовъ, ремесленниковъ и чиновниковъ. Часто встрѣчаются лавки, магазины, въ которыхъ продаются разные товары; встрѣчаются заводы, фабрики. Лѣсу, полей, луговъ въ городѣ нѣтъ; только подлѣ иныхъ домовъ сады, да въ иныхъ городахъ мѣстами встрѣчаются парки и небольшие, ровныя, расчищенныя лужайки, или незастроенныя еще пустыри. Лѣтомъ въ городѣ видишь мало зелени и цвѣтовъ; поэтому изъ многихъ городовъ на лѣто большая часть жителей разъѣзжаются по дачамъ и деревнямъ.

За городомъ, напротивъ, много открытаго, незастроеннаго мѣста, гдѣ нѣтъ ни домовъ, ни какихъ-либо другихъ зданій: за

городомъ, куда ни помотришь, вездѣ увидишь поля, луга, лѣсъ съ деревьями и кустарниками. Лѣтомъ все зелено кругомъ, все цвѣтетъ.

Около иныхъ городовъ есть дачи, т. е. ближайшія къ нимъ окрестности застроены домиками, въ которыхъ горожане проводятъ лѣто. Тутъ не совсѣмъ городъ, но и не совсѣмъ еще деревня: мало простору, мало полей, луговъ и лѣсу; мало живетъ крестьянъ земледѣльцевъ, или вовсе не живетъ. Тутъ жизнь обитателей болѣе походить еще на городскую.

Но подальше отъ города, — тамъ только начинается настоящая деревня. Тамъ ѣдешь версту, другую, третью, иногда проѣдешь десять верстъ сряду — и все видишь около себя только луга, да поля, да лѣсъ. Черезъ нѣсколько верстъ, а въ иныхъ мѣстахъ и черезъ нѣсколько десятковъ верстъ разстоянія одно отъ другого встрѣчаются *селенія*, состоящія изъ крестьянскихъ домовъ; но эти дома, называемыя *избами*, совсѣмъ не такіе, какъ городскіе, а особеннаго вида и устройства: небольшіе, низенькіе, бревенчатые. Оконъ съ лицевой стороны помѣщается въ рядъ не болѣе двухъ или трехъ, а съ другихъ сторонъ и того менѣе. Огня эти маленькія, въ вышину почти такія же, какъ въ ширину. Тесовая крыша спускается на двѣ боковыя стороны избы длиннымъ навѣсомъ, въ видѣ шатра. У тѣхъ избъ, которыя побольше и покрасивѣе, и которыя принадлежатъ зажиточнымъ крестьянамъ, по краямъ крыши идетъ рѣзьба, иногда довольно искусно и затѣйливо сдѣланная; такую же рѣзьбою украшены иногда ставни у оконъ, или расписаны яркими красками. Подлѣ каждой крестьянской избы — огородъ, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ избы гумно, амбарикъ, или какое-нибудь хозяйственное строеніе. Скотныя хлѣвы бывають обыкновенно пристроены къ самой избѣ, съ задней стороны, или съ боку. Въ огородѣ гряды, на которыхъ посажены самыя необходимыя овощи, употребительныя въ крестьянскомъ быту.

Но въ деревнѣ бывають не одніе крестьянскія избы. Тутъ встрѣчаются еще и на такихъ же разстояніяхъ, какъ селеніе отъ селенія, отдѣльно стоящія усадьбы помѣщиковъ, т. е. красивыя господскіе домики, окруженныя разными хозяйственными строеніями, съ садомъ или огородомъ, къ нему примыкающимъ.

89. Изба.

Небо въ часъ дозора обходя, луна свѣтитъ сквозь узоры мерзлаго окна. Вечеръ зимній длится; дѣвушка въ избѣ на печи ложится и ужъ спитъ себѣ. Помолися Богу, улеглася мать; дѣти понемногу стали засыпать. Только за работой молодая дочь борется съ дремотой во всю долгу ночь, и лучина блѣдно передъ ней горитъ.

Все въ избушкѣ бѣдной тишиной томить; лишь звучить докучно болтовня одна пряжки однозвучной да веретена.

Огаревъ.

Загадка.

Пляшу по горницѣ съ работою моею, чѣмъ болѣе верчусь, тѣмъ болѣе толстѣю.

90. Крестьянинъ и топорь.

Мужикъ, избу рубя, на свой топорь озлился; пошелъ топорь въ худыхъ; мужикъ взбѣсился: онъ самъ нарубить вздорь, а виновать во всемъ топорь; бранить его, хоть какъ, мужикъ найдетъ причину.

«Негодный!» онъ кричитъ однажды: «съ этихъ поръ ты будешь у меня обтесывать тычину; а я съ моимъ умѣньемъ и трудомъ, притомъ съ досужестью моею, знай, безъ тебя пробавиться умѣю, и сдѣлаю простымъ ножомъ, чего другой не срубить топоромъ.»

— Рубить, что мнѣ велишь, моя такая доля», смиренно отвѣчалъ топорь на окрикъ злой; «и такъ, хозяинъ мой, твоя святая воля, готовъ тебѣ я всячески служить; да только ты смотри, чтобъ послѣ не тужить: меня ты по-пусту иступишь, а все ножомъ избы не срубишь.»

Крыловъ.

Загадки.

1. Кланяется, кланяется: придетъ домой — растянется.
2. Въ лѣсъ идетъ — домой глядитъ; изъ лѣсу идетъ, въ лѣсъ глядитъ.

91. Внутренность избы.

Въ низенькой свѣтелкѣ, съ створчатымъ окномъ, свѣтится лампада въ сумракѣ ночномъ: слабый огонечекъ то совсѣмъ замретъ, то дрожащимъ свѣтомъ стѣны оболеть. Новая свѣтелка чисто прибрана: въ темнотѣ бѣлѣть занавѣсъ окна; полъ отструганъ гладко, ровень потолокъ; печка развальная стала въ уголокъ. По стѣнамъ укладки съ дѣдовскимъ добромъ, узкая скамейка, крытая ковромъ, крашенныя палцы съ стуломъ раздвижнымъ и кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ.

Мей.

Загадки.

1. Что за звѣрь: въ зиму ѣсть, а лѣтомъ спать; тѣло теплое, а крови нѣтъ; съестъ сядешь на него, но съ мѣста тебя не свезетъ?

2. Мать толста, дочь красна, внукъ храберъ, подъ небеса ушелъ.

92. Смѣтливый мужикъ.

Жилъ, былъ бѣдный мужикъ; дѣтей много, а добра — всего одинъ гусь. Долго берегъ онъ этого гуся; да голодь не тетка: до того дошло, что ѣсть нечего. Вотъ мужикъ и зарѣзаль гуся, зарѣзаль, зажарилъ и на столъ поставилъ. Все бы хорошо, да хлѣба нѣтъ, а соли не бывало. Говорить хозяйнъ своей женѣ: «Какъ станемъ мы ѣсть безъ хлѣба, безъ соли? Лучше я отнесу гуся-то къ барину на поклонъ, да попрошу у него хлѣба.» — Ну что-жь? съ Богомъ! Приходить къ барину: «Принесъ вашей милости гуська на поклонъ; чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Не побрезгуй, родимый!» — Спасибо, мужичекъ, спасибо! раздѣли же ты гуся промежь насъ безъ обиды. А у того барина была жена да два сына, да двѣ дочери — всего было шестеро. Подали мужику ножъ; сталь онъ кроить, гуся дѣлить. Отрѣзаль голову и дасть барину. «Ты, говоритъ, всему въ домѣ голова, такъ тебѣ голова и слѣдуетъ.» Отрѣзаль гузку, дасть баринѣ: «тебѣ дома сидѣть, за домою смотрѣть; вотъ тебѣ гузка!» Отрѣзаль ноги дасть сыновьямъ: «а вамъ по ножкѣ, топтать отцовскія дорожки!» Дочерямъ далъ по крылышку: «вамъ съ отцомъ, съ матерью не долго жить; выростете — прочь улетите. А я, говоритъ мужикъ, глушь, мнѣ глотать хлупъ!» Такъ всего гуся и выгадалъ себѣ. Баринъ засмѣялся, напоилъ мужика виномъ, наградилъ хлѣбомъ и отпустилъ домой.

Услыхавъ про то, богатый мужикъ позавидоваль бѣдному, взялъ — зажарилъ цѣлыхъ пять гусей и понесъ къ барину. «Что тебѣ, мужичекъ?» спрашиваетъ баринъ. — Да вотъ принесъ вашей милости на поклонъ пять гуськовъ. «Спасибо, братецъ! нука, раздѣли промежь насъ безъ обиды.» Мужикъ и такъ, и сякъ; нѣтъ, не раздѣлишь по-ровну! стоитъ, да въ затылкѣ почесываетъ. Послаль баринъ за бѣднымъ мужикомъ, велѣлъ ему дѣлить. Тотъ взялъ одного гуся, отдалъ барину съ барыней, и говоритъ: «вы теперь, сударь, самъ третей!» Отдалъ другого гуся двумъ сыновьямъ, а третьяго — двумъ дочерямъ: «и вы теперь самъ третей!» Остальную пару гусей взялъ себѣ: «вотъ и я самъ третей!» Баринъ говоритъ: «вотъ молодець, такъ молодець! съумѣлъ всѣмъ по-ровну раздѣлить, и себя не забылъ». Тутъ наградилъ онъ бѣднаго мужика своею казною, а богатаго выгналь вонъ.

93. Собака и лошадь.

У одного крестьянина奴жа, собака съ лошадыю считается какъ-то стали.

«Вотъ», говорить Барбось, «большая госпожа! По миѣ хотъ бы тебя совсѣмъ съ двора согнали. Велика вещь возить или пахать! Объ удалствѣ твоёмъ другого не слыхать; и можно ли тебѣ равняться въ чемъ со мною! Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою: днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу, а ночью домъ я стерегу.»

— «Конечно», лошадь отвѣчала, «твоя правдива рѣчь; однако же когда-бъ я не пахала, то нечего-бъ тебѣ здѣсь было и стеречь.»

Крыловъ.

Загадка.

Четыре четверки, двѣ растопырки, седьмой вертунъ.

94. Пчела и курица.

Съ пчелою курица затѣяла считается и говорить пчелѣ: «Ну подлинно, пчела, ты въ праздности одной весь вѣкъ свой прожила. Тебѣ бы тѣмъ лишь заниматься, чтобъ на цвѣтокъ съ цвѣтка летать, да медъ съ нихъ собирать. И впрямь, о чемъ тебѣ стараться? Довольно, что лишь мы не въ праздности живемъ и въ день по яицу несемъ.»

— «Не смѣйся», курицѣ пчела на то сказала, «что я тебѣ не подражала; когда ты, вставъ съ гнѣзда, съ надсадою кричишь, что ты яйцо снесла, и всѣмъ о томъ твердишь: такъ ты и заключаешь, что праздно я живу. Нѣтъ, нѣтъ! ты ошибаешься, мой свѣтъ! А въ улей загляни: споръ тотчасъ нашъ рѣшится; узнаешь, кто изъ насъ поболѣе трудится. Мы, нашей матери наставлены умомъ, прилежностью, трудомъ себѣ уютный строимъ домъ и пищу со цвѣтовъ собираемъ, избытокъ нашъ съ людьми дѣлимъ, ихъ яствы услаждаемъ, во тѣмъ ихъ освѣщаемъ, а жало для враговъ и трутней лишь хранимъ.»

Деллишерьъ.

Загадки.

1. Два раза на свѣтъ родилась.
2. Не княжеской породы, а ходитъ съ короной; не ратный бздокъ, а съ ремнемъ на ногѣ; не сторожемъ стоитъ, а всѣхъ рано будить.

* 95. Пчела и овца.

«Есть ли у тебя животныя, полезныя и благодѣтельныя насъ?» спросила пчела человѣка.

— Разумѣется, есть, — возразилъ человѣкъ.

«А именно?»

— Да овца, на примѣръ: ея шерсть мнѣ необходима, а твой мѣдъ мнѣ только *прятень*. Кромѣ того овца имѣеть ещё другое преимущество: она даётъ мнѣ шерсть свою *безъ всякаго затрудненія*; а ты, отдавая мѣдъ, того и гляди, что *ужалишь*.

Загадка.

По горамъ, горамъ, ходить шуба да кафтанъ.

96. Свинья подъ дубомъ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ наѣлась желудей до сыта, до отвала; наѣвшись, выпалась подъ нимъ; потомъ, глаза продравши, встала и рыломъ подрывать у дуба корни стала.

«Вѣдь это дереву вредить», ей съ дуба воронъ говоритъ: «коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ.»

— «Пусть сохнетъ», говоритъ свинья: «ничуть меня то не тревожить; въ немъ проку мало вижу я; хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю; лишь были-бъ жёлуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю.»

— «Неблагодарная!» примолвилъ дубъ ей тутъ: «когда бы вверхъ могла поднять ты рыло, тебѣ бы видно было, что жёлуди на мнѣ растутъ.»

Крыловъ.

Загадка.

Стоить стояка, на стоякѣ всяка; ходить ходяка, просить у стояки всяки.

97. Мой садикъ.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ! Распустилась въ немъ сирень; отъ черемухи душистой и отъ липъ кудрявыхъ тѣнь.... Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій, горделивыхъ георгинъ, и липъ пестрыхъ головки возвышаетъ макъ одинъ, — да подсолнечникъ у входа, словно вѣрный часовой, сторожить себѣ дорожку, всю поросшую травой.... Но люблю я садикъ скромный; онъ душѣ моей милѣй городскихъ садовъ унылыхъ съ сѣтью правильныхъ аллей. И весь день въ травѣ высокой, лежа, слушать бы я радъ, какъ заботливыя пчелы вкругъ черемухи жужжать.

Плещеевъ.

* 98. Гряды гвоздики.

«Ахъ, маменька! подарите всёмъ намъ по грядочкѣ цвѣтовъ мнѣ одну, Сонѣ другую, а Васѣ третью; каждый изъ насъ будетъ ухаживать за своею.» Такъ говорилъ Петя матери, которая, выслушавъ эту просьбу, подарила каждому изъ дѣтей по грядкѣ превосходной гвоздики. Обрадованныя первою въ жизни собственностію, дѣти прыгали отъ радости и говорили: «вотъ будетъ весело: когда расцвѣтеть наша гвоздика».

Въ то время эти цвѣты имѣли еще только бутоны; однако Петя былъ нетерпѣливъ, не любилъ ожидать и хотѣлъ, чтобы его гвоздика расцвѣла прежде другихъ. Поминутно ходилъ онъ возлѣ своей грядки, бралъ бутоны, засматривалъ во внутрь каждаго, и чрезвычайно обрадовался однажды вечеромъ, когда замѣтилъ, что края листиковъ покраснѣли. Проснувшись на другое утро рано, онъ тотчасъ же побѣжалъ въ садъ, въ полной увѣренности, что расцвѣли всѣ его цвѣты; но они едва начали распускаться. Нетерпѣливый Петя придумалъ средство помочь цвѣткамъ: онъ разорвалъ зелёные бутоны, растрепалъ листики, и началъ звать брата и сестру.

— Идите, идите скорѣе! у меня уже расцвѣла гвоздика!

Прибѣжали Вася и Соня, и удивлялись, какъ это могло случиться. Но едва солнце взошло выше, цвѣты наклонили головки — и завяли.

* 99. Веселость птички.

Птичка надъ своимъ окошкомъ гнѣздышко для дѣтокъ вѣтъ: то соломку тащить въ ножкахъ, то пушокъ въ носу несётъ. Птичка домикъ сдѣлать хочетъ; солнышко взойдѣтъ, зайдѣтъ, — цѣлый день она хлопочетъ, но и цѣлый день поѣтъ. Ночь холодная настанетъ отъ рѣки туманъ пойдѣтъ, птичка душевѣнка устанетъ, спать и пѣть перестаетъ; но чуть утро, птичка снова пѣсню звонко заведѣтъ: весела, сыта, здорова, и поѣтъ себѣ, поѣтъ.

* 100. Капуста.

Въ саду трудолюбивой матери семейства разведено было нѣсколько разныхъ огородныхъ растеній. Однажды она сказала маленькой своей дочкѣ: «Лизенька! видишь ли ты на капустномъ листкѣ жёлтенькія яички; изъ нихъ породятся вредныя гусеницы. Постарайся сегодня послѣ обѣда очистить листки и растереть при-

липшия къ нимъ яички: тогда капуста наша останется хороша, свѣжа и зелена. Лиза, полагая, что всегда будетъ время заняться работою, перестала объ этомъ и думать. Мать ея, по болѣзни своей, нѣсколько недѣль не выходила въ садъ; но когда выздоровѣла, то взяла за руку небрежную дѣвочку и подвела её къ грядѣ капусты. Она вся была извѣдена; оставались только одни стебельки. Пристыжённая и испуганная дѣвочка плакала о своей небрежности; но мать сказала ей: «то, что можно слѣлать сегодня, никогда не отлагай до завтрашняго дня».

З а г а д к а .

Семьдесятъ одѣжекъ — всѣ безъ застѣжекъ.

101. Лисца и виноградъ.

Голодная кума лиса залѣзла въ садъ; въ немъ винограду кисти рдѣлись. У кумушки глаза и зубы разгорѣлись; а кисти сочныя, какъ яхонты горять; лишь то бѣда, висять онѣ высоко: отколъ и какъ она къ нимъ ни зайдетъ, хоть видитъ око, да зубъ нейметъ. ✕

Пробившись по-пусту часъ цѣлой, пошла и говорить съ досадою: «Ну, что-жъ! на взглядъ-то онъ хорошъ, да зелень — ягодки нѣтъ зрѣлой: тогчасъ оскомину набьешь. ✕

Крыловъ.

102. Шритча о дубовой бочкѣ:

Выросъ въ лѣсу, въ зеленой дубравѣ, дубъ безъ малаго въ обхватъ толщины, и сталъ онъ старѣться, дряблѣть. Пришелъ хозяинъ, срубилъ его и отдалъ въ руки мастеру; мастеръ распилилъ дубъ на доски, изъ досокъ подѣлалъ кленки собралъ ихъ, связалъ обручами, вставилъ по дну въ уторы — и вышла бочка. За бочку эту люди даютъ три цѣлковыхъ, въ бочкѣ этой люди воду возять, на бочку кто ни посмотритъ, говорить, что сработана хорошо: и мастеру на славу, и добрымъ людямъ на нужду, и что безъ бочки нельзя жить хозяйствомъ, нельзя жить безъ воды, а возить ее не близко, ведрами не наносишься.

Все бы это хорошо, да бочка наша какъ-то разохлась и разсыпалась. Хозяинъ ли не доглядѣлъ, сами-ль кленки промежъ собой повздорили да вмѣстѣ жить раздумали, — не знаю; да только разсыпалась бочка вся. Ребятишки растаскали обручи, стали катать ихъ по улицамъ и погонять хворостиной; кленки, подъ ногами навалывшись, пошли то въ печь, то подъ лавку, и о бочкѣ и помину не стало, словно ея на свѣтѣ не бывало.

Въ притчѣ этой рѣчь идетъ вотъ къ чему: — дубъ это православный прадѣдъ твой; кленки — все его сѣмя: и малъ и великъ; обручи — честь и смиреніе и доброе согласіе, которое держать и живеть и питаетъ односемьянъ; покуда кленки держались обручами, а цѣлая семья добрымъ согласіемъ въ одномъ кружкѣ, потуда все было хорошо, а какъ разсыпались кленки врозь, какъ не стало добраго согласія въ семьѣ, такъ всѣ пропали порознь, и слуху объ нихъ не стало.

Дружно не грузно, а врозь хоть брось; двѣ головни и въ чистомъ полѣ дымятся, а одна и на шесткѣ гаснетъ. *В. Даль.*

103. Грушевое дерево.

Старикъ Матвѣевъ сидѣлъ подь тѣнью большого грушеваго дерева, которое стояло передь его домомъ. Его внучата ѣли груши и не могли нахвалиться сладкими плодами.

Тогда дѣдъ сказалъ: я расскажу вамъ, какимъ образомъ это дерево здѣсь выросло. Прошло уже болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ я стоялъ однажды здѣсь — гдѣ въ то время ничего не было и гдѣ теперь стоитъ это дерево — и жаловался богатому сосѣду на свою бѣдность. Ахъ, говорилъ я, я былъ бы совершенно доволенъ, если бы могъ приобрѣсть хоть сто рублей.

Сосѣдъ, который былъ человѣкъ умный, сказалъ: это приобрѣсть не трудно, если только сдумѣешь хорошо приняться за дѣло. Вотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ты стоишь, сокрыто въ землѣ больше ста рублей. Тебѣ слѣдуетъ только достать ихъ.

Я былъ тогда еще неопытный молодой человѣкъ, и въ слѣдующую же ночь началъ рыть въ землѣ большую яму, но къ сожалѣнію не нашель ни одного рубля.

Когда на другой день сосѣдъ увидѣлъ яму, то такъ засмѣялся, что ухватился за оба бока, и сказалъ: «Я не думалъ, чтобы ты былъ такъ глупъ!... Но постой, и эта работа не пропала еще. Я подарю тебѣ молодое грушевое дерево; посади его въ яму, которую ты вырылъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ у тебя появятся рубли.

Я посадилъ молодое деревцо въ землю; оно выросло и стало тѣмъ прекраснымъ большимъ деревомъ, какимъ вы его теперь видите. Отличные плоды, которые оно съ тѣхъ поръ постоянно приноситъ, доставили мнѣ уже гораздо больше ста рублей, и кромѣ того составляютъ постоянный капиталъ, приносящій значительные проценты. Я не забылъ еще любимой поговорки умнаго сосѣда

касательно этого; замѣтите ее и вы: «самый надежный доход приносят трудъ и здравый смысл».

* 104. Щегленокъ.

Въ сильную стужу щегленокъ началъ биться въ окно поселанина, какъ бы желая влетѣть въ хижину. Поселянинъ открылъ окно и ласково впустилъ милую птичку въ своё жилище. Щегленокъ принялся клевать крошки хлѣба, упавшія со стола. Дѣти поселанина очень полюбили его.

Когда воротилась весна, и кусты покрылись зелѣными листьями, поселанинъ отворилъ окно, и маленькій его гость улетѣлъ въ соседнюю рощу, свилъ себѣ гнѣздо и запѣлъ весѣлую пѣсенку.

И что же? Когда наступила зима, щегленокъ опять прилетѣлъ въ хижину поселанина и привѣлъ съ собою свою маленькую подругу. И поселанинъ, и дѣти его обрадовались, видя, что птичка оказала имъ такое довѣріе; а дѣти высказали притомъ слѣдующее замѣчаніе: «птички смотрятъ на насъ, какъ будто желая сказать что-то».

— Правда, отвѣчалъ отецъ: и если бы онѣ могли говорить, то сказали бы вамъ: довѣріе рождаетъ довѣріе, а любовь производитъ любовь.

Загадка.

Шалочка алая, жилетка не тканая, кафтанчикъ рябенкій, а ходитъ босикомъ.

105. Добрая слава лучше богатства.

Въ одномъ селѣ жилъ бѣдный работникъ, Иванъ; жена его умерла, остался одинъ ребенокъ. Онъ кормилъ его тѣмъ, что зарабатывалъ; но однажды на работѣ онъ сильно простудился, и долженъ былъ съ недѣлю просидѣть дома. Къ концу недѣли у Ивана не оставалось никакого запаса; нечего было ѣсть ни ему, ни ребенку. Ивану оставалось одно — просить милостыни. Съ грустію, полубольной, Иванъ въ сумерки вышелъ изъ своей избытки, — чтобы попросить милостыни. Но страхъ и стыдъ овладѣвали имъ, какъ скоро онъ подходилъ къ воротамъ какого-нибудь дома. — «О! какъ тяжело протягивать руку за подаваніемъ», говорилъ онъ самъ себѣ. — И вотъ онъ хотѣлъ уже воротиться домой, какъ вдругъ почувствовалъ, что подъ ногою у него что-то зазвенѣло. Онъ нагибается, и что же? мѣшокъ съ серебряными денгами. Съ радостію поднялъ онъ мѣшокъ и поспѣшилъ

домой. «Теперь, говорил онъ самъ себѣ, я не буду бояться голода, есть на что кушать хлѣба и мнѣ, и ребенку; мнѣ не нужно будетъ просить милостыни.» Но потомъ внутри его заговорила совѣсть: «вѣдь деньги не твои, ты не нажилъ ихъ трудомъ: ты долженъ ихъ возвратить тому, кому онѣ принадлежать». Иванъ послушался голоса совѣсти, рано утромъ отнесъ деньги къ сельскому старшинѣ и просилъ объявить по селенію о его находкѣ. Хозяинъ денегъ тотчасъ нашелся; то былъ богатый торговецъ скотомъ. Онъ радъ былъ, что его деньги нашлись, и еще болѣе, что ихъ нашелъ честный человекъ; онъ щедро наградилъ бѣднаго Ивана. Все село узнало о его честномъ поступкѣ; всѣ спѣшили облегчить его положеніе, и Иванъ съ тѣхъ поръ не сталъ знать нужды, не надо было ему просить милостыни.

106. Вѣрочка и коноплянка.

Деревенскій староста, пришедшій на поклонъ къ своему господину, вздумалъ принести съ собою коноплянку, только что пойманную имъ въ самомъ гнѣздѣ. Онъ подарилъ ее шестилѣтней Вѣрочкѣ, дочери помѣщика, миленькой малюткѣ, составлявшей утѣшеніе и надежду родителей. Вѣрочка, полная радости, собственной ея возрасту, схватила птичку, стала ласкать, цѣловать, ее, и въ восторгѣ побѣжала къ матери.

Маменька, маменька! сказала она: посмотрите, какая хорошенькая конопляночка! Посмотрите, какъ она щиплетъ меня своимъ носикомъ; послушайте, какъ она поетъ!

— Она плачетъ, отвѣчала мать.

— Она плачетъ! Развѣ она злая? Зачѣмъ же она плачетъ?

— Знаешь ли зачѣмъ? она была у себя въ гнѣздѣ, и грѣла и кормила своихъ дѣтей, какъ кормятъ и грѣютъ ихъ насѣдки въ курятникѣ; а теперь ее унесли отсюда.

— А ея дѣти? что они будутъ дѣлать?

— Дѣти будутъ плакать, такъ же какъ и она, и будутъ звать ее и, можетъ быть, умрутъ отъ голоду и холоду.

Малютка задумалась; ея большіе голубые глаза устремлялись попеременно то на коноплянку, то на мать, и она сказала:

— Такъ это все равно, какъ еслибъ у меня отняли мою маменьку?

— Представь себѣ, что такъ и случилось: чего-бъ ты пожелала въ такомъ случаѣ?

— Чтобъ мнѣ ее возвратили въ ту же минуту, въ ту же минуту!

— И такъ? спросила мать.

— И такъ! отвѣчала малютка, и пальчики ея, державшіе птичку, разжались. Коноплянка, почувствовавъ свободу, радостно взлетѣла вверхъ и понеслась домой, возвратитъ дѣтямъ счастье и жизнь.

107. Цыганенокъ.

Мальчишка цыганенокъ — для всѣхъ чужой ребенокъ, сиротка круглый я. Гдѣ есть земля и небо, вода и корка хлѣба, тамъ родина моя.

Пустыня мнѣ обитель; и гдѣ ты, мой родитель, и гдѣ ты мать моя? Гдѣ васъ искать по свѣту, и живы-ль вы, или нѣту, увы! не знаю я.

Кто отпереть мнѣ двери?... Лѣсныя птицы, звѣри — вотъ вся моя семья. Въ судьбѣ моей безвѣстной отецъ мой Царь небесный, а мать — сыра земля.

108. Персики.

«Здравствуй жена, здорово ребята!» сказалъ Тихонъ Кузьмичъ входя въ избу. Онъ возвратился изъ города. Положивъ шапку на столъ, онъ опустилъ въ нее узелокъ, въ которомъ было что-то завязано, развязалъ кушакъ, снялъ кафтанъ, помолчился передъ образами и обратился опять къ дѣтямъ, которые пока подошли къ столу и заглядывали въ шапку.

«Ну, глядите ребята, какой гостинецъ прислалъ вамъ дядя Ефимъ.»

Тихонъ развязалъ платокъ.

«Эва какія яблочки», сказалъ Ваня, мальчикъ лѣтъ шести. «Ядъ-ка, мамушка, какія красныя.»

— Нѣтъ, это должно быть не яблоки, сказалъ Сергѣй, старшій сынъ. Видишь, какая на нихъ кожа, точно пушкомъ покрыта.

«Это персики», сказалъ отецъ. «Такихъ плодовъ вы еще не видывали. Дядя Ефимъ, который въ городѣ содержитъ садъ, развелъ ихъ въ оранжереѣ, и говоритъ, что персики растутъ только въ теплыхъ краяхъ, а у насъ могутъ созрѣвать только въ оранжереяхъ.»

— А что это за оранжерея? спросил Володя, третій сын Тихона.

«Это, видишь ли, большой домъ, у котораго одна стѣна въ ту сторону, которая на полдень, вся изъ рамъ; да и крыша, которая по эту сторону болѣе поката, тоже вся изъ рамъ со стеклами. Дядя Ефимъ толковалъ мнѣ, что это для того, чтобы солнышко севозъ стекла сильно пригрѣвало растенія. Къ веснѣ эти оранжереи топятъ. Такія печи тамъ особенныя сдѣланы, точно длинныя, узкія лежанки. — Вотъ тебѣ, жена, самый большой, прекрасный персикъ; а эти четыре вамъ, ребята.»

Вечеромъ Тихонъ спросилъ: «Ну что, дѣтки, какъ понравились вамъ персики?»

— Славный плодъ, отвѣчалъ Сергѣй: такой сочный, вкусный; я косточку хочу посадить въ горшечекъ, изъ него выйдетъ ростокъ; можетъ деревцо и приживется въ теплой избѣ.

«Хорошо», сказалъ отецъ. «Изъ тебя выйдетъ дѣльный крестьянинъ. Ты начинаешь заботиться о томъ, какъ бы развести что-нибудь хорошее.»

— А мнѣ, сказалъ маленькій Ваня, такъ полюбился персикъ, что я и у мамы выпросилъ половину, а косточку бросилъ.»

«Ну, ты еще вовсе глупенькій мышенокъ», сказалъ отецъ.

— Я, заговорилъ второй сынъ Василій, поднялъ косточку, которую бросилъ Ваня, и расколотилъ ее. Такая она была крѣпкая, а въ ней зерно, точно орѣхъ; только немного горчить. А персикъ свой я продалъ за гривенникъ. Чай онъ больше не стоитъ.

Покачалъ Тихонъ головой и отвѣчалъ сыну: «Ты рано начинаешь барышничать; не будетъ изъ тебя проку. Развѣ торгашомъ сдѣлаешься. — А что же ты, Володя, не скажешь ничего», продолжалъ Тихонъ, обращаясь къ третьему сыну, который стоялъ поодаль и будто не слышалъ, о чемъ говорить. «Вкусенъ ли былъ твой персикъ?»

— Не знаю, батюшка, отвѣчалъ Володя и опустилъ глаза.

«Какъ не знаешь?» спросилъ отецъ: «развѣ ты не съѣлъ его? что-жъ ты съ нимъ сдѣлалъ?»

— Я снесъ его больному Гришѣ, отвѣчалъ Володя: Гриша третью недѣлю не встаетъ съ постели, и такъ радъ, когда я приду къ нему. Я рассказалъ ему все, что ты говорилъ намъ объ оранжереяхъ, и онъ все любовался на персикъ; но когда я сказалъ, чтобъ онъ съѣлъ его, то Гриша не хотѣлъ взять. Я положилъ персикъ около него, да и убѣжалъ.

Мать подошла къ Володѣ и нѣжно поцѣловала его въ голову, а отецъ промолвилъ: «Да благословить тебя Господь, сынъ мой.»

109. Присутствіе духа крестьянской дѣвочки.

Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, въ деревню Коняеву ворвался волкъ; но случившіеся на улицѣ крестьяне прогнали его. Звѣрь кинулся бѣжать вдоль рѣки, гдѣ по несчастію въ то время ходили въ оврагѣ четыре крестьянскія дѣвочки; Настасья — 13, Оекла — 11, Степанида — 10 и Дарья 7 лѣтъ.

Разъяренный звѣрь бросился на нихъ, и сначала схватилъ самую меньшую, Дарью; но она успѣла вырваться и убѣжать въ деревню. Тогда волкъ бросился на Степаниду, схватилъ ее пастью перекинулъ себѣ на спину и скрылся въ кусты.

Изъ двухъ оставшихся на мѣстѣ дѣвочекъ одна Оекла не потерялась. Старшую Настасью она послала въ деревню звать людей на помощь, а сама схватила палку и побѣжала вслѣдъ за волкомъ. Волкъ же былъ недалеко: остановясь за ближними кустами, онъ грызъ несчастную Степаниду, а она бѣдная громко вопила и стонала. Оекла не только не оробѣла, но еще съ большею смѣлостію побѣжала къ волку, крича и махая палкою. Звѣрь не выпускалъ добычи изъ своихъ челюстей. Оекла продолжала кричать, подвигаясь ближе и ближе, такъ что наконецъ стала у волка передъ глазами, все махая палкою. Тогда волкъ озлился, бросилъ изгрызенную дѣвочку, поднялся на ноги и оскалилъ кровавые зубы на ея защитницу. Оекла и тутъ не испугалась: она заслонила собою израненную подругу и продолжая махать палкою успѣла дать время Степанидѣ всползти кое-какъ на берегъ оврага. Но тутъ Степаниду оставили силы, и она упала на землю въ изнеможеніи; здѣсь нашла ее Настасья, возвращавшаяся изъ деревни, и понесла домой.

Между тѣмъ Оекла, видя, что подруга спасена, стала сама отступать, отмахиваясь палкою отъ звѣря, который въ свою очередь, свирѣпѣя болѣе и болѣе, не отставалъ отъ дѣвочки; но къ счастью уже бѣжали изъ деревни на помощь взрослые люди, и волкъ, испугавшись крика, повернулся и пустился бѣжать въ лѣсъ.

Спасенную Степаниду принесли въ деревню безъ чувствъ; но раны были не смертельны: ее стали лечить, и она выздоровѣла

110. Демьянова уха.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ! пожалуй-ста, покушай.»

— Сосѣдушка, я сытъ по горло.

— «Нужды нѣтъ, еще тарелочку; послушай: ушица, ей же ей, на славу сварена!»

— Я три тарелки съѣлъ.

— «И полно, что за счѣты; лишь стало бы охоты, а то во здравье ѣшь до дна! Что за уха! да какъ жирна: какъ будто янтарежь подернулась она! Потѣшь же, миленькій дружечекъ! Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ. Еще хотъ ложечку!... Да кланяйся жена!»

Такъ потчиваль сосѣдь Демьянъ сосѣда Фоку, и не давалъ ему ни отдыху, ни сроку; а съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ. Однако же еще тарелку онъ беретъ: собирается съ послѣдней силой и очищаетъ всю.

— «Вотъ друга я люблю!» вскричалъ Демьянъ: «за то уктчванныхъ не терплю. Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»

Тутъ бѣдный Фока мой, какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой, схвата въ охапку кушакъ и шапку, скорѣй безъ памяти домой — и съ той поры къ Демьяну ни ногой. *Крыловъ.*

111. Волкъ и котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ, не въ гости, но животъ спасая; за шкуру онъ свою дрожаль: охотники за нимъ гнались, и гончихъ стая. Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота — да то лишь горе, что всѣ ворота на запорѣ.

Вотъ, видитъ волкъ мой на заборѣ kota и молить: «Васенька мой другъ! скажи скорѣе, кто здѣсь изъ мужиковъ добрѣе, чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ? Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ! все это вѣдь за мной.»

— «Проси скорѣй Степана: мужикъ предобрый онъ», котъ Васька говоритъ.

— «То такъ; да у него я ободраль барана.»

— «Ну, попытайся-жъ у Демьяна.»

— «Боюсь, что на меня и онъ сердить: я у него унесъ вленка.»

— «Бѣги-жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ.»

— «Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ: на ментъ съ весны грозится за агнепка!»

- «Ну, плохо-жь!... Но авось тебя укроет Климъ!»
- «Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!»
- «Что вижу, кумъ! ты всё въ деревнѣ насолилъ», ска-
заль тутъ Васька волку: «какую-жь ты себѣ защиту здѣсь су-
лилъ? Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку, чтобъ
на свою бѣду тебя спасли они. И правы; самъ себя вини: что
ты посѣялъ, то и жни.»

Крыловъ.

112. Семилѣтка.

Жили, были два брата: богатый и бѣдный. Бѣдный-то овдо-
вѣлъ; отъ жены осталась дочка на седьмомъ году, оттого и про-
звали ее Семилѣткой. Только богатый и подарилъ Семилѣткѣ
плохенькую телушку. Семилѣтка поила, кормила, холила телуш-
ку, и изъ нея стала славная корова и принесла ей теленка.
Только пришли къ Семилѣткѣ въ гости дочери богатаго дяди
и увидали телушку; пошли и сказали отцу. Богатому и за-
хотѣлось отнять телушку, а бѣдный-то не отдаетъ. Спори-
ли, спорили они; пришли къ воеводѣ, просятъ разобрать ихъ
дѣло. Богатый и говорить: «я, говорить, дарилъ племянницѣ
только телушку, а не приплодъ». А бѣдный говорить: «те-
лушка моя, такъ и приплодъ мой». Какъ тутъ рѣшить дѣ-
ло? Воевода и говорить имъ: «вотъ отгадайте три загадки;
кто отгадаетъ, того и телушка! Сперва отгадайте: что всего бы-
стрѣе?»

Пошли мужики домой. Бѣдный и думаетъ: «что тутъ сказать?»
— и говорить Семилѣткѣ: «дочка, дочка! воевода-то велѣлъ
отгадать, что на свѣтѣ всего быстрѣе? что я ему скажу?» — Не
тужи, батюшка: утро вечера мудренѣе. — Легъ онъ спать.
Утромъ и будить его Семилѣтка: «Вставай, батюшка! пора идти
къ воеводѣ. Ступай да скажи, что всего быстрѣе на свѣтѣ *мысль*».
Всталъ мужикъ, отправился къ воеводѣ; пришелъ и братъ. Вы-
шелъ къ нимъ воевода и спрашиваетъ: «ну, скажите, что всего
быстрѣе?» Богатый выскочилъ впередъ и говорить: «у меня, го-
ворить, есть конь такой быстрый, что никто его не обгонитъ;
онъ всего быстрѣе». Воевода засмѣялся и говорить бѣдному: «ты
что скажешь» — Мысль всего быстрѣе на свѣтѣ! — Воевода уди-
вился и спрашиваетъ: «кто тебя этому научилъ?» — Дочь Семилѣ-
тка. — «Ну, хорошо. Отгадайте теперь: что на свѣтѣ всего
жирнѣе?»

Пришли мужики домой. Бѣдный приходит и говорить Семилѣткѣ: «воевода намъ загадалъ: что на свѣтѣ всего жирнѣе? какъ тутъ отгадать?» — Ну, батюшка, не тужи: утро вечера мудренѣе. — Старикъ легъ спать. Утромъ Семилѣтка и будить его: «Вставай, батюшка! пора къ воеводѣ идти. Спросить онъ тебя: что всего жирнѣе? — скажи, что всего жирнѣе *земля*, потому что она производить всякіе плоды.» — Всталъ отецъ, пришелъ къ воеводѣ — пришелъ и богатый. Вышелъ воевода и спрашиваетъ: «ну, что? придумали — что всего жирнѣе!» — Богатый выскочилъ впередъ и говорить; «у меня есть борозъ, да такой жирный: жирнѣе его нѣтъ ничего! Онъ всего жирнѣе!» Воевода засмѣялся и спрашиваетъ бѣднаго: «ну, а ты что скажешь?» — Земля всего жирнѣе, потому что она производить всякіе плоды! — Воевода удивился и спрашиваетъ: «кто тебя этому научилъ?» — Дочь, говорить, Семилѣтка! — «Ну, хорошо. Теперь отгадайте: что на свѣтѣ всего милѣе?»

Пошли мужики домой. Пришелъ бѣдный и говорить Семилѣткѣ: «такъ и такъ воевода загадалъ. Что теперь дѣлать?» — Ну, тятенька, не тужи: утро вечера мудренѣе. — Онъ легъ спать. Утромъ будить она его и говорить: «Вставай, батюшка! пора идти къ воеводѣ. Станетъ онъ тебя спрашивать, скажи, что всего милѣе чловѣку *сонъ*: во снѣ всякое горе позабывается!» Всталъ отецъ, пошелъ къ воеводѣ; пришелъ и богатый. Вышелъ воевода и говорить: «ну, скажите: что всего милѣе на свѣтѣ?» — Богатый выскочилъ впередъ и кричить: «жена на свѣтѣ всего милѣе!» — Воевода засмѣялся и спрашиваетъ бѣднаго: «а ты что скажешь?» — Сонъ на свѣтѣ для чловѣка всего милѣе: во снѣ всякое горе позабывается! — Воевода удивился и спрашиваетъ его: «кто тебѣ это сказалъ?» — Дочь Семилѣтка.

Воевода и говорить старику: «ступай скажи своей Семилѣткѣ, чтобы она ко мнѣ пришла ни пѣшкомъ, ни на лошади, ни на саняхъ, ни на телегѣ, ни нага, ни одѣта и чтобы принесла ни подарокъ, ни отдарокъ!» Приходитъ отецъ домой, рассказалъ все дочери. Вотъ на другой день Семилѣтка взяла сняла съ себя одежду и обернулась мережей, взяла голубя, отправилась къ воеводѣ и подала ему голубя. Голубь тотчасъ вырвался и улетѣлъ. Перехитрила она воеводу; а она ему очень понравилась. Видитъ онъ, что она хитра-мудрена, взялъ на ней и женился. Стали жить да оживать, да добра наживать, а худо проживать.

113. Брестьянская пирушка.

Ворота тесовы растворилися, на коняхъ на саняхъ, гости въѣхали; имъ хозяинъ съ женой низко кланялись; со двора повели въ свѣтлу горенку. Передъ Спасомъ Святымъ гости молятся; за дубовы столы, за набранные, на сосновыхъ скамьяхъ сѣли званые. На столахъ курь, гусей много жареныхъ, пироговъ, ветчины блюда полныя. Гости пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторять, про хлѣба, про покось, про старинушку; какъ-то Богъ и Господь хлѣбъ уродить намъ? какъ-то сѣно въ степи будетъ зелено? — Гости пьютъ и ѣдятъ, забавляются отъ вечерней зари до полуночи. По селу пѣтухи перекликнулись; призатихъ говоръ шумъ въ темной горенкѣ; отъ воротъ поворотъ видѣнъ по снѣгу

Кольцовъ.

114. Два мужика.

— «Здорово, кумъ Ѡаддей!»

— «Здорово, кумъ Егорь!»

— «Ну каково, пріятель, поживаешь?»

— «Охъ, кумъ, бѣды моей ты, вижу, и не знаешь? Богъ посѣтилъ меня: я смегъ до тла свой дворъ, и по міру пошелъ съ тѣхъ поръ.»

— «Какъ такъ? Плохая, кумъ, и грушка!»

— «Да такъ! О Рождествѣ у насъ была пирушка; я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ: признаться, въ головѣ шумѣло; я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ; а дворъ и все добро сгорѣло. Ну, ты какъ?»

— «Охъ, Ѡаддей, худое дѣло! и на меня прогнѣвался знать Богъ: ты видишь, я безъ ногъ; какъ самъ остался живъ, считаю право дивомъ. Я, тожъ о Рождествѣ, пошелъ въ лѣдникъ за пивомъ, и тожъ черезъ чуръ, признаться, я хлебнулъ съ друзьями полугара; а чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожара, такъ я свѣчу совѣмъ задулъ: анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ, что сдѣлалъ изъ меня совѣмъ не человѣка, и вотъ я съ той поры калѣка.»

— «Пеняйте на себя, друзья!» сказалъ имъ свать Степанъ: «кожь молвить правду, я совѣмъ не чту за чудо, что ты смегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ: для пьянаго и со свѣчею худо, да врядъ не хуже-ль и въ потьмахъ.»

Крыловъ.

* 115. Сельскій вечерь.

Солнышко заходить и темнѣеть день; отъ горы упала на селенье тѣнь; лишь церковный куполь солнцемъ озарѣнь, и открыта церковь и несѣтся звонъ.

Колоколь къ вечернѣ христіанъ зоветъ: завтра воскресенье — отдыхъ отъ работъ. И услыша въ полѣ колокола зовъ, селянинъ къ селенью ужъ погналъ воловъ.

А въ селеньи церковь ужъ полна людей, и блеститъ огнями множество свѣчей: свѣчи трудовыя ярче звѣздъ горятъ, и молитву люди въ простотѣ творятъ.

А въ опрятной хатѣ молодая мать, сына усыпляя, стала припѣвать: «Спи, сынокъ, а завтра въ церковь мы пойдѣмъ, свѣчку и молитву Богу принесѣмъ. Богъ увидитъ свѣчку, Богъ услышитъ насъ, — и на полѣ дождикъ дастъ намъ въ добрый часъ. Хлѣбъ намъ уродится, хлѣбъ мы соберѣмъ, — и сына накормимъ сытнымъ пирогомъ.»

116. Всенощная въ деревнѣ.

День вечерѣль. Косая тѣнь ложилась низко и широко... За утро праздникъ, вѣщій день Ильи, гремящаго пророка...

Приди ты, немощный, приди ты, радостный! Звонятъ ко всенощной, къ молитвѣмъ благоутробной; и звонъ смиряющій всѣмъ въ душу просится, окрестъ съзывающій, въ поляхъ разносится...

Въ Холмахъ, селѣ большомъ, есть церковь новая; воздвигла Божій домъ сума торговая; и службы Божіи богато справлены, иконъ подножія свѣчами уставлены.

И старъ и малъ войдетъ: сперва помолится, поклонъ земной кладетъ, кругомъ поклонится... И стройно клирное несется пѣніе, и дьяконъ мирное твердитъ глашеніе: о благодарственномъ трудѣ молящихся, о градѣ царственномъ, о всѣхъ трудящихся, о тѣхъ, кому въ удѣлъ страданье задано...

А въ церкви дымъ висѣлъ густой отъ ладона, и заходящими лучами сильными и вросъ блестящими столбами пыльными — отъ солнца — Божій храмъ горитъ и свѣтится; стоитъ Алешка тамъ и также свѣтится довольствомъ, радостью, здоровьемъ въ добрый часъ, удачей, младостью и тѣмъ, что въ первый разъ на кружку вынулъ онъ изъ сумы кожаной и слышалъ мѣдный звонъ копейки сложенной, въ трудѣ добытой имъ... Въ окно-жъ открытое несется янній дымъ и пѣнье слитое.

И. Аксаковъ.

Загадки.

1. Летить звѣрокъ чрезъ Божій домогъ, самъ съ собою говорить: вотъ моя силка горить.
2. И малъ и пагъ, со слезами Богу молится.

117. Сельское владѣнще.

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою; шумящія стада толпятся надъ рѣкой; усталый селянинъ медлительной стоною идетъ задумавшись въ шалашъ покойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ... повсюду тишина: повсюду мертвый сонъ: лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ, лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ. Лишь диня сова, таясь подъ древнимъ сводомъ той башни, сбѣуетъ, внимаема луной, на возмущеннаго полуночнымъ приходомъ ея безюлвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ чѣрныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ, которыя окрестъ, развѣсившись, стоятъ, здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ на вѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.

Дюковский.

Загадки.

1. Кто дѣлаетъ — не для себя, кто покупаетъ — тому не нуженъ, а кому нуженъ — тотъ не вѣдаетъ.
2. Село заселено: пѣтухи не поютъ, и люди не встаютъ.

118. Неустрашимый мальчикъ.

Въ Ковенской губерніи, въ городѣ Шавляхъ, Казимиръ Глосовскій, по бѣдности, жилъ въ сушильнѣ своего сосѣда Александровича. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1845 года Глосовскій отлучился въ гоодъ Россіены. Дома осталась жена Глосовскаго и трое малолѣтнихъ дѣтей: дочь Оекла 6-ти лѣтъ и сыновья Петръ 4-хъ и Михайла 3-хъ лѣтъ. Мать затонила печку и вышла на время издому, посмотрѣть скотину. Что дѣлали оставленные безъ присмотра дѣти, неизвѣстно, — но вѣроятно, по неразумію, стали палить съ огнемъ, потому что въ сушильнѣ сдѣлался пожаръ. Первый замѣтилъ это девятилѣтній мальчикъ, Калиникъ, сынъ хозяина, игравшій на дворѣ.

Не думая долго, Калиникъ бросился въ сушильню; видитъ, что пламя уже почти охватило дѣтей. Онъ схватилъ ихъ въ руки и вытащилъ на дворъ. Межъ тѣмъ прибѣжали и взрослые. Пожаръ потушить уже было невозможно; сушильня сгорѣла, но

трое дѣтей были спасены пеуграшимостію 9-тилѣтнаго Кали-
ника.

119. Природа и жизнь въ деревнѣ.

Все такъ спокойно, кругомъ тишина; сосны вершинами ма-
шутъ привѣтно; кажется, шепчуть, струясь незамѣтно, волны
подъ сводомъ зеленыхъ вѣтвей: «Путникъ усталый! бросайся ско-
рѣй въ наши объятія: мы добры и рады дать тебѣ сколько те
хочешь прохлады.»

Полеми идешь — все цвѣты; да цвѣты; въ небо глядишь —
съ голубой высоты солнце смѣется... Лигуетъ природа! Всюду
приволье, покой и свобода; только у мельницы злится рѣка: нѣтъ
ей простора... неволя горьга!... Бѣдная, какъ она вырваться хо-
четь! брызгается пѣной, бурлитъ и клокочетъ: но не прорвать ей
плотины своей и не уйти... такъ назначено ей.

Вотъ на распаханной, черной полянѣ, землю взрывая, бре-
дутъ поселяне... Весело видѣть семью поселянъ, въ землю бро-
сающихъ горсти сѣмянъ; дорого-любо, кормилица нива, видѣтъ
какъ ты колосишься красиво, какъ ты, янтарнымъ зерномъ на-
лпта, гордо стоишь, висока и густа!... Но веселѣй нѣтъ поры
умолота! Легкая дружно спорится работа; вторить ей эхо лѣсовъ
и полей словно кричить: «поскорѣй! поскорѣй!» Звукъ благо-
датный! Кого онъ разбудить, вѣрно весь день тому весело бу-
детъ!... Утромъ проснешься — бѣжишь на гумно. Солнышка нѣтъ
— ни свѣтло, ни темно; только что шумное стадо прогнали....
Какъ на подмерзшей грязи натоптали лошади, овцы!... Парнымъ
молокомъ въ воздухъ пахнетъ... Мотая хвостомъ, за нагруженной
снопами телегой чинно идетъ жеребёночекъ пѣгой. Паръ изъ от-
воренной риги валить, кто-то въ огнѣ тамъ у печки сидитъ; а
на гумнѣ только руки мелькають, да высоко молотила взлетаютъ,
не успѣваетъ улечься ихъ тѣнь — скоро на отдыхъ пошлетъ ее
день....

Н. Некрасовъ.

120. Деревенскій вечеръ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада. Длинный день погончилъ
рядъ заботъ; по дворамъ давно загнали стадо, и косцы верну-
лись съ работъ. Потемнѣтъ зоря уже готова; тихо все. Часъ
ночи не далекъ. Подымался и улечься снова на закатѣ легкій вѣ-
терокъ!... Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій слышенъ лай;
молвятъ голоса... Пылъ стѣглась; остылъ песокъ горячій.

сильно на землю роса. По краямъ темнѣющаго свода тѣни всѣ, широкія, слились; встрѣтить ночь готовится природа, запахи отовсюду понеслись. Въ тишинѣ жизнь новая творится: зрячею проснулася сова, и встаетъ и будто шевелится, и растетъ и шепчется трава! Гдѣ-жъ крестьяне? День работавъ бодро, всѣ теперь за ужиномъ они: толкъ идетъ, чтобъ устояло ведро, чтобъ еще продлились эти дни! Нѣтъ, ужъ дождь ихъ къ утру не разбудить, облака давно сбѣжали прочь!... Что за вечеръ!... И какая будетъ теплая и мѣсячная ночь!

И. Аксаковъ.

121. Зимняя ночь въ деревнѣ.

Весело сіяетъ мѣсяцъ надъ селомъ; бѣлый снѣгъ сверкаетъ синимъ огонькомъ. Мѣсяца лучами Божій храмъ облить; крестъ подъ облаками, какъ свѣча, горить. Пусто, одиноко сонное село; вьюгами глубоко избы занесло. Тишина нѣмая въ улицахъ пустыхъ, и не слышно дая псовъ сторожевыхъ.

Помоляся Богу, спитъ крестьянскій людъ, позабывъ тревогу и тяжелый трудъ. Лишь въ одной избушкѣ огонекъ горить: бѣдная старушка тамъ больна лежитъ. Думаетъ, гадаетъ про своихъ сиротъ: кто ихъ приласкаетъ, какъ она умереть. Горемыки дѣтки! Долго ли до бѣды! Оба малолѣтки, разуму въ нихъ нѣтъ; какъ начнутъ шататься по дворамъ чужимъ, мудрено-ль связаться съ человѣкомъ злымъ. А ужъ тутъ дорога не къ добру лежитъ: позабудутъ Бога, потеряютъ стыдъ. Господи, помилуй горемыкъ сиротъ! дай имъ разумъ — силу, будь ты имъ въ оплотъ!

И въ лампадкѣ мѣдной теплится огонь, освѣщая блѣдно лицъ святыхъ иконъ и черты старушки, полная заботъ, и въ углу избушки дремлющихъ сиротъ. Вотъ пѣтухъ бессонный гдѣ-то закричалъ; полночи спокойной долгій часъ насталь. И Богъ вѣсть отколѣ пѣсенникъ лихой вдругъ промчался въ полѣ съ тройкой удалой, и въ морозной дали тихо потонулъ и нагѣвъ печали и тоски разгуль,

Никитинъ.

122. Деревенскій сторожъ.

Ночь темна, на небѣ тучи, бѣлый снѣгъ кругомъ, и разлитъ морозъ трескучій въ воздухъ ночномъ. Вдоль по улицѣ широкой избы мужиковъ — ходитъ сторожъ одинокій, слышенъ скрипъ шаговъ. Зябнетъ сторожъ, вьюга смѣло злится верругъ него, на морозѣ побѣлѣла борода его. Скучно! радость измѣнила, скучно одному; пѣснь его звучитъ уныло сквозь мятель и тьму. Ходитъ онъ въ ночи безлунной, бѣла утра ждетъ, и въ краѣ доски чур

ной съ тайной грустью бьетъ; и качаясь завываетъ звонкая доска..
 пуще сердце замираетъ, тяжелой тоска. Огаревъ.

123. Пословицы изъ сельскаго быта.

Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. Не выноси изъ избы сору, такъ меньше вздору. Пряди всякъ свою пряжу. Не плюй въ чужой колодезь, случится въ немъ воды испить. Новая метла чисто мететь. Готовь лѣтомъ сани, а зимой телѣгу.

Хвастать не колеса мазать. Хата бѣла, да безъ хлѣба бѣда. Не красна изба углами, красна пирогами. Частыя пирушки изведутъ полушки. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Потчивать потчуй, а неволить не неволь. Хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь. Хлѣбъ-соль кушай, а добрыхъ людей слушай. Около хлѣба и мыши водятся. Твоими бы устами да медъ пить. Ёшь до сыта, работай до поту. Работа да руки надежныя въ людяхъ поруки. Дѣлать — не я, работать — не я, а ёсть кисель — иѣтъ противъ меня. Сытъ поросенокъ — каша не ёсть. На ретивую лошадь не кнуть, а возжи. Одна паршивая овца все стадо портить. Коли орать, такъ въ дуду не играть. Хотя хлѣбы хороши, а пашню паши. Всякому овощу свое время. Что посеешь, то и пожнешь. Худая трава изъ поля вонь. Не хвали вѣтра, не извѣявъ жита. Не смѣйся горохъ, не лучше бобовъ. Не всякій хлѣбъ пашеть, да всякій его ёсть. Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника. Кто потѣбеть на нивѣ, да молится Богу въ клѣти, тотъ съ голоду не умретъ. Нашла коса на камень. Мни ленъ долъ, волокна будутъ болѣ. Зяблыя сѣмена всегда поздно всходятъ. Жернова сами не ѣдятъ, а людямъ муку строятъ. Всякому зерну своя борозда.

Б. ПОЛЕ.

124. Лѣтний мужикъ.

Что ты спишь, мужичекъ? Вѣдь весна на дворѣ; вѣдь сосѣди твои работаютъ давно. Встань, проснись, подымись, на себя погляди: что ты былъ? и что сталъ? и что есть у тебя? На гумнѣ — ни снопа, въ закромахъ ни зерна; на дворѣ, по травѣ — хоть шаромъ покати. Изъ клѣтей домовою соръ метлою посмель, и лошадокъ за долъ по сосѣдямъ развелъ. И подъ лавкой сундукъ опрокинуть лежить; и погнувшись изба, какъ старушка стоитъ. Вспомни время свое: какъ катилось оно по полямъ и лугамъ золотою рѣкой, — со двора и гумна по дорожкѣ большой, по селамъ, городамъ, по торговымъ людямъ! И какъ двери ему растворяли вездѣ, и въ почетномъ углѣ было мѣсто твое! А теперь въ окно ты съ нуждою сидишь, и весь день на печи безъ

просыпу лежишь. А въ поляхъ, сиротой, хлѣбъ нескошенъ стоитъ. Вѣтеръ точить зерно, птица клюетъ его!...

Что ты спишь, мужичекъ? Вѣдь ужъ лѣто прошло, вѣдь ужъ осень на дворъ черезъ прясло глядитъ. Вслѣдъ за нею зима въ теплой шубѣ идетъ, путь снѣжкомъ порошить, подъ санями хруститъ. Всѣ сосѣди на нихъ хлѣбъ везутъ, продаютъ, собираютъ газну, бражку ковшикомъ пьютъ.

Кольцовъ.

125. Мужикъ и заяцъ.

Бѣдный мужикъ, идучи по чистому полю, увидалъ подъ кустомъ зайца, обрадовался и говорить: «Вотъ когда заживу домомъ-то! Возьму этого зайца, убью плетью, да продамъ за четыре алтына; на тѣ деньги куплю свинушку, она принесетъ мнѣ двѣнадцать поросенковъ; поросятки выростутъ, принесутъ еще по двѣнадцати; я всѣхъ прикормлю, амбаръ мяса накоплю, мясо продамъ, а на денежки домъ заведу, да самъ женюсь; жена-то родитъ мнѣ двухъ сыновей: Ваську да Ваньку. Дѣтки гануть пашню пахать, а я буду подъ окномъ сидѣть да порядки давать: эй вы, ребятки, крикну, Васька да Ванька! шибко одеи на работу не туганьте; видно сами бѣдно не живали!» а такъ-то громко крикнулъ мужикъ, что заяцъ испугался и убежалъ, а домъ со всѣмъ богатствомъ, съ женой и съ дѣтьми пропалъ.

126. Загадка мужика.

Вблизи большой дороги засѣвалъ мужикъ поляну. На то время калъ царь; остановился противъ мужика и сказалъ: «Богъ поощи, мужичокъ!» — Спасибо, добрый человекъ! (Онъ не зналъ то это царь.) «Много ли получаешь съ этой поляны пользы?» просилъ царь. — Да при хорошемъ урожаѣ рублей съ восемьдесятъ будетъ. «Куда-жъ эти деньги дѣлаешь?» — Двадцать рублей подать взношу, двадцать — долгу плачу, двадцать — взаимную, да двадцать — за окно кидая. «Растолкуй же, братецъ, кой ты долгъ платишь, кому взаимны даешь, и зачѣмъ за окно даешь?» — Долгъ плачу — отца содержи, взаимны даю — сына кормлю, за окно кидая — дочь питаю. «Правда твоя!» сказалъ сударь; далъ ему горсть серебра, объявилъ себя, что онъ царь, заповѣдалъ: безъ его лица никому тѣхъ рѣчей не сказывать: то бы ни спрашивалъ, никому не говори!» Приѣхалъ царь въ столицу и созвалъ бояръ да генераловъ: «разгадайте, говорятъ, мнѣ загадку. Видѣлъ я по дорогѣ мужика — засѣвалъ

полянку; спросилъ у него: сколько онъ пользы получаетъ и куда деньги дѣваетъ? Мужичокъ мнѣ отвѣчалъ: при урожаѣ восемьдесятъ рублей получаю; двадцать въ подать взношу, двадцать — долгу плачу, двадцать — займы даю, да двадцать за окно кидая. Кто изъ васъ разгадаетъ эту загадку, того большихъ награду, большихъ почестей удостою.» Бояре и генералы думали, думали, не могли разгадать. Вотъ одинъ бояринъ вздумалъ и отправился къ тому мужику, съ которымъ царь разговаривалъ, насыпалъ ему цѣлую грудку серебряныхъ рублевиковъ, и просить: «объясни-де, растолкуй царскую загадку!» Мужикъ позарился на деньги, взялъ да и объявилъ про все боярину; а бояринъ воротился къ царю и сейчасъ растолковалъ загадку. Царь видитъ, что мужикъ не сдержалъ заповѣди, приказалъ его предъ себя достать. Мужикъ явился къ царю и сознался, что это онъ рассказалъ боярину. «Ну, братъ, пеняй на себя, а за такую провинность велю казнить тебя смертію!» Ваше величество! я ничѣмъ не виновенъ, потому что боярину рассказалъ я при вашемъ царскомъ лицѣ. Тутъ вынулъ мужикъ изъ кармана серебряный рубленикъ съ царскою персоной и показалъ государю. «Правда твоя! сказалъ государь: это моя персона.» Наградилъ щедро мужика и отпустилъ домой.

127. Пѣсня пахара.

Ну! тащися, сивка, пашней десятиной, выбѣлимъ желѣзо о сырую землю. Красавица зорька въ небѣ загорѣлась, изъ большого лѣса солнышко выходить. Весело на пашнѣ: ну! тащися, сивка! я самъ-другъ съ тобою, слуга и хозяинъ. Весело я лажу борону и соху, телегу готовлю, зерна насыпаю. Весело гляжу я на гумно, на скирды, молочу и вѣю... ну! тащися, сивка!

Пашеньку мы рано съ сивкою распашемъ, зернышку стоговимъ колыбель святую. Его вспонить, вскормить мать земля сырая, выйдеть въ полѣ травка — ну! тащися, сивка! — выйдеть въ полѣ травка, выростеть и колось, станеть спѣть, рядиться въ золотыя тѣгани. Заблестить нашъ серпъ здѣсь, зазвенять здѣсь косы; сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ.

Ну, тащися, сивка! Накормлю до сыта, напою водою, водою ключевою. Съ тихою молитвой я вспашу, посею: уроди мнѣ, Боже, хлѣбъ — мое богатство!

Колыцовъ.

Загадка.

Временемъ разсѣваю, временемъ собираю, самъ сытъ бываю и людей кормлю.

* 128. Муха.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ, а муха у него сидѣла на рогахъ, и муху же они дорогой повстрѣчали. Откуда ты, сестра? отъ этой былъ вопросъ. А та, поднявши носъ, въ отвѣтъ ей говоритъ: откуда? мы пахали!

Дмитріевъ.

129. Ворона и кувшинъ.

Во всѣхъ почти дѣлахъ догада намъ нужна. — Ворона бѣдная отъ жажды умирала, и гдѣ-то на полѣ она кувшинъ съ водою сыскала; но вотъ бѣда: низка была для ней въ колодецѣ томъ вода, — какъ станешь пить? Не можно влѣзть туда; кувшинъ великъ, нельзя его ворошъ сдвинуть, не только опрокинуть; а надобно воды достать. Вотъ стала камешки она въ него бросать; съ краями наравнѣ вода приподнялася, и тутъ уже моя ворона напилася.

Измайловъ.

130. Крестьянинъ и лошадь.

Крестьянинъ засѣвалъ овесъ; то видя лошадь молодая такъ, про себя ворчала, разсуждая: «за дѣломъ столько онъ овса сюда принесъ! Вотъ говорятъ, что люди насъ умнѣе: что можетъ быть безумнѣй и смѣшнѣе, какъ поле цѣлое изрыть, чтобъ послѣ разсорить на немъ овесъ свой по пустому? Стравилъ бы онъ его или мнѣ, или гнѣдому; хотъ курамъ бы его онъ вздумалъ разбросать; все было-бъ болѣе похоже то на стать; хотъ спряталъ бы его: я видѣла-бъ въ томъ скупость; а по-пусту бросать! нѣтъ это просто глупость!»

Вотъ къ осени межъ тѣмъ овесъ тотъ убранный былъ, и нашъ крестьянинъ имъ того-жъ коня кормилъ.

Крыловъ.

131. Сѣяніе раи.

Сѣятель сыплеть сѣмена полною рукою въ рыхлую землю и чудно воскресаетъ посѣянное.

Земля принимаетъ зернышко въ нѣдра свои, и въ тишинѣ развиваетъ его; нѣжный отросточекъ выходитъ изъ него и поднимаетъ вверхъ свою красноватую головку.

Голый малютка стоитъ и зябнетъ, и молить у него росы и солнышка; а солнышко на высокомъ пути своемъ съ любовію смотритъ на земную малютку.

Вскорѣ настаютъ морозы и бури, отъ которыхъ прячется человѣкъ и червякъ; отросточку такъ же не избавиться отъ нихъ; онъ

долженъ стоять на вѣтру и на холодѣ. Но ему не вредить ни то, ни другое: небо, полное любви къ нему, покрываетъ его бѣлымъ снѣгомъ, и малютка засыпаетъ тихимъ сномъ.

Скоро пролетаетъ мрачная зима, начинается пѣть жаворонокъ, и убираетъ долину свѣжею зеленью.

Хлѣбное поле покрывается прекрасными курчавыми колосьями; подуетъ вѣтеръ — и оно заволнуется туда и сюда, какъ тихое зеленое море.

Солнышко сіяетъ съ небесъ на хлѣбные колосья; земля по коится въ безмятежномъ блескѣ; золотой вѣнокъ ржи укрываетъ ее.

Жатва подходит: серпы звучать, снопы шумятъ, и къ небу стремятся громкіе крики радости и тихое благодареніе сердца.

132. Священникъ и крестьянинъ.

Прогуливаясь въ полѣ, одинъ деревенскій священникъ, почтенный старикъ, встрѣтился съ крестьяниномъ, который задумчивъ стоялъ и смотрѣлъ на ниву.

— Что съ тобою, сынъ мой? спросилъ его добрый священникъ.

— Горюю, батюшка, что ячмень мой не хочетъ всходить — отвѣчать крестьянинъ.

— Напрасно и неразумно твое горе, сказалъ старикъ: развѣ бы ты цѣлый день простоялъ здѣсь задумавшись, то отъ этого ни одно зерно не дастъ отпрыска. И мой ячмень до сихъ поръ не всходитъ, однако же я не горюю. Я вспахалъ хорошо поле, очистилъ отъ травъ, посѣялъ въ него здоровое зерно, а остальное поручилъ Господу Богу. Вспахать и посѣять можетъ человекъ, а остальное должно возрастить и дать плодъ — не въ нашей волѣ. Мы обязаны исполнить только то, что отъ насъ требуется; все же остальное должны предоставить Творцу: Онъ позаботится о нашемъ благоденствіи.

* 133. Чистое небо и тучи.

Крестьянскій мальчикъ сказалъ съ презрѣніемъ о тучахъ, что онѣ только и дѣлаютъ, что застилаютъ чудную синеву неба. Но это ему отецъ возразилъ: «Другъ мой, ты говоришь очень нерзумно; конечно видъ чистаго неба пріятенъ, но сѣрыя тучи дѣлаютъ намъ благодать Божія.»

134. Лѣтній дождь.

«Золото, золото падаетъ съ неба!» дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ... — Полно-те, дѣти, его мы сберемъ, только сберемъ золотистымъ зерномъ въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба!

Помнишь — мы не ждали ни дождя, ни грома, вдругъ застала насъ ливень далеко отъ дома. Мы сѣлиныи скрыться подъ мохнатой елью... Не было конца тутъ страху и веселью! Дождикъ лиль сквозь солнце, и подъ елью мшистой мы стояли точно въ вѣткѣ золотистой; по землѣ вокругъ насъ точно жемчугъ прыгаль, капли дождевыя, скатываясь съ иголь, падали, блистая на твою головку... Помнишь — какъ все тише смѣхъ нашъ становился... Вдругъ надъ нами прямо громъ перекатился — ты ко мнѣ прижался, въ страхѣ очи жмура... Благодатный дождикъ! золотая буре!

А. Майковъ.

Загадки.

1. Меня частенько просятъ, ждуть; а только покажусь, то прятаться начнутъ.

2. Въ ненастье долженъ я гулять, а въ ясный день въ углу стоять, вы носите меня надъ вами; но что же я? скажите сами.

135. Два крестьянина и облако.

«Смотри-ка, братъ Антонъ!» сосѣду говорить крестьянинъ Агаонъ, а самъ весь поблѣднѣлъ и такъ, какъ листъ, трясется: «смотри-ка, туча къ намъ несется!»

— Такъ что-жь?

— «Какъ что? да градъ пойдетъ и хлѣбъ у насъ побьетъ; все пропадетъ: озимое и яровое; голодный будетъ годъ, а тамъ, гляди, и моръ!...»

— Пустое, братъ сосѣдъ, пустое. Какой несешь ты вздоръ! Не градъ, а дождь пойдетъ: давно къ дождю вѣдь парить.... Вотъ каплетъ, кажется. Ужь то-то хлѣбъ поправитъ! Мы уберемъ его и много продадимъ, да браги наваримъ: гуляй и пей уже зимою! Пусть дождь идетъ, я очень радъ!

— «Ну, посмотри посылетъ градъ.»

— Нѣтъ, дождь пойдетъ.

— «Градъ.»

— Дождь.

— «Не спорь же ты со мною.»

— Да что и спорить съ дуракомъ!...

Антонъ за это хватъ сосѣда кулакомъ; тотъ въ ухо самъ его, и драка началась. Ни градъ, ни дождь еще неидетъ, а кровь изъ обоихъ ужъ льетъ. Межъ тѣмъ прочистилось и — туча пронеслася.

Измайловъ.

136. Нива.

По нивѣ прохожу я узкою межей, поросшей кашкою и цѣпкой лебедой. Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая! Иду — съ трудомъ ее руками разбирая. Мелькаютъ и жужжать колосья предо мной, и колютъ мнѣ лицо... Иду я наклоняясь, какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь, когда, перескочивъ чрезъ нивовый плетень, средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О Божья благодать!... О, какъ прилечь отрадно мнѣ въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно! Заботы полные, колосья надо мной бесѣду важную ведутъ между собой. Имъ внемля, вижу я — на всемъ полѣ просторѣ и жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ, ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы; вонь — по зарѣ стучать проворные цѣпы; въ амбарахъ воздухъ полнь и розана и меда; вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа на пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки, нагнувши головы, плечами напирая и длинной бичевой по влагѣ ударяя...

А. Майковъ.

Нива, моя нива, нива золотая! зрѣешь ты на солнцѣ, колосья наливая. По тебѣ отъ вѣтру, словно въ синемъ морѣ, волны такъ и ходятъ, ходятъ на просторѣ; надъ тобою съ пѣсней жаворонокъ вьется; надъ тобою и туча грозно пронесется. Зрѣешь ты и сиѣешь, колосья наливая, о людскихъ заботахъ ничего не зная. Унеси ты вѣтеръ, тучу градовую; сбереги намъ, Боже, ниву трудовую!

Жадовская.

* 137. Дѣтское желаніе.

«Ахъ, если бы всѣ нивы были засѣяны одними только васильками!» говорили поочередно Варя и Лиза, проходя съ маленькой мимо поля, покрытаго колосистою рожью: «какіе чудные были бы у насъ вѣночки! А то едва нарвали мы пучекъ, потому что васильковъ мало, а этихъ некрасивыхъ колосевъ такое множество.» — Дѣти, дѣти! отвѣчала имъ мать, желаніе ваше весьма неблагоприятно. Развѣ вы не знаете, что земледѣлецъ трудится въ потѣ лица для этихъ колосевъ, а не для цвѣтковъ красивыхъ, но бесполезныхъ. Поле можно сравнить съ жизнью,

васильки — съ удовольствіями, а колосья — съ трудомъ и заботами. Кто посвятилъ бы дни свои забавамъ и удовольствіямъ, былъ бы подобенъ тому, кто желаетъ засѣять васильками всѣ нивы: нѣсколько лишь дней наслаждался бы онъ красивымъ видомъ, но не собралъ бы ничего во время жатвы.

138. Урожай.

Краснымъ полымемъ заря вспыхнула, по лицу земли туманъ стелется: разгорѣлся день огнемъ солнечнымъ, подобралъ туманъ выше тема горь, нагустилъ его въ тучу черную. Туча черная понахмурилась, понахмурилась — что задумалась, словно ввспомнила свою родину.... Понесутъ ее вѣтры буйные во всѣ стороны свѣта блага: ополчается — громомъ, бурей, огнемъ, молніей, дугой радугой; ополчилась и расширилась, и ударила, и пролилась слезой крупною — проливнымъ дождемъ на земную грудь, на широкую.

И съ горы небесъ глядитъ солнышко; напилась воды земля досыта. На поля, сады, на зеленые, люди сельскіе не насмотрятся; люди сельскіе Божьей милости ждали съ трепетомъ и молитвою. За одно съ весной пробуждаются ихъ заветныя думы мирныя. Дума первая: хлѣбъ и закрома насыпать въ мѣшки, убирать роза. А вторая ихъ была думушка: изъ села гужомъ въ пору выѣхать. Третью думушку какъ задумали — Богу Господу помолилися; чѣмъ свѣтъ по полю всѣ разѣхались, и пошли гулять другъ за дружкой, горстью полною хлѣбъ раскидывать и давай пахать землю плугами, да кривой сохой перепахивать, бороны зубьемъ порасчесывать....

Посмотрю пойду, полюбуюся, что послалъ Господь за труды людямъ: выше пояса рожь зернистая дремлетъ колосомъ почти до земли. Словно Божій гость на всѣ стороны дню веселому улыбается; вѣтерокъ по ней плыветъ, лоснится, золотой волной разбѣгается.... Люди семьями принялися жать, косить подь корень рожь высокую. Въ конны частыя снопы сложены; отъ возовъ всю ночь скрипитъ музыка. На гумнахъ вездѣ, какъ князья, скирды широко сидятъ, поднявъ головы.

Видитъ солнышко — жатва кончена: холоднѣй оно пошло къ осени; но жарка свѣча поселнина предъ иконою Божьей Матери.

Кольцовъ.

Загадки.

1. Маленькій, горбатенькій, все поле проскакалъ.

2. Травы поѣмъ, и зубы притуплю; песку поѣмъ, снова вывострю.

139. Колосья.

Вдалекѣ видна поляна, храма сельскаго глава, и за ней, кругомъ бурьяна, пашень пестрая канва. Легкій вѣтеръ въ полѣ чистомъ гнетъ колосики волной, и по нивѣ золотистой точно стелетъ пеленой. Какъ роскошная корзина съ пышной прелестью цвѣтовъ, блестящая ровная долина матомъ разныхъ колосковъ. Разрумяненною кистью или шелковымъ перомъ смотреть просо, все безъ листьевъ, наклонившись стебелькомъ. Перепутанный, рога-тый, въ завиткахъ горохъ лежитъ; по его листкамъ измятымъ мышка торопко бѣжитъ. Озабоченная мышка смотреть быстренькимъ глазкомъ, и съ воробушкомъ воронкой точить зернышко тайкомъ: Вотъ гречиха ужъ поспѣла, кашей темною дрожитъ, вся отъ солнца загорѣла, не блѣбеть, не блеститъ. Вотъ и матушка пшеница все лобуется собой — точно красная дѣвица подъ прозрачную фатой. Зарябѣлся, зажелтѣлся, словно перышки разнесъ, золотой парчей одѣлся раскудрявленный овесъ. И ячмень, какъ котъ сибирскій, долгимъ усомъ шевелить, чудный ростомъ богатырскимъ, статнымъ молодцомъ глядитъ. Будто солнцу улыбаясь, на соломокъ молодой дремлетъ, медленно качаясь, ржи колосикъ золотой. Весь одеждой онъ украшенъ, весь, какъ пухомъ, оперенъ, и среди раздольныхъ пашень спѣлой ношей отягченъ. Весь съ рогами — какъ улитка, жизни внутренней полна — онъ пригнулся отъ избытка полнобѣснаго зерна; а вблизи, поднявшись важно, смотреть чопорно другой все лишь къверху, такъ отважно, — такъ и видно, что пустой.

Загадка.

Черна, мала крошка, а угоды много въ ней; въ водѣ поварять, ребята съѣдать.

140. Воробьи и овсянка.

Накрывши сѣтью воробьевъ, мужикъ имъ говорилъ: «Вотъ я васъ всѣхъ, воровъ! Вы на поле мое летали, горохъ клевали! Не долго дамъ теперь сидѣть вамъ въ полону: всѣмъ головы сверну, и въ вашицу.... да ты, овсянка, какъ попала?»

Овсянка такъ ему подъ сѣтью отвѣчала: — Послушай, мужичекъ, всю истину скажу: я съ ними только лишь летала, а право

твоего гороха не клевала. Пусти меня; ничѣмъ тебѣ я не врежу. Ужли поступишь такъ со мною, какъ съ воробьями?

— «Да» не помилюю конечно и тебя! Пеняй сама ты на себя: зачѣмъ была съ плутами?»

Измайловъ.

141. Большой столъ.

Одинъ учитель однажды при началѣ жатвы сказалъ своимъ ученикамъ: «Сегодня я намѣренъ показать вамъ очень большой столъ, за которымъ въ теченіе цѣлаго года ѣдятъ и насыщаются не нѣсколько только голодныхъ людей, но цѣлыя тысячи народа со всѣми животными, которыя живутъ при нихъ.»

Сказавъ это, онъ взомель съ дѣтьми на высокую гору, и велѣлъ имъ посмотрѣть на обширныя, простирающіяся на цѣлыя версты, прекрасныя, плодородныя поля. «Вотъ видите, любезныя дѣти», сказалъ онъ, «это большой столъ, который ежегодно для всѣхъ созданій накрывается и обильно уставляется пищею нашимъ благимъ Отцомъ, который живетъ на небесахъ. Мы всѣ — Его гости, и Онъ по благи своей насыщаетъ всѣхъ насъ съ безчисленнымъ множествомъ животныхъ. Поэтому и за искусно накрытымъ столомъ никогда не забывайте съ искреннею благодарностію обращаться къ Нему, вседержителю невидимому Благодѣтелю.»

Проникнутыя словами учителя, дѣти стали спускаться съ горы, и во время пути одинъ изъ нихъ сказалъ: «Теперь только я вполне понялъ молитву: Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ, и Ты даешь намъ пищу въ свое время; Ты открываешь свою щедрую руку и исполняешь все, что живетъ, благоволенія. Какъ часто я произносилъ эти слова, вовсе не понимая ихъ!»

* 142. Дубъ и верба.

Въ одно утро, послѣ бурной ночи, отецъ и его маленькій сынъ пошли въ поле посмотрѣть, не причинила ли буря какого-либо вреда. Малютка вскричалъ: «Посмотри, батюшка, большой, крѣпкій дубъ вырвало изъ земли съ корнемъ, между тѣмъ какъ слабая верба, растущая у ручья, стоитъ прямехонько! А я всегда думалъ, что буря скорѣе опрокинетъ слабую вербу, чѣмъ крѣпкій дубъ, который до сего времени противостоялъ всѣмъ порывамъ вѣтра.»

— «Дитя» сказалъ отецъ, «крѣпкій дубъ долженъ былъ сломаться, потому что не могъ согнуться; но гибкая верба уступила

напору бури, и потому она не могла ей причинить никакого вреда.»

143. Гнѣздо ласточки.

Кипить вода, реветь ручьемъ, на мельницѣ и стукъ и громъ; колеса-то въ водѣ шумять, а брызги вверхъ огнемъ летять; отъ пѣны-то бугоръ стоитъ, что мостъ живой, весь полъ дрожить. Шумить вода, рукавъ трясеть, на камни рожь дождемъ течеть, подь жерновомъ муку родить: идетъ мука, въ глаза пылить....

И тутъ пѣвунья ласточка подь крышей обжилаась, свила, слѣпила гнѣздышко, дѣтми обзавелась. Въ ночь темную подь крылышко головку подогнетъ, и спитъ себѣ подь громъ и стукъ, носкомъ не шевельнетъ.

144. Мельникъ.

У мельника вода плотину прососала: бѣда-бѣ не велика сначала, когда бы руки приложить; но кстатилъ? Мельникъ мой не думаетъ тужить; а течь дня ото дня сильнѣе становится: вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра — «Эй, мельникъ, не зѣвай! Пора, пора тебѣ за умъ хватиться!» А мельникъ говоритъ: «Далеко до бѣды, не море надо мнѣ воды, и ею мельница во весь мой вѣкъ богата.» Онъ спитъ, а между тѣмъ вода бѣжитъ, какъ изъ ушата, и вотъ бѣда пришла совсѣмъ: сталь жерновъ, мельница не служить. Хватился мельникъ мой: и охаетъ, и тужитъ, и думаетъ, какъ воду уберечь.

Вотъ у плотины онъ, осматривая течь, увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры: «Негодня», кричить, «хохлатки дуры! я и безъ васъ воды не знаю гдѣ достать; а вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать.» И въ нихъ полѣномъ хватъ. Какое-жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье? Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

Крыловъ.

Загадки.

1. Два барашка грызутся, промежъ нихъ пѣна валить.
2. Птица юстрица на девяти ногахъ стоитъ, на вѣтеръ глядитъ, крыльями машетъ, а улетѣть не можетъ.
3. Тахъ-тарарахъ, этотъ домъ на горахъ, вода брызжется, борода трясется.

В. ДОРОГА.

145. Шоссе и обыкновенная дорога.

Прямая дорога, большая дорога! Простору не мало взяла ты у Бога; ты въ даль протянулась, пряма, какъ стрѣла, широкою гладью, что скатерть легла! Ты камень убита, жестка для копыта, ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!... Въ тебѣ, что ни шагъ, мужикъ работалъ: прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ; все дружною силою и съ пѣснями взято, — вколачивалъ молотъ, и рыла лопата, и дебри топоръ вѣковыя просѣкъ.... Куда какъ упоренъ въ трудъ человекъ! Чего онъ не сможетъ, лишь было-бъ терпѣнье, да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!...

А съ каменкой рядомъ, поодаль немножко, окольная вьется живая дорожка! Дорожка, дорожка, куда ты ведешь? безъ званья ли ты, иль со званьемъ слынешь? Идешь, колесишь ты, не зная разбору, по рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору! Не много ты мѣста себѣ отняла: просторомъ тележнымъ легла, гдѣ могла. Тебя не равняли топоръ и лопата, мягка ты копыту, и пылью богата, и кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха.... Грязна ты въ ненастье, а въ ведро суха!

И. Аксаковъ.

Загадка.

Самъ не видитъ, а другимъ указываетъ; нѣмъ и глухъ, а счётъ знаетъ.

146. Русская тройка.

Какой русскій не любить быстрой ѣзды?... Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летить: летать вереты, летать на встрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летить съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летить вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ; только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны.

Эхъ тройка, птица тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться, — въ той землѣ, что не любить шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да

и ступай считать версты, пока не зарыбитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро, живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ снарядили и собрали тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ Богъ знаетъ на чемъ; а привсталъ да замахнулся, да затянулъ пѣснию — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ, — и вотъ она понеслась, понеслась, понеслась!... И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылится и сверлитъ воздухъ.

Гоголь.

147. Путь.

Путь широкій давно предо мною лежитъ, да нельзя мнѣ по немъ ни летать, ни ходить.... Кто же держитъ меня, и что кинуть мнѣ жаль? И зачѣмъ до сихъ поръ не стремлюся я вдаль? Или доля моя сиротой родилась! или со счастьемъ хлѣбнымъ безъ ума разошлась! По лѣтамъ и кудрямъ не старикъ еще я; много думъ въ головѣ, много въ сердцѣ огня! Много слугъ и казны подъ замками лежитъ; и лихой вороной ужъ осѣдланъ стоитъ. Да на путь — по душѣ — крѣпкой воли мнѣ нѣтъ, чтобъ въ чужой сторонѣ на людей поглядѣть, чтобъ порой предъ бѣдой за себя постоять, чтобъ грозой роковой назадъ шагу не дать, и чтобъ съ горемъ въ пиру быть съ веселымъ лицомъ, на погибель идти — пѣсни пѣть соловьемъ!

Кольцовъ.

148. Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы пробирается луна, на печальныя поляны лить печально свѣтъ она. По дорогѣ зимней, скучной, тройка борзая бѣжитъ, колокольчикъ однозвучный утомительно гремитъ. Что-то слышится родное въ долгихъ пѣсняхъ ямщика: то разгулье удалое, то сердечная тоска.... Ни огня, ни черной хаты.... глушь и снѣгъ.... на встрѣчу мнѣ только версты полосаты попадаютъ одни.

Пушкинъ.

149. Мужикъ и корова.

Коня у мужика не стало, такъ онъ корову осѣдлалъ; а самъ о томъ не разсуждалъ, что, говорятъ, сѣдло коровѣ не пристало; но не смотря на то, онъ на корову сѣлъ, зачѣмъ что вдаль пѣшкомъ идти не захотѣлъ. Онъ сѣлъ, корову понюкастъ; корова

лишь подъ сѣдокомъ шагаетъ. Сѣдокъ корову погоняетъ; корова выстужкой все тою же ступаетъ, и только лишь подъ нимъ пыхтитъ. Сѣдокъ, имѣвъ въ рукахъ не хлыстикъ, а дубину, корову понуждалъ, какъ вялую скотину, считая, что она отъ палки побѣжитъ. Корова пуще лишь пыхтитъ, потѣетъ и крихтитъ. Сѣдокъ удары утряетъ; корова все шагаетъ, а рыси, хоть убей, такъ нѣтъ у ней; корова наконецъ подъ сѣдокомъ свалилась. Не мудрено: скакать корова не родилась; а потому и должно знать: кто ползаетъ родился, тому ужъ не летать. *Хемницеръ.*

150. Что знаешь, о томъ не спрашивай.

Мужикъ возъ сѣна везетъ, а другой ему на встрѣчу. «Здорово!» — «Здорово. — «А что везешь?» — Дрова. — «Какія дрова, вѣдь у тебя сѣно?» — А коли видишь, что сѣно, такъ зачѣмъ и спрашиваешь.

Тогда только мужикъ нашъ, почесавъ затылокъ, подумалъ про себя: «а вѣдь и вправду, для чего-жъ я спрашивалъ?»

В. Даль.

151. Крестьянинъ съ ношею.

Крестьянинъ нѣкакімъ путемъ-дорогой шелъ, и ношу на плечахъ имѣлъ, которая его ужъ такъ отяготила, что на пути при-становила. «Проваль бы эту ношу взять!» крестьянинъ проворчалъ: «я эту ношу сброшу, и налегкѣ безъ ноши я пойду; добра я этого вездѣ, куда приду, найду.» А ноша та была мѣшокъ; набитый сѣномъ; но мужику она казалась горькимъ хрѣномъ. Сталъ нашъ крестьянинъ въ пень, не знаетъ, что начать; однако вздумалъ отдохнуть, и мыслить: «отдохнувъ немного, полетусь авось-либо дойду, хоть съ ношею пойду; быть такъ, да пу-щуся!»

Пошелъ крестьянинъ въ путь, и ношу взялъ съ собой. А надобно здѣсь знать, что было то зимой, когда лишь только рѣки стали, и снѣги льда еще не покрывали. Лежить крестьянину дорога черезъ ледъ. Крестьянинъ, ничего не думавши, идетъ: вдругъ, поскользнувшись, онъ свалился; однако же упалъ на ношу безъ вреда.

Близка была бѣда! Крестьянинъ вѣрно бы убится, когда бы ношу взять съ собою полѣнился.

Хемницеръ.

* 152. Скоро, да не споро.

Чуть свѣтъ—Андрей, сельскій торговецъ, хозяинъ небольшой лавки, бросился, какъ сумасшедшій, къ своей повозкѣ, и торопился, какъ можно скорѣе, выѣхать: ему хотѣлось пораньше поспѣть на базаръ.

Отецъ сказалъ ему: вспомни пословицу — *скоро, да не споро*.

Но Андрей ничего не слышалъ, и погналъ лошадь, не осмотрѣвъ ни сбруи, ни повозки. А въ одной изъ подковъ не доставало гвоздя. На срединѣ дороги подкова зазвенѣла и сорвалась съ копыта.

Ни деревни, ни кузнеца; надо было продолжать путь, хоть дѣло было и неладно. Лошадь, ступая по каменистой дорогѣ, наколола ногу и стала хромать.

Пришлось ѣхать черезъ лѣсъ; на Андрея напали мошенники. Онъ попробовалъ было уйти, пустилъ вскачь своего коня, быстраго бѣгуна, да теперь хромого и безъ подковы; его догнали и обобрали, какъ липку.

Такимъ образомъ Андрей, такъ спѣшившій покончить дѣла свои, окалѣчилъ лошадь, лишился денегъ и, какъ былъ не очень храбраго десятка, схватилъ лихорадку отъ перепуга.

И всё это отчего? Оттого, что черезъ поспѣшность не замѣтилъ, что въ подковѣ недоставало одного гвоздя.

Поспѣшишь, людей насмѣшишь; тише ѣдешь, дальше будешь.

З а г а д к а.

Четыре брата на свѣтъ: два меньшіе впереди, два большіе позади; спѣшать, бѣгутъ, другъ друга не догонять.

* 153. Подкова.

Одинъ крестьянинъ шёлъ изъ деревни въ городъ съ маленькимъ сыномъ, Федюшей.

«Посмотри-ка, сказалъ ему отецъ, вонъ тамъ на дорогѣ лежитъ подкова, подними её и спрячь въ карманъ.» — «И, батюшка! отвѣчалъ Федюша, изъ-за такой бездѣлицы не стоитъ и наклоняться.» Отецъ не возразилъ ни слова, самъ поднялъ подкову и положилъ её въ карманъ. На дорогѣ онъ продалъ её за нѣсколько копѣекъ кузнецу, и купилъ на эти деньги вишень.

Они пошли дальше. Лѣтнее солнце палило зноемъ. По дорогѣ на большомъ разстояніи не видно было ни домовъ, ни лѣса,

ни источника. Оедюша томился жаждою и едва могъ слѣдовать за отцомъ.

Отецъ нарочно уронилъ одну вишню. Оедюша схватилъ её съ жадностію, точно драгоценность какую-нибудь, и тотчасъ же съѣлъ её; она нѣсколько освѣжила его.

Пройдя нѣсколько шаговъ, отецъ уронилъ другую вишню; Оедюша поднялъ её такъ же скоро.

Такимъ образомъ онъ поднималъ вишни, одну за другою.

Когда Оедюша съѣлъ послѣднюю вишню, отецъ посмотрѣлъ на него и сказалъ ему смѣясь: «Видишь, еслибъ ты одинъ разъ наклонился, чтобъ поднять подкову, то тебѣ бы не пришлось столько разъ наклоняться за вишнями. Пусть это впредь послужить тебѣ наукой.»

134. Лошадь и осель.

Случилось лошади въ дорогѣ быть съ ослемъ, и лошадь шла порожнякомъ; а на ослѣ поклажи столько было, что бѣднаго совсѣмъ подъ нею задавило. — «Нѣтъ мочи», говоритъ; «я право упаду, до мѣста не дойду.» И проситъ лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одолженье, хоть часть поклажи снять съ него. «Тебѣ не стоитъ ничего, а мнѣ-бъ ты сдѣлала большое облегченье», онъ лошади сказалъ. — «Вотъ, чтобъ я съ ношею ослиною таскалась!» сказала лошадь, и помчалась. Осель потуда шель, пока подъ ношей палъ. И лошадь тутъ узнала, что ношу раздѣлить напрасно отказала, когда ее нести одна съ ослиной кожею была принуждена.

Хелницеръ.

Загадки.

1. И долга, и коротка, а одинъ одному не вѣрить, всякъ самъ по себѣ мѣрить.
2. Асе! я разлеглася; кабы я встала, такъ до неба достала, кабы руки да ноги, я бы вора связала, кабы ротъ да глаза, я бы все рассказала.

135. Ось и чека.

Бѣхаль извощикъ Семень съ кладью глухой дорогой, по голому, ровному степному мѣсту. Вдругъ у него задымилась ось; а до деревни далеко. Какъ онъ ни бился, что ни дѣлалъ — нѣтъ, ничѣмъ не уйметъ; кладь тяжелая, а какъ ужъ разъ загорѣлася ось, то извѣстно, хоть брось тотчасъ. Зальеть, засыплеть землей, бьется одинъ, какъ рыба объ ледъ; наконецъ справился юе-какъ, — съ версту проѣхали, опять стой, опять то же.

Наѣзжаетъ сзади шажкомъ другой извожикъ, Архипка, по пути Семень оглянулся, а у того ось запасная съ боку подвязана. Крѣпокъ заднимъ умомъ русскій человекъ — догадался Семень нашъ, что надо было бы и ему возить съ собою запасную ось. Обрадовавшись находкѣ, снимаетъ онъ шапку, кланяется товарищу и просить: «уступи, братъ, ось запасную, сдѣлай милость, вотъ и деньги сейчасъ отдамъ, что хочешь, бери, только уступи.» Тотъ подошелъ, поглядѣлъ: да, говорить, неладно у тебя дѣло; пожалуй возьми, коли хочешь — за два цѣлковыхъ.

У бѣднаго Семена волосъ дыбомъ сталъ, и обѣ руки полѣзли въ затылокъ. Онъ сказалъ, какъ слышали: «что хочешь, возьми, только продай», — да онъ, видишь, думалъ, что съѣхался съ православнымъ, что Господь послалъ ему помощь, а не бѣду; думалъ, что тотъ отдастъ ось, какъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ, за свои деньги, похристіански — не разживаться же чужой бѣдой; а тутъ вышло не то! «Помилуй, говорить, да она, гдѣ хочешь возьми ее, больше полтинника не стоитъ! — За моремъ телушка полушка, сказалъ тотъ, да рубль перевозу. Поди, да купи, коли нашелъ за полтинникъ. — А самъ было и поѣхалъ дальше. Семень за нимъ, и просить и кланяется — нѣтъ: два цѣлковыхъ, да и полно. Кинулъ мужикъ нашъ шапку объ земь, такъ ему жаль было денегъ — да дѣлать нечего; не ночевать тутъ; досталъ рублевики и отдалъ. «На, говорить, землякъ, Господь съ тобою; дай тебѣ Богъ разжиться съ легкой руки этими рублями.» — Не видалъ я твоихъ рублей, молвилъ тотъ: нешто я тебя неволю, что ли? На, возьми ихъ, да подай сюда ось; я при своемъ буду, а ты при своемъ. — «Нѣтъ, землякъ, не ты неволишь, бѣда неволить; быть такъ, ступай съ Богомъ; спасибо, что устроилъ, а то пролежалъ бы я здѣсь сутки. Пособи, пожалуйста, поднять передокъ, да подвести ось.» Тотъ пособилъ, справились и поѣхали вмѣстѣ.

Только что тронулись, Архипка хватъ — чеки нѣтъ на задней оси; колесо скатилось, телега лежитъ на боку. «Стой! кричить онъ Семену, стой, братъ: вотъ и у меня бѣда случилась. Какъ тутъ быть? Чеки-то у меня запасной нѣтъ, а тутъ вокругъ ни прута; да вотъ что, землякъ, погоди, мы справимся! У меня топоръ есть, подай-ка, пожалуйста, обломокъ оси твоей, вѣдь ужъ она у тебя никуда не пойдетъ; я какъ разъ вытешу чеку, да поѣдемъ вмѣстѣ.»

— Пожалуй, говорит Семень, возьми; только ты мнѣ за нее три цѣлковыхъ подай.

— Съ ума, что ли ты, братъ, спятилъ? три цѣлковыхъ за чеку, за обломокъ оси? Да онъ и гроша не стоитъ?»

— Вольному воля, сказала Семень: при тебѣ деньги, при мнѣ товаръ. Поди, можетъ статься, гдѣ купишь и за грошъ.

Ударилъ Архипъ руками объ полы — хоть пропадай; не велика штука чека, а безъ нея не уѣдешь; либо сядь, да сиди, либо подай три цѣлковыхъ. Досталъ онъ кошну, вынулъ деньги чуть не заплакалъ, и отдалъ Семену.

В. Даль.

* 156. Сказка о лисичкѣ и волкѣ.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой. Наловилъ рыбы, и везетъ домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка растянулась и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ; а она и не ворохнется, лежитъ себѣ, какъ мертвая. «Вотъ будетъ подарокъ женѣ!» сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать изъ воза всё по рыбка да по рыбка, всё по рыбка да по рыбка. Повыбросала всю рыбу, и сама ушла. «Ну, старуха, говоритъ дѣдъ, какой воротникъ привѣзъ я тебѣ на шубу!» — Гдѣ? «Тамъ на возу — и рыба и воротникъ.» Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: ахъ ты, старый хрѣнь! такой-сякой! ты еще вздумалъ обманывать! — Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, съела и ѣсть стала. На встрѣчу ей идетъ волкъ: здравствуй, кумушка! — Здравствуй, куманѣкъ! — Дай мнѣ рыбки! — Налови самъ, да и ѣшь. — Я не умѣю. — Эка, вѣдь я же наловила: ты, куманѣкъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ прорубь, — рыба сама на хвостъ нацѣпляется; да смотри, сиди подольше, а то не наловишь. Волкъ пошелъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ прорубь: дѣло-то было зимою. Ужъ онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ; хвостъ его и приморозило; попробовалъ было приподняться — не тутъ-то было. «Экъ, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой

и кричать, завидя сѣраго: волкъ, волкъ! бейте его, бейте его. Прибѣжали и начали колотить волка — кто боромыслемъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгаль, прыгаль, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. «Хорошо же, думаетъ онъ, ужъ я тебѣ отплачу, кумушка!»

А лисичка сестричка, покушавши рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли ещё что-нибудь стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжить. А волкъ ей на встрѣчу: такъ-то учишь ты? меня всего исколотили! — Эхъ, куманёкъ, говорить лисичка сестричка, у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ; меня больши твоего прибили; я насилу плетусь. — И то правда, говорить волкъ: гдѣ тебѣ, кумушка, ужъ идти; садись на меня, я тебя доведу. Лисичка сѣла ему на спину, онъ её и понёсъ. Вотъ лисичка сестричка сидитъ, да потихоньку и говорить, «битый небитаго везётъ!» — Что ты, кумушка, говоришь? — Я, куманёкъ, говорю: битый битаго везётъ. — Такъ, кумушка такъ!

«Давай куманёкъ, построимъ себѣ хатку. — Давай, кумушка. — Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную.» Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ — лубяную, а волку — ледяную, и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и растаяла. — А! кумушка, говорить волкъ, ты меня опять обманула; надо тебя за это съѣсть. «Пойдёмъ, куманёкъ, ещё поконаемся, кому-то кого достанется ѣсть.» Вотъ лисичка сестричка привела его въ лѣсъ къ глубокой ямѣ и говорить: «прыгай! если ты перепрыгнешь черезъ яму — тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь — миѣ тебя ѣсть.» Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. «Ну, говорить лисичка сиди же тутъ!» и сама ушла.

Г. ЛУГЪ.

157. Утро на лугу.

Кому не случалось гулять весною, раннимъ утромъ, на лугу или по опушкѣ лѣса? Солнце свѣтитъ, въ воздухѣ тепло и тихо куда ни помотришь, конца нѣтъ зелени, а по зелени ярко пестрѣютъ цвѣты разукрашенные.

Все тихо, на деревѣ листь не шелохнется; вотъ поднялся жаворонокъ, и вьется въ воздухъ и щебечеть свою веселую пѣсню; вотъ — въ кустахъ порхаетъ малиновка, тамъ жужжить пчела, или пестрая бабочка перелетаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ; здѣсь — по стебелькамъ ползаетъ золотокрылый жукъ, тамъ внизу пробирается муравей и тащить соломинку. Все ликуеть, все радуется Божіей благодати.

158. Сѣнокосъ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами... въ пѣснѣ душу веселѣ бабы съ граблями рядами ходить, сѣно шевеля. Тамъ сухое убирають, мужички его ~~грубомъ~~ на возъ вилами выдаютъ; возъ растеть, растеть, какъ домъ... Въ ожиданьи конь убогий, точно вкопанный, стоитъ: уши врозь, дугою ноги и какъ будто стоя спитъ. Только Жучка удалая въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ, то взлетая, то ныряя, скачетъ лая впопыхахъ.

А. Майковъ.

159. Вечеръ на сѣнокосѣ.

Ярко звѣзды мерцають въ синевѣ небесъ; мѣсяца сіянье падаетъ на лѣсъ. Въ зеркало залива сонный лѣсъ глядитъ; въ чащѣ молчаливой темнота лежитъ. Слышенъ межъ кустами смѣхъ и разговоръ; жарко косарями разведенъ костеръ..

Вотъ ужъ пѣснь заводитъ пѣсенникъ лихой; изъ кружка выходитъ парень молодой. Шапку вверхъ выдаетъ, ловить — не глядитъ, пляшетъ, присѣдаетъ, соловьемъ свиститъ. Пѣснѣ отвѣчаетъ коростель въ лугахъ, пѣсня замираетъ далеко въ поляхъ...

Золотыя нивы, гладь и блескъ озера, свѣтлыя заливы, безъ конца просторъ; звѣзды надъ полями, глушь да камыши... такъ и льются сами звуки изъ души!

Никитинъ.

160. Косарь.

Я куплю себѣ косу новую; отобью ее, наточу ее — и прости, прощай, село родное! Въ край дальніе поидеть молодець. Что внизъ по Дону, по набережью, хороши стоятъ тамъ слободушки! Степь раздольная далеко вокругъ, широко лежитъ, ковылемъ-травой разстилается!... Ахъ ты, степь моя, степь привольная! Широко ты, степь, пораскинулась, къ морю Черному напятилась! Въ гости я къ тебѣ не одинъ пришелъ: я пришелъ самъ другъ съ косою вострою; мнѣ давно гулять по травѣ степной вдоль и поперекъ, съ ней хотѣлося... Раззудись, плечо! размах-

нись, рука! Ты пахни въ лицо, вѣтеръ съ полудня! осыѣжи! взволнуй степь просторную! Закужи, коса, засверкай кругомъ, Зашуми, трава, подкошенная; поклонись, цвѣты, головой землѣ! на ряду съ травой вы засохнете.

Кольцовъ.

161. Лягушка и волъ.

Лягушка на лугу увидѣвши вола, затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться: она завистлива была. И ну топорщиться, пыхтѣть и надуться.

— «Смотри-ка, квакушка, что, буду-ль я съ него?» подругѣ говорить.

— Нѣтъ, кумушка, далѣко!

— Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко. Ну, какво? пополнилась ли я?

— Почти что ничего.

«Ну, какъ теперь!»

— Все тожь.

Пыхтѣла да пыхтѣла, и кончила моя затѣйница на томъ, что, не сравнившись съ воломъ, съ натуги лопнула и околѣла.

Крыловъ.

162. Собака и волкъ.

Волкъ, примѣтивъ, что пастухъ заснулъ у своего стада, подошелъ къ собакѣ, охранявшей оное, и съ притворнымъ состраданіемъ сказалъ:

«Ахъ, какъ я сожалѣю о тебѣ! ты, право, несчастнѣйшее созданіе въ свѣтѣ! Съ утра до вечера ты должна находиться подъ открытымъ небомъ въ какую бы погоду то ни было: то тебя мочить дождемъ, то палить солнцемъ; днемъ ты караулишь стадо, ночью заставляють тебя стеречь дворъ, ты никогда не имѣешь покоя; право, ты не живешь, а мучишься! Взгляни вотъ и теперь на своего хозяина: онъ себѣ спитъ спокойно, хотя, правду сказать, ему-то и надлежало бы болѣе заботиться о своемъ стадѣ, нежели тебѣ. Неужели ты никогда не устанешь вести такую безпокойную жизнь?»

— «Не устанешь, говоришь ты?» отвѣчала собака: «исполняя обязанность, не должно чувствовать усталости!»

— «Это правда», продолжалъ лстець: «однако же ты все-таки не вѣчный невольникъ своей обязанности. Это ты можешь видѣть изъ примѣра твоего хозяина.»

— «Что же ты находишь дурного въ его поступкѣ? Развѣ ему нельзя отдохнуть, имѣя вѣрнаго сторожа? Я думаю, что онъ тѣмъ дѣлаетъ мнѣ честь, что ввѣряетъ моему бдѣнію все свое стадо; слѣдовательно онъ на меня полагается.»

— «Конечно, это очень похвально съ его стороны, что онъ имѣетъ къ тебѣ полное довѣріе; однако же, какъ я думаю, и ему бы не мѣшало болѣе заботиться о своей обязанности, и не мучить тебя такъ жестоко.»

— «Потому-то именно, что хозяинъ имѣетъ такое большое довѣріе ко мнѣ, я и обязанъ удвоить свое бдѣніе. Что же касается до моего мученія, какъ ты говоришь, то ты очень ошибаешься: я, право, веду жизнь завиднѣе твоей.»

Сказавши это, она съ лаемъ бросилась на волка. Пастухъ, проснувшись отъ лая своего вѣрнаго Трезора, кинулся также на хитраго звѣря, и соединенными силами они прогнали лъстеца.

163. Вороненокъ.

Орель изъ-подъ небесъ на стадо налетѣлъ и выхватилъ ягненка; а воронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ. Взманило это вороненка, да только думаетъ онъ такъ: «ужь брать, такъ брать, а то и когти что марать! бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты. Ну, только-ль въ стадѣ что ягнята? Вотъ я какъ захочу да налечу, такъ царскій подлинно кусочекъ подхвачу!»

Тутъ воронъ поднялся надъ стадомъ, окинулъ стадо жаднымъ взглядомъ: изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ высматривалъ, сличалъ и выбралъ наконецъ барана, да какого? прежирнаго, прематерого, который доброму-бъ и волку былъ въ подъемъ. Изладясь, на него спустился, и въ шерсть ему, что силы есть, вцѣпился. Тогда-то онъ узналъ, что добыча не по немъ что хуже и всего, такъ на баранѣ томъ тулупъ такой былъ прекосматый, густой, всклокоченный, хохлатый, что изъ него когтей не вытеревилъ вонъ затѣйникъ нашъ крылатый, и кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ.

Съ барана пастухи его чинненько сняли; а чтобы онъ не могъ летать, ему всѣ крылья окарнали, и дѣтямъ отдали играть.

Крыловъ.

* 164. Старый волкъ.

Злой волкъ, состарѣвшись, вздумалъ помириться съ пастухами. И пошелъ онъ къ пастуху, жившему ближе другихъ къ его логовищу.

«Пастухъ», сказалъ онъ, «ты называешь меня кровожаднымъ разбойникомъ; вѣдь это неправда! Конечно, когда я голоденъ, то бросаюсь на твоихъ овецъ: голодь тягостное чувство! Но защити меня отъ него, только корми меня, и ты будешь мною доволенъ. Я самое смиренное и кроткое животное, когда сытъ.»

— Когда ты сытъ, можешь быть, отвѣчалъ пастухъ. Но когда же ты бываешь сытъ? Ты, да скупой, вы никогда не бываете сыты. Убирайся прочь!

Пошѣлъ волкъ къ другому пастуху. «Ты знаешь, пастухъ», сказалъ онъ, «что въ продолженіе года я могу удушить у тебя не мало овецъ. Согласись давать мнѣ въ годъ по шести овечекъ: я буду доволенъ, и тебѣ можно будетъ спокойно спать и не держать собакъ.»

— Шесть овецъ? сказалъ пастухъ. Да это цѣлое стадо!

«Ну, для тебя я удовольствуюсь пятью», возразилъ волкъ.

— Ты шутишь: пять овецъ! легко сказать.

«И четырехъ не дашь?» спросилъ опять волкъ.

Пастухъ насмѣшливо покачалъ головой.

«Трѣхъ? — двухъ?...»

— Ни одной! перебилъ его наконецъ пастухъ; глупо платить дань непріятелю, когда можно обезопасить себя отъ него бдительностію.

Волкъ пошѣлъ къ третьему пастуху.

«Мнѣ очень прискорбно видѣть», сказалъ онъ, «что пастухи считаютъ меня самымъ злымъ и безсовѣстнымъ животнымъ. Я тебѣ сейчасъ докажу, какъ вы всѣ несправедливы ко мнѣ. Давай мнѣ каждый годъ только по одной овцѣ, и твоему стаду можно будетъ свободно пастись въ томъ лѣсу, въ которомъ только я и опасенъ. Одну овечку! суцая бездѣлица! можно-ль быть великодушнѣе и безкорыстнѣе? Ты смѣнешся, пастухъ? Чему же ты смѣнешся?»

— Такъ, ничему. Но сколько тебѣ лѣтъ, пріятель? спросилъ пастухъ.

«А тебѣ что за дѣло до моихъ лѣтъ? Всѣ-таки я въ силахъ еще удушить любого изъ твоихъ ягнятъ.»

— Не сердись, старина! Мнѣ очень жаль, что ты не сдѣлалъ мнѣ этого предложенія нѣсколькими годами раньше. Твой

притупленные зубы измѣняютъ тебѣ. Ты прикидываешься безкорыстнымъ, чтобы только легче и вѣрнѣе прокормить себя.

Волкъ разсердился, но скоро опомнился и пошелъ къ четвертому пастуху, у котораго только что околѣла его вѣрная собака.

«Пастухъ», сказалъ волкъ, «я поссорился съ лѣсными братьями моими, и такъ поссорился, что никогда не помирюсь съ ними. Тебѣ извѣстно, какъ они опасны. Но тебѣ стоитъ только взять меня въ услуженіе на мѣсто твоей умершей собаки, и я тебѣ ручаюсь, что ни одинъ изъ нихъ даже искоса не посмотритъ на твоихъ овецъ.»

— Ты будешь защищать ихъ отъ твоей лѣсной братіи?

«Ну да, конечно.»

— Это было бы не худо! Но скажи-ка мнѣ: когда я представлю тебя къ стаду, кто будетъ защищать моихъ бѣдныхъ овецъ отъ тебя самого? Взять вора въ домъ, чтобы обезопасить себя отъ стороннихъ воровъ, — да это мы, люди, считаемъ...

— «А!» сказалъ волкъ, «ты начинаешь умничать. Прощай!»

«О, еслибъ я не былъ такъ старъ! пробормоталъ сквозь зубы волкъ. «Но надобно покориться неизбѣжнымъ обстоятельствамъ!» И онъ пошелъ къ пятому пастуху.

«Знаешь ли ты меня, пастухъ?» спросилъ волкъ.

— Если не тебя лично, то по крайней мѣрѣ знаю тебѣ удобныхъ, отвѣчалъ пастухъ.

«Мнѣ подобныхъ? Сомнительно. Я совершенно особенный волкъ, и заслуживаю быть въ дружбѣ не только съ тобою, но и со всѣми пастухами.»

— Что же въ тебѣ особеннаго?

«Я не могу ни съѣсть, ни удушить ни одной овцы. Я питаюсь только мертвыми овцами. Не похвально ли это? Позволь же мнѣ иногда освѣдомляться, нѣтъ ли у тебя...»

— Замолчи лучше! сказалъ пастухъ. Волка, который ѣстъ мертвыхъ овецъ, голодъ скоро научитъ считать больную овцу за мертвую, а здоровую за больную. Не надѣйся на мою дружбу, и иди прочь!

«Чтобъ достигнуть своей цѣли, рискну теперь тѣмъ, что для меня всего дороже», подумалъ волкъ, и пошелъ къ шестому пастуху.

«Пастухъ, нравится ли тебѣ моя шкура?» спросилъ волкъ.

— Твоя шкура? сказала пастухъ. Посмотримъ!... Хороша; видно, собаки не часто теребили её.

«Послушай же, пастухъ: я старъ и скоро не буду имѣть нужды въ ней. Корми меня до моей смерти, и я тебѣ откажу мою шкуру.»

— Вотъ что! сказала пастухъ. И ты прибѣгаешь къ уловкамъ старыхъ скрягъ?... Нѣтъ, такъ твоя шкура обойдется мнѣ очень дорого. Если же тебѣ такъ хочется сдѣлать мнѣ подарокъ, то давай мнѣ её сейчасъ.

Съ этими словами пастухъ схватилъ дубину, и волкъ умчался.

«О, немилосердые!» вопилъ волкъ въ крайней ярости. «Такъ умру же я ихъ врагомъ, прежде чѣмъ уморить меня голодъ; сами они хотятъ этого!»

Онъ побѣжалъ, ворвался въ жилища пастуховъ, разметалъ дѣтей ихъ, и не безъ труда былъ убитъ пастухами.

Тогда разсудительнѣйшій изъ пастуховъ сказалъ:

— Худо мы сдѣлали, что довели стараго вора до крайности и отняли у него всё средства къ исправленію, хотя позднему и невольному!

Д. ЛѢСЪ.

136. Лѣса.

Въ лѣсахъ пробуждается жизнь — весеннее солнышко освѣщаетъ ихъ. Кажется, будто тихіе вѣтерки западные говорятъ имъ: «распустите ваши листики, распустите ваши листики!» и потомъ цѣлуютъ и снова цѣлуютъ ихъ.

Почки сияютъ на солнышкѣ, и жаръ лучей расплавляетъ смолу, которая такъ долго защищала нѣжные отрѣзки ихъ отъ стужи. Листья распускаются, и лѣса зеленѣютъ.

Вотъ опять съ ними происходитъ перемѣна — они въ полномъ блескѣ лѣтней красоты: всё листики развернулись; птички

увриваются под ними, тѣнь и густая ложится отъ деревьевъ, цвѣты развертываются, и вѣтки колышутся отъ южнаго вѣтерка.

Но вотъ все уже вянетъ. Клёнъ побагровѣлъ, ольха пожелтѣла. Роши вдали кажутся бронзовыми, и свѣтъ осенняго солнца пестрить ихъ.

Листья падаютъ одинъ за другимъ; мохъ покрываетъ косматые корни; поля блекнутъ, и въ умирающемъ лѣсу поднимаются грибы какъ жизнь въ царствѣ смерти.

Вотъ является острый топоръ: и какъ прежде листья падали, такъ теперь упадаютъ самыя деревья; они лежатъ, будто мертвыя тѣла, разбросанныя на полѣ сраженія.

Но настанетъ весна — и опять все зазеленѣетъ, и птички запоютъ, и пчелки зажуужать, и мошки начнутъ играть между деревьями, опять вездѣ будетъ жизнь и радость.

Такъ и мы вырастаемъ и цвѣтемъ, увядаемъ и падаемъ. Деревья — эмблема жизни и смерти нашей; они своимъ примѣромъ научаютъ насъ, что и для насъ дѣюгда настанетъ новая весна.

166. Дремуцій лѣсъ.

Что, дремуцій лѣсъ, призадумался? Грустью темною затуманился? Что, Бова силачъ заколдованный, съ непокрытою головою въ бою ты стоишь — поникъ, и не ратуешь съ мимолетною тучей-бурею? Густолиственный твой зеленый шлемъ буйный вихрь сорвалъ — и развѣялъ въ прахъ. Плащъ упалъ къ ногамъ и разсыпался.... Ты стоишь — поникъ, и не ратуешь.

Гдѣ-жъ дѣвалась рѣчь высокая, сила гордая, доблесть царская? У тебя-ль, было, въ ночь безмолвную заливная пѣснь соловьиная.... У тебя-ль, было, дни — роскошество, другъ и недругъ твой прохладяются.... У тебя-ль, было, поздно вечеромъ грозно съ бурей разговоръ пойдетъ — распахнетъ она тучу черную, обойметъ тебя вѣтромъ-холодомъ, и ты молвишь ей шумнымъ голосомъ «вороти назадъ, держи около!» Закружить она, разыграется, дрогнетъ грудь твоя, зашатаешься — вострепелувишия, разбушуешься: только свистъ кругомъ, голоса и гулъ... Буря всплачется лѣшимъ, вѣдьмою, и несетъ свои тучи за море.

Гдѣ-жъ теперь твоя мочь зеленая? Почернѣлъ ты весь, затуманился; одичалъ, замолкъ — только въ непогодь воешь жалобу на безвременье.... Такъ-то, темный лѣсъ, богатырь Бова! ты всю жизнь свою маялъ битвами. Не осилили тебя сильные, такъ до-

рѣзала осень черная. Знать во время сна, къ безоружному силъ вражя понахлынули; съ богатырскихъ плечъ сняли голову — не большой горой, а соломинкой....

Кальцовъ.

Загадка.

Лѣтомъ въ шубѣ, зимой въ шабурѣ.

167. Природа до и послѣ дождя.

Долго отраднѣйшій дождь не спадать: травы поблекли, душно въ лѣсахъ; сгибли цвѣточки, колосья златые въ полѣ лежать. Вдругъ благодатнѣйшій дождикъ отраднѣйшій съ неба упалъ. Все оживилось все расцвѣло; въ рощахъ прохладно, въ полѣ опять колосья желтѣютъ, травы, цвѣточки веселы стали; небо свѣтлѣе лѣсъ ароматнѣй, воздухъ прятнѣй, птички заплѣли.

168. Неизажь.

Люблю дорожку лѣсною, не зная самъ куда, брести; двойной глубокой колеєю идешь — и нѣтъ конца пути.... Кругомъ пестрѣть лѣсъ зеленый. Уже румянить осень клѣны, а ельникъ зелень и тѣнисть; осинникъ желтый бьетъ тревогу; осыпался съ березы листь, и какъ коверъ устлать дорогу.... Идешь, какъ будто по водамъ — нога шумить.... а ухо внемлетъ малѣйшій шорохъ въ чащѣ, тамъ, гдѣ пышный панортникъ дремлетъ, а красныхъ мухоморовъ рядъ, какъ карлы сказочные спятъ....

Ужъ солища лучъ ложится косо.... вдали проглянула рѣка.... на тряской мельницѣ колеса уже шумятъ издалека....

Вотъ на дорогу выѣзжаетъ тяжелый возъ, — то промелькнетъ на солщѣ вдругъ, то въ тѣнь уйдетъ.... И крикомъ клѣчь помогаетъ старикъ, а на возу дитя, и дѣда страхомъ тѣшить внушка; а хвостъ пушистый опустя, вокругъ съ лаемъ суетится Жучка, и звонко въ сумракѣ лѣсномъ веселый лай идетъ кругомъ.

Майковъ.

169. Цвѣтокъ.

Природы милое творенье, цвѣтокъ, долины украшенье, на мигъ взлелѣянный весной, безвѣстенъ ты въ степи глухой! Скажи: зачѣмъ же такъ алѣешь, росой заискрясь, пламенѣешь, и дышишь чѣмъ-то какъ живымъ, благоуханнымъ и святымъ? Ты для кого въ степи широкой, ты для кого отъ сель далеко? Не для врылатыхъ ли друзей, поющихъ въ воздухѣ степей? Для нихъ

ли въ роскоши, семьями, румяной ягодой, цвѣтами и обаяньемъ для души, вы, травы, зрѣете въ тиши?

Кольцовъ.

170. Вечеръ въ лѣсу.

Смеркаетъ день. Въ бору темнѣетъ; пожаръ зари надъ нимъ краснѣетъ, во влажной почвѣ листь сухой безъ звука тонетъ подъ ногой. Недвижны сосны; сонъ ихъ чудный такъ полонъ грезъ. Едва, едва примѣтна неба синева сквозь вѣтви. Сѣтью изумрудной покрыла цѣпкая трава сухое дерево. Грозою оно на землю свалено и до корней обожжено. Тропинка черной полосой лежитъ въ травѣ. По сторонамъ грибы бѣлѣютъ, тутъ и тамъ.

Порою вѣтеръ шаловливый разбудитъ листья, слышенъ шумъ, и вдругъ все стихнетъ — и на умъ приходятъ сказочныя дивы. Слухъ раздраженъ. Вотъ въ чащѣ трескъ, и мнится, видишь ярый блескъ двухъ яркихъ глазъ.... одно мгновенье — и все пало.

Вотъ рѣка. Въ зеленой рамѣ лозняка ея спокойное теченье такъ полно силы. Въ челноки собрали сѣти рыбаки, плывутъ, струи бѣгутъ отъ весель; угрюмый берегъ тѣнь отбросилъ, мостъ подъ телегами дрожитъ, и скрипъ колесъ и стукъ копытъ тревожатъ цаплю, и пугливо она летитъ изъ подъ куста. Веселый шумъ и суета на мельницѣ, нетерпѣливо вода сердитая реветъ, мелькаетъ жерновъ торопливо....

Никитинъ.

171. Дерево.

Увидя, что топоръ крестьянинъ несъ, — «голубчикъ», дерево сказало молодое, «пожалуй, вырубь вокругъ меня ты лѣсъ; я не могу расти въ покоѣ: ни солнца мнѣ не видѣтъ свѣтъ, ни для корней моихъ простора нѣтъ, ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы; такіе надо мной онъ сплестъ изволилъ своды! Когда-бъ не отъ него расти помѣха мнѣ, я въ годъ бы сдѣлалось красною сей странѣ, и тѣнью бы моей покрылась вся долина; а нынѣ тоню я, почти какъ хворостина». Взялся крестьянинъ за топоръ, и дереву, какъ другу, онъ оказалъ услугу, вергъ деревца большой очистился просторъ, но торжество его не долго было! То солнцемъ дерево печетъ, то градомъ, то дождемъ сѣчетъ, и вѣтромъ наконецъ то деревцо сломило. — «Безумное», ему сказала тутъ змѣя: «не отъ тебя-ль бѣда твоя? Когда-бъ, укрытое въ лѣсу, ты возрастало, тебѣ-бъ вредить ни зной, ни вѣтры не могли, тебя бы старыя деревья берегли. А если-бъ нѣкогда де-

ревьевъ тѣхъ не стало, и время ихъ бы отошло: тогда, въ свою чреду, ты столько-бъ возрасло, усилилось и укрѣнилось, что нынѣшней бѣды съ тобой бы не случилось, и бурю, можетъ быть ты-бъ выдержать могло!»

Крыловъ.

Загадка.

Что веселитъ весной, а дѣтомъ прохлаждаетъ, питаетъ осенью, зимою согрѣваетъ?

172. Вырубка лѣса.

Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели красные грозды калины глядѣли, тамъ поднимался дубокъ молодой... Птицы парили въ вершинѣ лѣсной, по низу всякіе звѣри таились...

Вдругъ мужики съ топорами явились — лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ... Заяцъ послушалъ — и вонъ побѣжалъ, въ темную кору забилась лисица, машетъ крыломъ осторожнѣе птица, въ недоумѣннѣ тащатъ муравьи что ни попало въ жилища свои...

Съ пѣснями трудъ человѣка спорился: словно подкошень, осинникъ валился; съ трескомъ ломали сухой березнякъ, корчили съ корнемъ упорный дубнякъ; старую сосну сперва подрубали послѣ арканомъ ее нагибали и, поваливши, плясали на ней, чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй... Много тутъ было печальныхъ картинъ: стономъ стонали верхушки осинъ, изъ перерубленной старой березы градомъ лилися прощальныя слезы и пропадала одна за другой данью послѣдней на почвѣ родной...

Кончились поздно труды роковые. Вышли на небо свѣтила ночныя, и надъ поверженнымъ лѣсомъ луна остановилась кругла и ясна: туши деревьевъ недвижно лежали; сучья ломались скрипѣли, трещали; трепетно листья шумѣли кругомъ, — тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ, жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ; низко летали, вились колесомъ совы, шарахалась о-земь крыломъ, звонко кукушка вдали куковала, да, какъ безумная галка кричала, шумно летая надъ лѣсомъ... но ей не отыскать неразумныхъ дѣтей...

И. Некрасовъ.

* 173. Жаворонокъ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ, въ долину паръ бѣлѣтъ тонкій, и лѣсно раннюю запѣлъ въ лазури жаворонокъ звон-

кій. Онъ голосисто съ вышины поётъ, на солнышѣ свергая весна пришла къ намъ молодая, я здѣсь пою приходъ весны; здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно, такъ безпредѣльно, такъ воздушно; весь Божій міръ здѣсь вижу я, и славить Бога пѣснь моя.

174. Осиротѣлая птичка.

Въ полѣ тихо; чуть-чуть вѣтеръ перелетный вѣтерокъ; тѣнь полночная рѣдѣетъ; золотитъ заря востокъ. Въ тучкѣ блѣдный мѣсяцъ скрылся; звѣзды гаснутъ въ небесахъ; надъ рѣкой туманъ сгустился, роса блещетъ на лугахъ. Съ вѣтки бабочка слетѣла, къ верху рѣвая взвилась; въ рошѣ птичка ужъ заплѣла, заря ярче занялась. Будто огненной рѣкою разлилась она, — и вотъ за той пышною зарею солнце ясное встаетъ. Встрепенулись, запорхали тучи рѣзвыхъ мотыльковъ; они по полю летали, пили свѣжій сокъ цвѣтовъ. Къ верху жавронки взвивались выше, выше къ облакамъ; хоры птичекъ раздавались въ звучной рошѣ по кустамъ. Все какъ будто оживилось; солнце радость льетъ въ сердца; вся природа веселилась, слава дивнаго Творца. Пѣло все, не умолкая, солнца яснаго восходъ; лишь синичка молодая одна въ рошѣ не поётъ.

Что-жъ на вѣткѣ такъ уныло, птичка мила, сидишь? Вотъ ужъ утро наступило, всѣ поютъ, а ты молчишь?

«Прежде пѣла я, бывало», птичка молвила въ отвѣтъ, «въ рошѣ первая встрѣчала свѣжій утренній разсвѣтъ. Трехъ малютокъ я родною тогда матерью была; имъ заботливо весною въ рошѣ гнѣздышко свила; свѣжій кормъ для нихъ собирала, днемъ я пѣсни пѣла имъ, въ ночь малютокъ согрѣвала я подъ крылышкомъ моимъ. Сладко въ гнѣздышкѣ мы спали, и бывало безъ заботъ утромъ радостно встрѣчали солнца яснаго восходъ. Ахъ, жестоко сердце злое! Есть ли жалость у людей!... Мое гнѣздышко родное кто-то взялъ съ семьей моей! Съ той поры я все тоскую, съ той поры моя печаль: жаль семью мою родную, мнѣ малютокъ моихъ жаль!»

175. Кукушка.

«Послушайте меня, я не совру!» кукушка говорила птицамъ чижамъ, щегламъ и синицамъ: «была я далеко, въ большомъ, густомъ бору; тамъ слышала, чего доселѣ не слыхала, какъ соловей поетъ. Ужъ не по нашему! Я хорошо пѣвала, да все

не то.... такъ сердце и замреть отъ радости, когда во весь онъ голосъ свиснетъ, а тамъ защелкаетъ, иль тихо пустить трель забудешься совсѣмъ, и голова повиснетъ. Ну, что противъ него свирѣль? Дивилась право я, дивилась.... однако же не потаю; по соловьиному и я пѣть научилась. Для васъ, извольте, пропою точнѣхонько, какъ онъ.... хотите?»

— Пропой, послушаемъ.

«Чуръ, не шумѣть, молчите! Вотъ выше сяду на суку. Ну, слушайте-жъ теперъ: куку, куку, куку!» *Измайловъ.*

176. Скворецъ и кукушка.

Скворецъ изъ города, гдѣ въ клеткѣ онъ сидѣлъ, на волю улетѣлъ. Къ нему съ вопросами кукушка приступила и говорила:

Скажи, пожалуй, мнѣ, чтó слышалъ ты объ насъ, и городу каковъ нашъ голосъ показался? Я думаю, что вѣдь не разъ объ этомъ разговоръ случался. О соловѣй какая рѣчь идетъ?»

— На похвалу его и словъ не достаешь.

«О жаворонгѣ что-жъ?» кукушка повторяетъ.

— Весь городъ и его не мало похваляетъ.

«А о дроздѣ?»

— Да хвалить и его, хотя и не вездѣ.

«Позволишь ли ты мнѣ», кукушка продолжала, «тебя еще однимъ вопросомъ затрудить, и обо мнѣ, мой другъ, что слышалъ ты, спросить: весьма-бъ я знать о томъ желала, и я-таки пѣвала.»

— А про тебя, когда всю истину сказать, нигдѣ ни слова не слышать.

«Добро!» кукушка тутъ сказала: «такъ стану же я всѣмъ за это зло платить; и о себѣ сама все буду говорить.»

Де. инициеръ.

177. Думы.

Выкопалъ мужикъ яму въ лѣсу, прикрывъ ее хворостомъ не попадется ли какого звѣря. Бѣжала лѣсомъ лисица. Заглядѣлась по верхамъ — бухъ въ яму! — Летѣлъ журавль. Спустился корму поискать, завязилъ ноги въ хворостъ; сталъ выбиваться — бухъ въ яму!

И лисѣ горе, и журавлю горе: не знаютъ, что дѣлать, какъ изъ ямы выбраться. Лиса изъ угла въ уголь мечется, — пылъ по

ямъ столбомъ; а журавль одну ногу подкалъ и ни съ мѣста, и все передь собой землю клюеть. Думаютъ оба, какъ бы бѣдѣ помочь. Лиса побѣгаетъ, побѣгаетъ, да и скажетъ: «у меня тысяча, тысяча думушекъ!» Журавль поклюеть, поклюеть, да и скажетъ: «у меня одна дума!» И опять примутся — лиса бѣгать, а журавль клевать. «Экой, думаетъ лиса, глупый этотъ журавль! что онъ все землю клюеть? Того и не знаетъ, что земля толстая и насквозь ее не проклюешь.» А сама все кружится по ямѣ, да говорить: «у меня тысяча, тысяча думушекъ!» А журавль все передь собой клюеть, да говорить: «а у меня одна дума!»

Пошелъ мужикъ посмотрѣть, не попалось ли кого въ яму. Какъ слышала лиса, что идутъ, принялась еще пуще изъ угла въ уголь метаться, и все только и говорить: «у меня тысяча, тысяча думушекъ!» А журавль совсѣмъ смолкъ и клевать пересталъ. Глядитъ лиса — свалился онъ, ножки протянулъ и не дышитъ: умеръ съ перепугу, сердечный! Приподнялъ мужикъ хворостъ, видитъ — попались въ яму лиса да журавль: лиса юлить по ямѣ, а журавль лежитъ, не шелохнется. «Ахъ ты — говорить мужикъ — подлая лисица! Заѣла ты у меня этукую птицу!» Вытащилъ журавля за ноги изъ ямы, пощупалъ его — совсѣмъ еще теплый журавль; еще пуще сталъ лису бранить. А лиса-то бѣгаетъ по ямѣ, не знаетъ, за какую думушку ей хватиться: тысяча, тысяча думушекъ!

«Погоди-жь ты! говорить мужикъ: «я тебѣ помну бока за журавля!» Положилъ птицу подлѣ ямы, да къ лисѣ. Только что онъ отвернулся, журавль какъ расправить крылья, да какъ закружить: «у меня одна дума была!» только его и видѣли. А лиса со своей тысячью, тысячью думушекъ попала на воротникъ къ шубѣ.

178. Ворона и лисица.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру на ель ворона взгромоздясь, позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась, да позадумалась, а сыръ во рту держала.

На ту бѣду лиса близехонько бѣжала: вдругъ сырный духъ лису остановилъ: лисица видитъ сыръ, — лисицу сыръ цѣлнилъ. Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходит, вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ, и говорить такъ сладко, чуть дыша: «голубушка, какъ хороша! Ну что за шейка, что за

глазки! рассказывать, такъ право сказки! Какія перышки! какой носокъ! и вѣрно ангельскій бытъ долженъ голосокъ! Спои, свѣтикъ, не стыдись! Что, ежели, сестрица, при красотѣ такой и пѣть ты мастерица вѣдь ты-бъ у насъ была цѣрь-птица!

Вѣщуньяна съ похвалъ вскружилась голова, отъ радости въ зобу дыханье сперло — и на привѣтливый лисицны слова ворона каркнула во все воронье горло; сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

Крыловъ.

179. Чижъ и сажъ.

Уединеніе любя, чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось, и не за что; такъ какъ-то пѣлось.

Вотъ, въ блескѣ и во славѣ всей, Фебъ лучезарный изъ морей поднялся. Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему, и въ срѣтенье ему хоръ громкихъ соловьевъ въ глухихъ лѣсахъ раздался. Мой чижъ замолкъ.

— «Ты что-жь», спросилъ его съ насмѣшкой сажъ, «приятель, не поешь?»

— «Затѣмъ, что голоса такого не имѣю, чтобъ Феба я достойно величалъ», сквозь слезъ чижъ бѣдный отвѣчалъ: «а слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю.»

Крыловъ.

180. Волкъ и журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ: волкъ, бѣвши, никогда костей не разбираетъ. За то на одного изъ нихъ пришла бѣда: онъ костью чуть не подавился. Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть, пришло хотъ ноги протянуть. По счастью близко тутъ журавль случился. Вотъ кой-какъ знаками сталъ волкъ его манить, и просить горю пособить.

Журавль свой носъ по шею засунулъ волку въ пасть, и съ трудностью большею кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить

— «Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный: «тебѣ за трудъ? Ахъ, ты неблагодарный! А это ничего, что свой ты долгій носъ и съ глухой головой изъ горла дѣль унесъ! Поди-жь, приятель, убирайся, да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся!»

Крыловъ.

181. Лисица и журавль.

Лиса съ журавлемъ подружилась, даже покумилась съ нимъ у кого-то на родинахъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить

журавля, пошла звать его къ себѣ въ гости: «приходи, куманекъ! приходи, дорогой! ужъ я какъ тебя угощу!»

Идетъ журавль на званый пирь, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелкѣ. Подала и потчиваетъ: «покушай, мой голубчикъ куманекъ! сама стряпала». Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучать, стучать, ничего не попадаетъ! А лисица въ это время лижетъ себѣ, да лижетъ кашу, такъ всю сама и скушала. Каша съѣдена; лисица и говоритъ: «не осуди, любезный кумъ, больше потчивать нечѣмъ.» — «Спасибо, кума, и на этомъ! Приходи ко мнѣ въ гости.»

На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наклалъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: «кушай, кумушка! право, больше нечѣмъ потчивать». Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина: и такъ зайдетъ и этакъ, и лижетъ его и понюхаетъ-то, все ничего не достанетъ! не дѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ клюетъ себѣ, да клюетъ, пока все съѣлъ. «Ну, не осуди кума, больше угощать нечѣмъ!» Взяла лису досада: думала что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла какъ несолоно хлеба.

Какъ аукнулось, такъ и откликнулось! Съ тѣхъ поръ и дружба у лиси съ журавлемъ — врозь.

* 182. Лиса и тетеревъ.

Бѣжала лиса по лѣсу, увидала на деревѣ тетерева и говоритъ ему: «Терентій, Терентій! я въ городѣ была»

— Бу-бу-бу! была, такъ была.

«Терентій, Терентій! я указъ добыла.»

— Бу-бу-бу! добыла, такъ добыла.

«Чтобы вамъ тетеревамъ не сидѣть по деревьямъ, а всё бы гулять по зеленымъ лугамъ.»

— Бу-бу-бу! гулять, такъ гулять.

«Терентій, кто тамъ ѣдетъ?» спрашиваетъ лисица, услышавъ конскій топотъ и собачій лай.

— Мужикъ.

«Кто за нимъ бѣжитъ?»

— Жеребёнокъ.

«Какъ у него хвостъ-то?»

— Крючкомъ.

«Ну такъ прощай, Терентій! мнѣ дома недосугъ.»

183. Волкъ и лисица.

«Конечно, я не безъ грѣховъ», лисѣ волкъ говоритъ: «а право, изъ волковъ едва ли гдѣ найдешь другого, который бы, какъ я, великодушень былъ. Представь: ягненокъ разъ въ глаза меня бранилъ! не тронулъ я его, не молвилъ даже слова. Объ этомъ вотъ никто не скажетъ никогда. А еслибъ слышала, кума, какъ онъ бранился...»

— Да помню: это вѣдь случилось тогда, какъ костью, кумъ, ты подавился.

Изъ май. 1888.

184. Медвѣдь плясунъ.

Плясать медвѣдя научили, и долго на цѣпи водили; однако какъ-то онъ ушелъ и въ родину назадъ пришелъ. Медвѣди земляка лишь только что узнали, всѣмъ по лѣсу объ немъ, что тутъ онъ, промычали; и лѣсъ лишь тѣмъ наполненъ былъ, что всякъ другъ другу говорилъ: «вѣдь Мишка бѣ намъ опять явился.» Откуда кто пустился, и къ Мишкѣ безъ души медвѣди всѣ бѣгутъ. Другъ передъ другомъ, Мишку тутъ встрѣчаютъ, поздравляютъ, цѣлуютъ, обнимаютъ; не знаютъ съ радости, что съ Мишкою начать, чѣмъ угостить и какъ принять. Гдѣ! развѣ торжество такое, какое ни рассказать, ни описать! И Мишку всѣ кругомъ обстали. Потомъ просить всѣ Мишку стали, чтобъ похождение онъ свое имъ рассказалъ. Тутъ все, что только Мишка зналъ, рассказывать имъ сталъ; и между прочимъ показалъ какъ на цѣпи плясаль.

Медвѣди плясуна искусство всѣ хвалили, дивилися, превозносили, и каждый силу свою употреблялъ, чтобъ такъ же проплясать, какъ и плясунъ плясаль. Однако сколько ни старались, и сколько всѣ ни умудрились, и сколько ни кривлялись, не только чтобъ плясать, насилу такъ, какъ онъ, могли на лапы встать. Иной такъ со всѣхъ ногъ тутъ о землю хватился, когда плясать было пустился; а Мишка, видя то, и вдвое умудрился, и зрителей своихъ поставилъ всѣхъ въ ничто. Тогда на Мишку окрикъ всѣ: «прочъ, прочъ отсель сейчасъ! скотина этака, умнѣй быть хочешь насъ!» И всѣ на Мишку нападали, нигдѣ проходу не давали; и столько Мишку стали гнать, что Мишка принужденъ бѣжать.

Хемницерь.

185. Левъ состарѣвшійся.

Могучій левъ, гроза лѣвовъ, постигнуть старостью, лишился лисъ: нѣтъ крѣпости въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ тѣхъ зубовъ,

чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ, и самого едва таскаютъ ноги хилы. А что всего больнѣй, не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей, но всякъ, за старья обиды льва въ отмщенье, наперерывъ ему наноситъ оскорбленье: то гордыи конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ, то зубомъ волеъ рванеть, то острымъ рогомъ волеъ боднегъ. Левъ бѣдный въ горѣ столь великомъ, сжавъ сердце, терпитъ все и ждетъ кончины злой, лишь изъясляя ропотъ свой глухимъ и томнымъ рыкомъ. Какъ видить, что осель туда-жъ, натужа грудь, собирается его лягнуть, и посмотреть мѣсто лишь, гдѣ-бъ было побольнѣе. «О, боги!» возопилъ, стеная, левъ тогда, чтобъ не дожить до этого стыда, пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе! какъ смерть моя ни зла: все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла.»

Крыловъ.

186. Лисица и осель.

«Отколѣ умная бредешь ты голова?» лисица, встрѣтаясь съ осломъ, его спросила.

— «Сейчасъ лишь ото льва! Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила: бывало, зарычить, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ, и я безъ памяти бѣгомъ, куда глаза глядятъ, отъ этого уroda, а нынѣ въ старости и дряхлѣ и хилѣ, совсѣмъ безъ силъ, валяется въ пещерѣ, какъ колода. Повѣришь ли, въ звѣряхъ пропалъ къ нему весь прежній страхъ; и заплатилъ онъ старинными долгами! Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему по своему: кто зубомъ, кто рогами...»

Но ты коснуться льва конечно не дерзнулъ?» лисица осла перерываетъ.

— «Вотъ-на!» осель ей отвѣчаетъ: «а мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ: пусекай ослиныя копыта знаетъ!»

Крыловъ.

187. Разсказъ мышенка о помощи льву.

Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышенятокъ бѣгло по полю взапуски; я, какъ шальной раззадорясь, вспрыгнувъ съ разбѣгу на льва, отдохавшаго въ полѣ, и въ пышной гривѣ запутался. Левъ проснулся, и лапой огромной стиснулъ меня: я подумалъ, что буду раздавленъ, какъ мошга. Съ духомъ собравшись, я высунулъ носъ изъ подъ лапы: «левъ государь», ему я сказалъ, «мнѣ и въ мысль не входило милость твою оскорбить; пощади, не губи; не ровень часъ, самъ я те-

бѣ пригожуся.» Левъ улыбнулся (конечно онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: «ты, вижу, забавникъ, леву услужить ты задумалъ, — добро! мы посмотримъ, какую милость окажешь ты намъ? Ступай.» Тогда онъ раздвинулъ лапу, а я давай Богъ ноги.

Но вотъ что случилось: дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ нашихъ левинымъ рыганьемъ: смутилась, какъ будто отъ бури, вся сторона; а не струсилъ: выбѣжалъ въ поле, и что же въ полѣ увидѣлъ? Царь левъ, закутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ, мечется, бьется, какъ бѣшеный, кровью глаза налилися; лапами рветъ онъ веревки, зубами трясеть ихъ; но было все то напрасно, лишь болѣ себя онъ запутывалъ. «Видишь, левъ государь», сказалъ я ему: «что и я пригодился. Будь спокоенъ, въ минуту тебя избавимъ.» И тотчасъ созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать зубомъ; узлы перегрызли тенеть, и левъ распутялся. Важно кивнувъ головою косматою и насъ допустивши къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ сильнымъ хвостомъ по бедрамъ, п въ три прыжка очутился въ ближнемъ лѣсу, гдѣ въ мигъ и пропалъ.

Дуковскій.

188. Осель и соловей.

Осель увидѣлъ соловья, и говоритъ ему: «послушай-ка, дружище! ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище: хотѣлъ бы очень я самъ посудить, твое услышавъ пѣнье, велико-ль подлинно твое умѣнье?»

Тутъ соловей являть свое искусство сталъ: защѣлкалъ, засвисталъ на тысячу ладовъ, тянулъ, передивался; то нѣжно онъ ослабѣвалъ и томной вдаль свирѣлю отдавался; то мелкой дробью вдругъ по рошѣ разсыпался. Внимало все тогда любимцу и пѣвцу Авроры; затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры и прилегли стада. Чуть-чуть дыша пастухъ имъ любовался, и только иногда, внимая соловью, пастушкѣ улыбался.

Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставясь въ землю лбомъ, «изрядно!» говорить: «сказать не ложно, тебя безъ скуки слушать можно; а жаль, что незнакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ: еще-бы ты болѣ наострился, когда бы у него немножко поучился.»

Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей вспорхнулъ и полетѣлъ за тридцать полей.

Крыловъ.

189. Волкъ и мушкетъ.

Попался было бирюкъ въ капканъ, да кое-какъ вырвался и сталъ пробираться въ глухую сторону. Завидѣли его охотники и стали слѣдить. Пришлось бирюку бѣжать черезъ дорогу; а на ту пору шелъ по дорогѣ съ поля мужикъ съ мѣшкомъ и цѣпомъ. Бирюкъ къ нему: «сдѣлай милость, мужичекъ, схорони меня въ мѣшокъ; за мной охотники гонять». Мужикъ согласился, запряталъ его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плеча. Идетъ дальше, а на встрѣчу ему охотники. «Не видаль ли, мужичокъ, бирюка?» спрашиваютъ они. — Нѣтъ, не видаль! отвѣчаетъ мужикъ. Охотники поскакали впередъ и скрылись изъ виду.

«Что, ушли мои злодѣи?» спросилъ бирюкъ. — Ушли. «Ну, теперь выпусти меня на волю.» Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ его на вольный свѣтъ. Бирюкъ сказалъ: «а что, мужикъ, я тебя съѣмъ!» — Ахъ, бирюкъ, бирюкъ! я тебя изъ какой неволи выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь! «Старая хлѣбъ-соль забывается», отвѣчалъ бирюкъ. Мужикъ видитъ, что дѣло-то плохо, и говоритъ: «ну, коли такъ, пойдемъ дальше, и если первый, кто съ нами встрѣтится, скажетъ по твоему, что старая хлѣбъ-соль забывается, тогда дѣлать нечего — съѣшь меня!»

Пошли они дальше. Повстрѣчалась имъ старая лошадь. Мужикъ къ ней съ вопросомъ: «сдѣлай милость, кобылушка матушка! разсуди насъ. Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ хочетъ меня съѣсть!» и разсказалъ ей все, что было. Лошадь подумала, подумала и сказала: — я жила у хозяина двѣнадцать лѣтъ, принесла ему двѣнадцать жеребятъ, изъ всѣхъ силъ на него работала, а какъ стала стара и пришло мнѣ не въ моту работать — онъ взялъ да и стащилъ меня подъ яръ; ужъ я лѣзла, лѣзла, на силу вылѣзла, и теперь вотъ плетусь, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается! «Видишь, моя правда», молвилъ бирюкъ. Мужикъ опечалился и сталъ просить бирюка, чтобъ подождать до другой встрѣчи. Бирюкъ согласился и на это.

Повстрѣчалась имъ старая собака. Мужикъ къ ней съ тѣмъ же вопросомъ. Собака подумала, подумала и сказала: «служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его домъ и скотину, а какъ состарѣлась и перестала лаять — онъ прогналъ меня съ двора, и вотъ плетусь я, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль

забывается!» — Ну, видишь, моя правда! Мужикъ еще пуще опечалился и упросилъ бирюка обождать до третьей встрѣчи: «а тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли хлѣба-соли моей не помнишь».

Въ третій разъ повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ повторилъ ей свой вопросъ. Лиса стала спорить: «да какъ это можно, чтобы бирюкъ, этакая большая туша, могъ помѣститься въ такомъ маломъ мѣшкѣ!» И бирюкъ, и мужикъ побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не вѣрила, и сказала: «а ну-ка, мужичекъ, покажи, какъ ты сажалъ его въ мѣшокъ-то!» Мужикъ разставилъ мѣшокъ, а бирюкъ всунулъ туда голову. Лиса закричала: «да развѣ ты одну голову пряталъ въ мѣшокъ?» Бирюкъ влѣзъ совсѣмъ. «Ну-ка, мужичекъ, продолжала лиса, покажи, какъ ты его завязывалъ?» Мужикъ завязалъ. «Ну-ка, мужичекъ, какъ ты хлѣбъ-то молотилъ?» Мужикъ началъ молотить цѣпомъ по мѣшку. «Ну-ка, мужичекъ, какъ ты отворачивалъ?» Мужикъ сталъ отворачивать, да задѣлъ лису по головѣ и убилъ ее до смерти, приговаривая: «старая хлѣбъ-соль забывается!»

* 190. Пустынникъ и медвѣдь.

Пустынникъ, вскормивъ медвѣдя, такъ обучилъ его, что не нуждался больше въ услугахъ людей. Медвѣдь ловилъ ему дичь, носилъ дрова, стерѣлъ хижину и провожалъ его повсюду, не хуже иной собаки. Однажды, въ жаркій лѣтній день, пустынникъ спалъ на травѣ, подъ тѣнью густого дерева. Подлѣ него сидѣлъ медвѣдь и отгонялъ мухъ, которыя, летая роемъ вокругъ старика, не давали ему покоя. Особенно же надоѣдала ему одна муха. Ужъ нѣсколько разъ медвѣдь прогонялъ её, но она все возвращалась и, садясь пустыннику то на ухо, то на щеку, кусала его; наконецъ она съѣла ему на самую середину лба. Тутъ медвѣдь не могъ ужъ больше вытерпѣть и вскричалъ сердито: «постой-ка ты, неотвѣтчивая! вотъ я тебѣ покажу, что значить беспокоить моего господина!» При этихъ словахъ онъ нагнулся и, поднявъ большой камень, бросилъ его такъ ловко пустыннику въ лобъ, что не только убилъ муху, но и раздробилъ черепъ пустыннику.

Басня эта показываетъ намъ, какъ опасно связываться съ глупцами и требовать отъ нихъ услугъ. Вѣдь не даромъ же говорить пословица, что «услужливый дуракъ опаснѣе врага».

191. Извилистыя тропинки.

«Скажите мнѣ, папаша, отчего такъ извилисты почти всѣ тропинки, которыя здѣсь проложены?» говорилъ сынъ отцу, гуляя съ нимъ по горамъ: «мнѣ кажется, что прямая дорога самая короткая. — А вотъ я объясню тебѣ, отвѣчалъ отецъ: одни вытоптали дорогу для удобства, изъ лѣности, желая обойти камень, ровъ или пригорокъ; другіе дѣлали это, не подумавъ, и шли то вправо, то влѣво, — и этихъ было гораздо больше; остальные пошли по ихъ слѣдамъ. Такъ привыкли поступать люди и въ жизни, стремясь по пути къ счастью: одни, не желая трудомъ и постоянствомъ преодолѣть препятствія, лежащія на прямой дорогѣ, стараются обойти ихъ и идутъ извилистыми дорожками; другіе — неразсудительные, идутъ, куда глаза глядятъ, и сбиваются съ прямой дороги.»

* 192. Кому кукушка куковала.

Въ одно прекрасное майское утро два молодыхъ солдата, Григорій и Михайла, гуляли вмѣстѣ и, проходя черезъ рощу, услышали въ первый разъ пѣніе кукушки. «Кукушка птица вѣщая», сказала суевѣрный Григорій: «крикъ ея предвѣщаетъ мнѣ счастье, по крайней мѣрѣ полный кошелекъ денегъ.» — «Отчего же тебѣ?» возразилъ Михайла, который былъ не умнѣе Григорія: «не знаю для чего бы кукушкѣ предвѣщать счастье одному тебѣ? Я постарше и повиднѣ тебя, и увѣренъ, что она мнѣ предвѣщаетъ счастье.» Вмѣсто того чтобъ наслаждаться прекраснымъ утромъ, они заспорили и побранились; за бранью послѣдовали удары, и наконецъ солдатки наши разетались, оба избитые и въ сердцахъ другъ на друга. — Встрѣтились же они опять у фельдшера; и пока онъ перевязывалъ имъ раны, они рассказывали ему, какъ началась у нихъ ссора, и спрашивали, для кого изъ нихъ куковала кукушка? Фельдшеръ засмѣялся и сказалъ имъ: «Ахъ, вы простаки! она куковала не для васъ, а для меня, потому что вы пришли ко мнѣ лечиться и платить за лекарство; стало-быть кукушка доставила мнѣ одному прибыль.»

193. Не положивъ, не ищи.

Приснилось мужику, что въ лѣсу, который называется у насъ *заповѣдная кля*, лежитъ кладъ. Не даетъ онъ нашему мужику

ни спать, ни ѣсть, отбилъ отъ сна, отъ ѣды, — хоть что хочешь дѣлай, а надо искать кладъ. А какъ его искать? гдѣ искать? Лѣсъ великъ: да опять же думаетъ про себя мужикъ: слышалъ я отъ стариковъ, что спроста кладъ не дается, а надо за него вѣзться умѣючи. Дай пойду, говорить, къ нашему кузнецу, онъ все знаетъ: и нашенствываетъ, и на картахъ гадаеть, — авось приставитъ голову къ плечамъ, научить, какъ быть. — Кузнецъ нашъ и точно научилъ: онъ за словомъ въ карманъ не подѣзеть и знаетъ все. «Тебѣ, говорить, надо идти ночью на Ивановъ день въ лѣсъ: либо добудешь тамъ разрывъ-травы, когда напоротникъ расцвѣтетъ передъ разсвѣтомъ, либо самъ придетъ къ тебѣ кладъ, какъ онъ уже приходилъ къ тебѣ во снѣ. Ты сядь подъ деревомъ, не дремли, не шевелись, сиди смирно; придетъ къ тебѣ кладъ либо лѣшимъ какимъ, либо человѣкомъ, не то волкомъ, и прямо пойдетъ на тебя, ты все сиди, а какъ подойдетъ близко, ты не трусь, ничего не будетъ худого, коли не струсишь, а ударь его въ рожу на отмань, да примолви: «аминь, аминь, разсыпся!» — онъ тутъ передъ тобой и рассыплется, и загребай. Ну, а мнѣ что же будетъ? смотри, все пополамъ. — «Все пополамъ», сказалъ мужикъ и перекрестился, снявъ шапку что все пополамъ.

Пришелъ Ивановъ день. Кузнецъ научаетъ и наставляетъ мужика, повторяя опять, что кто бы ни подошелъ, ничѣмъ не смущайся, а ударь во все плечо на отмань и вели ему рассыпаться. Мужикъ пошелъ, просидѣлъ до самаго разсвѣта — нѣтъ никого, и кладъ не дается, и разрывъ-трава не цвѣтетъ. Всталъ мужикъ, хочеть ужъ идти домой — глядь, идетъ кто-то, словно лѣшій, прямо на него. Собрался съ духомъ мужикъ, подпустилъ его, да какъ хватилъ!... а тотъ на него какъ вскинется: «что ты съ проеонья одурѣлъ, что ли, аль не видишь? я провѣдать тебя пришелъ»... А это кузнецъ нашъ, проснувшись до свѣта, подумалъ, дай провѣдаю, не дался ли мужику кладъ, такъ, чтобы не обмануть, а подѣшлся; пошелъ, да и съѣлъ такого труха на отмань, что насилу шло опять выправить. За это онъ мужика за космы тотъ отбиваться отъ него; ты самъ, говорить, велѣлъ на отмань ударить, кто ни подойдетъ, — я думалъ лѣшій, что ли...

И мужики наши подрались ни свѣтъ, ни зारा: кладъ не нашли, а пришли домой съ подбитыми глазами

194. Сильные мальчики.

Недалеко от Лугоса, в Венгрии, два мальчика собирали землянику в лесу на горѣ. Вдруг что-то зашумѣло надъ головами ихъ, и прежде нежели они успѣли опомниться, какъ огромный орелъ налетѣлъ сверху на одного изъ нихъ и уже захватилъ его острыми когтями, чтобы утащить въ гнѣздо свое. Но дерзость хищника была побѣждена присутствіемъ духа десятилѣтняго мальчика: онъ схватилъ орла за горло и скаль его такъ крѣпко, что силы страшной птицы въ одну минуту исчезли, и мальчикъ, уже поднятый на воздухъ, упалъ на землю вмѣстѣ съ врагомъ своимъ. Другой мальчикъ, увидѣвъ это, забылъ страхъ свой и бросился на помощь къ товарищу своему: сначала кинулъ онъ на птицу свою курточку, а потомъ набѣжалъ на нее самъ, и чрезъ нѣсколько минутъ оба мальчика одержали совершенную побѣду надъ полузадохшимся орломъ. Связавъ ему крылья, они освободили ему горло и съ торжествомъ притащили въ городъ.

195. Два друга и медвѣдь.

Два друга, путешествуя вмѣстѣ, встрѣтились съ медвѣдемъ. Увидѣвъ звѣря, одинъ изъ нихъ взлѣзъ на дерево и спрятался тамъ, а другой, будучи оставленъ своимъ товарищемъ, упалъ на землю и притворился мертвымъ; когда же медвѣдь подошелъ къ нему и сталъ его обнюхивать, то онъ затаилъ дыханіе (ему извѣстно было, что медвѣдь рѣдко трогаетъ мертвыхъ). Медвѣдь въ самомъ дѣлѣ не тронулъ его и скорѣе удался. Тогда путешественникъ, скрывавшійся на деревѣ, сошелъ внизъ и спросилъ своего друга насмѣшливо, что такое медвѣдь шепталъ ему на ухо? — «Онъ мнѣ совѣтовалъ», отвѣчалъ другой путешественникъ, «впредъ никогда не ходить въ дорогу съ такими друзьями, которые покидаютъ насъ въ опасности.»

196. У страха глаза велики.

Еврея, который шелъ по крайне нужному, т. е. денежному и торговому дѣлу черезъ лесъ, застигла ночь. Думать было нечего, надо идти впередъ; но страхъ усиливался съ минуты на минуту: темнѣло все болѣе и болѣе, небо заволакивало тучами, а еврей былъ увѣренъ, что лесъ весь набитъ биткомъ разбойниками. Смотрить: одинъ стоитъ передъ нимъ, вышелъ съ бо-

ку на дорогу и стоять; даже видно, что у него дубинка на плечах.... Не долго думавъ, еврей рѣшается прибѣгнуть къ хитрости. «Слушай», сказалъ онъ, «не тронь меня, я тебя не боюсь; видишь насъ двое.» А самъ снялъ съ головы мохнатую шапку, надѣлъ ее на кулакъ и поднялъ вровень съ головой.... Разбойникъ молчитъ, ни слова, молчитъ да стоитъ. Еврей повторилъ нѣсколько разъ угрозу свою, но вида, что она не беретъ, снялъ потихоньку и ермолку съ головы, наткнулъ ее на другой кулакъ, приподнял и сталъ увѣрять разбойника, что теперь и вовсе его не боится, потому что стоитъ передъ нимъ самъ-третей. «Видишь», повторялъ онъ, «ну, видишь? Говори же, зачѣмъ ты молчишь — видишь, что насъ трое? Ну, зачѣмъ же ты молчишь. Когда боишься, такъ пойдн прочь и дай намъ пройти....» Но все то не повело ни къ чему: разбойникъ молчалъ упорно и стоялъ на одномъ мѣстѣ, а жидъ самъ-третей передъ нимъ; наконецъ стало свѣтать, и жидъ, у котораго уже колѣни дрожали и зубъ не попадалъ на зубъ, вдругъ прищурился, поглядѣлъ, перевелъ духъ, надѣлъ ермолку и шапку, плюнулъ и пошелъ: передъ нимъ стоялъ пень или, лучше сказать, онъ простоялъ всю ночь передъ пнемъ, и съ нимъ разговаривалъ и стращаль его шапкой и ермолкой.

В. Даль

Е. ВОДЫ.

197. *Вода.*

Все хорошо въ природѣ, но вода — красота всей природы. Вода жива, она бѣжитъ или волнуется вѣтромъ, она движется, даетъ жизнь и движеніе всему ее окружающему. Разнообразны явленія водъ, и непонятны законы этого разнообразія. Изъ вершины высокой, первозданной горы, сложенной изъ каменнаго дикаго плитняка, бьетъ свѣтлая, холодная струя, скачетъ внизъ по уступамъ горы, и, смотря по ея крутизнѣ, образуетъ или множество маленькихъ водопадовъ, или одно, много два большія паденія воды. Если она сжата камнями, то гнѣтся узкою лентою; если катится съ плиты, то падаетъ широкимъ занавѣсомъ; если же поверхность горы не камениста и не крута, то вода выроетъ себѣ постоянное небольшое русло — и какъ все живо, зелено и ве-

село вокругъ него! Неизвѣстно, откуда возмуться несвойственныя горамъ травы, цвѣты, кусты и деревья, незабудки, дикій нарцисъ, кукушкины слезки, тальникъ и березка. Нигдѣ по близости не растутъ они; но видно вѣтеръ вездѣ разноситъ всякія сѣмена, да только не вездѣ они всходятъ и принимаются.

С. Аксаковъ.

198. Сказка о щуцѣ зубастой.

Въ ночь на Ивановъ день родилась щука въ Шекснѣ, да такая зубастая, что Боже упаси! Лещи, окуни, ерши — всё собрались глязѣть на нее, и дивовались такому чуду. И стала щука расти не по днямъ, а по часамъ: что день, то на вершокъ прибавится; и стала она въ Шекснѣ похаживать, да лещей, окуней полавливать: издали увидить леща, да и хватъ его зубами, леща какъ не бывало, только косточки хрустятъ на зубахъ у щуки зубастой. Экая оказія случилась на Шекснѣ! Что дѣлать лещамъ да окунямъ — тошно приходитъ, щука всёхъ пріѣсть, прикорнаеть.

Собралась вся мелкая рыбица и стала думу думать, какъ перевести щуку зубастую. На совѣтъ пришелъ и Ершь Ершовичъ и сказалъ: «Полно-те думать да голову ломать, полно-те мозгъ портить! а вотъ послушайте, что я буду баять. Тошно намъ всёмъ теперь въ Шекснѣ; щука зубастая* проходу не даетъ всякую рыбу на зубъ береть; не житьѣ намъ въ Шекснѣ, переберемтесь-ка лучше въ мелкія рѣчки жить: въ Сизму, Коному да Славенку; тамъ насъ никто не тронетъ, и будемъ жить припѣваючи.» И поднялись всё ерши, лещи, окуни изъ Шексны въ мелкія рѣчки Сизму, Коному да Славенку.

Съ тѣхъ поръ въ Шекснѣ совсѣмъ мало стало мелкой рыбицы? Закинетъ рыбакъ удочку въ воду, да ничего не вытащитъ; когда нѣкогда попадетъ стерлядка, да тѣмъ и ловлѣ шабашъ. Вотъ вамъ и вся сказка о щуцѣ зубастой. Много надѣлала плутовка хлопотъ въ Шекснѣ, да послѣ и сама не сдобровала. Какъ не стало мелкой рыбицы, пошла хватать червяковъ и попалась на крючокъ. Рыбарь сварилъ изъ нея забубенную ушицу, да тѣмъ, гажись, и заговѣлся.

199. Водопадъ и ручей.

Кпящій водопадъ, свергаясь со скаль, цѣлебному ключу съ надменностью сказалъ (который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ, но силой славился лечебною своею): «Не странно-ль это

Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ, а у тебя всегда премножество гостей? Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться; къ тебѣ зачѣмъ идутъ?»

— «Лечиться», смиренно прожурчалъ ручей. *Крыловъ.*

200. Рѣчка.

По полю, полю чистому, по бархатнымъ лужкамъ, течеть, струится рѣченька къ безвѣстнымъ бережкамъ. Взойдетъ гроза, пройдетъ гроза, — всегда свѣтла она; отъ бури лишь поморщится, не зная, что волна... Не рощи, не дубравушки по берегу растутъ; кусты цвѣтовъ лазоревыхъ, любуясь въ ней, цвѣтуть.

А рѣчка извивается, по травушкѣ скользитъ, то въ ямкѣ потеряется, то снова заблеститъ. Ей убыли невѣдомы, всегда въ одной красѣ; за прибыль благодарствуетъ небесной лишь росѣ. Но долго-ль, долго-ль рѣченькѣ катиться по цвѣтамъ? Ждутъ бездны моря свѣтлую въ дали туманной, тамъ. О поле, поле чистое! осиротѣешь ты... и вы, и вы посохнете, лазоревы цвѣты.

Цыгановъ.

Загадка.

По какой дорогѣ полгода ѣздить, а полгода ходить?

201. Болото.

Я цѣлый часъ болотомъ занялся. Тамъ бѣлоусъ торчитъ какъ щепка жѣсткій; тамъ точно прудъ зеленый разлился; лягушка, взгромоздись, какъ на подмости, на старый пенъ, торчащій изъ воды, на солнцѣ нѣжится и дремлетъ... Бѣлымъ пушкомъ одѣты тощія цвѣты; надъ ними мошки вьются росемъ цѣлымъ; лишь незабудокъ сочныхъ бирюза кругомъ глядитъ умильно мнѣ въ глаза, да оживляютъ бѣдный мѣръ болотный порханье бѣлой бабочки залѣтной и хлопоты стрекозокъ голубыхъ вокругъ тростинокъ тощихъ и сухихъ.

А. Майковъ.

Загадка.

Не море, не земля, корабли не плаваютъ, а ходить нельзя.

202. Ручей.

Поселянинъ сидѣлъ у ручья, который протекалъ мимо его луга, и смотрѣлъ на пасущееся стадо свое. Но онъ былъ печалень: трава росла скудно, и не могла прокормить его стада и половину лѣта.

Тутъ подошелъ къ нему сосѣдъ, примѣтивъ печальный его

видъ и спросилъ о причинѣ тайной его грусти. Поселянинъ разсказалъ о своихъ опасеніяхъ и маломъ доходѣ отъ луга. Но сосѣдь отвѣчалъ: «Сдѣлай такъ, какъ я сдѣлалъ съ моимъ лугомъ. Онъ лежитъ при этомъ же ручьѣ, и былъ прежде безплоденъ и бѣденъ. Я провелъ въ него ручей, и трава стала расти тучная и высокая.»

Поселянинъ обрадовался умному совѣту, пошелъ, взялъ помощниковъ, принялся за работу, и они прокопали ручей.

Но ручей такъ наводнилъ лугъ, что оцъ сдѣлался подобенъ озеру, и покрылъ его пескомъ и камнями. Несчастный поселянинъ рвалъ на себѣ волосы, побѣжалъ къ сосѣду и жестоко бранилъ его за совѣтъ.

Но тотъ отвѣчалъ: «Другъ! для чего ты сердншься на меня за совѣтъ, который я далъ тебѣ отъ добраго сердца? Жалуйся лучше на самого себя и на твое собственное нетерпѣливое сердце. Тебѣ надобно было провести ручей небольшими рвами черезъ лугъ, а не затоплять его всею силою воды. Только такъ утучняетъ оцъ луга, дѣлаетъ ихъ плодоносными и оставляетъ назади песокъ и камни.»

Загадка.

Между горъ, между горъ, бѣжитъ конь вороной.

203. Источникъ живой воды.

Въ жаркій день три путника сошлись на краю большой дороги, у чистаго студенаго ключа. Густые, сочные кусты нависли надъ источникомъ и берегли его свѣжесть своею тѣнью. Вода собиралась тамъ въ большой сосудъ, высѣченный изъ камня; изъ сосуда бѣжала она свѣтлыми, прозрачными струйками и обливала надпись: «Будь похожъ на этотъ источникъ». Струйки собирались на крупномъ пескѣ и текли небольшимъ ручейкомъ все дальше и дальше по цвѣтистому лугу.

Путники напились, прочитали надпись и стали размышлять, что она значить.

«Это хорошій совѣтъ», сказалъ одинъ изъ путниковъ, какъ видно, купецъ. За плечами у него была котомка, и въ широкомъ кожаномъ поясѣ было что-то тяжелое завернуто или зашито, прочные сапоги его были покрыты густымъ слоемъ пыли, накопившейся во время продолжительной ходьбы. «Источникъ течетъ безпрестанно, течетъ далеко, растетъ, принимаетъ въ себя воду

другихъ ключей, становится большою рѣкою и какъ будто говорить своимъ примѣромъ: будь дѣятеленъ, не останавливайся никогда и — успѣешь въ исполненіи своихъ намѣреній.»

Другой путникъ, старикъ, съ книгою въ рукѣ, покачалъ головой.

— Здѣсь урокъ гораздо выше, сказалъ онъ: этотъ ключъ готовъ для всякаго, утоляетъ жажду всякаго прохожаго, не требуетъ благодарности, и этимъ ясно говоритъ людямъ: дѣлай добро изъ любви къ добру, и не ищи вознагражденія.

Третій путникъ не говорилъ ничего. Это былъ прекрасный блѣкурый юноша, который въ первый разъ и недавно только разстался съ своею матерью. Товарищи спросили его, какъ онъ думаетъ? Онъ призадумался немного, слегка покраснѣлъ и сказалъ: «Мнѣ этотъ ключъ говорить совсѣмъ другое. Зачѣмъ это непрерывное движеніе, зачѣмъ эта готовность утолить жажду всякаго прохожаго, если бы вода этого ключа была мутна! Главное достоинство его въ томъ, что онъ чистъ и ясеиъ. Не о прилежаніи и не о великодушіи нашемъ говорить эта надпись. Будь похожъ на этотъ источникъ — значить: сохрани свою душу въ такой чистотѣ, чтобы въ ней хорошо отражались, какъ въ этомъ ключѣ, всѣ цвѣты земли и всѣ лучи неба.»

204. Старикъ и ребята своевольные.

Ребята у моря со старикомъ гуляли и какъ-то на челнокъ напали, въ который вздумали они и сами сѣсть, и въ тотъ же старика хотѣть ребята ввести, чтобъ съ ними по морю немного прокатиться. Но старику ли согласиться съ ребятами шалить? Старикъ и ихъ увѣщаетъ охоту эту отложить; ребятамъ живо представляеть, что кончится игра бѣдой. Ребятамъ нужды нѣтъ, хоть голова долой. Чѣмъ больше убѣждалъ старикъ бѣду оставить, тѣмъ больше на своемъ старался всякъ поставить. Старикъ еще ихъ унимать: Эй, право вамъ не одобровать; челнокъ вамъ на бѣду; повѣрьте мнѣ, я знаю; вѣдь вамъ же я добра желаю.» — Пустое, старячекъ! Что слушаться его? — А сами прыгъ въ челнокъ, и въ морѣ наконецъ изъ виду удалились. Тиха была вода, когда они пустились; но вдругъ поднялся вихрь, затмила туча свѣтъ. Челнокъ то вверхъ, то внизъ бросаетъ: ребята чтобъ назадъ, но вѣтеръ не пускаетъ; ребята чтобъ спастись, но ужъ спасенья нѣтъ: челнокъ вверхъ дномъ и всѣхъ собою потопляетъ.

205. Морская тишь.

Все спокойно надъ водами, безъ движенія море спитъ, и печально мореходецъ на равнины водъ глядитъ. Воды стихли, замолчали; какъ въ могилѣ тишина! и на всей обширной дали не шелохнется волна.

206. Похороны на кораблѣ.

Сегодня (27 іюня 1859 г.), рано утромъ, мнѣ привелось видѣть сцену, которая долго останется у меня въ памяти.

Одинъ изъ матросовъ на кораблѣ скончался прошлую ночь. Тѣло покойнаго до сегодняшняго утра стояло подъ образами сегодня его хоронили. Человѣкъ шесть матросовъ, сопровождаемые нашимъ почтеннымъ священникомъ, вынесли покойника на верхнюю палубу. Тѣло было плотно зашито въ саванъ; къ ногамъ была прикрѣплена чугунная баластина...

Деревянная рѣшетка, закрывающая главный средній бортъ «Ретвизана», была снята; на бортъ положили длинную доску конецъ которой далеко выдавался надъ водою; на доску опустили тѣло покойника; два унтеръ-офицера придержали доску. Ванты усыпаны были народомъ; офицеры окружали бывшаго своего сослуживца. Въ то время, какъ священникъ читалъ молитвы, — я невольно нагнулся впередъ и взглянулъ внизъ въ море. Волны глухо шумѣли, то высоко подымаясь и всплескивая пѣну, то роя вокругъ себя мрачныя глубокія бездны...

«Помяни Господи во царствіи Твоемъ раба твоего Андрея!» тихо проговорилъ священникъ.

— Аминь! прошептали въ толпѣ.

— Спускай!.. сказалъ кто-то.

Доска наклонилась къ морю; тѣло начало медленно скатываться; еще секунда — и оно пропало въ волнахъ... Вы представить себѣ не можете, какъ впечатлѣніе грусти, даже страха, оставили на мнѣ эти похороны. Что ни говори, человѣку свойственно только жить и умирать на землѣ; когда человѣка хоронятъ въ землю, разлука его съ людьми кажется все не такъ ощутительною; покойникъ ближе къ своимъ, какъ словно и свои къ нему ближе; ихъ раздѣляетъ слой почвы, всего въ два аршина; но тутъ на морѣ — куда онъ дѣлся? гдѣ онъ?.. въ какую пустыню, въ какое страшное одиночество занесли его?... Въ сущности конечно не все ли это равно? Но когда приходитъ

самое дѣло, когда случается быть очевидцемъ такихъ похоронъ, — сердце и привычка всегда говорятъ громче философiи.

А. Григоровичъ.

Загадка.

Есть деревянный домъ: изъ мѣста въ мѣсто онъ гуляетъ; не на землѣ стоитъ, но землю объѣзжаетъ, а кажется на мѣстѣ онъ однимъ.

207. Пословицы и поговорки, имѣющія отноше- нiе къ дорогѣ, лѣсу и водѣ.

Богъ пути кажется. Гдѣ дорога, тамъ и путь. Тише ѣдешь дальше будешь. Подъ гору вскачь, а въ гору хоть плачь. Домашняя дума въ дорогу не годится. Хлѣбъ въ пути не тягость. Въ игрѣ да въ попутьи людей узнають. Топоръ дорогой товарищъ.

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Отъ искры сырѣ боръ загорается. Худое дерево въ сукъ растеть. За одинъ разъ дерева не срубишь. Ломи дерево, пока молодо. Исподволь и ольху согнешь, а вкрутъ и вязъ переломишь. Отъ осины яблочко не родится. Въ лѣсъ не създишь, такъ и на полатахъ замерзнешь. Лѣсомъ шель, а дровъ не видалъ. Въ лѣсу рубать, а къ намъ щепки летать. Въ лѣсъ дровъ не возать, въ колодезь воду не лютъ.

Не извѣдавъ броду, не суйся въ воду. Пропаль, какъ камень въ воду вануль. Мирская молва, что морская волна. Сиди у моря, да жди погоды. Не море корабли топить, а вѣтры. Большому кораблю большое и плаванье. Воды изъ моря синица не много ущеть. Морскихъ топить море, а сухопутныхъ горе. Вода путь найдетъ. Рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видитъ. Волга добрая лошадка, все свезеть. Подъ лежачъ камень и вода не течеть.

IV. ЧЕЛОВѢКЪ.

* 208. Старые и молодые люди.

У Никифора было два сына: одному было лѣтъ двѣнадцать, а другому лѣтъ четырнадцать. Однажды сосѣди рассказали ему, что его дѣти смѣялись надъ старухою. Отецъ, сдѣлавъ имъ строгій выговоръ, объяснилъ, что не хорошо издѣваться надъ старыми людьми. Дѣти обѣщали исправиться. Но чрезъ нѣсколько времени мальчики забыли свое обѣщанiе и, встрѣтивъ

шись однажды съ бѣднымъ старикомъ, стали смѣяться надъ нимъ называя его *старымъ хрюномъ*. Отецъ узналъ объ этомъ, и началъ думать, какимъ бы образомъ исправить легкомысленныхъ дѣтей своихъ. Скоро наступилъ день именинъ Никифора; дѣти пришли его поздравить, и пожелали ему счастья и долгой жизни. «Дѣти», сказалъ имъ отецъ, «я не хочу долго жить; пожелайте мнѣ лучше скорѣе умереть, я боюсь дожить до старости; когда я сдѣлаюсь старымъ, надо мною будутъ также смѣяться злые дѣти, какъ вы смѣялись недавно надъ однимъ старикомъ, и меня будутъ называть *старымъ хрюномъ*.» Дѣти покраснѣли и отъ стыда не знали, куда дѣваться; они любили своего отца, поняли своё безразсудство — и съ тѣхъ поръ не смѣялись болѣе надъ старыми людьми.

Загадка.

Утромъ на четырехъ, въ полдень на двухъ, вечеромъ на трехъ.

209. Спуетя лѣто, да въ лѣсъ по малицу.

Однажды въ году бываетъ красное лѣто; одинъ разъ въ году цвѣтутъ цвѣты и растутъ ягоды! И человѣкъ дважды молодъ не бываетъ. Молодость наше лѣто, запомните! За лѣтомъ идетъ осень, за молодостию — старость! Добрые хозяева запасаются лѣтомъ всѣмъ, что нужно на крупный годъ: и хлѣбомъ, и крупною, и овсомъ, и сѣномъ, и ягодами, и плодами, и овощами. И человѣкъ въ молодости долженъ запастись всѣмъ, что нужно подъ старость: терпѣніемъ, познаніями, добрыми навыками, добрыми дѣлами. Весело, хорошо, тепло будетъ въ зиму старости съ такимъ запасомъ! Спуетя лѣто въ лѣсъ за малиной не ходить, говорить пословица; и человѣкъ на старости не найдетъ покоя, если проспалъ молодость свою.

210. Старикъ.

Возвращаясь съ охоты, одинъ молодой человѣкъ остановился передъ домикомъ лѣсничаго и, войдя въ сѣни, съ удивленіемъ увидѣлъ, что старикъ сѣлъ сѣмена грушъ и яблокъ въ деревянные ящики, наполненные землею. Лѣсничему было около семидесяти лѣтъ, значить, онъ не могъ уже надѣяться, что дождется плода отъ трудовъ своихъ. «Зачѣмъ ты напрасно трудишься», сказалъ молодой человѣкъ старику: «вѣроятно тебя уже не будетъ на свѣтѣ въ то время, когда выростутъ изъ этихъ сѣмянъ деревья.» — А развѣ мы живемъ только для себя? отвѣ-

чалъ лѣсничій. И румянецъ стыда выступилъ на лицѣ молодого человѣка.

* 211. Зачѣмъ не видалъ?

Изъ сада, среди бѣлаго дня, украли плоды: а при садѣ былъ сторожъ. Кто виновать? разумѣется, сторожъ. Сторожа привели въ судъ. Когда судья началъ его допрашивать, сторожъ въ своё оправданіе сталъ увѣрять, что будто принялъ вора за хозяина сада. Судья спросилъ у сторожа: «да развѣ ты не знаешь хозяина?» — Знаю, отвѣчалъ сторожъ. «Въ такомъ случаѣ», возразилъ судья, «выходитъ, что ты не потрудился хорошенько разглядѣть, кто рвалъ плоды: воръ, или хозяинъ? Есть у тебя глаза, или нѣтъ? Если есть, зачѣмъ ты не пользовался своими глазами? зачѣмъ не видалъ? Если бы ты смотрѣлъ со вниманіемъ, то навѣрно бы отличилъ вора отъ хозяина. Стало-быть ты виновать.» И судья приговорилъ сторожа къ наказанію.

212. Мартышка и очки.

Мартышка къ старости слаба глазами стала; а отъ людей она слыхала, что это зло еще не такъ большой руки: лишь стоитъ завести очки. Очковъ съ полдюжины себѣ она достала; вертеть очками такъ и сякъ: то къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ, то ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ, — очки не дѣйствуютъ никакъ. «Тьфу пропасть!» говоритъ она, «и тотъ дуракъ, кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ: все про очки лишь миѣ нагнали, а проку на волосъ нѣтъ въ нихъ.» Мартышка тутъ съ досады и съ печали о камень такъ хватила ихъ, что только брызги засверкали.

Крыловъ.

Загадки.

1. Кругло, горбато, около мохнато; придетъ бѣда, потечетъ вода.
2. Братъ съ братомъ черезъ дорожку живутъ, одинъ другого не видятъ.

* 213. Зачѣмъ не слыжалъ?

Во многихъ нѣмецкихъ городахъ и у насъ въ Финляндіи есть особые сторожа, которые ходятъ ночью по улицамъ; каждый разъ, когда пробьютъ городскіе часы, эти сторожа кричатъ или поютъ на улицахъ, сколько пробиле. Это дѣлается для того,

чтобы каждый житель зналъ навѣрно, который часъ, а равно и для доказательства, что сторожъ не спитъ, а караулитъ. Одного такого сторожа обвиняли, что онъ невѣрно выкрикиваетъ часы. Сторожъ началъ оправдываться тѣмъ, что онъ не слыхалъ боя часовъ. «Если такъ, возразилъ судья, то вѣрно ты плохо слышишь: тебя слѣдуетъ отставить отъ должности.» Сторожъ, страшась лишиться мѣста, сталъ увѣрять, что у него слухъ отличный. «Если такъ, то нѣтъ тебѣ оправданія, замѣтилъ судья, ты виноватъ; зачѣмъ ты не слыхалъ? тебя должно наказать за небрежность.»

Загадка.

Плосконька дощечка по краямъ обшивочка, а въ серединѣ дырочка.

* 214. Неумышленное похищеніе.

На одного путешественника была принесена жалоба, что онъ во время ночлега въ гостиницѣ умышленно взялъ, вмѣсто своей простой поярковой шляпы, чужую, совершенно новую шелковую шляпу. На вопросъ судьи, правда ли это? обвиненный отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно надѣлъ чужую шляпу, но что онъ сдѣлалъ это по ошибкѣ, не узнавъ въ темнотѣ, что шляпа была не его. Судья возразилъ ему однако-жъ слѣдующее: «мнѣ трудно повѣрить вашимъ словамъ; взявъ шляпу, вы легко могли замѣтить, что у васъ въ рукѣ не грубый пояркокъ, а мягкій шелкъ; вѣдь осязаніемъ мы различаемъ и не такія вещи!» — Да этого чувства у меня почти вовсе нѣтъ въ пальцахъ, отвѣчалъ путешественникъ, оттого что я однажды въ большой холодъ ознобилъ себѣ руки. — При этихъ словахъ онъ показалъ судьѣ свои руки; онѣ дѣйствительно были сильно повреждены. Судья убѣдился, и не приговорилъ его къ штрафу.

Загадка.

У двухъ матерей по пяти сыновей; одно имя всѣмъ.

* 215. Зачѣмъ дашь тебѣ вкусъ?

Работница, служа по найму у крестьянина, нѣсколько разъ выпивала потихоньку молоко, которое было у хозяина на погребѣ. Хозяева начали подмѣчать и, дознавшись наконецъ, кто былъ виноватъ, пожаловались на работницу сельскому старшинѣ. Улицы были на лицо, и работницѣ нельзя было отпереться, но она въ оправданіе своё говорила, что будто ночью она не

распознала молока и сочла его за воду, оттого что съ нѣкоторыхъ поръ совсѣмъ потеряла вкусъ. Выслушавъ эти слова, сельскій старшина велѣлъ подать работницѣ двѣ закрытыя кружки: въ одной былъ уксусъ, а въ другой молоко; онъ подалъ работницѣ кружку съ уксусомъ, приглашая её попробовать. Работница исполнила приказъ, но начала морщиться и кашлять. «Да это уксусъ!» сказала она съ неудовольствіемъ. Тогда старшина подалъ ей другую кружку и спросилъ: а это что? — «Это молоко», отвѣчала работница, хлебнувъ изъ кружки. — Ну вотъ видишь ли, сказалъ старшина, стало-быть у тебя есть вкусъ и потому твоё давнишнее показаніе чистая ложь. Если можешь отличить уксусъ отъ молока, то можешь отличить и молоко отъ воды. — Затѣмъ не только присудили работницу къ заслуженному наказанію, но заставили её заплатить за всё чужое молоко, которое она выпила.

Загадки.

1. Лежить доска среди моста, не гніеть и не сохнетъ.
2. За бѣлыми берегами тарара живетъ.

216. Дурная кухарка.

Въ одномъ домѣ нанималась кухарка. Съ нѣкотораго времени начали замѣчать, что она очень дурно готовить кушанье, то слишкомъ пересолить, то не досолить. Хозяйка призвала ее къ себѣ и начала ей выговаривать, зачѣмъ она не пробуетъ кушанья, и даже сказала, что она намѣрена отказать ей отъ мѣста. Кухарка отвѣчала, что напротивъ того она отвѣдываетъ каждое блюдо, и что, сколько ей извѣстно, ни одно кушанье не было ни недосолено, ни пересолено. Хозяйка не повѣрила и хотѣла было возражать, но въ эту минуту вошелъ въ комнату докторъ; хозяйка разсказала ему, что случилось. Выслушавъ, докторъ взглянулъ на кухарку и сказалъ: «да она, кажется, нездорова, у ней больной видъ.» Потомъ онъ посмотрѣлъ у ней языкъ, пощупалъ пульсъ и убѣдился, что она дѣйствительно нездорова. Кухарка въ свою очередь сказала, что точно съ нѣкотораго времени чувствуетъ себя нездоровою, и что болѣзнь ея по всему вѣроятію происходитъ отъ того, что она простудилась; хозяйка, увѣрившись, что кухарка не виновата, освободила ее на время отъ всякой работы и попросила доктора, чтобы онъ помогъ ей.

* 217. Горькій цвѣтокъ.

Въ одинъ весенній день маленькая Миночка пошла гулять съ маменькой своей на горы, которыхъ было много въ томъ мѣстѣ, гдѣ они жили. Дорогой попалось имъ множество хорошенькихъ цвѣточковъ, и Миночка не могла довольно налюбоваться имъ. Но болѣе всѣхъ понравился ей одинъ красенькій, пѣшый, какъ пухъ, цвѣточекъ. Миночка сорвала его, разсматривала со всѣхъ сторонъ, цѣловала, нюхала его и безпрестанно говорила о томъ, какъ онъ ей нравится. Наконецъ ей наскучило только любоваться и восхищаться имъ; ей захотѣлось насладиться еще болѣе цвѣточкомъ своимъ: она поднесла его ко рту и начала его ѣсть.

Но что-жъ случилось? Не успѣла маленькая дурочка пожевать одинъ листочекъ, какъ вдругъ она закричала, заплакала и побѣжала къ маменькѣ. «Маменька, маменька!» говорила она, почти рыдая: «я хотѣла съѣсть этотъ хорошенькій цвѣточекъ, да онъ такой горькій, что весь ротъ у меня какъ будто въ огнѣ. Ахъ! гадкій, негодный цвѣтокъ!»

Такъ жаловалась груленькая дѣвочка; но маменька сказала ей: «душенька! зачѣмъ ты вздумала ѣсть этотъ цвѣтокъ? Цвѣты красивы видомъ своимъ, красками; они имѣютъ пріятный запахъ: вотъ и всё, что они могутъ доставить тебѣ. Не довольно ли того, что глаза твои могутъ любоваться красотой ихъ, что ты можешь наслаждаться ихъ прекраснымъ запахомъ; зачѣмъ же ѣсть ихъ?»

Загадки.

1. Около прорубки стоятъ бѣлыя голубки.
2. Бисеръ мой, бисеръ борочкомъ снизанъ, алымъ бархатомъ опушенъ, подъ завѣтомъ заложень.

* 218. Въ чему нужно обоняніе?

Одну женщину, которая была сидѣлкою въ больницѣ, обвиняли въ томъ, что она не смотритъ за чистотою воздуха въ комнатѣ, гдѣ лежали порученныя ей больные, и что отъ этого тамъ бываетъ нерѣдко весьма противный запахъ. Разумѣется, что ей сдѣланъ былъ допросъ; она однако-жъ утверждала, что ей ни разу не случалось замѣтить, чтобы въ комнатѣ у больныхъ былъ противный запахъ, и что поэтому она не считала нужнымъ ни курить у нихъ, ни отворять одушникъ. Къ показанію своему

она прибавила ещё, что впрочем она могла ошибиться, могла не чувствовать неприятнаго запаха, оттого что она уже несколько дней больна насморкомъ. Эти слова оказались справедливыми и женщина не лишилась своего мѣста.

219. Гвоздика.

У одного садовника росла на грядкѣ прекрасная гвоздика; нѣжный цвѣтъ ея и превосходный запахъ восхищали всѣхъ. Однажды вошелъ къ нему въ садъ господинъ, почтенный видомъ, съ супругой; они разсматривали гвоздику. Господинъ говорилъ: цвѣтъ ея нисколько не замѣчательнъ, но запахъ превосходенъ и чрезвычайно приятенъ. «Нѣтъ», спорила жена его: «цвѣтъ ея превосходенъ, но къ сожалѣнію она не имѣетъ никакого запаха.» Садовникъ не могъ вдругъ понять причину этого страннаго противорѣчія; но наконецъ замѣтилъ, что господинъ имѣлъ слабое зрѣніе, а супруга его дурное обоняніе. Тогда онъ подумалъ: «что случилось съ моею гвоздикою; часто случается и съ вещами весьма цѣнными; сколько людей пренебрегаютъ ихъ оттого только, что имѣютъ зрѣніе слишкомъ слабое, чтобъ разсматрѣть ихъ, и чувство слишкомъ тупое, чтобъ понять все ихъ совершенство!»

Загадки.

1. Между двухъ свѣтилъ я въ серединѣ одинъ.
2. Вокругъ носу вьется, а въ руки не дается.

220. Члены человѣческаго тѣла.

Члены человѣческаго тѣла однажды поссорились и не захотѣли служить другъ другу. «Не хотимъ ходить, не хотимъ носить васъ всѣхъ», говорятъ ноги: «ходите сами!» — «Не хотимъ работать для васъ», говорятъ руки: «работайте сами!» — «Что я за дуракъ», ворчитъ ротъ: «что стану кормить васъ; не хочу жевать пищу для желудка!» — «А мы что за сторожа для васъ» сказали глаза: «не хотимъ смотрѣть!» Такъ взбунтовались всѣ члены и отказались отъ службы. Что-жъ вышло изъ этого? Такъ какъ ноги не хотѣли ходить, руки работать, ротъ кушать, глаза смотрѣть: то всѣ члены начали ослабѣвать, все тѣло сохнуть. Тогда они поняли, что глупо ссориться, что нужно помогать другъ другу. Принялись дружно за работу и снова окрѣпли и поздоровѣли.

221. Человѣкъ, медвѣдь, лисица и голубь.

Нанявши уголокъ, у человѣка жили медвѣдь, лисица, голубокъ, съ условіемъ, чтобъ ихъ кормили и съ голоду не уморили. И голубокъ — куда какой накладный гость: кинь зеренъ горсть, такъ онъ и сытъ. Лисица тоже: хоть прокормить и подороже, да все не такъ. Вотъ напримѣръ медвѣдь-дуракъ, такой вѣдь объѣдало: что ни давай, все мало; и не было-бъ хозяину въ укоръ его держать поголоднѣе. Но, знать, хозяинъ насъ умнѣе. Тутъ у него былъ свой разборъ и зрѣнія особенная точка: медвѣдья, страхъ! онъ раскормилъ; лиса имѣла въ день мясца два-три кусочка, а голубочка — онъ заморилъ.

222. Чужой разумъ.

Повадился козель въ огородъ; бывало, какъ пастухи выгонять гуртъ свой, то Васька мой, сперва какъ добрый, идетъ и головой помахиваетъ, а какъ только подпаски засядутъ гдѣ-нибудь въ овражкѣ играть въ камешки, то онъ и отправляется прямо въ капусту. Разъ и пошелъ онъ тѣмъ же знакомымъ путемъ идти себѣ да пофыркиваетъ, бородкой помативаетъ, будто за дѣломъ.

Въ это время глупая овца отбилась отъ стада, зашла въ чащу въ крапиву, да въ лопушникъ; стоитъ сердечная да оглядывается, кричитъ благимъ матомъ, не найдетъ ли кто, добрый человѣкъ, чтобы вывелъ ее изъ этой бѣды. Увидавъ козла, она обрадовалась ему, какъ родному брату. Пойду за нимъ, думаетъ этотъ выведетъ; и не первинка мнѣ за козломъ идти: у насъ такой же бородачъ жоакомъ впереди стада ходить.

И пошла овца наша, увязавшись за козломъ. Онъ черезъ оврагъ — и она черезъ оврагъ, козель черезъ тынь — овца черезъ тынь; козель черезъ прясло — и овца черезъ прясло, да и попала съ нимъ вмѣстѣ въ огородъ, да сдуру и пошла прыгать по грядкамъ.

На этотъ разъ огородникъ заглянулъ на бѣду въ капусту свою и увидаль незваныхъ гостей, схватилъ предлинную хвостину и пустился со всѣхъ ногъ на недруговъ. Козель, какъ попроворнѣе, опять успѣлъ выскочить изъ огорода, черезъ плетень, мелькнулъ — и былъ таковъ, пошелъ, пофыркивая, въ чистое поле; а бѣдная овца замялась, замолчала, стала кидать-

ся, оробѣвъ, во всѣ стороны, да и попалась. Не пожалѣлъ огородникъ на нее хворостины своей: всю измочалилъ о бѣдную овцу, такъ что она стала кричать не своимъ голосомъ, да помощи нѣтъ ни отъ кого. Наконецъ огородникъ подумалъ про себя: чего добраго, еще убьешь дуру эту, да послѣ не раздѣлаться, — выгналъ ее въ галитку, да еще таки на дорогу вытянулъ во всю спину хворостиной.

Пришла овца домой и плачется на козла: этакій озорникъ обидчикъ, звалъ меня, да и покинулъ; и за весь грѣхъ одна моя спина поплатилась! А козель говорить: а кто тебѣ велѣлъ за моимъ хвостомъ бѣгать? Я пошелъ самъ въ свою голову, такъ самъ за себя и отвѣчаю; коли мужикъ мнѣ бога отомнетъ — не стану плакаться ни на кого: ни на хозяина, зачѣмъ дома не кормить, ни на пастуха, что за мною не присмотрѣлъ; буду терпѣть, да молчать, коли попадусь, и только. А тебя зачѣмъ нелегкая за мною понесла? Я тебя не звалъ.

Гляди всякъ своими глазами, раскидывай своимъ умомъ и дѣлай, что и какъ разумѣешь. Чужой умъ не разжива; чужимъ умомъ не поживешь: а поживешь, такъ и заплачешь. В. Даль.

223. Пословицы и поговорки.

Съ радости кудри вьются, а съ печали сбьются. Око видитъ далеко, а мысль еще дальше. Глаза глядятъ, а руки дѣлаютъ. Не хвали въ очи, не брани за глаза. Не доглядишь окомъ, заплатишь бокомъ. Гляди въ оба. Не въ бровь, а въ самый глазъ. У семи нянекъ дитя безъ глазу. Завидливые глазки все съѣсть хотятъ. Не выбирай глазами, а выбирай ушами. У сердца уши есть. Слухомъ земля полнится. Не бойсь! бровь изъ носу пойдетъ. На всякое чиханье не наздравствуешься. Языкъ врагъ, прежде ума глаголетъ. Что на умъ, то и на языкъ. У языка зубы да губы—два замка. Изъ одного рта и тепло и холодно. Изъ одой головы да два языка. На языкъ медокъ, а на сердцѣ ледокъ. Языкомъ что хочешь болтай, а рукавъ воли не давай. Гортань гласу родитель, гласъ же гортани кормитель.

Рука руку моегъ. Одной рукой узла не завяжешь. На свою руку охулки не положить. Межъ дверей пальца не клади. Локоть близокъ, да не укусишь. И безъ перца дайдетъ до сердца. Людское сердце не лукошко, не прорѣжешь въ немъ окошко. Отъ избытка сердца уста глаголютъ. На сердцѣ ненастье, такъ и въ ведро дождь идетъ. Что въ сердцѣ варится, то въ лицѣ не утаится. По одежѣ протягивай ножки. На голую ногу всякій башмакъ впору. Гляди подъ ноги; хоть ничего не найдешь, такъ

ноги не зашибешь. Не платье красить челозѣга, а челозѣгъ красить платье.

224. Надъ тѣлесными недостатками смѣяться не должно.

Барвара была скромная и прилежная дѣвочка, но глаза у нея были косые; поэтому надъ нею нерѣдко смѣялись другія дѣти, въ особенности же одна дѣвочка Анна, которая очень много думала о своемъ красивомъ личикѣ.

Однажды она съ насмѣшкою сказала Барварѣ: «отчего ты никогда не глядишь на меня прямо? ты вѣрно меня не любишь!»

Барвара поняла насмѣшку и, помолчавъ, сказала: «я не могу исправить недостатка моихъ глазъ, но за то буду стараться избѣгать другихъ недостатковъ.»

Вскорѣ послѣ этого Анна заболѣла оспой, и нѣсколько дней была въ такомъ положеніи, что боялись за ея жизнь. Наконецъ она выздоровѣла. Но, Боже, что сдѣлалось съ ея красивымъ личикомъ! Оспа изуродовала его, покрыла страшными рябинами.

Послѣ болѣзни, пришедши въ первый разъ въ школу, Анна не смѣла поднять глазъ и безпрестанно закрывала лицо руками.

Одно злоправное дитя, замѣтя это, подошло къ Аннѣ и сказало ей: «что съ тобою, что ты все плачешь и закрываешься?»

Анна поняла насмѣшку и дѣйствительно начала плакать, но не о томъ, что ее изуродовала оспа, а о томъ, что она смѣялась прежде надъ бѣдною Барварою.

* 225. Лучшая приправа.

Одинъ князь, застигнутый проливнымъ дождѣмъ во время прогулки, зашелъ въ ближайшую хижину.

Дѣти крестьянина въ это время сидѣли за столомъ, и предъ ними стояла чашка съ овсянымъ супомъ. Они ѣли съ большимъ аппетитомъ, и всѣ были такъ свѣжи и румяны, какъ розы.

«Какъ это возможно», спросилъ князь у крестьянина: «ѣсть съ такимъ очевиднымъ удовольствіемъ эту грубую пищу и въ то же время быть здоровымъ и цвѣтущимъ?»

Крестьянинъ отвѣчалъ: «это происходитъ отъ трѣхъ различныхъ приностей, которыми я приправляю пищу. Во первыхъ я заставляю своихъ дѣтей заслуживать обѣдъ трудомъ. Во вторыхъ, кромѣ обѣда, я ничего не даю имъ ѣсть, для того чтобы они

садились за столъ голодными. А въ третьихъ я приучаю ихъ къ умѣренности, не давая имъ лакомствъ и сладкой пищи.»

226. Искусство жить долго.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ — говорить одинъ изъ нѣмецкихъ писателей — прочиталъ я, что близъ Рима умеръ одинъ человѣкъ ста десяти лѣтъ отъ роду, что онъ никогда не бывалъ боленъ, и что во все продолженіе своей долгой жизни онъ былъ веселаго нрава и хорошаго тѣлосложенія. Прочитавъ это, я тотчасъ же написалъ въ Римъ, прося увѣдомить меня, не было ли въ жизни этого человѣка какой-либо особенной причины, доставившей ему такую долгую и счастливую старость, — и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Этотъ человѣкъ былъ добръ и ко всѣмъ ласковъ, ѣлъ и пилъ столько, сколько было нужно для поддержанія здоровья и никогда больше того, сколько требовала природа. Съ самаго ранняго дѣтства онъ любилъ трудиться и никогда не былъ празднымъ.»

Я записалъ это въ мою памятную книжку. Вскорѣ потомъ я узналъ изъ другого журнала, что близъ Стокгольма умерла женщина 115 лѣтъ, и что она также была всегда счастлива, здорова и не знала, что значить болѣзнь. Тотчасъ же написалъ я въ Стокгольмъ, чтобъ узнать о родѣ жизни этой женщины, и получилъ вотъ какой отвѣтъ:

«Она всегда была очень опрятна, и имѣла привычку каждый день умывать себѣ лицо и руки холодною водою. Кромѣ того она часто купалась и никогда не ѣла никакихъ лакомствъ или сластей; рѣдко пила кофе или чай, и въ ротъ не брала вина.»

И это также я записалъ въ мою памятную книжку.

Спустя нѣсколько времени я прочиталъ еще, что около Петербурга жилъ какой-то человѣкъ въ совершенномъ здоровьи до 120 лѣтъ. Я опять взялся за перо и написалъ въ Петербургъ, и вотъ что отвѣчали мнѣ:

«Онъ вставалъ рано, никогда не спалъ болѣе семи часовъ, никогда не лѣнился, много работалъ, особенно на открытомъ воздухѣ и въ саду своемъ. Ходя или сидя, онъ никогда не держался криво или наклонясь въ сторону, но всегда совершенно прямо, и презиралъ всякаго рода роскошь и изнѣженность.»

Прочитавъ и это, и записавъ въ мою книжку, я сказалъ са-

тому себѣ: «ты будешь просто глупцомъ, если не воспользуешься всѣми этими примѣрами.»

Но чтобъ имѣть безпрестанно въ памяти жизнь этихъ счастливыхъ старичковъ, я написалъ все, что узналъ о нихъ, на листъ, который укрѣпилъ къ моему письменному столу, чтобъ безпрестанно напоминать себѣ о томъ, что должно дѣлать и отъ чего должно воздерживаться. Каждое утро и каждый вечеръ я прочитываю карту мою и стараюсь въ полной мѣрѣ соображаться съ предписанными въ ней правилами.

И теперь, любезные и молодые читатели и читательницы мои, могу увѣрить васъ словомъ честнаго человѣка, что я чувствую себя гораздо здоровѣе и счастливѣе съ тѣхъ поръ, какъ живу по этимъ правиламъ. Прежде у меня была головная боль почти каждый день, а теперь едва одинъ разъ въ три или четыре мѣсяца. Прежде, безъ простуды, я не могъ подвергаться ни дождю, ни снѣгу, и получасовая прогулка утомляла меня до чрезвычайности; теперь же я вовсе не знаю простуды, и могу пройти безъ малѣйшей усталости нѣсколько миль.

227. Счастье.

А что такое счастье и гдѣ его искать?

Въ тридцатомъ царствѣ, за тридцать земель, у сильнаго, могучаго и богатаго царя была однимъ одна дочь, въ которой онъ души не чаялъ; а на ту страну напало, попущеніемъ Божіимъ, злое моровое повѣтріе, отъ котораго многое множество народа погибло. Вотъ и дочь царская заболѣла отъ этого мороваго повѣтрія, отъ котораго не могъ избавиться зельями и снадобьями ни одинъ человѣкъ, а кто заболѣетъ, тотъ и помретъ.

Сталъ царь вызывать со всѣхъ концовъ царства знахарей, которые собираютъ зелья и травы и корни цѣлебные, и обѣщаль осыпать золотомъ того, кто вылечитъ его дочь. Одинъ никому неизвѣстный старикъ и явился къ царю и сказалъ ему: коли хочешь, чтобъ дочь твоя жива была, то прикажи изыдти въ своемъ царствѣ довольнаго и счастливаго человѣка, который былъ бы доволенъ и счастливъ своей судьбой и ничего бы болѣе не просилъ; съ этого человѣка сыми рубаху и надѣнь ее на царевну, и она оживетъ.

И побѣжали гонцы во всѣ концы царства, извѣздили всѣ города, палаты и дворцы, всѣ барскія усадьбы и крестьянскія избы — всѣ углы и закоулки, всѣ улицы и переулки, торные

пути и захоластья; рѣдьяки и трущобы, города и пригороды, села, приселки и выселки — нѣтъ у сильнаго и могучаго царя счастливаго и довольнаго подданнаго! Кто и доволенъ бы судьбой, да денегъ мало; кто и богатъ, да хотѣлось бы еще быть побогаче; у кого семья хороша, да сосѣди не годятся; кто работы просить, кто досужества; кто знати, кто богатства, кто здоровья!

Царь неутѣшно скорбѣлъ и въ отчаяніи уже прощался съ дочерью своею, какъ вдругъ раздались криги; нашли, нашли! Дворецъ царскій, ровно, снова ожилъ, и стѣны и простѣнки и золоченая кровля и богатые подвалы, все и всюду оживло, все радовались, что царевна спасена будетъ, и все тѣснились и толпились, чтобы видѣть блаженнаго счастливица. Кто онъ? гдѣ онъ? Подайте его сюда, покуда еще время; да гдѣ его отыскали, отколѣ онъ взялся? — Что нужды до этого — благо нашли и привели, онъ здѣсь, и царевна будетъ спасена. Ни въ каретѣ онъ, ни въ шелку — а нѣшій въ худой одежѣ.

— Я тебя озолочу, сказалъ ему царь, я покупаю одну только рубашку твою, за какую хочешь цѣну: проси, что хочешь.

— Да у меня и рубахи-то нѣтъ, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ нѣтъ? рубахи нѣтъ? сыми съ себя, отдай мнѣ послѣднюю; я тебя за это золотомъ засыплю!

— Да то-то нѣтъ ее, нѣтъ ни на мнѣ, ни за мною! Была когда-то давно, да вся истлѣла, износилась — я ее и кинулъ...

В. Даль.

228. Не завидуйте богатству.

Однажды люди толковали о счастіи: какое кому счастіе суждено. Дѣло не безъ зависти: больные завидовали здоровымъ младшіе старшимъ, а особенно бѣдные богатымъ. Бѣдные утверждали, что только и есть счастіе, что въ богатствѣ, а что если человѣкъ богатъ, то все ему нипочемъ.

Одинъ старецъ, выслушавъ все эти неразумные толки, разсказалъ слѣдующую притчу.

Знавалъ я одного богача: жилъ онъ въ раззолоченныхъ палатахъ, носилъ тонкое, дорогое платье; сладко ѣлъ, сладко пилъ: каждый день у него на дому былъ словно пиръ какой. Однажды пріѣхалъ къ богачу въ гости старый другъ: давно ужъ они не видались; на радости богачъ сдѣлалъ пиршество и созвалъ гостей. На столѣ были поставлены золотыя и серебря-

ныя блюда, а въ блюдахъ были дорогія яства; кубки также были золотыя, а въ кубкахъ пѣнились заморскія вина.

Долго сидѣли друзья за столомъ: ѣли и пили, были веселы; лишь хозяинъ почти ничего не ѣлъ и не пилъ, хотя и велъ потѣшную рѣчь съ своими гостями. Подъ конецъ обѣда пріѣзжій другъ сказалъ богачу: «нигдѣ я не видалъ такого богатства и такой роскоши, какъ у тебя; должно сказать, что нѣтъ чело-вѣка счастливѣе тебя въ цѣломъ свѣтѣ.»

Богачъ вздохнулъ, взялъ съ золотого блюда яблоко, и подаль его другу; яблоко было румяно и сѣжо на видъ, — но когда его разломилъ, въ немъ сидѣлъ червякъ и точилъ его сердцевину.

Все гости съ удивленіемъ посмотрѣли на богача, а богачъ промолвилъ: «то, что это яблоко, то и я; съ виду я счастливъ, а никому не замѣтно, что червякъ меня точитъ.»

Съ этими словами богачъ развернулъ свое богатое платье все увидѣли, что на груди его была страшная, неизлечимая язва, которая называется ракомъ.

«Вотъ мое и счастье!» сказалъ богачъ: «что мнѣ въ дорогой яствѣ? не сладка она мнѣ; что мнѣ въ золотомъ блюдѣ, — имъ рану не залечишь; что мнѣ въ деньгахъ, — на нихъ здоровья не купишь!»

И съ тѣхъ поръ перестали завидовать богачу. *В. Даль.*

229. Можно ли въ разгоряченномъ состояніи пить холодную воду?

Александръ много бѣгалъ и пришелъ къ отцу, покрытый весь потомъ.

Отецъ спросилъ его: не чувствуешь ли ты теперь жажды?

Сынъ. О, очень!

Отецъ. Ну, что же ты не попьешь холодной воды?

Сынъ. Нельзя, папенька.

Отецъ. Почему же нельзя?

Сынъ. Я очень вспотѣлъ.

Отецъ. Такъ что же?

Сынъ. Ты мнѣ не разъ говорилъ: когда вспотѣешь, не должно пить.

Отецъ. Точно; но знаешь ли ты, почему вспотѣвши нельзя пить?

Сынъ. Потому что кровь въ это время бываетъ сильно разгорячена, и тонкія жилки легкихъ наполняются горячею кровью

если же напьешься холодной воды, она потечетъ между легкиѣхъ.

Отецъ. Какое же необходимое слѣдствіе всего этого?

Сынъ. Кровь въ легочныхъ жилахъ остываетъ и сгущается, вслѣдствіе чего она уже не можетъ свободно течь; а отъ этого, образуются нарывы, которые все болѣе и болѣе распространяются такъ что наконецъ легкія подвергаются гніенію.

Отецъ. А какъ называется болѣзнь, которою человекъ въ такомъ случаѣ страдаетъ?

Сынъ. Она называется легочною чахоткою.

Отецъ. Это самая опасная болѣзнь, отъ которой самые искусные врачи изъ тысячи больныхъ едва одного вылечиваютъ.

230. Нечистоплотный крестьянинъ.

Въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ Иванъ. Славный былъ малый, такой здоровый, краснощекій; и былъ онъ человекъ работающій. Одна за нимъ была бѣда: бывало придетъ въ воскресенье въ церковь Божію — волосы на немъ всклокочены, зипунъ въ грязи, рубашка чѣрная, какъ будто сейчасъ изъ болота, Вотъ какъ выйдутъ крестьяне изъ церкви, да сберутся на погостъ, о томъ, о семъ поговорить, сосѣди и спрашиваютъ Ивана: « Или ты, Иванъ, по субботамъ въ баню не ходишь? » А онъ въ отвѣтъ: нѣтъ, недосужно было.... » А они опять: « да что-жъ на тебѣ рубашка-то чѣрная? — А онъ въ отвѣтъ: « говоря вамъ, недосужно было, родимые. »

И все ему было недосужно. За обѣдъ бывало сядетъ — рукъ не вымоетъ, встанетъ по утру — глазъ не вытретъ; а въ домѣ-то у него грязи на полу на цѣлую четверть, а въ избѣ-то и свиньи и телята, а на немъ-то самомъ вши такъ вереницею и ползаютъ. Станутъ Ивану говорить, что онъ живетъ не хорошо, а Иванъ въ отвѣтъ: « и такъ живетъ! наше дѣло крестьянское. » — Но не все то въ животъ, что живетъ; и съ Иваномъ эта пословица сбылась.

Отъ нечистоты сдѣлалась у Ивана на рукахъ короста, а по всему тѣлу чирья. Зудъ страшный. Съ тѣла спалъ, сдѣлался такой блѣдный, какъ смерть; что въ руки возьметъ, такъ изъ рукъ кровь и течетъ. — Что съ тобой? спрашивали его сосѣди. « Божій гнѣвъ », отвѣчалъ онъ сквозь слезы. — Правда! сказалъ ему въ отвѣтъ одинъ крестьянинъ: Божій гнѣвъ бываетъ на тѣхъ,

которые не любят себя съ чистотѣ держать. Если бы ты почаще въ баню ходилъ, да чистую рубашку надѣвалъ, то у тебя бы коросты не было. — Но Иванъ все не вѣрилъ, что чистотою здоровье и у человѣка, и у скота держится. Взяли Ивана въ больницу и печили, вылечили, свели коросту и чирья; вымыли, вычесали, бѣлую рубаху надѣли и выпустили, приговаривая: въ другой разъ будь, Иванъ, умнѣе. — Но что же случилось? Сбирали работниковъ на сосѣдній красивый заводъ, — плата была хорошая; пошелъ и Иванъ на заводъ. Ну, известное дѣло, на заводахъ бываетъ всякая всячина, иногда и адюльтера. Что-то Ивану дали мѣшать; онъ мѣшалъ, мѣшалъ, а потомъ по обычаю, не умывши рукъ, схватился за хлѣбъ и ну убирать его со всѣмъ, что на хлѣбъ отъ рукъ прилипло. Какъ вдругъ поднялись у Ивана судороги въ животѣ, — туда, сюда, катался, катался, да Богу душу и отдалъ. Такъ его и жизнь скончалась.

На чистоту времени не много идетъ, а чистота здоровье даетъ. Вставши, умойся да Богу помолися; грѣхъ немытому, нечесанному Богу молиться. Надо чаще въ баню ходить или купаться и чистое бѣлье надѣвать. Отъ того будешь чистъ, а отъ чистоты будешь здоровъ, людямъ приятенъ и Богу угоденъ.

В. Давы.

231. Какъ баба сама себя вылечила.

Посмотришь хорошенько, такъ увидишь, что и многія насѣкомыя тебѣ полезны: пчела доставляетъ тебѣ медъ; изъ шпанскихъ мухъ дѣлаютъ пластырь въ аптекахъ, который помогаетъ людямъ въ разныхъ болѣзняхъ. Вотъ мнѣ рассказывали какъ въ одной деревнѣ у бабы бокъ заболѣлъ; она и пошла въ городъ къ лекарю лекарства попросить, да кстати и зеленыхъ мушекъ въ городскую аптеку отнести: въ аптекѣ-то такихъ мушекъ покупали. Вотъ баба, по крестьянскому обычаю, насыпала себѣ мушекъ за пазуху, за рубашку, къ голому тѣлу, да такъ и пошла въ городъ. Дорогой идетъ и думаетъ себѣ: «Ну, что за стать людямъ мухъ покупать? на какую потребу? Вѣдь это не хлѣбъ какой, не морковь, не картофель? Ну, на что имъ мухи? Видно денегъ много — дѣвать некуда, что мухъ покупаютъ.»

Межь тѣмъ баба идетъ да идетъ, до города-то верстъ десять было. Чуетъ баба, что у ней отъ бока отошло, легче ста-

ло, только какъ-то рубашка тѣснѣе стала; взглянула на рубашку, такъ и не вспомнилась отъ страха: бокъ у ней вздулся въ добрый кулакъ у ней на боку пузырь натянуло. Прибѣжала къ лекарю сама не своя. «Батюшка, помоги!» кричитъ она. — «Что съ тобою случилось?» спрашиваетъ лекарь; а баба въ отвѣтъ: «батюшка, такая бѣда, что и сказать не мочно! Видишь ты, бокъ у меня домило, такъ что и дышать было не въ могу, я и пошла къ тебѣ лекарства попросить; дорогой бокъ отошелъ и дышать стало легче, да вотъ какая бѣда приключилась: вздуло пузыремъ; боли нѣтъ, а смотрѣть страшно — видно послѣдній часъ насталъ!» — «Да что у тебя тамъ за пазухой?» спросилъ лекарь. — «Да ничего, батюшка, только мушекъ я туда насыпала; несла въ аптеку продать, да вотъ Богъ и попуталъ.» Лекарь разсмѣялся: «не бойсь», сказалъ, «тутъ никакого худа нѣтъ, а напротивъ хорошее; ты, баба, сама себя вылечила, что никакого лекарства тебѣ не надобно; пузырь у тебя шпанскія мухи натянули, отъ того тебѣ и легче стало; мы сами этими мухами пластырь посыпаемъ; ихъ на то Богъ и создалъ, чтобы онѣ человѣку помогали». Съ этими словами лекарь надрѣзалъ немного пузырь, изъ него словно вода полилась безъ всякой боли; кожа опустилась; лекарь еще чѣмъ-то примазалъ, и пошла моя баба, какъ встрепанная. *И. Даль.*

Загадка.

Безъ языка, а сказывается.

232. Чудный врачъ.

Одинъ богатый и знатный господинъ, не имѣвшій ни жены, ни дѣтей, держалъ у себя для забавы обезьяну, которая смѣшными продѣлками своими часто соблазнила его время. Вдругъ господинъ этотъ захворалъ. У него сдѣлался нарывъ въ горлѣ, такъ что онъ не могъ ни глотать, ни говорить; всѣ были увѣрены, что онъ умретъ. Этимъ случаемъ воспользовались слуги его, и каждый изъ нихъ бралъ себѣ и унесъ то, что казалось ему годнымъ къ употребленію. Замѣтивъ это, обезьяна также стала высматривать, что бы и ей годилось. Наконецъ она нашла на шкафу картонъ, въ которомъ лежала треугольная шляпа, которую господинъ ей надѣвалъ въ особенныхъ, торжественныхъ случаяхъ. Она надѣла ее себѣ на голову и прицѣпила себѣ шляпу, которая тутъ же висѣла на стѣнѣ, и въ такомъ видѣ вошла къ господину своему, сдѣлала ему нѣсколько по-

клоновъ и потомъ стала передъ зеркаломъ, чтобы любоваться собою. Не смотря на сильную боль, больной невольнымъ образомъ расхохотался, такъ что царь въ горлѣ прорвался, и онъ чрезъ нѣсколько дней выздорѣлъ. Врачъ поздравилъ его съ новымъ докторомъ, а служители поспѣшили возвратить все, что унесли въ послѣднее время.

233. Кузнецъ.

Знатный иностранецъ проѣзжалъ мимо одной деревеньки въ прекрасной каретѣ, у которой нечаянно рессора изломалась. Хозяинъ постоялаго двора сказалъ ему: «нашъ кузнецъ очень искусно починиваетъ экипажи; притомъ же онъ и хорошій коноваль: всѣ деревенскіе жители прибѣгаютъ къ нему въ болѣзняхъ.» Иностранецъ пошелъ къ кузнецу и, когда рессора была починена, сказалъ ему: «ты очень хорошо поправилъ мою карету, не можешь ли ты, другъ мой, также поправить и золотые часы мои съ репетитіею?» Удивленный кузнецъ смотрѣлъ въ оба глаза на иностранца, а собравшійся народъ смѣялся надъ проѣзжимъ, почитая его подумнымъ. Но иностранецъ сказалъ имъ: «я не такъ глупъ, какъ вы думаете. Самому искусному кузнецу столько же трудно поправить мои часы, какъ искуснѣйшему коновалу — вылечить человѣка. Не совѣтую же вамъ лечиться у коновала.»

234. Померанцевое дерево.

Одна знатная дама купила себѣ небольшое померанцевое дерево и поставила его къ себѣ въ спальню. Вдругъ ночью она чувствуетъ сильное безпокойство, стѣсненіе въ груди, тяжесть въ головѣ и какъ бы онѣмѣніе; она хочетъ встать, но силы ея оставляютъ; она падаетъ на полъ и лежитъ безъ чувствъ. Къ счастью братъ ея, спавшій въ сосѣдней комнатѣ, слышитъ стукъ, входитъ въ комнату сестры и находитъ ее лежащую за-мертво. По сильному запаху цвѣтовъ онъ тотчасъ догадывается, въ чемъ дѣло. Въ ту же минуту проворно растворяетъ онъ окна и двери, чтобъ освѣжить воздухъ въ комнатѣ, и выносить померанцевое дерево. Спрыснувъ большую нѣсколько разъ холодною водою, онъ наконецъ приводитъ ее въ чувство; она снова начинаетъ дышать. Въ то же время послали за докторомъ, который далъ нужныя предписанія, и чрезъ четыре дня больная оправилась совершенно. Всему этому случаю виною были два померанцевые

цвѣтка, которые распустились въ эту ночь; всѣ же прочіе цвѣты были еще въ почкахъ.

235. Причина и дѣйствіе.

Одинъ господинъ, съ вечера легшій спать совершенно здоровымъ, поутру найденъ былъ мертвымъ. Всѣ сосѣди окружили его, стараясь объяснить себѣ загадочную причину внезапной его смерти. Такъ какъ не было никакихъ признаковъ насильственной смерти, то многіе полагали, что онъ умеръ отъ удара. «Да развѣ вы не знаете», сказала одна служанка, «что происходитъ въ нашемъ домѣ? Какое-то привидѣніе появляется у насъ ночью и ходитъ по всѣмъ комнатамъ; видѣли даже, какъ оно дѣло на чердакъ. Вѣрно это домовый задушилъ нашего барина.» Нѣкоторые изъ присутствующихъ улыбнулись при такомъ вздорномъ разсказѣ, но нѣкоторые суевѣры — необразованные люди — повѣрили: имъ сдѣлалось страшно, холодная дрожь пробѣгала у нихъ по спинѣ. «Да, да!» говорили они, «домовой задушилъ его.» Въ эту минуту вошелъ докторъ. Онъ осмотрѣлъ умершаго, думая, нельзя ли еще пособить ему; но видя, что всякая помощь уже бесполезна, онъ сталъ внимательно осматривать комнату, какъ бы желая отыскать причину внезапной смерти. Вдругъ онъ увидѣлъ большую жаровню съ угольями. «Не брать ли этотъ господинъ», спросилъ докторъ, «жаровню съ горящими угольями въ спальню?» — Да, отвѣчала служанка; онъ хотѣлъ что-то плавить въ ней. — «Ну, вотъ и причина смерти его!» сказалъ докторъ: «онъ забылъ затушить уголья, и угольный чадъ задушилъ его.»

236. Минимоумершая дѣвица.

Одна дѣвица высокаго происхожденія скончалась въ цвѣтѣ лѣтъ. Ее положили въ гробъ въ бѣломъ платьѣ, волосы ея украсили нитью крупнаго жемчуга, а на правую руку надѣли золотой перстень съ драгоценными камнями. По желанію безутѣшныхъ родителей всѣ эти драгоценности положили съ нею въ могилу. На слѣдующую ночь могильщикъ пробрался съ фонаремъ въ рукѣ на кладбище, разрылъ могилу, открылъ гробъ и хотѣлъ похитить дорогія украшенія, но вдругъ покойница поднялась и устремила на него неподвижный взоръ. «Что тебѣ нужно?» сказала она глухимъ голосомъ. Испуганный воръ бросился бѣжать изъ всѣхъ силъ. Между тѣмъ дѣвица, которую

всѣ считали умершею, но которая была только въ продолжительномъ обморокѣ, встала изъ гроба, взяла фонарь, въ торопяхъ забытый могильщикомъ, и пошла домой. Можно представить себѣ сперва ужасъ родителей, когда она вошла въ комнату и потомъ восторгъ ихъ, когда они увидѣли, что дочь ихъ въ самомъ дѣлѣ жива.

237. Пословицы діететическія.

Живи просто, проживешь лѣтъ со сто. Береги здоровье съ молодю, а честь подъ старость. Здоровье всему голова. Чистота здоровье сохраняетъ, а воздержность разумъ укрѣпляетъ. Порошенка хоть мой, хоть не мой, а онъ все въ грязь лѣзетъ. Не думай быть наряднымъ, а думай быть опрятнымъ. Бани мать вторая. Привычка вторая натура. Не все то ѣсть, что видишь.

Работай до поту, покушаешь въ охоту. Коли хлѣба край, тамъ и подъ елью рай. Безъ соли, безъ хлѣба половина обѣда. У голоднаго брюха нѣтъ уха. Сытое брюхо къ ученю глухо.

Здоровому врачъ не надобенъ. Боль врача ищетъ. У кого что болить, тотъ о томъ и говорить. Больному въ ѣдѣ не вѣрь. Больному и золотая кровать не поможетъ. Кровь отворить — гвоздь въ гробъ вколотить. Отъ смерти нѣтъ лекарства. Прежде смерти не должно умирать. Нынѣ на ногахъ, а завтра въ могилѣ. Не по старости мрутъ, не по молодости живутъ. Деньги — мѣдъ, одѣжа — тлѣнь, а здоровье — всего дороже. Гдѣ пиры да чай, тамъ и немочи. Держи голову въ холодѣ, животь въ голодѣ, а ноги въ теплѣ.

238. Бѣдность лучше увѣчья.

Сабъ былъ знаменитый персидскій ученый. Онъ былъ очень бѣденъ, но переносилъ свою жестокую судьбу съ спокойствіемъ мудраго человѣка. Болѣзненно однако-жъ отозвалось въ его душѣ, когда онъ принужденъ былъ одно время ходить босикомъ, ибо для покупки башмаковъ у него не было денегъ.

Углубившись въ самого себя и сильно ворча, отправился онъ въ храмъ, что въ Куфѣ. При входѣ въ храмъ онъ увидѣлъ увѣчнаго, который вовсе не имѣлъ ногъ и былъ переносимъ съ одного мѣста на другое. Тогда онъ обратилъ свой взоръ къ небу и воскликнулъ: «благодарю Тебя, Господи Боже, за то, что Ты даровалъ мнѣ ноги, при помощи которыхъ я могу ходить, хотя онѣ и не обуты. Ахъ, съ какою радостію пошелъ бы этотъ несчастный калѣка и босикомъ, если-бъ только у него были ноги!»

239. Августъ сильный и кузнецъ.

Августъ II, курфирсть саксонскій и король польскій, отличался необыкновенною тѣлесною силою. Однажды, во время прогулки верхомъ, лошадь его потеряла подкову; поэтому онъ захалъ въ ближнюю деревню къ кузнецу. Когда тотъ принесъ подкову, чтобы подковать лошадь, то курфирсть захотѣлъ прежде испробовать, довольно ли крѣпка она сдѣлана. Онъ взялъ ее обѣими руками и переломилъ, какъ морковь. «Эта подкова нигуда не годится», сказалъ онъ кузнецу, который вслѣдъ за тѣмъ принесъ нѣсколько другихъ. Но курфирсть переламывалъ ихъ одну за другою. Кузнецъ призадумался, а товарищи его съ изумленіемъ поглядывали другъ на друга. Наконецъ курфирсть сдѣлалъ видъ, что нашелъ одну подкову, которая была довольно крѣпка. Лошадь была подкована, и когда кузнецъ кончилъ свое дѣло, то курфирсть далъ ему талеръ; но кузнецъ, взявъ его согнулъ между пальцами. — Этотъ талеръ не годится, ваще высочество, сказалъ кузнецъ, — онъ гнется между пальцами. Курфирсть подавалъ ему еще нѣсколько талеровъ сряду, но онъ сгибалъ ихъ одинъ за другимъ. «Тагъ вотъ луидоръ», сказалъ наконецъ курфирсть, «этотъ ужъ долженъ быть хорошъ». Кузнецъ остался доволенъ; а курфирсть радовался, что нашелъ челоуѣка, равнаго себѣ по силѣ.

240. Два мороза.

Гуляли по чистому полю два мороза, два родные брата; съ, ноги на ногу поскакивали, рукой объ руку поколачивали. Говорить одинъ морозъ другому: «братецъ, морозъ Багровый, носъ, какъ бы намъ позабавиться, людей поморозить?» Отвѣчаетъ другой: — братецъ, морозъ Синій-носъ! коль людей морозить, не по чистому намъ полю гулять. Поле все снѣгомъ занесло, всѣ проѣзжія дороги замело; никто не пройдетъ, не проѣдетъ. Побѣжимъ-ка лучше къ чистому бору. Тамъ хоть и меньше простору, да за то забавы будетъ больше. Все нѣтъ-нѣтъ, да кто-нибудь и встрѣтится на дорогѣ.

Сказано, сдѣлано. Побѣжали два мороза, два родные брата, въ чистый боръ. Бѣгутъ, дорогой тѣшатся: съ ноги на ногу попрыгиваютъ, по елкамъ, по сосенкамъ пощелкиваютъ. Старый ельникъ трещитъ, молодой соснякъ поскрипываетъ. По рыхлому-ль снѣгу пробѣгутъ — кора ледяная; былинка-ль изъ-подъ

снѣгу выглядываетъ, дунуть — словно бисеромъ ее всю унизуть. Послышали они съ одной стороны колокольчикъ, а съ другой бубенчикъ: съ колокольчикомъ баринъ ѣдетъ, съ бубенчикомъ — мужичекъ. Стали морозы судить да рядить, кому за вѣтъ бѣжать, кому кого морозить. Морозъ Синій-носъ, какъ былъ помоложе, говоритъ: «Мнѣ бы лучше за мужичкомъ погнаться. Его скорѣе дойму: полушубокъ старый, заплатаанный, шапка вся въ дырахъ, на ногахъ кромѣ лаптишекъ ничего. Онъ же никакъ дрова рубить ѣдетъ. А ужъ ты, братецъ, какъ посильнѣе меня, за бариномъ бѣги. Видишь, на немъ шуба медвѣжья, шапка лисья, сапоги волчьи. Гдѣ ужъ мнѣ съ нимъ! не совладаю.» Морозъ Багровый-носъ только подсмѣивается. — Молодъ еще ты, говоритъ, братецъ! Ну, да ужъ быть по твоему: бѣги за мужичкомъ, а я побѣгу за бариномъ. Какъ сойдемся подъ вечеръ, узнаемъ, кому была легка работа, кому тяжела. Прощай покамѣсть! — «Прощай, братецъ!» Свиснули щёлкнули, побѣжали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистомъ полѣ; спрашиваютъ другъ друга: что? «То-то, я думаю, намазана ты, братецъ, съ бариномъ-то», говоритъ младшій: «а толку, глядишь, не вышло никакого. Гдѣ его было пропать!»

Старшій посмѣивается себѣ. — Эхъ, говоритъ, братецъ, морозъ Синій-носъ, молодъ ты и простъ. Я его такъ уважилъ, что онъ часъ будетъ грѣться, не отогрѣется.

«А какъ же шуба-то, да шапка-то, да сапоги-то?»

— Не помогли. Забрался я къ нему и въ шубу, и въ шапку, и въ сапоги, да какъ началъ знобить!.. Онъ-то ѣжится, онъ-то жметса да кутается; думаетъ: дай-ка я ни однимъ суставомъ не шевельнусь, авось меня тутъ морозъ не одолѣетъ. Анъ не тутъ-то было! Мнѣ-то это и съ руки. Какъ принялся я за него, чуть живого въ городъ изъ повозки выпустилъ. Ну, а ты что съ своимъ мужичкомъ сдѣлалъ!

«Эхъ, братецъ, морозъ Багровый-носъ! плохую ты со мной шутку шутилъ, что во-время не образумилъ. Думалъ, заморожу мужика; а вышло, онъ же мнѣ отломалъ бока.»

— Какъ такъ?

«Да вотъ какъ. Ъхалъ онъ, самъ ты видѣлъ, дрова рубить. Дорогой началъ было я его понимать; только онъ все не робѣетъ, — еще ругается: таковой, говоритъ, сякой этотъ морозъ. Совсѣмъ даже обидно стало; принялся я его пуще щипать да

колоть. Только не надолго была мнѣ эта забава. Приѣхаль онъ на мѣсто, выльзъ изъ саней, принялся за топорь. Я-то думаю: тутъ мнѣ сломить его. Забрался къ нему подъ полушубокъ, давай его язвить. А онъ-то топоромъ машеть, только щелки кругомъ летять; сталь даже потъ его прошибать. Вижу: плохо! не усидѣть мнѣ подъ полушубкомъ. Подъ конецъ инда парь отъ него повалилъ. Я прочь поскорѣе. Думаю: какъ быть? А мужикъ все работаетъ, да работаетъ; чѣмъ бы забнуть, а ему жарко стало. Гляжу — скидаетъ съ себя полушубокъ. Обрадовался я. Погоди же, говорю, вотъ я тебѣ покажу себя! Полушубокъ весь мокрехонекъ. Я въ него и забрался вездѣ и заморозилъ такъ, что онъ сталь дубокъ дубкомъ. Надѣвай-ка теперь. попробуй! — Какъ погончилъ мужикъ свое дѣло, да подошелъ къ полушубку, у меня сердце такъ и взыграло: то-то потѣнусь. Посмотрѣлъ мужикъ, и принялся меня бранить и ругать на чемъ свѣтъ стоитъ. Ругайся! думаю я себѣ, ругайся! а меня все-таки не выживешь! Такъ онъ бранью не удовольствовался; выбралъ полѣно подлиннѣе да посучковатѣе, да какъ примется по полушубку бить! по полушубку бьетъ, а меня все бранить. Мнѣ бы бѣжать поскорѣе, да ужъ больно я въ шерсти-то завязъ, выбраться не могу. А онъ-то колотить, онъ-то колотить! Насилу я ушелъ; думалъ, костей не сберу; до сихъ поръ бока ноютъ.

— То-то!

V. ЖИВОТНЫЯ, РАСТЕНІЯ И МИНЕРАЛЫ.

241. Теплокровныя и холоднокровныя животныя.

У всѣхъ животныхъ есть кровь, только у однихъ она красная, у другихъ бѣлая или желтоватая. Ты знаешь, что у человѣка, у скотовъ, у птицъ и у рыбъ кровь красная. Но надрѣжь жука, или бабочку, или червяка какаго, потечеть сокъ бѣловатый или желтоватый; этотъ сокъ и есть ихъ кровь.

Красная кровь у однихъ животныхъ бываетъ теплая, у другихъ холодная. У человѣка, у домашняго скота, у звѣрей и у

птиць кровь теплая. У лягушекъ, у рыбъ кровь хоть и красная, но холодная. Бѣлая кровь всегда бываетъ холодная.

Животныя, у которыхъ кровь теплая, могутъ жить и на морозѣ; только одни живутъ долѣе, а другіе не долго могутъ сносить морозъ. Ты знаешь, что зимою у насъ не бываетъ ни ласточекъ, ни соловьевъ, ни журавлей, ни цапель; всѣ эти птицы не любятъ холода, и потому онѣ на зиму улетаютъ отъ насъ въ теплые края, гдѣ не бываетъ сильныхъ морозовъ. А есть и такія птицы, для которыхъ и наши морозы ничемъ; вотъ на примѣръ вороны, галки, воробьи, рябчики, тетерева, глухари.

Тѣ животныя, у которыхъ хоть и красная, но холодная кровь, не могутъ жить на морозѣ; примѣрно: змѣи, лягушки. Эти животныя на зиму ложатся въ землю, куда-нибудь подъ камень или въ нору, и оковываютъ. А когда наступитъ весеннее тепло, они снова оживаютъ.

Рыба хоть и живетъ зимою, но въ водѣ; а въ водѣ подолдомъ всегда есть тепло, хоть и немного. Вынь рыбу изъ воды на морозѣ, она тотчасъ замерзнетъ и умретъ.

Животныя съ бѣлою кровью къ зимѣ почти всѣ умираютъ. Пчелы конечно переносятъ зиму, но только тогда, когда ихъ ставятъ во мшаникъ, или закутываютъ хорошо ульи, чтобъ въ нихъ держалось тепло. Если же въ улей войдетъ холодъ, то всѣ пчелы замерзнутъ. Но большая часть всѣхъ другихъ животныхъ съ бѣлою и холодною кровью: мухи, комары, оводы, бабочки, къ зимѣ умираютъ.

Откуда же они берутся на другой годъ?

А вотъ откуда: многія изъ этихъ маленькихъ тварей передъ смертію кладутъ яйца въ уютныя мѣста, подъ каменья, подъ корою дерева, или зарываютъ ихъ въ землю; а весною изъ этихъ яицъ и выходятъ новыя животныя.

* 242. Соперничество дохашнихъ животныхъ.

Корова, лошадь и овца паслись вмѣстѣ на лугу и затѣяли споръ, кто изъ нихъ приноситъ болѣе пользы своему господину. Корова говорила: «я даю ему вкусное молоко, сыръ и масло». — «А я вожу для него огромныя тяжести и работаю на полѣ», сказала лошадь. — «А я терплю для него холодъ, снимая съ себя шерсть, чтобы одѣть его», заключила овца. Между тѣмъ къ нимъ подошла собака. Онѣ смотрѣли на нее съ презрѣніемъ, какъ на самое бесполезное животное. Вскорѣ пришѣлъ и господинъ: онъ ласково позвалъ собаку, началъ гладить ее и играть съ нею. Вида это, другія животныя стали роптать. *Наболевъ лошадь не потерѣла и сказала: «ты обижаетъ насъ, хозяинъ; мы болѣе заслуживаемъ любви твоей, нежели этотъ*

бездолезный товарищъ.» Но господинъ ещё ласковѣе погладилъ собаку и сказалъ: вы всё полезны мнѣ, вы хорошо служите мнѣ, и я васъ хвалю; но собака эта спасла отъ смерти моего единственнаго, любимаго сына, она вытащила его изъ воды. Могу ли я забыть эту услугу?

Загадка

Четыре ходаста, два бодаста, седьмой хлебестунъ.

243. Лошадь и верблюдъ.

Когда Богъ сотворилъ человѣка и животныхъ, — говорить одно языческое преданіе — тщеславная лошадь, гордясь нѣсколькими днями сряду дарованною ей статностью, вдругъ захотѣла быть еще красивѣе, совершеннѣе, и стала просить Бога преобразить ее.

«Чѣмъ же ты недовольна?» спросилъ Господь милостиво.

— Да я вообще не могу жаловаться, отвѣчало легкомысленное животное; но мнѣ кажется, что я была бы еще быстрѣе на бѣгу, если-бъ ноги мои были выше и тоньше; длинная лебединая шея была бы мнѣ также очень къ лицу; болѣе широкая грудь увеличила бы мою силу; а такъ какъ я назначена тобою носить твоего любимца, человѣка, то не мѣшало бы дать мнѣ, вмѣсто прикрѣпляемаго сѣдла, природное.

«Твое желаніе можетъ быть исполнено», отвѣчалъ Господь: «но прежде полюбуйся своимъ идеаломъ.» И Богъ взялъ прахъ и создалъ верблюда.

Увидя такое безобразіе, лошадь задрожала отъ ужаса.

«Смотри,» сказалъ Господь: «вотъ ноги выше и тоньше твоихъ; вотъ и длинная лебединая шея, и грудь шире твоей, и природное сѣдло! Желаетъ ли ты быть такою?»

Лошадь все еще дрожала и молчаливо поникла головой.

«Ступай же, и впредь будь довольна своею участью!» продолжалъ милосердый Богъ: «но чтобы ты не забывалась снова, то пусть это созданіе напоминаетъ тебѣ о твоёмъ суетномъ желаніи.» И Богъ даровалъ верблюду жизнь.

Съ тѣхъ поръ лошадь каждый разъ, какъ увидитъ верблюда дрожать жѣмъ теломъ.

244. Виттингтонъ.

Въ Лондонѣ одинъ богатый купецъ принялъ къ себѣ въ домъ своего сына, у котораго отецъ и мать умерли.

Мальчикъ этотъ назывался Ричардъ Виттингтонъ. Такъ какъ онъ былъ еще очень малъ, то его сначала не употребляли ни къ какому дѣлу. Но онъ самъ себя нашель дѣло: сталъ прилежно собирать потерянные булавки и брошенные голландскія дитки, которыми купцы увязываютъ свои товары. Когда онъ собралъ дюжины двѣ булавокъ и довольно толстый пучокъ голландскихъ нитокъ, то принесъ ихъ къ господину своему въ кабинетъ. Купцу это понравилось: «мальчикъ этотъ, подумалъ онъ, можетъ со временемъ быть вѣрнымъ и бережливымъ смотрителемъ за домою.» Съ того времени онъ больше занимался имъ и полюбилъ его.

Однажды окотилась кошка: одинъ изъ людей того дома взялъ маленькихъ котятъ и понесъ ихъ бросить въ рѣку; мальчикъ выпросилъ себѣ одного котенка, желая его вскормить. Просьбу его исполнили: котенокъ, котораго онъ кормилъ, выросъ и сталъ красивымъ котомъ.

Спустя нѣкоторое время, купецъ отправлялъ въ далекую землю большой корабль съ товарами для продажи. Когда онъ пошелъ посмотрѣть, все ли порядочно улажено, мальчикъ попался ему на встрѣчу съ котомъ на рукахъ.

«Ричардъ», сказалъ ему купецъ: «нѣтъ ли у тебя чего отправить за море на продажу?» — «Ахъ! сударь», отвѣчалъ мальчикъ: «вы знаете, что я бѣденъ и ничего не имѣю, кромѣ этого кота.»

«Ну, такъ пошли кота», сказалъ купецъ. Ричардъ пошелъ за нимъ на корабль, оставилъ тамъ своего кота и просилъ, чтобъ его продали. Корабль поплылъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ корабль присталъ къ одному острову, который до того времени былъ совсѣмъ неизвѣстенъ. Вышедъ на берегъ, моряки услышали, что на этомъ островѣ царствуетъ король.

Король, лишь только узналъ о прибытіи въ его землю чужестранцевъ, велѣлъ ихъ позвать къ себѣ обѣдать. Кушанья на столѣ было много, но почти ничего нельзя было ѣсть. Въ горницѣ была такая пропасть мышей и крысъ, и такихъ смѣлыхъ, что онѣ стадами бѣгали по столу, пожирали кушанья и даже изъ рукъ гостей хватали куски. Не могли найти никакого способа избавиться отъ нихъ, хотя король обѣщалъ тому, кто отыщетъ такой способъ, дать кучу золота въ награду. Гости услышавъ это, сказали королю, что они привезли съ собою звѣ-

ря, который всѣхъ мышей и крысъ передавить, и велѣли пранести кота.

Тутъ-то было чего посмотреть, какъ онъ началъ всѣхъ крысъ и мышей пырять! Черезъ полчаса ни одна крыса не смѣла показаться носу. Король такъ этому обрадовался, словно кто подарилъ ему другое царство; и какъ онъ имѣлъ неисчерпаемое богатство, то и далъ за кота цѣлую бочку золота.

Такимъ образомъ Ричардъ сдѣлался богачомъ. Выучившись купеческому дѣлу и пришедъ въ возрастъ, онъ открылъ свой собственный торговый домъ и сталъ счастливо поживать.

245. Замѣчательная собака.

Въ Лондонѣ собаки пользуются большимъ уваженіемъ, и тамошняя полиція, пожарная команда и водовозы содержать у себя собакъ, какъ отличныхъ помощницъ своихъ. Въ числѣ собакъ, прославившихся въ столицѣ соединеннаго королевства, пожарная собака Бобъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Нельзя сказать рѣшительно, къ какой именно породѣ принадлежитъ Бобъ, но наружность его тѣмъ не менѣе красива и правильна. Особенно же замѣчательны его мужество и понятливость.

Однажды случился пожаръ въ домѣ одного фабриканта въ Герцогской улицѣ, близъ Лондонскаго моста. Пожарная команда не успѣла еще разставить по мѣстамъ своихъ трубъ, какъ Бобъ уже вскочилъ въ средину пылающихъ комнатъ и смотрѣлъ во всѣ стороны: нѣтъ ли какого-либо ребенка или животнаго, котораго бы онъ могъ вывести изъ пламени. Бобъ обученъ выносить во время пожаровъ все живое: дѣтей, собакъ, кошекъ и домашнюю птицу. Нельзя исчислить, сколько жертвъ, уже совершенно погибавшихъ, вынесено этою доброю собакою изъ пламени.

Недавно также на пожарѣ въ Кембервель-гетѣ, гдѣ погибло пять человѣкъ, Бобъ, не найдя въ горѣвшихъ комнатахъ никого кромѣ собаки, схватилъ ея за спину и, не смотря на то, что глухая злилась и сколько могла кусала его, вынесъ ее изъ пламени. На другомъ пожарѣ онъ такимъ же образомъ спасъ поросятъ.

246. Швейцарскія собаки на горѣ Сентъ-Готтардѣ.

Заботливое человеколюбіе побудило учредить на горѣ Сентъ-Готтардѣ гостиницу, гдѣ путешественники, сбившіеся съ дороги, бѣдные странники находятъ временную помощь.

Въ сей гостинницѣ держатъ большихъ собакъ, приученныхъ бѣгать по узкимъ тропинкамъ горы и отыскивать несчастныхъ, застигнутыхъ вьюгою. На каждую собаку навѣшиваютъ бутылку съ виномъ или водкою, для того чтобы обезсиленный и оконченнѣйшій отъ стужи путникъ могъ подкрѣпиться.

Однажды одна изъ сихъ собакъ, оббѣгая по обыкновенію тропинки, встрѣтила маленькаго шестилѣтняго ребенка, котораго мать упала въ глубину снѣжной пропасти, откуда невозможно было спасти ее. Несчастная погибла. Оцѣненнѣвъ отъ стужи, изнуренное голодомъ, несчастное дитя лежало безъ силъ посреди дороги и стонало. Собака подбѣгаетъ къ нему и начинаетъ лизать оцѣненнѣвшія отъ холода руки его. Ободренное знаками ласки, дитя дѣлаетъ усилія приподняться, но не можетъ встать на ноги и падаетъ на спину собаки. Она останавливается, даетъ ему возможность схватиться за шерсть ея и съ величайшею осторожностію доноситъ его до гостинницы, гдѣ дитя вскорѣ совершенно оправилось.

Это трогательное происшествіе скоро сдѣлалось извѣстнымъ, и одинъ искусный живописецъ въ Бернѣ изобразилъ его на картинѣ. А сиротку взяли добрые люди на воспитаніе.

247. Волкъ.

Нерѣдко случается охотнику или путешественнику по Россіи и Польшѣ ѣхать въ холодную зимнюю ночь по полямъ, покрытымъ снѣгомъ, и оледенѣлымъ лѣсамъ съ однимъ зарядомъ въ ружьѣ, но съ цѣлою толпою голодныхъ волковъ позади себя.

Этотъ свирѣпый врагъ человѣка водится по всей Европѣ Азій и Америкѣ, отъ самаго сѣвера до юга. Впрочемъ число волковъ теперь значительно уменьшилось отъ постоянного преслѣдованія. Въ пищѣ волкъ не разборчивъ: за неимѣніемъ свѣжаго мяса довольствуется и гнилымъ, и даже изъ своей братьи съѣдаетъ мертвыхъ. Обжорствомъ волка пользуются чучечи, живущіе въ сѣверо-восточной Азій, для его истребленія. Чтобы поймать волка, охотники свиваютъ китовый усъ спирально, на подобіе часовой пружины, связываютъ ниткою и, обливъ водою замораживаютъ. Когда весь кружокъ покроется льдомъ, и усъ не можетъ болѣе разогнуться, то, разрѣзавъ нитку, смазываютъ его масломъ или саломъ и кладутъ на мѣсто, гдѣ чаще всего проходятъ волки. Волкъ, отыскавъ жирный усъ, тотчасъ съѣдаетъ его; но въ теплому желудкѣ его кольцо, оттаявъ, разги-

баются и причиняют ему такую сильную боль, что онъ уже не можетъ спастись бѣгствомъ. Но при хитрости и хищности своей волкъ чрезвычайно трусливъ, особенно послѣ сытнаго обѣда, и неохотно связывается съ медвѣдемъ и даже съ дородной собакой. Повсюду подозрѣваетъ онъ опасность, боится затворенныхъ дверей, натянутыхъ веревокъ и т. п.

Я вамъ разскажу пропешествіе, хотя и не новое, но интересное, изъ котораго вы увидите всю трусость хищнаго волка. Разъ ночью возвращался домой скрипачъ съ своимъ инструментомъ подъ мышкой. Молодець этотъ всегда ходилъ не прямымъ путемъ, а проселками, и на этотъ разъ сбился съ дороги и попалъ въ яму, вырытую для ловли волковъ. Бѣдный музыкантъ и безъ того ужъ испугался, упавъ въ яму: но каковъ же былъ ужасъ его, когда онъ наткнулся въ ней на что-то живое, страшно заревѣвшее и засверкавшее на него огненными глазами! Несчастный узналъ въ сосѣдѣ волка. Защищаться было нечѣмъ, и онъ, со страху, передъ самой волчьей пастью сталъ съ усердіемъ наигрывать разные плясовые мотивы, которые теперь казались ему очень невеселыми. Но волку вѣроятно понравилась эта музыка, потому что онъ страшнымъ воемъ принялся ей акомпанировать, что часто дѣлаютъ и наши музыкальныя собаки. На вой волка отозвались и другіе товарищи его, и принялись ему вторить. Бѣдному музыканту приходилось часъ отъ часу не легче. Никогда онъ не игралъ такъ неутомимо!.. Съ уныніемъ поглядывалъ онъ на небо, въ нетерпѣніи ожидая спасительнаго утра. Но солнышко не спѣшило къ нему на помощь а между тѣмъ вдругъ лопнули три струны, и ему нужно было играть на одной, четвертой!.. Музыкантъ дрожалъ при мысли, что и послѣдняя струна можетъ измѣнить ему, и волкъ, разумѣется, не дастъ ему натянуть новыхъ и съѣсть его съ апетитомъ. Но судьба сложилась надъ нимъ. Охотникъ, услыша музыку съ волчьимъ акомпаниментомъ, поспѣшилъ къ нему на помощь, и вытащивъ его изъ ямы, убилъ волка. Бѣдный музыкантъ молча побрелъ домой, давъ слово впередъ избѣгать проселочныхъ дорогъ. Кромѣ того скрипка въ эту страшную ночь такъ опротивѣла ему, что онъ бросилъ ее, и другимъ ремесломъ сталъ снискивать себѣ пропитаніе.

Загадка.

За лѣсомъ, лѣсомъ, жеребита рѣчь, а дѣла не вѣсть.

248. Медвѣди.

Вожакъ съ медвѣдемъ и, какъ водится при этомъ, съ козой такъ удачно пропатался, во время праздника, по селамъ и усадбамъ, что къ вечеру пошелъ дальше по дорогѣ, нишучи мыслете и нахлобучивъ шапку на самыя брови. Пришлось имъ идти Муромскими лѣсами, которые хоть нынѣ ужъ далеко не то, что были при Соловьѣ-разбойникѣ, однако все еще есть уймы порядочныя. Вожакъ пьянъ, и мальчишка, что козой пляшетъ, пьянъ и даже медвѣдь пьянъ и черезъ-силу ноги волочетъ. Днем солнышко ихъ распарило, къ вечеру сталъ клонить сонъ неодолимый; отошли они въ сторону отъ дороги, легли и, заснувъ богатырскимъ сномъ, проснулись и опаматовались тогда, когда ужъ утренняя зоря промочила ихъ росой и порядкомъ прознобило.

Продравъ глаза и потянувшись во всѣ четыре стороны, вожакъ, по привычкѣ, напередъ всего ухватился за поясъ, къ которому онъ всегда привязывалъ медвѣдя, — и повода нѣтъ. Водирь вскочилъ съ испугу, оцупалъ еще, облянулся кругомъ — мишки нѣтъ. Мишка видно проснулась, выспавшись пораньше ихъ, соскучилась лежать на мѣстѣ, по привычкѣ къ походной жизни, потянуть за собой цѣпь, выдернуть поводъ у спящаго замертво поводильщика и пошелъ въ лѣсъ. Парни мои сами взревели — коли не медвѣдемъ, такъ вожакомъ, и отыскавъ по росѣ слѣдъ, кинулись за бѣглецомъ въ погоню.

Прошедъ довольно много, они встрѣтили бабъ, ходившихъ по грибамъ; бабы бѣжали опрометью, перепуганныя на смерть, и сказали, что не далѣе версты видѣли медвѣдя. Долго еще блуждали поводильщикъ съ козой, какъ вдругъ услышали издали глухой, знакомый имъ ревъ. — Вотъ онъ гдѣ, вотъ онъ отзывается, закричали они, и бросились туда. Но чѣмъ они ближе подходили, тѣмъ болѣе удивлялись, что у мишки на волѣ голосъ перемѣнился, ровно чужой, и наконецъ разслышали, что тутъ должно быть два медвѣдя: одинъ ихъ, другой ни чей. Видно мишка набрелъ на товарища.

Подходя осторожно къ мѣсту и выглядывая изъ-за иней на прогалицу, они рочно увидѣли своего мишку, да только не одного, а самъ-другъ. Новые знакомцы, какъ видно, здоровались и дружились, рассказывая другъ другу свое житье-бытье такимъ голосомъ, что вслухъ все дрожало. Со страхомъ и трепетомъ смо-

трѣли мужики мои издали на своего кормильца, и не знали, что начать: упустить не хочется, а идти за нимъ, при такомъ товарищѣ, страшно. Глазъ видить, да зубъ нейметъ.

Думали, думали, наконецъ старшему парню пришло на умъ поманить своего мишку; что Богъ ни дастъ — давай попытаемся; можетъ-статься, дикій-то медвѣдь испугается, уйдетъ, а нашъ этого не боится. Онъ заставилъ мальчишку надѣть на себя по обычаю кожу, а самъ ударилъ во всѣ палки въ барабанъ, сталъ присвистывать въ дудку и, пустивъ козу передъ себя въ плясъ, вышелъ прямо на поляну.

Мишка оглянулся, заревѣлъ, словно заплакалъ, всталъ на дыбы, и хотя не-хотя, да пустился самъ плясать; незванный товарищъ его, разсудивъ, что штуки эти не по немъ и смотрѣть ему на нихъ не-почто, ушелъ въ лѣсъ; а бѣдный мишка, по пословицѣ: поваженный, что наряженный, дался опять въ руки поводилицу своему, не смѣя ослушаться дудки съ барабаномъ и дружки своей, козы.

249. Заяцъ.

Заяцъ самое робкое и беззащитное творенье. Трусость видна во всѣхъ торопливыхъ его движеніяхъ и утверждена русскою пословицею: *«трусливъ, какъ заяцъ»*. Миѣ самому случилось видѣть, какъ онъ дрожитъ, сидя въ своемъ логовѣ, слыша какой-нибудь приближающійся шумъ и готовясь вскочить каждую минуту. Онъ по справедливости боится и звѣря и птицы; и только ночью или по утреннимъ или вечернимъ зарямъ выходитъ изъ своего дневнаго убѣжища, *встаетъ съ логова*. Ночь для него совершенно замѣняетъ день: въ продолженіе ея онъ бѣгаетъ, ѣсть и *жируетъ*, то есть рѣвится, и вообще исполняетъ всѣ требованія природы; съ разсвѣтомъ онъ выбираетъ укромное мѣстечко, ложится, и съ открытыми глазами, по особенному устройству своихъ короткихъ вѣкъ, чутко дремлетъ до вечера, протянувъ по спинѣ длинныя уши и безпрестанно моргая своей мордочкой, опушенной рѣдкими, но довольно длинными бѣлыми усамн. Въ долгія весеннія и зимнія ночи заяцъ исходить, особенно по открытымъ полямъ и горамъ, нѣсколько верстъ, что каждый охотникъ, *сходившій русаковъ по мамкамъ*, извѣдалъ на опытѣ.

Русскій народъ называетъ зайца *косымъ*. Его лаза большіе, темные, на выкатѣ, не косы: это знаетъ всякій; но будучи пугливъ и торопливъ, не имѣя способности оглядываться, онъ набѣгаетъ иногда прямо на охотника или пенекъ, оторопѣвъ, круто бросается въ другую сторону и опять на что-нибудь набѣгаетъ. Вѣроятно вслѣдствіе такихъ неловкихъ движеній на-

звали его косымъ, и даже человекъ, пробѣжавшаго второпяхъ мимо того предмета, котораго онъ ищетъ, или забѣжавшаго не туда, куда слѣдуетъ, привѣтствуютъ шуточнымъ восклицаніемъ: «эхъ ты косой заяцъ!» или «куда забѣжалъ скося?» Къ тому же заяцъ, сидя на логовѣ, закатываетъ подъ лобъ иногда одинъ глазъ, иногда и оба; вѣроятно это дремота, но при первомъ взглядѣ заяцъ покажется косымъ. Зайцевъ истребляютъ всѣ, кто можетъ: волки, лисы, дворня и лгавыя собаки, которыя сами собою ходятъ охотиться за ними въ лѣсъ, даже горностаи и ласки. Но кромѣ враговъ, бѣгающихъ по землѣ и отыскивающихъ чутьемъ свою добычу, такіе же враги ихъ летаютъ и по воздуху: орлы, беркуты, большіе ястреба готовы напасть на зайца, какъ скоро почему-нибудь онъ бываетъ принужденъ оставить днемъ свое потаенное убѣжище, свое логово; если же это логово выбрано неудачно, не довольно закрыто травой или степнымъ кустарникомъ (разумѣется, въ чистыхъ поляхъ), то непременно и тамъ увидить его зоркій до невѣроятности, черный беркутъ (степной орелъ), огромнѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, похожій на кошку съна, почернѣвшую отъ дождя, когда сидитъ на стогу или на сурчинѣ, — увидить и, зашумѣвъ какъ буря, упадетъ набѣднаго зайца внезапно изъ облаковъ унести въ длинныхъ и острыхъ когтяхъ на далекое разстояніе и, опустясь на удобномъ мѣстѣ, съестъ почти всего, съ шерстью и мелкими костями. Мало этого, даже ночью сторожатъ зайцевъ на мирныхъ гулянкахъ большія совы и филины. *С. Акелковъ.*

230. Анекдоты о крысахъ.

Крысы существуютъ почти во всѣхъ странахъ свѣта; и тамъ, гдѣ ихъ не истребляютъ и гдѣ у нихъ много корма, число ихъ достигаетъ до чрезвычайнаго множества. Главныя черты, которыя составляютъ отличительное свойство крысъ, остаются однѣ и тѣ же во всѣхъ странахъ, но роды ихъ бываютъ различны. Сперва въ Европѣ было много черныхъ крысъ, но потомъ онѣ смѣнились сѣрыми, которыя, по словамъ одной англійской писательницы, перешли въ Европу изъ Индіи послѣ большого землетрясенія, бывшаго въ 1727 году.

Слѣдующіе случаи представляютъ доказательство замѣчательнаго инстинкта крысъ.

Англійскій пасторъ, мистеръ Ферименъ, прогуливаясь однажды вечеромъ по лугамъ своего прихода, увидѣлъ множество крысъ въ самое время переселенія ихъ изъ одного мѣста въ другое, что, какъ извѣстно, водится у этихъ животныхъ. Пасторъ оста-

новился, стараясь не дѣлать ни малѣйшаго движенія, и вся толпа переселенцевъ прошла очень близко отъ него. Неописано было удивленіе его, когда онъ увидѣлъ въ толпѣ старую слѣбую крысу, державшую въ зубахъ одинъ конецъ тоненькой палочки, между тѣмъ какъ другая крыса держала точно такъ же другой конецъ этой палочки и такимъ образомъ вела слѣбую пріятельницу свою.

Во время большого наводненія въ одной изъ мѣстностей Англии, 4-го сентября 1829 года, когда рѣка Тейна поднялась очень высоко, множество народу ходило по берегамъ ея. Между многими предметами, плившими по водѣ, зрители увидѣли лебедя, на бѣлоснѣжныхъ перьяхъ котораго замѣтно было черное пятно. Это была живая крыса. Вѣроятно она была унесена водою съ какою-нибудь плывущею вещію и, увидѣвъ лебедя, вздумала спастись отъ потопленія на спинѣ его. Какъ скоро лебедь доплылъ до земли, крыса соскочила съ него и убѣжала.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ — рассказываетъ одинъ изъ англійскихъ журналистовъ — я жилъ въ деревенькѣ Икельгонѣ, въ графствѣ Кембриджскомъ. Возвращаясь съ охоты, я кормилъ собакъ своихъ въ небольшомъ сараѣ, гдѣ нища ставилась въ длинномъ корытѣ, и обыкновенно я самъ распорядился этимъ дѣломъ. Случилось разъ, что, поставивъ кормъ, я заглянулъ въ сарай сквозь небольшую скажину дверей, и очень удивился, что въ корытѣ спокойно сидѣли крысы и безъ всякаго страха ѣли хлѣбъ и молоко вмѣстѣ съ собаками, которыя не видимо не обращали никакого вниманія на маленькихъ звѣрьковъ. Я рѣшился истребить крысъ, и на слѣдующій день поставилъ корыто такъ, чтобы однимъ выстрѣломъ изъ ружья, вставленнаго въ отверстіе, положить ихъ на мѣстѣ. Въ обыкновенный часъ кормъ поставленъ былъ какъ приманка, но собакъ не впускали въ сарай. Напрасно. Я замѣтилъ, что изъ подъ корыта не одинъ разъ высовывалась хитрая головка старой крысы, вѣроятно для какихъ-нибудь наблюденій; но ни одна крыса не вышла. Продолжавъ такимъ образомъ съ полчаса совершенно напрасно, я впустилъ собакъ, и черезъ нѣсколько минутъ крысы опять по братски раздѣляли объѣдъ ихъ. Можно думать, что перемѣна положенія корыта или какое-нибудь другое ничтожное распоряженіе въ сараѣ возбуждало подозрѣніе этихъ звѣстныхъ. Какъ бы то ни

было, но они, казалось, поняли, что безопасность ихъ соединена съ присутвіемъ собакъ.

251. Кротъ.

Оленька очень любила цвѣты. Ей давно хотѣлось имѣть въ маленькомъ саду клумбочку, гдѣ бы она могла насадить побольше цвѣтовъ. Наконецъ это желаніе исполнилось. Разъ, при наступленіи весны, маменька пошла съ Оленькой въ садъ, подвела ее къ мѣсту еще не обработанному и сказала: «Милая Оля, такъ какъ ты очень любишь ходить за цвѣтами, то дарю тебѣ это мѣстечко: на немъ можно устроить прелестную клумбу, — довольна ли ты?»

«Ахъ, маменька! какъ можешь ты еще спрашивать, довольна ли я? Я такъ рада, такъ рада! ничѣмъ другимъ нельзя было бы доставить мнѣ столько удовольствія, и я не знаю, какъ благодарить тебя.»

На другое же утро Оля, при помощи своихъ двухъ братьевъ, убрала съ участка своего камень и всякій соръ, и обвела его маленькимъ ровомъ, а потомъ засѣяла его различными сѣменами.

Скоро новая клумба уже нестрѣлась цвѣтами, и Оленька прилежно за ними ухаживала. Но какъ она испугалась въ одно утро, когда пришедши въ садъ, вдругъ увидѣла на клумбѣ своей, возлѣ прекрасныхъ левкоевъ, кучку набросанной земли. Она тотчасъ побѣжала къ работнику, который на ту пору случился въ саду, и спросила у него, что это значить. «Эту кучку, сказала онъ, набросалъ негодный кротъ. Прегадный звѣрокъ! Кроты роются въ садахъ и лѣсахъ, въ лугахъ и пашняхъ и вездѣ бываетъ отъ нихъ много вреда. Будьте спокойны, барышня: я постерегу вашъ садикъ; авось удастся выжить неважного гостя.»

Вечеромъ Оля опять была въ саду и увидѣла на своей клумбѣ новую кучку возлѣ чудесной гвоздицы. Это ее очень огорчило. «Ахъ, сказала она, что наконецъ будетъ изъ моей клумбочки, когда эти несносные звѣри всю ее разроютъ!»

Она подозвала работника и посулила ему на чай, если онъ избавитъ ея клумбу отъ кротовъ.

Работникъ обѣщалъ постараться, и за одно это обѣщаніе получилъ отъ Оли пятакъ.

Когда на утро она пришла въ садъ, работникъ встрѣтилъ ее

съ улыбкой и рассказалъ, что онъ тотчасъ по восхожденіи солнца подстерегъ крота и, когда тотъ взрылъ землю, выкопалъ его лопатой и убилъ.

Оленька осмотрѣла звѣря. Хвостъ у него былъ короткій, чешуйчатый и волосистый, а глаза по обѣ стороны головы подходили на свѣтлыя горошинки; цвѣтомъ онъ былъ черенъ. «Однако-жь, замѣтилъ работникъ, бывають и бѣлые и сѣрые кроты, бывають и бѣлые съ пятнами. Они умѣють строить себѣ покойныя комнатки со сводами и очень искусно обивають ихъ мхомъ, навозомъ, соломой, листьями, травой и нѣжными кореньями.»

Вечеромъ, когда зашло солнце, другой кротъ началъ рыться. И на него работникъ тотчасъ напалъ, выкопалъ и убилъ его.

Оленька очень тому радовалась и наградила работника, сколько могла. Нѣсколько времени въ саду не замѣтно было шалостей крота. Но черезъ двѣ недѣли, въ ту самую пору, когда нанятъ былъ искусный садовникъ для присмотра за фруктовыми деревьями, недавно посаженными, Оля опять увидѣла гучку земли на своей клумбѣ. Это ее привело въ отчаяніе; она позвала садовника и горько жаловалась ему на свою бѣду.

Садовникъ улыбнулся. — Тутъ нѣтъ никакой бѣды, сказалъ онъ; вы, барышня, будьте совершенно спокойны.

«Да какъ же я могу быть спокойна?» отвѣчала Оленька жалобнымъ голосомъ.

— А чего же вы опасаетесь? спросилъ садовникъ.

«Эти злые кроты, сказала дѣвочка, вездѣ роются, грызутъ корни цвѣтовъ и мало по малу испортиятъ весь мой садикъ?»

— Эхъ, барышня! отвѣчалъ садовникъ, улыбаясь: это все новости вы мнѣ рассказываете; видно правду говорятъ: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Вотъ ужъ я тридцать лѣтъ въ садовнигахъ и не мало ужъ клумбъ, слава Богу, развелъ на своемъ вѣку а ни одной еще у меня не испортили кроты. Не опасайтесь, барышня! ваши цвѣты цѣлы будутъ. На кротовъ много клепають нонапрасну. Они таки иногда изволятъ кушать корни цвѣтовъ и овощей; это, нечего сказать, правда. Да оно довольно рѣдко случается, то есть, когда они не могутъ найти живыхъ козявокъ и букашекъ, которыми питаются. А то кротъ вообще дѣлаеть больше пользы, нежели вреда приносить.

«Эхъ, сказала Оленька: теперь ты, Порфиръ, новости мнѣ рассказываешь.»

— Можеть статья, продолжалъ садовникъ, то, что я вамъ говорю, барышня, для васъ ново и невѣроятно; однако-жъ это сущая правда. Если только кротовъ погазывается не слишкомъ много, то они и въ садахъ, и въ поляхъ очень биваютъ полезны. Они, изволите видѣть, терпѣть не могутъ червяковъ, жуковъ и всякихъ маленькихъ насѣкомыхъ, что въ землѣ водятся, и ѣдятъ этихъ животныхъ, которыя такъ много вредятъ растеніямъ. Вотъ почему кроты въ самомъ дѣлѣ очень полезны. Къ тому же они роютъ землю, и она, благодаря имъ, становится рыхлѣе; дождю легче проходить сквозь нее, а за то всѣ деревья, овощи и цвѣты должны кроту сказать спасибо. Правда опять и то, что кучки земли, которыя онъ набрасываетъ, мѣсту красы не придадутъ; это безпорядокъ. Но кучку не трудно скрыть, а раскопанное мѣсто можно сгладить. Гдѣ кротовъ слишкомъ много разведется, тамъ надобно подстергать и бить ихъ въ то время, когда они разрываютъ землю, а это обыкновенно бываетъ при восходѣ и при захожденіи солнца.

Оленька слушала садовника съ большимъ вниманіемъ, и когда онъ кончилъ, то она сказала ему: «Отчего же всѣ говорить, что кротъ такой вредный звѣрь? Это я еще сегодня слышала отъ нашего сосѣда!»

— Да такъ ужъ завелось, отвѣчалъ садовникъ: всѣ бранять кротовъ; но это оттого, что никто не возьметъ труда рассмотреть дѣло хорошенько. Такъ и во всемъ другомъ; ужъ таковъ бѣлый свѣтъ. Люди часто говорятъ, сами не знаютъ что. Но надобно быть осторожнымъ и не всему вѣрить, что другіе толкуютъ, а всякій разъ повнимательнѣе разбирать, справедливо ли говорить. Вотъ что-съ!

Оля успокоилась. Въ самомъ дѣлѣ, цвѣты ея нисколько не пострадали отъ кротовъ, и она стала гораздо милостивѣе прежняго къ этимъ животнымъ.

* 232. Летучая мышь.

Однажды птицы вели жестокую войну съ четвероногими животными. Долго не было рѣшительнаго перевѣса, потому что побѣда была то на одной, то на другой сторонѣ. Но летучая мышь была осторожна и умна. Когда побѣждали птицы, то она весело летала съ ними вокругъ, и всѣ удивлялись этой необыкновенной птицѣ. Но когда побѣждали четвероногія животныя, то она присоединялась къ нимъ, ползала на четверенькахъ и

выдавала себя за мышь. Нагоняя обѣ воюющія стороны, утомившіеся, заключили миръ, и тогда вдругъ открылось лицемѣрие летучей мыши. Съ тѣхъ поръ её всюду преслѣдуютъ: у четвероногихъ животныхъ её стережётъ кошка, а у птицъ — сова. Поэтому-то она и избѣгаетъ свѣта и, ненавидимая всѣми, одиноко летаетъ среди темной ночи.

233. Лебедь.

Лебедь по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ давно и справедливо названъ царемъ всей водяной или водоплавающей птицы. Бѣлыи, какъ снѣгъ, съ блестящими, прозрачными, небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шею, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей, по темно-синей, гладкой поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, подниметъ голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ сматыя или замаранные перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ будто длинный босой парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ, — все живописно и великолѣпно въ немъ.

234. Гусь.

Вася увидѣлъ вереницу дикихъ гусей, которые пелись вьсого въ воздухѣ.

Вася. Могутъ ли наши домашніе гуси такъ же летать?

Отецъ. Нѣтъ.

Вася. Кто же кормитъ дикихъ гусей?

Отецъ. Они сами отыскиваютъ себѣ пищу.

Вася. А зимою?

Отецъ. Какъ только наступаетъ зима, дикіе гуси улетаютъ отъ насъ въ теплыя страны; а весною возвращаются снова.

Вася. Но почему же домашніе гуси не могутъ летать такъ же хорошо, и почему же улетаютъ они отъ насъ на зиму въ теплыя страны?

Отецъ. Потому, что домашнія животныя потеряли уже отчасти прежнюю ловкость и силу, и чувства у нихъ не такъ тонки, какъ у дикихъ.

Вася. Не отчего же это такъ?

Отецъ. Оттого, что люди объ нихъ заботятся и стучили ихъ пользоваться ихъ собственными силами. Изъ этого ты видишь, что и люди должны стараться дѣлать сами для себя все, что только могутъ. Тѣ дѣти, которыя полагаются на услуги другихъ и не приучаются сами дѣлать для себя все, что только могутъ, никогда не будутъ сильными, умными и ловкими людьми.

Вася. Нѣтъ, теперь я буду стараться самъ все для себя дѣлать; а не то, пожалуй, и со мною можетъ случиться то же, что съ домашними гусями, которые разучились летать.

Загадка.

Носила меня мать, уронила меня мать, подняли меня люди, понесли въ торгъ торговать, отрѣзали мнѣ голову: сталъ я пить и ясно говорить.

255. Курица и утята.

По сосѣдству отъ меня, въ одной деревушкѣ, называющейся Коростелово, одна крестьянка подложила подъ курицу 12 кряковыхъ яицъ; утята вывелись, воспитались въ стаѣ русскихъ утятъ и привыкли вмѣстѣ съ ними ѣсть кормъ. Должно замѣтить, что это случай рѣдкій; обыкновенно утята, вышедшія изъ яицъ дикихъ утокъ, сейчасъ пропадаютъ. Осенью корму понадобилось больше. Чтобъ не тратиться даромъ, крестьянка продала восемь утятъ, а двухъ молодыхъ селезней и двухъ утокъ оставила на племя; но черезъ нѣсколько недѣль они улетѣли и пропали. На слѣдующую весну бѣглецы воротились на тотъ же прудъ и стали по прежнему жить и ѣсть кормъ съ дворовыми утками. Осенью одна пара опять улетѣла, а другая осталась зимовать; а въ слѣдующую весну утка нанесла яицъ и вывела десять утокъ, изъ числа которыхъ я самъ купилъ четырехъ. Крестьянка опять оставила пару, и потомство ихъ совершенно смѣшалось и ничѣмъ уже не отличалось отъ русскихъ утокъ. И такъ только въ третьемъ поколѣніи порода дикихъ утокъ совершенно потеряла память о своемъ вольномъ житьѣ; купленные же мною молодыя утки, принадлежавшія къ второму поколѣнію, еще отличались отъ дворовыхъ, какъ своею наружностью, такъ и нравами: онѣ были бойчѣе, проворнѣе, какъ-то ежиднѣе и пугливѣе домашнихъ утокъ, часто прятались и даже пробовали нѣсколько разъ уходить. Крылья были подрѣзаны. С. Аксаковъ.

256. Когда-бъ на дятла не свой носокъ, никто-бъ его въ дуплѣ не нашель.

Можетъ быть, вамъ не случалось видѣть птицу дятла? Они бываютъ трехъ родовъ: зеленые, черные, пестрые. Дятель безпрерывно занятъ. Въ чемъ же его занятие? Долбить своимъ длиннымъ носомъ засохлое дерево и подь корою его ищетъ себѣ пищи. Пища его — червяки, точащія дерево. Издалека слышна работа дятла: можно считать его ровные удары. Онъ не срывается, не таетя — долбить и долбить день и ночь. Гнѣзда же свиваетъ въ дуплахъ гнилыхъ деревъ, и еслибъ не необходимость долбить, трудно было бы добраться до дятла. На него-то старики наши сложили пословицу: когда-бъ на дятла не свой носокъ, никто-бъ его не нашель!

А знаете ли, кто походить на дятла? Болтунъ, говорунъ, пустомеля. «Языкъ мой, врагъ мой!» говорить болтунъ. Языкъ выдаетъ болтуна точно такъ же, какъ носъ выдаетъ дятла. Умные люди говорятъ, что Богъ намъ далъ два уха и одинъ языкъ, для того чтобъ мы меньше говорили и болѣе слушали, и что скромность есть признакъ ума.

257. О ласточкахъ.

Посмотри наверхъ, милый мой, сказалъ однажды отецъ маленькому своему сыну, — наверхъ, на эти птички гнѣздышки, надъ окнами нашихъ комнатъ, подь кровлею. Видишь, одни только что начаты, только что прилѣплено къ стѣбѣ нѣсколько глины; другія до половины сдѣланы; а нѣкоторыя совсѣмъ готовы — плотны и чисты, съ однимъ маленькимъ отверстіемъ, чрезъ которое птички будутъ влетать и вылетать.

Это гнѣзда ласточекъ, и вотъ ты видишь хозяевъ ихъ. Какъ неутомимо летаютъ онѣ туда и сюда, приносятъ во рту глину и землю, и работу свою лѣпятъ носикомъ и ножками! Эти гнѣзда очень гнѣдки и плотны, какъ стѣба изъ глины, а внутри устланы пухомъ и перьями, чтобъ малюткамъ мягко было лежать.

Ласточки питаются мушками, комарами и другими насекомыми, и всегда строятъ себѣ гнѣзда въ берегахъ и въ деревняхъ около домовъ. Люди не тревожатъ ихъ, потому что эти птички болѣе полезны, нежели вредны. Погляди, какъ быстро несутся онѣ по воздуху, преслѣдуя добычу свою. По утру онѣ просыпаются на самомъ разсвѣтѣ, щебечутъ и шумятъ у окна, пока мы еще въ постелѣ, и цѣлый день не складываютъ крыльевъ, летая за пищею для себя и для дѣтей своихъ. Наловивъ нѣ-

сколькo мухъ, онѣ тотчасъ сѣбнать въ гнѣздыкамъ, быстро влетаютъ въ отверстіе и кормятъ малютокъ.

Осенью, когда начинается холодная погода, ласточки собираются въ великомъ множествѣ на кровляхъ высокихъ строеній и приготовляются летѣть въ страну, гдѣ теплѣе. Чтобъ испытать свои силы, онѣ дѣлаютъ нѣсколько большихъ круговъ по воздуху въ разныя стороны и потомъ, выбравъ тихій, прекрасный день, отправляются всѣ вмѣстѣ на югъ.

Полагаютъ, что ласточки улетаютъ на зиму въ средину Африки; весною же онѣ отправляются назадъ въ наши сѣверныя страны. Иногда, при раннемъ наступленіи у насъ хорошей погоды, нѣкоторыя изъ нихъ прилетаютъ слишкомъ рано; и когда погода настанетъ опять холодная и снѣжная, то бѣдняжки умираютъ отъ недостатка въ пищѣ, или отъ мороза. Отсюда происходитъ пословица, что *одна ласточка не дѣлаетъ весны*. Но когда прилетаетъ ихъ множество, то мы можемъ быть увѣрены, что зима миновала; и оттого мы всегда радуемся ихъ возвращенію.

Загадка.

Молодой конѣкъ, за море ходогъ; спинка соболонка, а брюшко бѣленькое.

258. Беззаботность птички.

Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда; хлопотливо не свиваетъ долговѣчнаго гнѣзда. Въ долгу ночь на вѣтвѣхъ дремлетъ; солнце красное взойдетъ — птичка гласу Бога внемлетъ, встрепенется и поетъ. За весной, красой природы, лѣто знойное пройдетъ — и туманъ! и непогоды осень поздняя несетъ: людямъ скучно, людямъ горе; птичка въ дальнія страны, въ теплый край, за сине море, улетаетъ до весны.

Пушкинъ.

259. Птичка.

Вчера я растворилъ темницю воздушной пѣвицы моей; я роцамъ возвратилъ пѣвицу, я возвратилъ свободу ей. Она исчезла, утопая въ сіяньи голубого дня, и такъ запѣла улетаю, какъ бы молилась за меня.

В. Туманскій.

Загадка.

Безъ рукъ, безъ топоренка построена избенка.

260. Окунь.

Окунь не то, что рак, хотя и живетъ въ водѣ, — это всѣмъ извѣстно; известно, что ракъ не рыба, и разница между ними огромная. У рака внутри нѣтъ костей, но за то снаружи толстый черепъ. У окуня, напротивъ, внутри есть кости. За костистой головой тотчасъ начинается у него рядъ толстенькихъ косточекъ, вплоть до самаго хвоста. Эти косточки называются позвонками: отъ нихъ вверхъ и внизъ идутъ другія косточки, а для плавательныхъ перьевъ есть еще другія. И не перечестъ, сколько всѣхъ косточекъ у окуня. Но наука пересчитала ихъ, и если учиться, т. е. добывать себѣ свѣту, по старинной поговоркѣ, что ученье свѣтъ, а неученье тьма, — то можно узнать, и сколько у окуня костей, и зачѣмъ каждая изъ нихъ, и какъ можетъ рыба жить въ водѣ, и отчего она не утонетъ, т. е. не захлебнется, тогда какъ человѣкъ и десяти минутъ не можетъ пробыть въ водѣ, непременно захлебнется. Все это совсѣмъ не такъ просто, какъ кажется съ перваго взгляда. Ученье скажетъ тоже, для чего у рыбы есть жабры и какъ она можетъ ими дышать въ водѣ. Безъ ученья все это тьма.

Загадки.

1. По землѣ не хожу, на небо не гляжу, звѣздъ не считаю, мѣсяца не вижу.
2. Идетъ въ баню черепъ, а выходитъ красень.

261. Какъ кошки ловятъ рыбу.

Хотя я зналъ, что кошки ловятъ рыбу, но никогда не слышалъ и не видалъ, какъ они производятъ эту работу. Третьяго мая 1855 года сидѣлъ я очень тихо на берегу небольшого проточнаго пруда, гдѣ брали окуни и лини. Около противоположнаго берега, уже обросшаго травой, била икру плотва и для того выбрасывалась въ траву у самаго берега. Вдругъ я вижу, что большая нестрая кошка осторожно подкрадывается, ползетъ и прычетъ, рывнувшись въ самой береговой травѣ. Такъ всегда поступаютъ кошки, выжидая своей добычи. Я сталъ смотрѣть пристально. Плотва продолжала метать икру и выкидываться на траву — кошка бросилась, схватила одну плотвичку и унесла ее во рту. Я указалъ на эту продѣлку садовнику, который недалеко отъ меня копался въ своихъ грядкахъ; онъ инсколько не удивился, а напротивъ разегазаль мнѣ, что рано не утрамъ, когда еще нѣтъ народу, всякій день выходитъ на этотъ промыселъ кошекъ шесть и болѣе, располагаются по удобнымъ мѣстамъ вдоль берега и ловятъ рыбу.

262 Угорь и змѣя.

«Посмотри на меня», говорила змѣя угрю: «какъ я прекрасна? Видалъ ли ты когда-нибудь кожу, такъ красиво расписанную и такую гладкую? Правда, и твоя кожа гладка; однако-жь моя и гладка, и красива.»

«Въ самомъ дѣлѣ», отвѣчалъ угорь, «я не такъ красивъ, какъ ты, а только гладокъ. Но отчего происходитъ то, что твоя красота всякому отвратительна и что люди, увидѣвши въ травѣ твою пеструю кожу, пугаются и убѣгаютъ?»

«Убѣгаютъ?» спросила красивая змѣя: «отчего же это? я не знаю.»

«А я знаю», отвѣчалъ угорь, «и люди также знаютъ. Снаружи ты блестяшь, а внутри у тебя ядъ и желчь.»

263. Змѣя и пиявица.

«Какъ я несчастна, и какъ завидна часть твоя!» однажды говоритъ пиявицѣ змѣя: «ты у людей въ чести; а я для нихъ ужасна; тебѣ охотно кровь свою даютъ, меня же всѣ бѣгутъ и если могутъ, бьютъ; а кажется равно мы съ ними поступаемъ, и ты, и я людей кусаемъ.»

— Конечно! былъ на то пиявицынъ отвѣтъ; да въ цѣли нашей сходства нѣтъ: я, напимѣрь, людей къ ихъ пользѣ уязвляю, а ты для ихъ вреда; я множество больныхъ чрезъ это исцѣляю, а ты и пемольнымъ смертельна завсегда. Спроси самихъ людей: всѣ скажутъ, что я права; я — ихъ лекарство, ты — отравя.

Дмитріевъ.

Загадка.

Изъ куста шипуля, за ногу тишуля.

264. Древесная лягушка.

«Гриша! посмотри, у меня зеленая птичка», сказалъ отецъ, входя въ комнату и поднявъ платокъ, завязанный узелкомъ. — Ахъ покажи, папа, сказалъ Гриша, дай мнѣ ее. «Подожди, я дамъ тебѣ ее; но только держи крѣпче, чтобъ она не вылетѣла.» Развязавъ платокъ, онъ осторожно всунулъ ему въ руку маленькую лягушку. Испуганный Гриша выпустилъ ее изъ рукъ и поднялъ страшный крикъ. — Фи какая противная лягушка!.. Между тѣмъ лягушка прыгала по комнатѣ; а Гриша такъ боялся ея, что перебѣгалъ изъ одного угла въ другой. Отецъ снова

поймалъ ее. «Глушенькѣй», говорилъ онъ Гришѣ, «можно ли бояться лягушки? Я принесу стаканъ, поставлю въ него лѣсенку и посажу туда лягушку: она будетъ намъ предсказывать погоду.» Онъ выстрогалъ лѣсенку и разказалъ Гришѣ, какъ онъ, гуляя по лугу, услышалъ кваканье лягушки и нашелъ ее сидящею на листьяхъ кустарника. Потомъ онъ принесъ стаканъ, налилъ его до половины водою и, опустивъ въ него лѣсенку и лягушку, завязалъ стаканъ тонкою холстиною и поставилъ передъ окномъ. «Ну, Гриша», сказалъ отецъ, «смотри же хорошенько за нашимъ живымъ барометромъ. Когда онъ выйдетъ изъ воды, то должно ожидать хорошей, сухой погоды; но когда онъ сидитъ въ водѣ, то обыкновенно бываетъ вѣтеръ или дождь. Только чрезъ каждые два дня бросай ей въ лицу по нѣскольку мухъ сквозь отверстіе въ холстиѣ.» Гриша внимательно разсматривалъ лягушку. У ней спина была красиваго зеленого цвѣта, а тѣло все обнажено, — ротъ большой и широкій. Она постоянно вдыхала въ себя воздухъ и широко раскрывала глаза. Четыре ноги ея были растопырены, на двухъ переднихъ было по четыре отдѣльных пальца, а на заднихъ по пяти пальцевъ, соединенныхъ между собою тонкою кожицею.

263. Гусеницы, буколки и ихъ враги.

Однажды утромъ Вася увидѣлъ множество гусеницъ, ползающихъ по окну. Онѣ выползли изъ сада и по высокой стѣнѣ добрались до самаго окна.

«Посмотри, папенька», вскричалъ Вася, «какъ ловко ползають гусеницы по скользкому стеклу! Но отчего это онѣ поворачиваютъ головку то направо, то налево? Это только задерживаетъ ихъ; имъ нужно употребить болѣе часа на то, чтобы проползти эти два стекла.»

Отецъ подошелъ къ окну и наблюдалъ за ползающими гусеницами.

Вася. Отчего это, прежде чѣмъ подвинуться далѣе, онѣ всегда поворачиваютъ головкою? Онѣ какъ будто кланяются намъ.

Отецъ. Ну, онѣ вовсе не такъ учтивы, а поворачиваютъ головою по совершенно другой причинѣ. Посмотри, крѣпко ли онѣ держатся на стеклѣ.

Вася отворилъ окно и долженъ былъ сдѣлать порядочное усиліе, для того чтобы оторвать хоть одну изъ нихъ. «О, теперь я знаю», вскричалъ онъ, «почему онѣ дѣлають такіе поклонны!»

О. Почему же?

В. Онѣ протягиваютъ по стеклу во все стороны тоненькія ниточки, и оттого такъ крѣпко и держатся на немъ.

О. Совершенно справедливо. Онѣ поворачиваются направо и крѣпко приклеиваютъ къ стеклу конецъ своей ниточки: затѣмъ поворачиваются влѣво, протягивая при этомъ свою ниточку перекръ. Такимъ образомъ онѣ продолжаютъ поворачиваться, и при каждомъ поворотѣ образуютъ новую ниточку, такую тонкую, какъ нить паука. Протянувъ нѣсколько ниточекъ, онѣ подвигаются впередъ, т. е. цѣпляются ножками своими за ниточки, какъ за веревочную лѣстницу.

В. Потому-то онѣ и держатся такъ крѣпко?

О. Такъ; потому-то онѣ и могутъ ползти по скользкому стеклу.

«Но чего же вы хотите здѣсь?» сказалъ Вася, обращаясь къ насѣкомымъ. «Въ саду еще много пищи для васъ, а изъ того что у насъ есть здѣсь, для васъ ничего не годится. Ползите опять внизъ, заблудившіяся овечки!» Съ этими словами онъ оторвалъ гусеницъ отъ стекла и сбросилъ ихъ въ садъ.

О. А нѣкоторыхъ ты все-таки не можешь сбросить. Посмотри-ка: нѣсколько гусеницъ сидятъ уже наверху, на потолокъ.

В. А! Онѣ вѣрно вползли въ комнату черезъ разбитое стекло. Теперь вамъ предстоитъ голодная смерть, потому что вся комната для васъ — пустыня: тутъ нѣтъ ни одного листочка.

О. Но онѣ теперь и не будутъ нуждаться въ пищѣ. Онѣ уже насытились на всю свою жизнь въ гусеницахъ; теперь имъ хочется чего-то совсемъ другого.

Васѣ очень хотѣлось узнать объ этомъ что-нибудь поподробнѣе; но отецъ не удовлетворилъ его любопытства, а велѣлъ подождать, говоря, что онъ со временемъ самъ все это увидитъ.

Черезъ нѣсколько дней каждая гусеница обмотала себя и сдѣлалась куколкой. Вася досталъ одну изъ нихъ длинной палкой, куколка блестѣла, какъ золото; а сверху прили, которою она была обмотана, висѣла кожа гусеницы. Она сняла ее съ себя, какъ платице, и теперь имѣла другую кожу, жесткую и рововидную. Но на ней уже не было замѣтно болѣе ни ножекъ, ни головки. Вася тихонько дотронулся до куколки, и она слегка зашевелилась, начала сжиматься и изгибаться. «Ты еще жива!» вскричалъ онъ: «а я считалъ тебя мертвою и думалъ, что ты

лежишь въ тѣсномъ гробу. Какъ же тебѣ оттуда выйти? Погоди же, я помогу тебѣ.»

Онъ булавкой приподнял нѣсколько покрывку, и что же? внутри были видны длинныя ножки и крылья. Все это сначала шевелилось, но черезъ нѣсколько мгновений это маленькое животное было уже мертвымъ.

В. Скажи мнѣ, папенька, что такое въ куколкѣ, не гусеница ли?

О. Да, была гусеница. Она начала уже свое превращеніе: сдѣлалась куколкой и потомъ должна была бы сдѣлаться бабочкой. Но теперь ты лишилъ ее жизни своимъ любопытствомъ.

В. Значить, бабочки происходятъ отъ гусеницъ?

О. Да, изъ гусеницъ образуются куколки, а изъ куколокъ бабочки.

В. Въ такомъ случаѣ я попрошу маменьку поберечь другихъ куколокъ, которыя еще остались на потолкѣ, а не то ихъ пожалуй сметутъ оттуда.

Спустя нѣсколько дней почти всѣ бабочки вылѣзли изъ своей скорлупы и летали по комнатѣ. Каждая изъ нихъ имѣла четыре крылышка и шесть длинныхъ ножекъ. На головѣ у каждой было по два длинныхъ рожка и два большихъ глаза; впереди у нихъ былъ хоботокъ, свернутый въ трубочку; словомъ, это было насѣкомое, совершенно отличное отъ гусеницъ.

Вася выпустилъ ихъ на волю. Онѣ летали съ цвѣтка на цвѣтокъ и, какъ пчелы, высасывали изъ цвѣтовъ сокъ своимъ хоботкомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ садились на листья, гдѣ, какъ отецъ потомъ показалъ Васѣ, онѣ клали свои яички. Эти яички большею частію находились на нижней сторонѣ листка, такъ что и птицы не легко могли найти ихъ, и дождь и солнечный жаръ не могли вредить имъ. Они были крѣпко прилѣплены къ листку и не могли легко отпасть.

«Изъ этихъ яичекъ снова образуются гусеницы», сказала отецъ: «но сначала гусеницы бываютъ очень малы, даже меньше этихъ яичекъ. Принимая очень много пищи, онѣ скоро вырастаютъ, такъ что черезъ нѣсколько дней имъ становится тѣсно въ ихъ кожнѣ; тогда онѣ долгое время остаются въ совершенномъ бездѣйствіи и снимаютъ свою одежду, подъ которою готова уже новая и болѣе просторная. Онѣ не разъ перемѣняютъ кожу, пока наконецъ, сбросивъ послѣднюю, не превратится въ куколку.»

Всѣ куколки, бывшія въ комнатѣ у Васи, кончили уже свое превращеніе, сдѣлались бабочками и улетѣли. Только три куколки продолжали еще висѣть на потолокъ. Вася замѣтилъ, что около каждой оставшейся куколки висѣлъ какой-то желтый комочекъ. Съ любопытствомъ снялъ онъ палочкой одинъ изъ нихъ; куколка также упала, но она была совершенно выдолблена, и въ ней были маленькія отверстія. А желтый комочекъ содержалъ въ себѣ маленькія зернышки, изъ которыхъ каждое было не больше просяного зерна. Только на видъ они были продолговаты, а на ощупь походили на шелкъ.

«Посмотри; папенька», вскричалъ Вася, «эта куколка положила совершенно желтыя яички, а сама сдѣлалась совершенно пустою.»

О. Это вовсе не яички, а также куколки, только не отъ той гусеницы, а отъ совершенно другихъ, гораздо меньшихъ; онѣ превратятся въ крошечныхъ мухъ, величиною съ булавочную головку. Сами же гусеницы выросли въ куколки той большой гусеницы.

Вл. Какъ же онѣ туда попали?

О. Вѣроятно одна изъ этихъ маленькихъ мухъ произвела жа-ломъ своимъ куколку и положила внутри ея свои яички.

В. Какія же крошечныя должны быть эти яички, если сама муха была такъ мала!

О. Конечно. Сосчитай-ка, сколько маленькихъ желтыхъ куколокъ.

В. О, какъ много! Цѣлыхъ двадцать двѣ.

О. А между тѣмъ яички для нихъ всѣхъ положены одною только мухой; и всѣ онѣ образовались изъ яичекъ внутри большой куколки. Бѣдная гусеница! ничего не подозревая, обмоталась и превратилась въ куколку; а теперь отъ нея осталась только одна споруша, вся же внутренность выѣдена маленькими гусеницами, которыя, выросши, выползли изъ куколки.

В. Оттого-то и замѣтно такъ много дырочекъ на кожицѣ большой куколки.

О. Ну, да. Эти гусеницы или личинки сами просверлили для себя отверстія и, выползши, сами обмотались. Онѣ превратятся теперь въ маленькихъ мухъ, которыя въ свою очередь будутъ отыскивать другихъ большихъ куколокъ, чтобы забраться въ нихъ и положить тамъ свои яички.

В. Яичкамъ-то было очень удобно, но за то куколка должна была погибнуть.

О. Справедливо; она должна была умереть. У кого всегда по лонъ домъ непрошенныхъ гостей, тотъ самъ долженъ погибнуть. Маленькія гусеницы съѣли все, что только нашли.

Загадка.

Ползу червячкомъ, питаюсь цвѣткомъ, потомъ засыпаю, себя зарываю. Не ѣмъ, не гляжу, — недвижно лежу; но вдругъ ожидаю я съ новой весной, свой гробикъ стряхаю надъ травкой младой. Лечу, веселюся, какъ птичка взовьюся, прекраснѣй въ сто разъ, чѣмъ прежде была я, и радую васъ, по небу порхая.

* 266. Резедная бабочка.

Резеда имѣетъ душистый цвѣтъ, который любятъ не только люди, но и бабочки. Есть бѣлая бабочка съ крапинами на крыльяхъ, которая кладетъ свои яйца подъ листьями резеды, чтобы предохранить ихъ отъ дождя и росы. Яйца прикрѣпляются открытымъ концомъ своимъ къ листку; когда гусеница пробуждается въ немъ и хочетъ выбраться изъ него, то находитъ, что выходъ запертъ, только не желѣзомъ или деревомъ, а просто ея же пицею, которая такъ вкусна, какъ изюмъ и миндаль для насъ. Когда она прокуситъ маленькое отверстіе и просунетъ раза два головку вверхъ то выходитъ на волю, на всѣ четыре стороны. Отецъ небесный поступаетъ съ червячкомъ точно такъ же, какъ если бы вы заперли маленькаго мальчика или дѣвочку въ уединенную комнатку, въ которой дверь была бы сдѣлана изъ пряника, и если бы вы сказали: спи теперь, а когда проснешься и захочешь выйти къ намъ на солнышко, то прогрызи себѣ лазейку въ пряникѣ.

267. Дитя и шелковичный червь.

«Фи, какой противный червякъ!» вскричала маленькая Аннушка, увидя въ первый разъ шелковичнаго червя. «Ахъ, сколько такихъ гадовъ на свѣтѣ, которые ни къ чему не годятся, какъ только внушать ужасъ и отвращеніе, да еще объѣдать листья на деревьяхъ.» — Не болтай такъ безразсудно, маленькая болтушка сказалъ шелковичный червь. Знаешь ли ты, кому ты обязана красивымъ шелковымъ платьемъ, которымъ ты такъ гордишься, — никому болѣе, какъ мнѣ! — «Не суди по наружности, дитя мое», сказалъ отецъ Аннушки: «достоинство каждаго существа зависитъ не отъ наружной красоты, но отъ свойства его и отъ пользы, ко-

тору ю оно приноситъ. А что всего важнѣе: не говори никогда о томъ, чего ты хорошо не знаешь.»

268. Мертвая голова.

Одна изъ замѣчательнѣйшихъ вечернихъ бабочекъ есть *мертвая голова*. Она называется такъ потому, что у ней на груди бѣлыя пятна, представляющія нѣкоторое сходство съ мертвою головою. Хотя эта мрачнаго цвѣта бабочка не отличается особенною красотою, но она заслуживаетъ вниманія какъ наибольшая изъ всѣхъ. Иные пугались, когда это волосатое насѣкомое налетало на нихъ вечеромъ; иногда жужжаніе его приводило въ ужасъ тѣхъ, которые не знали, что это единственная бабочка, которая издаетъ звукъ. — Одинъ помѣщикъ возвратился изъ города лѣтомъ, около 10 часовъ вечера, въ свою деревню. «Слава Богу, что ты пришелъ», сказала жена, встрѣчая его. — Ахъ, баринъ, прибавила изъ кухни служанка, мы чуть не умерли со страху. — Ну, чего же вы такъ испугались? — «Такого звука, какъ сегодня, я еще не слыхала во всю жизнь. Мы съ Марьей были въ кухнѣ и разговаривали о покойной сосѣдкѣ. Вдругъ мы слышимъ: въ трубѣ надъ нами что-то начинаетъ летать и жужжать, только не такъ какъ летучія мыши или жуки, — совсѣмъ иначе. Мы подумали что это душа покойницы насъ подслушиваетъ, убѣжали въ комнату и заперли за собою дверь. Да... Марья заложила даже замочную скважину, потому что лишь только мы вошли въ комнату, звукъ возобновился и продолжался до твоего прихода.» — Оставьте вы душу сосѣдки въ покоѣ, да зажгите мнѣ свѣчу; я посмотрю, что васъ такъ встревожило. При этихъ словахъ вдругъ снова раздалось за дверью жужжаніе; хозяинъ долженъ былъ сознаться, что онъ никогда не слыхалъ такого звука въ царствѣ животномъ. Это еще болѣе возбудило его любопытство, и онъ началъ дѣлать тщательный розыскъ. Долго старанія его казались напрасными, потому что звукъ затихъ въ ту минуту, какъ онъ вышелъ изъ комнаты со свѣчой. Наконецъ онъ нашелъ на днѣ корзины — мертвую-голову. «Ты, голубушка, попалась очень кстати для коллекціи моего пріятеля», сказалъ обрадованный хозяинъ, — велѣлъ подать себѣ булавку и прикололъ ею бабочку ко дну корзины. И что же? Въ ту самую минуту она начала бить крыльями и жужжать сильнѣе прежняго. Тогда хозяйка и служанка убѣдились, что это были тѣ же самыя звуки, которые такъ напугали ихъ.

269. Непріятели пчель.

На листьях картофеля живет большая гусеница, толстый коматый червяк, из которого потом выводится огромная ночная бабочка, называемая *бражникъ-мертвая-голова*. На ее черной коматой спинѣ есть свѣтло-желтое пятно, немножко похожее на черепъ; оттого она и прозвана мертвой головой. Когда эта бабочка летитъ, или когда хватаешь ее руками, она какъ-то особенно жалобно пищитъ, и пискъ ее похожъ на пѣніе молодой пчелиной матки. — Бражникъ-мертвая-голова забирается въ улей и сосетъ тамъ своимъ толстымъ хоботомъ медъ, запасенный въ восковыхъ клѣточкахъ. Богъ знаетъ, отчего и какъ, только бражникъ наводитъ на пчель ужасный страхъ. Залетаетъ онъ въ улей въ сумеркахъ, или въ началѣ ночи, и тихо, жалобно начинаетъ тамъ пищать. Тогда туча пчель вдругъ вылетаетъ на воздухъ, а шумъ продолжается иногда нѣсколько часовъ сряду. На другой день около улья мертвые пчель валяются тысячами, медъ высосанъ и весь рой пропалъ. Можетъ быть, запахъ бражника мертвой головы вреденъ для пчель, или есть на это какал другая причина; только улей, въ которомъ побывалъ бражникъ, никогда не уцѣлѣетъ.

Другой непріятель пчель — жучокъ *булавастка*, и мы знаемъ, чѣмъ онъ вреденъ. Самъ онъ ростомъ съ пчелу, а можетъ ужасно повредить цѣлому улью; называется же онъ булавасткой потому, что усики его съ толстыми наконечниками, точно булабочки. Крылья у булавастки, какъ почти у всѣхъ жуковъ, покрыты еще другою парю такихъ жесткихъ крыльевъ, что пчела ихъ не проймаетъ своимъ жаломъ. И весь животъ, и вся грудь и голова этого жучка — въ очень жесткой оболочкѣ; пчелиное жало можетъ войти въ тѣло булавастки только подъ крыломъ, тамъ, гдѣ крыло приросло къ тѣлу. Булавастка забирается въ улей, чтобы класть свои яички, и всегда накладываетъ ихъ множество. Изъ яичекъ выводятся червячки, только ужъ не такіе скромные и миролюбивые, какъ у пчель: они питаются не медомъ, а пчелиными червяками, и поѣдаютъ ихъ пропастъ.

270. Искатели меда.

Въ Америкѣ водится множество пчель, которыя устраиваютъ гнѣзда свои въ дуплахъ старыхъ деревьевъ. Вотъ какимъ образомъ

отыскиваютъ эти деревья. Охотникъ ловить на цвѣтахъ, растущихъ вдоль лѣсовъ, нѣсколько пчелъ и сажаетъ ихъ въ ящичекъ, въ который положенъ кусочекъ медоваго сота; въ крышкѣ этого ящичка вдѣлано стекло, довольно большое, для того чтобы свѣтъ проникалъ въ него со всѣхъ сторонъ. Когда охотникъ предполагаетъ, что пчелы его насытились медомъ, онъ выпускаетъ двѣ или три изъ нихъ и тщательно замѣчаетъ, куда онѣ летать, до тѣхъ поръ пока совершенно потеряетъ ихъ изъ виду. Потомъ онъ идетъ къ тому мѣсту, гдѣ пересталъ ихъ видѣть и выпускаетъ еще нѣсколько пчелиницъ, замѣчая и за ними такъ же, какъ за первыми. Это повторяетъ онъ до тѣхъ поръ, пока пчелы не примутъ направленіе противное тому, по которому полетѣли первыя. По этому охотникъ узнаетъ, что прошелъ далѣе предмета своихъ розысковъ; ибо извѣстно, что если взять пчелу съ цвѣтка, находящагося въ нѣкоторомъ разстояніи на югъ отъ дерева, на которомъ живетъ она, и унести еѣ въ ящикъ, хотя совершенно закрытомъ, на сѣверъ отъ того дерева, она, какъ скоро вынудитъ ее на волю, слѣзываетъ на лету кругъ и пускается прямо къ своему жилищу. — Посему охотникъ, узнавъ по направленію полета пчелъ своихъ, что дерево ихъ уже близко, останавливается и кладетъ на разогрѣтый кирпичъ кусочекъ медоваго сота, котораго запахъ такъ силе, что весь рой тотчасъ оставяетъ свою крѣпость и пускается отыскивать; потомъ остается только срубить это дерево, и вселѣрѣдго случается, чтобы добыча не вознаграждала вполне стараній охотника; часто въ одномъ дуплѣ находятъ отъ двухъ до трехъ болѣе пудовъ меда.

271. Пчела и мухи.

Двѣ мухи собрались летѣть въ чужіе края, и стали подзывать съ собой туда пчелу: имъ рассказали попуган о дальнихъ сторонахъ большую похвалу. Притомъ же имъ самимъ казалось обидно, что ихъ на родинѣ своей вездѣ гоняютъ изъ гостей, и даже до чего (какъ людямъ-то не стыдно, и что они за чудачки!): чтобы поживиться имъ не дать сластями за пынными столами, придумали отъ нихъ стеклянны колпаки; а въ хижинахъ на нихъ злодѣи пауки. — «Путь добрый вамъ», пчела на это отвѣчала: «а мнѣ и на моей пріятно сторонѣ. Отъ всѣхъ за соты я любовь себѣ сыскала: отъ поселянъ и до вельможъ. Но вы летите, куда хотите! вездѣ вамъ будетъ счастье то-жъ: не будете, друзья, нигдѣ, не

бывъ полезны, вы ни почтенны, ни любезны; а рады науки лишь будутъ вамъ и тамъ.»

Крыловъ.

Загадка.

Стоитъ посудина нерукотворена, палита въ ней кашаца не варена.

272. Чернильная муха.

На дубѣ случается видѣть небольшія, круглыя, жесткія, зеленныя съ красноватымъ оттѣнкомъ яблочки; это не что иное какъ гнѣзда насѣкомаго, называемаго чернильной мухой.

Муха эта не велика, свѣтло-желтаго цвѣта и покрыта шелковистымъ бѣловатымъ пушкомъ. Когда приходитъ ей пора нести яички, то она прокалываетъ дубовый листъ или вѣтку и въ сдѣланную такимъ образомъ ямку кладетъ яичко. Сокъ растенія вытекаетъ въ свѣжую раночку, точно кровь изъ прорѣзаннаго пальца, только гораздо медленнѣе, — застываетъ и мало по малу образуетъ вокругъ положеннаго яичка шарикъ, который потомъ снимается, идетъ въ продажу подъ именемъ *чернильнаго орѣшка* и употребляется на выдѣлку черной краски и чернилъ.

Эти орѣшки бываютъ различнаго вида и различной твердости, смотря по тому, въ которомъ мѣстѣ они образуются, на листѣ, на стебелькѣ, на почкѣ, на корѣ, или на корнѣ дуба. Внутри орѣшка живетъ личинка чернильной мухи, питается внутренностию своего временнаго дома и потомъ, когда приходитъ ей время обратиться въ куколку, прогрызаетъ свой орѣшекъ, падаетъ на землю и зарывается. Въ землѣ она обращается уже въ куколку, и лежитъ до тѣхъ поръ, пока изъ нея не выйдетъ совершенное насѣкомое. Если разрѣжешь пополамъ чернильный орѣшекъ, когда личинка выбралась уже изъ него, то легко замѣтишь пустоту, въ которой она жила, и каналъ, чрезъ который выбралась на свѣтъ Божій.

273. Жуки.

Два маленькіе жука пришли въ одинъ холодный, осенній вечеръ къ большой пихтѣ и жаловались такъ: «мы, бѣдные изгнанники, страдаемъ напрасно, скажись надъ нами и позволь намъ прожить зиму подъ своей корою; мы будемъ вносить тебѣ погловную плату.» Пихта, польстившись на плату, сказала имъ: хорошо, живите у меня, пока вы будете платить. И такъ жуки устроили себѣ жилище въ корѣ ея, произвели на свѣтъ 20 жу-

ковъ и умерли; эти 20 произвели 200 и умерли, 200 произвели 2000 и умерли, 2000 произвели еще въ десять разъ столько же. Тогда вершина дерева мало по малу начала чувствовать недостатокъ въ питательномъ сокѣ и стала жаловаться нижнимъ вѣтвямъ. Онѣ отвѣчали, что жуки, которые живутъ въ пнѣ дерева, отнимаютъ пищу у него и у нихъ. Дерево испугалось за жизнь свою. Оно призвало на помощь бурю, которая принялась такъ качать его, что оборвала нѣсколько корней. Но жуки смѣялись изъ-за уголковъ и отверстій своихъ. Дерево окружило себя такимъ рѣзкимъ холодомъ, что даже часть коры лопнула и разломалась; но жуки смѣялись надъ нимъ: протачивали кору и забивались все глубже. Тогда испуганное дерево стало взывать къ небу и землѣ, жалуясь на своихъ кровопийцъ; но не дождалось оно помощи и умерло. Жуки же долго еще питались его сердцевиною и наконецъ, перебрались на другое дерево.

Загадка.

Черень, да не воронь; рогать да не быкъ; шесть ногъ безъ копытъ, идетъ — земли не дереть.

224. Муравьи.

Едва ли найдется между насѣкомыми созданія болѣе смысленныя муравьевъ. Знаменитый Франклинъ рассказываетъ о нихъ слѣдующій случай, который онъ самъ наблюдалъ.

Въ шкапу у него стоялъ горшечекъ съ патокою, въ который забралось множество муравьевъ, какъ извѣстно, весьма падкихъ на все сладкое. Онъ выпналъ ихъ оттуда, обвязалъ горшечекъ снуркомъ и повѣсилъ его на гвоздь къ потолку. Случайно одинъ муравей остался въ сосудѣ; наѣвшись до-сыта, онъ хотѣлъ уйти, но встрѣтилъ въ этомъ не малое затрудненіе. Сначала онъ долго бѣгалъ по наружной сторонѣ горшечка, повсюду ища выхода, но все напрасно; наконецъ, послѣ многихъ розысковъ, онъ попалъ таки на вѣрный путь и по снурку взобрался на потолокъ, а оттуда вскорѣ спустился внизъ по стѣнѣ. Не прошло и полчаса, какъ Франклинъ замѣтилъ, что цѣлый рой муравьевъ взбирается вверхъ и отправляется прямо къ горшечку. Вскорѣ онъ закипѣлъ этимъ народцемъ: одни всходили, другіе спускались по снурку, и это странствованіе не прерывалось до тѣхъ поръ, пока въ сосудѣ не кончилось и слѣда патоки.

Загадка.

Ходили мужички въ лѣсъ безъ топоровъ, срубили избу безъ угловъ.

273. ❁ паукахъ.

Многіе люди, а особливо маленькія дѣти, боятся пауковъ; но паукъ есть весьма невинное, полезное и притомъ замѣчательное животное. У пась, напримѣръ, два глаза; а какъ вы думаете, сколько глазъ у паука?... У него цѣлыхъ восемь глазъ. Ага! думаете вы, вѣрно потому-то онъ тотчасъ и видитъ, когда муха залетитъ къ нему въ паутину! Нѣтъ, это не оттого, что у него восемь глазъ; ибо у мухи, по наблюденію естествоиспытателей, нѣсколько сотъ глазъ и, не смотря на то, она часто прямо влетаетъ въ паутину и не замѣчаетъ непріятели своего, паука, сидящаго въ ней. Что изъ этого слѣдуетъ? То, что не только нужны глаза, но и осторожность и умѣнье, если мы хотимъ отстранять отъ себя несчастія. Замѣтили ли вы, какъ тонка бываетъ нить, которую паукъ проводитъ отъ угла до угла? Теперь скажу вамъ, что естествоиспытатели увѣряютъ, что каждая изъ этихъ нитей которую едва можно видѣть глазами, состоитъ изъ шести тысячъ другихъ тончайшихъ нитей! Повѣрите ли вы этому? Но они исчисляють это слѣдующимъ образомъ: паукъ имѣетъ въ тѣлѣ своемъ шесть маленькихъ железъ, изъ которыхъ онъ, прядя, выпускаетъ нити. Но каждая железа имѣетъ опять до тысячи маленькихъ отверстій. Если же паукъ, прядя, каждымъ изъ сихъ маленькихъ отверстій выпускаетъ по нити, то онъ изъ каждой железы выпускаетъ тысячу нитей, а это составить изъ шести железъ шесть тысячъ нитей. Не удивительно ли это?... Все хорошо, скажете вы, еслибъ пауки только не были ядовиты. — Это неправда! До сихъ поръ еще нѣтъ примѣра, чтобы какой-либо человѣкъ былъ отравленъ наукомъ.

Загадка.

На поляхъ, въ уголкѣ лежитъ сито, не руками свито.

276. ❁ волосатикѣ.

Волосатикомъ называется червь, который водится на тинистомъ днѣ прѣсныхъ водъ. Онъ длиною въ поларшина и болѣе; середина у него темноватаго цвѣта, кончики черные: онъ очень похожъ на

лошадиный волосъ изъ хвоста или гривы. Многіе люди вѣрятъ, что волосатикъ происходитъ изъ длинныхъ волосъ, которые лошади теряютъ, купаясь въ водѣ; но это не справедливо: волосатики рождаются только отъ другихъ, себѣ подобныхъ волосатиковъ, и до сихъ поръ не находили ни одного животнаго, о которомъ можно было бы утвердительно сказать, что оно родилось не отъ подобнаго себѣ животнаго. Простой народъ думаетъ, что волосатики впиваются въ тѣло купающихся людей, живутъ тамъ, роются и наконецъ выходятъ опять наружу, производя между тѣмъ въ тѣлѣ несносную боль и гноевыя раны. Это также отчасти несправедливо: волосатики дѣйствительно иногда впиваются въ тѣло человѣка, но не глубоко, вися большею частію снаружи, такъ что съ осторожностію всегда можно ихъ легко вытянуть; если же при этомъ волосатикъ перервется, то оставшаяся въ тѣлѣ часть его въ самомъ дѣлѣ произведетъ воспаленіе и нарывъ, но не болѣе, какъ и простая деревянная заноза; рыться же и ходить въ человѣческомъ тѣлѣ волосатикъ не можетъ, и никогда этого не бываетъ, а гноевыя раны происходятъ отъ другихъ причинъ.

277. Пословицы и поговорки, заимствованныя изъ царства животныхъ.

Льва соннаго не буди. Не привязанъ медвѣдь не пляшетъ. Между волками жить, по волчьи и выть. Иному слонъ не слонъ, а страшенъ тараканъ. Упрямая овца волку кормить. Собака на сѣнѣ лежитъ, сама не ѣсть и другимъ не даетъ. Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. И великъ и широкъ коровѣ языкъ Богъ далъ, да говорить заказалъ. Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слѣзы. Мышь сыта, мука горька. Птицы не сѣютъ, не орутъ, а сыты живутъ. Рано пташечка заплѣла, какъ бы кошечка не съѣла. На что воронѣ большіе разговоры, знай ворона свое *кра*. Пуганная ворона куста боится. Старога воробья на мякинѣ не обманешь. Не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки. Синица въ рукахъ лучше соловья въ лѣсѣ. И пѣтухъ на своемъ пепелищѣ храбрится. Курица по зернышку клюетъ, да сыта живетъ. Хорошъ павлинъ, да ногами худъ. Лебедь по поднебесью, мотылекъ надъ землею чуть, всякому свой путь. На безрыбьи и ракъ рыба. Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше. И карасей изъ пруда не выловишь безъ труда. Змѣя кусаетъ не для сытости, а для лихости. Знай сверчокъ свой шестокъ. Изъ комара дѣлаютъ слона.

278. Что такое растеніе?

Ты легко отличишь камень от дерева; ты скажешь, что дерево горитъ, а камень не горитъ. Правда; но это еще не все, замѣчай ближе: увидишь, что дерево растетъ, а камень не растетъ; на деревѣ лѣтомъ бываютъ листья и цвѣты — такъ бываетъ каждый годъ, но ничего такого не бываетъ съ камнемъ. Камень все тотъ же: и весною, и лѣтомъ, и зимою онъ не измѣняется ни въ чемъ.

Погляди дальше, да подумай, узнаешь еще вотъ что: на деревѣ есть кора, подъ корою мезга, подъ мезгою древесина, и кора совсѣмъ не похожа на древесину; да сверхъ того на деревѣ есть листья, есть и корни, которые опять же не похожи ни на кору, ни на древесину. Въ камнѣ ничего этого нѣтъ: отломи или отбей кусокъ отъ камня, все будетъ тотъ же камень. Надруби лѣтомъ дерево — потечетъ сокъ или смола; надруби камень, ничего не потечетъ изъ него. Сруби дерево, или вырви его съ корнемъ — дерево сначала стагетъ вянуть, а потомъ засохнетъ: оставь его, такъ оно сгнѣтъ. А сухое или гнилое дерево, что ни дѣлай съ нимъ, не будетъ уже расти, не станетъ пускать ни листьевъ, ни вѣтвей: это оттого, что дерево перестало жить. Сдвинь камень съ мѣста, онъ все-таки будетъ тотъ же камень; мало того, разбей камень на нѣсколько частей, все будутъ тѣ же камни. Это оттого, что камень не живетъ; а что не живетъ, то не можетъ и умирать. Стало-быть дерево живетъ и умираетъ, а камни не живутъ.

Что сказано о деревѣ, то разумѣй о всякой травѣ, всякой овощѣ, о грибахъ, о мхахъ и всякомъ растеніи.

279. Различіе растенія отъ животнаго.

Растеніе живетъ тамъ, гдѣ выросло, и само по себѣ не можетъ перейти съ мѣста, развѣ ты его пересадишь. Животное перемѣняетъ мѣсто само по себѣ; ты знаешь, что лошади или коровы ходятъ, звѣри бѣгаютъ, птицы, бабочки и жуки летаютъ, рыбы плаваютъ, черви ползаютъ. Ни дерево, ни трава не ходятъ, не летаютъ, не ползаютъ.

Лошадь двигаетъ свои ноги или уши или хвостъ, или другіе, члены, когда хочетъ; точно такъ же и всякое животное можетъ само по себѣ двигать своими членами. На растеніи движутся вѣтви или листья только тогда, когда на нихъ дуетъ вѣтеръ, или когда кто-либо нагибаетъ или трясетъ ихъ. Но само по себѣ растеніе не можетъ двигать ни вѣтвей своихъ, ни листьевъ, ни цвѣтовъ, ни корней. Стало-быть животнымъ дано движеніе произвольное; у растеній же нѣтъ произвольнаго движенія.

Лошадь или звѣрь, или птица слышитъ голосъ твой; дерево, трава ничего не слышать. Животное видитъ; растеніе ничего не видитъ. У собаки, у лошади, у птицъ есть чутье; словомъ, всякое

животное имѣть чувства. У растений нѣтъ ни слуха, ни зрѣнія нѣтъ чувствъ.

Ты также знаешь, что растеніе не можетъ жить безъ пищи, и что пищу оно достаетъ корнями и листьями. Животное также не можетъ жить безъ пищи; только у животнаго нѣтъ ни корней, ни листьевъ, а пищу оно принимаетъ внутрь себя ртомъ, въ желудокъ; ни рта, ни желудка у растений нѣтъ.

280. О томъ, какъ странствуютъ деревья.

Какъ только деревья въ лѣсу начинаютъ смотрѣть съ своихъ высокихъ горъ на чудный міръ, въ нихъ пробуждается желаніе попутешествовать. Но конечно они не могутъ путешествовать на почтовыхъ. Да въ этомъ, правда, они и не нуждаются; потому что имѣютъ въ лѣсу истинно добраго друга, который беретъ ихъ съ собою странствовать по свѣту безъ всякой платы. Знаешь ли ты, кто этотъ другъ? Онъ живетъ въ сокровенныхъ нѣдрахъ горъ, гдѣ лежитъ спокойно, какъ дитя въ хрустальной колыбели; а облака тайно посылаютъ ему пищу. Ни одинъ человѣческій глазъ не проникалъ еще въ его сокровенное жилище. Но едва только дѣлается онъ довольно сильнымъ, какъ немедленно выходитъ изъ своего жилища на поверхность горъ; веселыми глазами озирается вокругъ себя, и вѣроятно ему очень пріятно быть на свѣжемъ воздухѣ; потому что тотчасъ же поднимается съ мѣста, проворно спускается съ горъ, съ шумомъ прыгаетъ черезъ камни и утесы, безмолвно пробѣгаетъ черезъ луга и долины, и безъ всякаго отдыха идетъ по неизвѣстнымъ странамъ.

Только во время суровой зимы остается онъ дома, лежа спокойно въ окоченѣломъ состояніи на своей кровати, или сидя на утесѣ, и нието его разбудить не можетъ. Но едва только сходитъ снѣгъ, наступаетъ весна, дрозды и зяблики возвращаются въ свои гнѣзда, — этотъ молодецъ говоритъ снова: «ну, пора и мнѣ начать свои путешествія»; и вотъ онъ снова сходитъ съ шумомъ съ горъ, увлекая съ собою множество камней, — такъ крѣпка нога его! Но теперь прежній путь его кажется ему тѣснымъ, и онъ идетъ по лугамъ крестьянина, вовсе не боясь наказанія; онъ приглашаетъ съ собой и деревья, говоря: «не угодно ли и вамъ вмѣстѣ со мною? теперь я такъ крѣпокъ, что могу и васъ взять съ собой въ путешествіе по свѣту».

Но старья ели и сосны дремлютъ; тѣ же, которыя изъявляютъ желаніе странствовать, дровосѣкъ срубаетъ съ корней и кладетъ на спину путешественника, который и тащитъ ихъ черезъ различ-

ныя страны, нерѣдко и до самаго моря. Еще ни одна изъ нихъ не возвращалась домой.

Знаешь ли теперь, кто этотъ путешественникъ, и какъ и зачѣмъ путешествуютъ съ нимъ ели и сосны?

* 281. Ёлка.

«Прощай, сосѣдка!» — Ты куда? въ дорогу, что ли? «Да, а ты какъ думаешь, всё съ вами да съ волками сидѣть, небось? Нѣтъ, вы сидите, коль хотите; а я въ столицу!... Ты, авось, хоть не увидишь, такъ услышишь, какая участь насъ ждала!» сказала гордо ёлка ёлкѣ и на чухонской одноколкѣ въ столицу прибыла. Тамъ точно, какъ нарочно, попала ёлка въ честь. Вотъ ёлку холять, украшаютъ, свѣчами, фонарями до верху убираютъ, и на неё Богъ вѣсть чего не нацѣпляютъ! Не шишки ужъ на ней, какъ прежде, смоляныя, — орѣхи золотые (хоть иногда пустые) блестятъ среди огней, и яблоки, раны съ картинками конфеты, — ну словомъ, ей почётъ такой, что и не вѣрится самой; она заналась напоследокъ; и на сосѣдокъ ужъ не взглянула бы теперь..

Раскрылась дверь — съ понятнымъ нетерпѣньемъ стоявшая у ней толпа дѣтей вбѣжала съ восхищеньемъ; и съ удивленьемъ недоумѣньемъ на ёлку смотреть всѣ... Ну, какъ же бѣдной не зазваться?... Но ахъ! ея красъ не долго продолжаться!... Какъ знать!...

Вотъ раздавать подарки стали, и наконецъ всё съ ёлки сняли, чѣмъ чванилась она; и какъ была ужъ больше не нужна, то приказали её на чѣрный бросить дворъ... тамъ ёлка вспомнила свой боръ.

* 282. Виноградъ и плодовые деревья.

Посмотрите на новаго нашего сосѣда!» говорили нѣкоторые плодовые деревья, когда садовникъ посадилъ подлѣ нихъ виноградъ: «онъ не можетъ самъ собою держаться, не можетъ никому служить защитою отъ солнечнаго жара, даже не можетъ сдержатъ и самаго малаго птичьяго гнѣздышка. Зачѣмъ его здѣсь посадили? Какихъ плодовъ можно отъ него ожидать?»

«Онъ принесётъ такіе плоды, противъ которыхъ ваши ничего не стоятъ; подождите только осени: тогда всѣ вы будете завидовать вашему сосѣду, котораго теперь презираете», — сказала садовникъ несправедливымъ деревьямъ. И что онъ сказалъ, то сбылось въ самомъ дѣлѣ.

Наступила осень, и виноградъ началъ гордиться прекрасными своими плодами. Онъ не довольствовался тѣмъ, что всякій день, сколько могъ оскорбительнѣе, насмѣхался надъ пристыженными деревьями и напоминалъ имъ прежнюю ихъ несправедливость, но еще и требовалъ, чтобъ садовникъ истребилъ всѣ эти деревья и вмѣсто нихъ насадилъ одного только винограду.

«Знай, сказалъ ему садовникъ, что твоя доброта не отнимаетъ у другихъ собственной ихъ доброты. Помни, что твой плодъ доставляетъ приятное питьё, которое по большей части служитъ только для удовольствія; а плоды этихъ деревъ служатъ здоровою пищею.»

* 283. Печаль маленькаго садовника.

Печально, съ понишею головою стоялъ Костя передъ молодымъ вишневымъ деревомъ. Онъ самъ выростилъ его, и вдругъ коза обгрызла большую полосу коры вокругъ дерева. «Бѣдное дерево мое, говорилъ Костя, какъ рано ты должно погибнуть! Теперь еще свѣжа и зелена твоя вершина; но вотъ только солнышко коснется обнаженнаго пня, тогда прощай мое дерево, — засохнешь. А какъ я любилъ тебя, какъ мнѣ грустно видѣть преждевременную твою смерть!» Сосѣдъ услышалъ, какъ горевалъ Костя; ему стало жаль его. Подойдя къ нему, онъ сказалъ: «зачѣмъ отчаиваться прежде времени, другъ мой; попробуемъ лучше пособить горю.» Онъ принесъ древесной смолы, размячивъ её, положилъ на то мѣсто, гдѣ было поврежденіе, и перевязалъ его. Видя это, Костя сталъ веселѣе; онъ началъ надѣяться. И въ самомъ дѣлѣ надежда не обманула его. Кора снова заросла подъ перевязью, и чрезъ нѣсколько лѣтъ едва можно было найти мѣсто, которое было повреждено.

* 284. Цвѣты плодовыхъ деревъ.

— Ахъ, зачѣмъ этотъ суровый вѣтеръ обрываетъ бѣлые цвѣтки съ деревъ, разбрасываетъ ихъ и точно снѣгомъ устилаетъ ими землю! Меня это очень огорчаетъ, говорилъ Сеня своему учителю.

— А ты желалъ бы, чтобы цѣлый годъ деревья были покрыты цвѣтами? спросилъ учитель.

— О нѣтъ, не цѣлый годъ! отвѣчалъ Сеня: вѣдь груши и яблоки очень вкусны.

— Такъ къ чему же и огорчаться? Бѣлые листики должны опасть, потому что подъ ними завязался плодъ. Кто желаетъ плода, тотъ долженъ распрощаться съ цвѣтами.

285. Пробка.

Пробка — такая обыкновенная и извѣстная вещь! А вѣрно очень немногимъ изъ нашихъ читателей приходилъ въ голову вопросъ: что это такое? какъ и откуда это добывается? Да, чѣмъ болѣе мы привыкли видѣть вещь, тѣмъ менѣе думаемъ о ней.

Наши бутылочныя пробки дѣлаются изъ наружной коры пробковаго или корковаго дерева; это родъ дуба, который произрастаетъ въ южной Европѣ: въ Италіи, Франціи и Испаніи. Корковое дерево очень похоже на нашъ дубъ, растетъ такъ же медленно и живетъ болѣе ста лѣтъ. Пока оно не очень старо, съ него сдираютъ кору черезъ каждые десять, восемь или семь лѣтъ, чтобы не мѣшать ему расти: послѣ можно повторять это и черезъ четыре года. Плоды корковаго дерева слаще нашихъ желудей; въ Испаніи ихъ жарятъ, какъ каштаны, и употребляютъ въ пищу.

Снявъ съ дерева кору цѣльными кусками, кладутъ эти большіе пласты одинъ на другой въ четвероугольныя ямы съ водою, чтобы смягчить ихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ времени ихъ вынимаютъ оттуда, сушатъ и пускаютъ въ продажу. Пробковая кора изъ Франціи свѣтлѣе и мягче испанской, которая снаружи совершенно черна, потому что ее смачиваютъ въ соленой водѣ. Изъ этой коры приготовляютъ потомъ бутылочныя пробки; остающіеся обрѣзки сожигаются и служатъ къ добыванію нѣжной черной краски, употребляемой отчасти въ типографіяхъ и называемой *испанскою чернею*. Изъ пробковой коры иногда дѣлаютъ также подошву и одежду для плаванія, которая по чрезвычайной легкости своей не даетъ тонуть. Корковая куртка можетъ держать на поверхности воды даже взрослого человѣка.

286. Сахаръ.

Разсказываютъ объ одной простенькой дѣвушкѣ, которая, ходя съ матерью своею по полю и услышавъ, что тутъ растетъ ленъ, сказала: «гдѣ-жъ онъ? я не вижу ни одного волокна». Если-бъ эта дѣвушка ходила по сахарному полю и слышала, что тутъ растетъ сахаръ, то конечно спросила бы: «гдѣ-жъ сахарныя головы?» потому что не увидѣла бы ничего, кромѣ тростника.

Сахарный тростникъ растетъ на два и на три аршина въ вышину, а толщиною бываетъ въ два пальца. Онъ называется сахарнымъ, потому что изъ соку его дѣлается сахаръ. Видомъ онъ почти таковъ же, какъ простой тростникъ, и имѣетъ много колѣнъ, которыя отстоятъ одно отъ другаго на четверть аршина. Чѣмъ рѣже колѣна, тѣмъ больше сахару въ трости. На ней растутъ длинные зеленые листья, а на вершинѣ ея цвѣтокъ.

Пишутъ, что сахарный тростникъ въ первый разъ найденъ на островѣ Ивицѣ. Теперь же растетъ его весьма много въ Азїи Африкѣ и Америкѣ, также и въ Гренадѣ и въ королевствѣ обѣихъ Сицилій.

Тростникъ созрѣваетъ черезъ девять или десять мѣсяцевъ; тогда его срѣзываютъ и выжимаютъ изъ него сладкій сокъ. Этотъ сокъ должно нѣсколько разъ варить, переливать изъ одного котла въ другой и очищать щелокомъ, который дѣлается изъ пеплу и извести, прежде нежели онъ получить тотъ видъ, въ какомъ мы его покупаемъ.

Часто онъ не совсѣмъ еще готовый привозится къ намъ подъ именемъ сырого сахару. Уже въ европейскихъ варницахъ получаетъ онъ надлежащую чистоту и бѣлизну, и наливается въ формы. Большую часть сахару доставляетъ намъ Америка.

Когда сахаръ льютъ въ формы, то изъ него вытекаетъ сладкій, темноватаго цвѣта сокъ, который называется *сиропомъ* (патокою).

Загадки.

1. Я изъ земли расту въ тростинкѣ, и муха лнеть къ моей пылинкѣ; а въ камень обратясь, друзья, въ водѣ растаю я.
2. Я бѣлъ какъ снѣгъ, въ чести у всѣхъ, и нравлюсь вамъ во вредъ зубамъ.
3. Тѣломъ я бѣлъ, платье сине на мнѣ, плоскія ноги, а остръ въ вышинѣ.

387. Кофе.

Кофе, который мы пьемъ, есть сѣмя кофейнаго дерева, состоящаго изъ одного прямого ствола, вышиною отъ восьми до двѣнадцати футовъ, съ длинными, тонкими, внизъ висящими вѣтвями; листья его похожи на листья лавра. Цвѣты на кофейномъ деревѣ бываютъ бѣлые, подобно жасмину, и имѣютъ короткіе стебельки. Созрѣвшій плодъ похожъ на красную вишню; бѣлъ, мяготъ его безвкусна, клейка и содержитъ въ себѣ два извѣстные

намъ кофейные боба, наружная сторона которыхъ округлена, а внутренняя плоска. Бобы отдѣляются одинъ отъ другаго полосою пересѣкающею весь плодъ. Обѣ плоскія стороны во время произрастанія плода находятся одна противъ другой.

Тамъ, гдѣ растетъ кофе, именно въ счастливой Аравіи, пастухи, пасшіе козъ, замѣтили однажды, что козы, поѣвши плодъ кофейнаго дерева, стали оттого бодрѣе и рѣзвѣе. Они сообщили объ этомъ настоятелю ближайшаго монастыря, который, убѣдившись въ дѣйствительности такого свойства кофе, ввелъ его въ употребленіе между монашествующею братіею, какъ средство, которое разгоняетъ сонъ и можетъ подкрѣплять силы монаховъ во время продолжительныхъ ночныхъ богослуженій. Это было въ XVI столѣтіи; съ того времени употребленіе кофе стало быстро распространяться повсюду.

288. Загадочный цвѣтокъ.

Я видывалъ въ полѣ цвѣточекъ весной: зеленая ножка, глазокъ голубой. Онъ, спрятавшись въ зелень свою, тамъ растетъ; хотя благовонный, онъ скромно цвѣтетъ. Примѣромъ дитяти онъ можетъ служить, какъ надо съ достоинствомъ скромность хранить. Названье его угадалъ ли, дружокъ? Скажи — и въ награду получишь цвѣтокъ.

Не съ колокольни слышенъ звонъ: дитя прелестное идетъ и колокольчикъ намъ нести, не изъ металла сдѣланъ онъ. Дитя знакомо намъ давно, его зовутъ у насъ весной; всегда приносить намъ оно цвѣты и радости съ собою. Цвѣточекъ тожъ тебѣ знакомъ: ужели ты не угадалъ? Ты любовался тѣмъ цвѣткомъ, какъ снѣгъ въ поляхъ еще лежалъ; и говорятъ — слыхалъ ли ты? — что онъ той раннею порой будилъ всѣ прочіе цвѣты, чтобъ ихъ обрадовать весной.

289. Картофель.

Отечество картофеля Америка. Въ Европу онъ привезенъ въ первый разъ только за нѣсколько столѣтій до нашего времени (въ началѣ XVII вѣка). Первый картофель для посѣва былъ присланъ мореплавателемъ Францомъ Дреке одному изъ своихъ друзей, которому онъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ: «плодъ этого растенія такъ вкусенъ и питателенъ, что, по моему мнѣнію, было бы весьма полезно развести его и въ Европѣ.» Тотъ, кому присланы были картофельныя сѣмена, тотчасъ же посадилъ ихъ въ землю; они

принялись, и къ лѣту новое растеніе уже расцвѣло. Осенью, когда плоды его, имѣющіе видъ шариковъ, созрѣли, другъ мореплавателя велѣлъ снять ихъ и приготовить къ обѣду, къ которому пригласилъ множество знати. Подъ конецъ обѣда подали закрытое блюдо, и хозяинъ, вставъ, произнесъ короткую рѣчь, въ которой сообщилъ своимъ гостямъ, что онъ будетъ имѣть честь попотчевать ихъ новыми плодами, сѣмена которыхъ присланы ему другомъ его, знаменитымъ Дреке, увѣрившимъ, что разведеніе растенія, дающаго этотъ плодъ, могло бы быть весьма важно и для Англіи. Члены парламента, бывшіе въ гостяхъ, попробовали кушанья изъ этихъ плодовъ, приготовленныхъ въ маслѣ и обсыпанныхъ сахаромъ и корицею; но оно было такъ приторно, что его рѣшительно нельзя было ѣсть. Поэтому все высказали то мнѣніе, что въ Америкѣ плодъ этотъ, быть можетъ, и хорошъ, но въ Англіи онъ вѣроятно не можетъ созрѣть, какъ слѣдуетъ. На другой же день хозяинъ дома далъ садовнику приказаніе выкопать изъ земли посаженный картофель и бросить его.

Спустя нѣкоторое время онъ прогуливался по своему саду и увидѣлъ въ золѣ разведеннаго садовникомъ огня черные шарики. Онъ полюбозытствовалъ разсмотрѣть ихъ поближе, раздавилъ одинъ изъ нихъ и замѣтилъ, что шарикъ содержитъ въ себѣ мучнистое вещество, которое чрезвычайно пріятно пахнетъ. Онъ спросилъ у садовника, что это за шарики, и узналъ отъ него, что это не что иное какъ шишки, висѣвшія на корнѣ присланнаго изъ Америки растенія. Тутъ только господинъ замѣтилъ, что онъ не понялъ своего друга Дреке, и что этотъ разумѣлъ подъ словомъ «плодъ» не собственно плодъ, а именно эти корневья шишки. Онъ тотчасъ же велѣлъ собрать ихъ и приготовить, и тогда снова пригласилъ на обѣдъ членовъ парламента, которые въ этотъ разъ все согласились, что плодъ этотъ дѣйствительно хорошъ.

Загадка.

Есть плодъ, онъ яблоку сродни, но только рознятся они: одно на вѣточкѣ растетъ между листьями, другой же прячется въ землѣ и подъ корнями.

290. Волчьи ягоды.

Между кустарниками, растущими на опушкахъ лѣсовъ и въ самомъ лѣсу, нужно отличать тѣ, на которыхъ растутъ волчьи

ягоды; ягоды эти очень ядовиты, и отъ нихъ уже не разъ умирали дѣти. Такъ какъ онѣ имѣютъ красивый пурпуровый цвѣтъ и величиною съ горошину, то очень нравятся дѣтямъ, которые по неопытности обрываютъ ихъ и ѣдятъ.

Такое именно несчастіе случилось съ двумя малютками въ одной деревнѣ. Въ то время, какъ мать ихъ носила кормъ для коровы, они убѣжали въ ближайшій лѣсъ и тамъ нашли цѣлый кустъ волчьихъ ягодъ, привлекательныхъ по своему пурпуровому цвѣту. Маша, старшая изъ нихъ, набрала цѣлую горсть этихъ ягодъ и подѣлилась ими съ маленькимъ Петей, своимъ братомъ; затѣмъ оба они сѣли на траву и стали ѣсть ягоды. Но еще во время самой ѣды они почувствовали сильную боль въ горлѣ, и Петя бросилъ оставшіяся у него ягоды; но Маша, старшая по лѣтамъ, не сдѣлала этого и проглотила еще нѣсколько ягодъ. Но вотъ и она почувствовала сильную боль; поэтому, схвативъ за руку своего маленькаго братца, она бросилась бѣжать къ дому. Чѣмъ дальше они бѣжали, тѣмъ сильнѣйшую боль чувствовали въ горлѣ и животѣ. Отъ этой боли они начали плакать и кричать такъ сильно, какъ только могли. Платье и крикъ ихъ услышала одна сосѣдка, которая подумала, что кого-либо постигло несчастіе. Она выбѣжала изъ дому и спросила дѣтей, что съ ними случилось? Но дѣти только кричали все сильнѣе и сильнѣе: «мой животъ, мой животъ!» а что именно случилось съ ними, этого никакъ нельзя было узнать отъ нихъ. Женщина привела ихъ въ свой домъ и послала за ихъ матерью. Но пока пришла мать, боль еще болѣе усилилась: доктора между тѣмъ въ деревнѣ не было, и потому ядовитыя ягоды остались въ ихъ животѣ. На слѣдующее же утро всякая помощь оказалась бесполезною. Когда наконецъ прибылъ докторъ, онъ нашелъ дѣтей уже при смерти. Послѣ смерти ихъ онъ вскрылъ имъ животъ и нашелъ, что Петя съѣлъ шесть ягодъ, а Маша десять. Шея и животъ у нихъ ужасно напухли, а потому легко можно судить, какія страданія должны были перенести дѣти, прежде чѣмъ умерли.

291. Цикута.

Учитель предостерегалъ учениковъ своихъ отъ ядовитаго растенія *цикуты*, научая ихъ различать: маленькую *цикуту* похожую на бервель, *кранчатую*, которая имѣетъ неприятный запахъ, и наконецъ *водяную*, самую ядовитую изъ всѣхъ. Объяснивъ имъ

примѣты и показавъ изображеніе этого растенія на рисунокѣ, онъ сказалъ: я надѣюсь, что теперь вы узнаете цикуту; если кто изъ васъ найдетъ ее въ полѣ, въ саду или около воды, то принесите ее ко мнѣ, и я вамъ расскажу событіе, о которомъ она напоминаетъ. На другой же день многія изъ дѣтей нашли цикуту и принесли ее въ школу. Вотъ что учитель рассказалъ имъ: Въ Греціи нѣкогда жилъ мудрый Сократъ. Всѣ тѣ, которые знали его коротко, уважали его какъ самаго добродѣтельнаго и умнѣйшаго человѣка; но у него были и враги. Они досадовали, что онъ говорилъ имъ правду, и завидовали, что народъ называлъ его мудрымъ Сократомъ. Поэтому они обвинили его передъ судомъ, будто бы онъ развращаетъ юношество, внушая ему безбожіе. Разумѣется, что это была клевета: но такъ какъ нашлись ложные свидѣтели, и судьи были люди несправедливые, то Сократа осудили на смерть. Не мечъ и не висѣлица должны были прекратить жизнь его, а кубокъ, полный настоя цикуты. Сократъ съ терпѣніемъ выслушалъ несправедливый приговоръ, и хотя онъ могъ бы спастись бѣгствомъ, но не согласился на это, повинувшись закону. Видя, что человѣкъ, который подносилъ ему кубокъ съ ядомъ, дрожалъ, онъ самъ ободрялъ его. Осушивъ кубокъ, онъ сталъ бесѣдовать съ учениками своими о безсмертіи души и о томъ, что они должны увидѣться на небесахъ. Наконецъ, почувствовавъ изнеможеніе отъ дѣйствія яда, онъ прилегъ и задремалъ, какъ бы передъ обыкновеннымъ сномъ.

* 292. Грибы.

Однажды мать послала маленькую Катю въ лѣсъ за грибами, которые отецъ очень любилъ.

«Маменька», вскричала дѣвочка, возвратившись домой, «какихъ превосходныхъ грибовъ набрала я въ этотъ разъ! Посмотрите-ка», продолжала она и открыла корзинку: «всѣ они имѣютъ такой чудный алый цвѣтъ; и всѣ усыяны какъ бы бисеромъ. Правда, въ лѣсу были и тѣ сѣрые, некрасивые грибы, которые ты принесла прошедшій разъ; но они показались мнѣ такими невзрачными въ сравненіи съ этими, что я ихъ вовсе не брала.»

«Ахъ, ты глупенькое, неразумное дитя!» сказала ей мать, посмотрѣвши на грибы: «эти красивые грибы — *мухоморы*; а бисеръ на нихъ — ядъ, и кто покушаетъ ихъ, тотъ непременно

умрётъ. А тѣ сѣрые, некрасивые грибы, которыхъ ты не брала, а оставила въ лѣсу, самые лучшіе, не смотря на то, что не хороши на видъ.»

«То же, милое дитя, нужно сказать и о многихъ другихъ вещахъ въ мірѣ. Въ немъ есть много скромныхъ добродѣтелей, которыя очень мало обращаютъ на себя вниманія, и есть также много блестящихъ пороковъ, которымъ удивляются глупцы.»

Загадки.

1. Мальчикъ съ пальчикъ: бѣлъ балахонъ, шапка красень-кая.
2. Маленькій удаленный, сквозь землю прошёлъ, красну шапку нашёлъ.

293. Бумага.

Въ самой глубокой древности не имѣли еще понятія о той бумагѣ, которую употребляемъ мы теперь, а писали на камняхъ, кирпичахъ и черепкахъ; египетскіе обелиски и барельефы Ниневіи представляютъ достопримѣчательные примѣры письменъ этого рода. Также писали на свинцѣ, на мѣди и на бронзѣ. Въ Римѣ употребляли эти матерьялы тогда, когда хотѣли передать на вѣки вѣчные потомкамъ какой-нибудь славный подвигъ современниковъ или необыкновенныя событія. Въ царствованіе Веспасіана въ Римѣ во время бывшаго пожара, сгорѣло три тысячи бронзовыхъ досокъ, хранившихся въ Капитоліи и на которыхъ были начертаны законы и договоры.

Нерѣдко также употребляли въ дѣло дощечки, покрытны воскомъ; на нихъ писали шиломъ или писаломъ (особеннаго рода инструментъ, употребляемый древними).

Но всё эти матерьялы не были такъ употребительны, какъ пергаментъ и папирусъ.

Пергаментъ приготовлялся въ Пергамѣ и получилъ оттого свое названіе; онъ выдѣлывался изъ всѣхъ возможныхъ кожъ, но овечьи шкуры предпочитались всѣмъ другимъ. Пергаментъ изъ воловьей кожи получилъ особенное названіе веленовой бумаги. Онъ былъ трехъ цвѣтовъ: бѣлый, желтый и пурпуровый; на послѣднемъ писались только священныя книги. Египетская бумага (или папирусъ) состояла изъ двухъ длинныхъ, поперечныхъ деревянистыхъ полосъ склеенныхъ вмѣстѣ; папирусъ добывался изъ средины тростника, покрывавшаго берега Нила. Никогда не употреб-

лялось болѣе двухъ полосъ вмѣстѣ. Ширина самой большой полосы не превышала двухъ футовъ, длина же дѣлалась различная.

Греки первые начали выдѣлывать бумагу изъ трипокъ и изъ хлопчатой бумаги. Тотъ и другой родъ былъ употребляемъ и латинами.

Изобрѣтеніе книгопечатанія удвоило бумажную фабрикацію, которая въ концѣ прошедшаго столѣтія дошла до полного развитія.

Въ 1789 г. были изобрѣтены машины для дѣланія бумаги, которыя замѣнили сотви человѣческихъ рукъ.

294. Здѣсь удобрено гипсомъ.

Венъяминъ Франклинъ не только приносилъ пользу своимъ соотечественникамъ, сѣверо-американцамъ, какъ человекъ государственный, но и старался служить имъ примѣромъ какъ земледѣлецъ. Между прочимъ онъ для удобрения земли первый употребилъ гипсъ, и тѣмъ получилъ гораздо лучшій клеверъ, нежели сосѣди его. Теперь это средство удобрения извѣстно почти всякому крестьянину; но въ то время, когда жилъ Франклинъ, т. е. во второй половинѣ 18-го столѣтія, никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы гипсъ могъ имѣть какое-либо вліяніе на улучшение клевера. Это сердило Франклина, и онъ сначала отказался было убѣждать упрямыхъ сосѣдей своихъ въ дѣйствительности этого средства: «пусть ихъ остаются при своемъ», думалъ онъ, «если не хотятъ мнѣ вѣрить.» Но потомъ онъ передумалъ и, когда наступила весна, выбралъ поле для клевера на самомъ виду для всѣхъ, у большой дороги; тутъ онъ, не сказавъ никому ни слова, послѣ посѣва засыпалъ одно мѣсто гипсомъ, но такъ; что преогромными буквами вышли слова: *здесь удобрено гипсомъ*. На этомъ мѣстѣ выросъ клеверъ гораздо темнѣе и гуще всего прочаго, оставленнаго съ намѣреніемъ безъ удобрения. Проходившіе не могли не замѣтить этихъ рѣзко выдававшихся полосъ и, взглядываясь пристально, скоро съ удивленіемъ прочли упомянутыя слова. Такое ясное доказательство должно было убѣдить всѣхъ въ пользѣ удобрения гипсомъ.

295. Жгучая вода.

Не трогай ни одной вещи, которая не принадлежитъ тебѣ; чужая вещь жжетъ совѣсть, а одному мальчику сожгла даже серд-

це. Мальчикъ этотъ бралъ, точно сорока, все, что правилось ему, и тайно уносилъ, хотя и зналъ, что это преступленіе, которое можетъ довести до висѣлицы. Однажды онъ укралъ два негашёныхъ извѣстковыхъ камня и спряталъ ихъ за пазуху. Въ это время съ нимъ встрѣтился одинъ изъ его товарищей, ѣхавшій верхомъ купать двухъ лошадей; вориска нашъ тотчасъ же вспрыгнулъ на другую лошадь и пустился съ нею въ воду. На довольно большомъ разстояніи отъ берега лошадь внезапно повернулась на бокъ, и мальчикъ упалъ вмѣстѣ съ нею; но такъ какъ онъ умѣлъ плавать, то и оправился очень скоро и поплылъ. Но вдругъ закричалъ онъ раздирающимъ душу голосомъ: «помогите, помогите, я горю!» Прохожіе, видя, что онъ плыветъ, подумали, что онъ насмѣхается надъ ними; вѣдь вода не жжется, говорили они. Мальчикъ дважды нырнулъ въ воду, потомъ столько же разъ вынырнулъ изъ нея, сперва головою, потомъ колѣнками, а наконецъ и весь, но уже мертвый. Негашёная известь, воспламенившаяся въ водѣ, сожгла ему кожу и внутренности.

296. Соляной источникъ.

Одинъ путешественникъ, томимый жаждою и зноемъ, пройдя пустыню, очень обрадовался, увидя наконецъ деревья на пути своемъ. Какъ прохладна показалась ему тѣнь ихъ! «Ахъ если бы еще источникъ воды!» подумалъ онъ. Не успѣлъ онъ пожелать, какъ вдругъ межъ холмовъ зажурчалъ ручеекъ. «О, благодатный; желанный напитокъ!» вскричалъ онъ и, бросившись на колѣна, зачерпнулъ рукою воды и началъ пить. Но едва хлебнулъ онъ, какъ въ ту же минуту и выплюнулъ ее.

«О, проклятая вода! ты манила меня своею свѣжестью для того только, чтобы жестоко обмануть меня. Пусть навсегда иссякнетъ твой родникъ!» — «Проклинай не источникъ», заговорилъ тайный голосъ: «а свою досаду; этотъ соляной ключъ — благословеніе цѣлой страны.»

Загадка.

На водѣ родится, на огнѣ выростетъ, съ матерью увидится, опять умереть.

297. Магнитъ.

Учитель обѣщалъ показать ученикамъ своимъ нѣчто весьма достойное примѣчанія. Онъ взялъ магнитъ и приложилъ къ нему жельзный ключъ; ключъ присталъ къ магниту и держался на

воздухъ. Потомъ насыпалъ онъ на гладкій столъ желѣзныхъ опилокъ и началъ подъ столомъ водить магнитомъ по доскѣ, на которой сверху лежали опилки: опилки прыгали и бѣгали по столу.

Дѣти удивлялись и просили учителя, чтобъ онъ растолковалъ имъ, какъ это дѣлается?

«Я не могу вамъ этого объяснить, отвѣчалъ учитель: а знаю только то, что оно натурально. Вы сами видите что опилки двигаются; и это дѣйствіе повторится и у всякаго другого. Со временемъ увидите вы не мало такихъ же удивительныхъ дѣйствій, и не будете понимать, какъ они происходятъ, хотя они и натуральны.»

«Я могъ бы сказать вамъ больше, продолжалъ онъ, если бы вы спросили у меня о пользѣ магнита. Польза его очень велика. Онъ имѣетъ такое свойство, что если натереть имъ стальную иглу, то она остриемъ всегда будетъ оборачиваться къ сѣверу. Нарочно дѣлаютъ такія иглы съ кончиками на подобіе стрѣлы, и натираютъ ихъ магнитомъ. Онѣ называются *компасами*, и какъ бы ихъ ни оборачивали, стрѣлка всегда указываетъ на сѣверъ. Мореплаватели узнаютъ по компасу на морѣ, въ которую сторону имъ надобно плыть, и такимъ образомъ отправляются въ дальнія страны, къ которымъ нѣтъ иного пути, какъ только по морю. Посредствомъ мореплаванія жители всего земного шара познакомились другъ съ другомъ и ведутъ торговлю между собой. Но безъ компаса мореплаваніе было бы подвержено великимъ затрудненіямъ да и совсѣмъ невозможно. — И такъ вы видите, какъ полезенъ этотъ металлъ, который называется магнитомъ.»

298. Стекло.

Стекло, по словамъ латинскаго писателя Плинія, изобрѣтено финикійцами, народомъ, жившимъ нѣкогда въ Малой Азіи, на берегахъ Средиземнаго моря, и знаменитыхъ въ древности своимъ богатствомъ, просвѣщеніемъ и обширною торговлею со всеми известными тогда странами.

Это случилось слѣдующимъ образомъ: Однажды финикійскіе купцы, торговавшіе селитрою, пристали къ пустому берегу и хотѣли изготовить себѣ обѣдъ; но, не найдя тамъ камней, которые бы можно было положить подъ котлы, они принесли изъ

судовъ своихъ нѣсколько глыбъ селитры, поставили на нихъ свою посуду и развели подъ нею огонь.

По случаю на томъ самомъ мѣстѣ находился мелкій песокъ. Пока кушанье варилось, селитра силою огня расплавилась и, смѣшавшись съ пескомъ и золою, образовала стекло.

Это открытіе очень удивило финикійцевъ; но такъ какъ они были люди образованные, то не оставили его безъ вниманія, а извлекли изъ него большую пользу.

Выдѣлка стекла доведена нынѣ, особенно въ Англіи, до высшей степени совершенства.

Не говоря уже о зеркалахъ, окнахъ, хрустальной посудѣ, телескопахъ и множествѣ другихъ полезныхъ вещей, изъ стекла выдѣлываютъ съ удивительнымъ искусствомъ и неизмовѣрною скоростью разныя игрушки; я самъ видѣлъ, какъ посредствомъ огня дѣлали изъ него въ нѣсколько минутъ разноцвѣтные пузырьки для духовъ, птичекъ, звѣрей, воиновъ въ полномъ вооруженіи и на коняхъ, корабли со всею снастями, стеклянные волосы тоньше человѣческихъ, подобныя волокнамъ льна, и многія другія вещицы.

299. Изобрѣтеніе пороха.

Обыкновенно говорятъ о человѣкѣ недалняго ума: «ему пороха не выдумать!» Быть-можетъ, человѣкъ, изобрѣтшій порохъ и былъ уменъ, но умъ его нисколько не содѣйствовалъ этому изобрѣтенію.

Изобрѣтеніе пороха, какъ и многихъ другихъ открытій, надѣлавшихъ столько шуму въ свѣтѣ, есть дѣло случая. Одинъ мало извѣстный монахъ, Бертольдъ Шварцъ, родившійся въ Фрибургѣ въ половинѣ XIV вѣка, однажды, толча въ ступкѣ смѣсь угля, сѣры и селитры, уронилъ въ нее печально искру, которая произвела ужасный взрывъ. Монахъ былъ очень любознательнъ и къ тому же искусный химикъ. Онъ изучалъ, испытывалъ, и въ короткое время уже могъ готовить дѣйствительный порохъ. По нѣкоторымъ историкамъ венеціанцы первые употребляли порохъ при одной изъ осадъ своихъ въ 1380 г. Съ этой минуты военное искусство преобразовалось. Рыцари исчезли, вмѣсто нихъ появились ядра. Въ Фрибургѣ построены недавно монументальный водоемъ, украшенный надписями и съ статуею Бертольда Шварца наверху. Можно воздвигнуть статую

славъ химика; но да будетъ намъ позволено сказать, что изобрѣтатель пороха не имѣетъ права стать на ряду съ благотворителями человѣчества.

VI. МІРОВЫЯ ЯВЛЕНІЯ.

300. Путешествіе по міровому пространству.

Хотя здоровый человѣкъ ходитъ довольно скоро, но легкая, окрыленная птица летитъ въ десять разъ скорѣе; буря же вдвое скорѣе самаго быстрого полета птицы, звукъ въ двадцать разъ быстрѣе бури, движеніе земли вокругъ солнца въ девяносто разъ быстрѣе звука, а движеніе свѣта быстрѣе всѣхъ. Чтобы пройти разстояніе отъ земли къ лунѣ, человѣку нужно бы было по крайней мѣрѣ 29 лѣтъ, а свѣтъ пробѣгаетъ его въ $1\frac{1}{4}$ секунды; отъ солнца же къ землѣ свѣтъ проходитъ въ 8 минутъ и 7 секундъ, тогда какъ пушечное ядро, движеніе котораго только въ половину медленнѣе звука, могло бы совершить этотъ путь только въ 25 лѣтъ. Однако же разстояніе неподвижныхъ звѣздъ отъ земли столь огромно, что быстрому лучу свѣта, исходящему отъ солнца, нужно 7 лѣтъ, чтобъ достигнуть до ближайшей изъ этихъ звѣздъ. Сколько же времени пришлось бы путешествовать человѣку, если бы отъ земли къ солнцу и отъ солнца до ближайшей неподвижной звѣзды былъ проложенъ путь? Паровозъ, который можетъ проходить по семи миль въ часъ, дошелъ бы до солнца не раньше какъ по прошествіи 350 лѣтъ.

301. Раздѣленіе дня.

Ты видишь, какъ появляется солнце, какъ оно исчезаетъ и движется по небу. Медленно восходитъ оно на востокъ, дугою поднимаясь къ верху, и потомъ, снова опускаясь по другую сторону, такъ же медленно заходитъ на западъ. Тутъ оно исчезаетъ и остается невидимымъ до тѣхъ поръ, пока снова не покажется на востокъ. Время восхода называется *утромъ*; время, когда солнце находится на высшей точкѣ, — *полуднею*; время заходенія — *вечеромъ*; а время, въ которое оно совершенно скрыто отъ взоровъ нашихъ, — *ночью*; середина же ночи именуется *полночью*. Восходу солнца предшествуетъ *разсвѣтъ* и *утренняя заря*, а послѣ заката солнца бывають *сумерки* и *вечерняя заря*. Промежутки времени отъ восхода до восхода, отъ полудня до полудня, или отъ одного заката солнца до другого, называется *сутками*. Двадцать четвертая часть сутокъ

называется *часомъ*; такихъ часовъ считается двѣнадцать отъ полудня до полуночи, и двѣнадцать отъ полуночи до полудня. Шестидесятая часть часа составляетъ *минуту*, а шестидесятая часть минуты — *секунду*. Семь дней составляютъ *недѣлю*, тридцать дней — *мѣсяцъ*, двѣнадцать мѣсяцевъ — *годъ*. Скоро проходитъ день, еще скорѣе минуты и секунды, быстро улетаютъ недѣли, мѣсяцы и годы. Пользуйся временемъ! Ты дашь нѣкогда отчетъ въ употребленіи каждаго часа.

Загадки.

1. Выходили 12 молодецвъ, выносили 52 сокола, выпускали 365 лебедей.
2. Стоитъ дубъ; на дубу 12 гнѣздъ; на каждомъ гнѣздѣ по четыре синицы; у каждой синицы по четырнадцати яицъ: семь бѣленькихъ, да семь черненькихъ.
3. Есть семь братьевъ, годами равные, именами разные.
4. Половина дуба сухая, половина дуба сырая, маковка золотая.

302. Долгіе и короткіе дни.

Легко понять, что когда солнце восходитъ рано и заходитъ поздно, дни должны быть долги, а въ противоположномъ случаѣ на оборотъ. Ранній восходъ и поздній закатъ солнца производятъ долгіе дни, а поздній восходъ и ранній закатъ — короткіе. Должайшій день и кратчайшая ночь бываютъ 9 (21-го) іюня, кратчайшій день и должайшая ночь — 9 (21-го) декабря; 9 (21-го) марта бываетъ *весеннее равноденствіе*, а 11 (23) сентября *осеннее равноденствіе*. Но день нѣкоторымъ образомъ господствуетъ надъ ночью, укорачивая ее посредствомъ *зари*, которая лѣтомъ бываетъ весьма продолжительна, такъ что вечерняя и утренняя зари почти сливаются. Лѣтомъ бываютъ короткія ночи и долгіе дни, а зимой короткіе дни и долгія ночи; но ты поступиай подобно зарѣ: укорачивай долгую ночь, пору *покою*, и употребляй выгаданное время на *работу*, на дѣятельность дневную. Разность между долгою днѣ и ночи становится тѣмъ больше, чѣмъ дальше мы отправляемся на сѣверъ. У *полярнаго круга* должайшій день продолжается 24 часа, а у *сѣвернаго полюса* даже шесть мѣсяцевъ; столько же времени продолжается и должайшая ночь. На югъ же отъ насъ разность эта уменьшается; на *экваторѣ* дни и ночи почти всегда равны. Какъ тутъ, такъ и на высокихъ горахъ зари бываетъ весьма короткая, а у полюсовъ она продолжается цѣлые дни и даже мѣсяцы.

* 303. Солнце.

Андрей и Григорій, два мальчика, забрались на гору и, лёжа на травѣ, разсуждали о солнцѣ. Сынъ священника, молодой се-

«Семинаристъ, подошёлъ къ нимъ и слушалъ ихъ разговоръ. «Нѣтъ, ужъ я не дамъ себя переспорить», сказала Андрей: «я знаю, что отсюда до солнца двадцать вёрстъ.» — «Экъ, куда махнулъ!» сказала Григорій: «20 вёрстъ, это слишкомъ много; не можетъ быть, чтобы солнце было такъ далеко отъ земли.» Семинаристъ улыбулся. «А что вы думаете», сказалъ онъ, «какъ велико солнце?» Григорій не задумался: «да не много больше блина», отвѣчалъ онъ. Семинаристъ не могъ удержаться отъ смѣха. «А ты, Андрей какъ думаешь?» — «Я думаю», вскричалъ Андрей, «что оно будетъ съ ворота нами». Семинаристъ продолжалъ смѣяться. «Вы, ребята, имѣете весьма ложное понятіе о солнцѣ. Оно гораздо больше, нежели самый большой блинъ и гораздо больше самыхъ большихъ воротъ.» Дѣти смотрѣли на него съ удивленіемъ. — «Солнце», продолжалъ сынъ священника, «гораздо больше нашей земли.» Андрей и Григорій покачали головой. «Ну, ужъ это шутка!» вскричали они. — «Нѣтъ, вовсе не шутка» возразилъ семинаристъ, «это совершенная правда, вы можете повѣрить мнѣ на слово.» — «Но отчего же», спросилъ Андрей, «солнце кажется такимъ маленькимъ?» — «Оттого, что оно очень далеко отъ насъ; если бы пушечное ядро, которое летитъ очень быстро, летѣло отъ земли къ солнцу, то оно совершило бы путь свой и достигло бы солнца только черезъ двадцать лѣтъ слишкомъ.» Андрей и Григорій раскрыли ротъ и въ изумленіи неподвижно смотрѣли на учёнаго товарища своего. «Каковъ же долженъ быть мѣсяцъ?» сказалъ Андрей. — «Отчего ты такъ думаешь?» спросилъ сынъ священника. — «Оттого, что онъ кажется гораздо больше.» — «Ты правъ, онъ кажется намъ больше; но въ самомъ дѣлѣ онъ гораздо меньше солнца. Онъ кажется намъ больше только потому, что онъ не такъ отдалёнъ отъ земли, какъ солнце.» Тутъ семинаристъ началъ рассказывать дѣтямъ всё, что онъ зналъ занимательнаго о солнцѣ и о лунѣ.

Загадка.

Что выше лѣсу, что краше свѣта?

30ѣ. Луна — образъ человѣческой жизни.

Мѣсяцъ тихо скользилъ по голубому небу, какъ легкая ладейка въ отблескѣ вечерней зари. Дѣти указывали на него отцу. «Какъ онъ красивъ, какъ нѣженъ!» говорилъ Миша: «онъ не всегда бываетъ такой.» — «Онъ недавно родился», отвѣчалъ отецъ: «те-

перь онъ будетъ все расти, и свѣтъ его съ каждымъ днемъ будетъ увеличиваться, до тѣхъ поръ пока мы не увидимъ полный кругъ его. Иногда, быть можетъ, облака будутъ заслонять его, скрывая его отъ насъ. Черезъ нѣсколько времени онъ станетъ убывать и наконецъ исчезнетъ совсѣмъ, представляя собою полную картину человеческой жизни.» — «Я не понимаю, что ты говоришь», сказалъ Оедя. — «А я догадываюсь», сказалъ Миша, «что ты хочешь сказать этимъ. Человѣкъ также растетъ и старѣетъ, нѣсколько времени въ полномъ цвѣтѣ красуется на землѣ и наконецъ исчезаетъ, — его скрываетъ могила.» — «А облака, которыя закрываютъ собою мѣсяць?» спросилъ отецъ. — «Этого ужъ я не умѣю объяснить.» — Облака — это несчастія, которыя человѣкъ встрѣчаетъ на пути жизни; никто не наслаждается постояннымъ счастьемъ, у каждаго бывають тяжелые дни и скорби. Но въ жизни человѣка добродѣтельнаго и чистаго душою они проходятъ, не смущая спокойствія души его. Когда же онъ исчезаетъ изъ глазъ нашихъ, то не погибаетъ, но сіяетъ въ другой странѣ свѣтлымъ, неизмѣннымъ вѣнцомъ безсмертія.

Загадка.

Когда я молодъ былъ, свѣтло свѣтилъ; подъ старость сталъ, меркнуть сталъ.

* 305. Солнце и мѣсяць.

Ночью въ колыбель младенца мѣсяць лучъ свой заронилъ. «Отчего такъ свѣтитъ мѣсяць?» робко онъ меня спросилъ. — Въ день деньской устало солнце, и сказалъ ему Господь: «лягъ, засни и за тобою всё задремлетъ, всё заснѣтъ». И взмолилось солнце брату: «другъ мой, мѣсяць золотой! ты зажги фонарь и ночью обойди ты край земной. Кто тамъ молится, кто плачетъ, кто мѣшаетъ людямъ спать: всё развѣдай — и по утру приходи и дай мнѣ знать.» Солнце спитъ, а мѣсяць ходитъ, сторожить земли покой, завтра-ль рано, рано къ солнцу постучится братъ меньшей. Стукъ-стукъ-стукъ — отворять двери: «солнце, встань грачи летать, пѣтухи давно пропѣли и къ заутренѣ звонять!» Солнце встанетъ, солнце спроситъ: «что, голубчикъ, братецъ мой? какъ тебя Господь Богъ носить? что ты блѣденъ, что съ тобой?» И начинѣтъ рассказъ свой мѣсяць, кто и какъ себя ведѣтъ: если ночь была спокойна, солнце весело взойдетъ; если нѣтъ,

взойдетъ въ туманѣ, вѣтеръ дунеть, дождь пойдѣтъ, въ садъ гулять не выйдеть няня и дитя не поведѣтъ.

Загадка.

Сестра къ брату въ гости идетъ, а онъ отъ сестры прячется.

306. Умный червякъ.

Въ одномъ погребѣ висѣлъ большой круглый сыръ. Онъ былъ привѣшенъ къ потолку, для того чтобы предохранить его отъ мышей; но въ немъ прежде еще завелись черви, которые ползали по сыру и вдоль и поперекъ.

Одинъ изъ этихъ червяковъ былъ очень смысленъ. «Разспрашивая другихъ, самъ становишься умнѣе», думалъ онъ, и потому постоянно разспрашивалъ своихъ товарищей то о томъ, то о другомъ. Между прочимъ ему захотѣлось узнать, какой видъ имѣетъ сыръ, на которомъ онъ живетъ. Въ погребѣ было еще нѣсколько другихъ сыровъ, которые все были круглы, какъ шаръ; но червяки, къ которымъ онъ обратился съ этимъ вопросомъ, думали что обитаемый ими сыръ совершенно плоскій, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, они могли это хорошо видѣть, особенно когда приподнимались немного. Однако-жъ нашъ умный червякъ почему-то сомнѣвался въ этомъ; ему хотѣлось узнать это навѣрное. И вотъ онъ отправился въ путь: шелъ все прямо, прямо впередъ, и чрезъ нѣсколько дней — пришелъ опять къ тому мѣсту, откуда вышелъ. «Теперь я знаю!» сказалъ онъ: «сыръ нашъ круглъ, — на всемъ пути моемъ я не встрѣтилъ ни одного угла, ни одного края. Я отправился въ одну сторону, а возвратился съ другой, между тѣмъ какъ шелъ все прямо. Правда, кое-гдѣ мнѣ встрѣчались рытвины, которыя образованы нами же для добыванія пищи, или же насыпи раскрошеннаго сыра, сдѣланныя также нами, потому что нашимъ острымъ зубамъ ничто не въ состояніи противиться; но весь сыръ до того огроменъ, что самыя глубокія рытвины и самыя высокія насыпи ничто въ сравненіи съ цѣлымъ: они нисколько не измѣняютъ круглоты нашего жилища.»

Въ томъ же погребѣ висѣла лампа, которая по распоряженію хозяина дома постоянно горѣла. Ее брали съ мѣста тогда только, когда нужно было отыскать что-нибудь въ другомъ концѣ погреба.

Какъ только умный червякъ рассказалъ другимъ о своемъ открытіи, одинъ изъ товарищей его также сталъ собираться въ

путь. «Ты, можетъ быть, правъ», говорилъ онъ нашему знакомцу: «но все-таки, чтобы вполне убѣдиться въ круглотѣ нашего жилища, нужно обойти его еще по другому направленію.» Но нашъ червячекъ, который постоянно размышлялъ и наблюдалъ, возразилъ ему: тебѣ вовсе не нужно предпринимать такое многотрудное путешествіе; я вижу теперь, что этотъ вопросъ можно рѣшить и здѣсь на мѣстѣ. Посмотри-ка на тѣнь нашего сыра на стѣнѣ: вѣдь она кругла! Я уже давно наблюдалъ эту тѣнь, и видѣлъ ее, когда свѣтъ былъ то съ той, то съ другой стороны: она постоянно оставалась круглою. Ты можешь въ этомъ убѣдиться, когда придетъ великанъ-дворникъ и будетъ переносить лампу съ мѣста на мѣсто. А если тѣнь нашего сыра кругла и остается круглою всегда, значить и самый сыръ долженъ быть круглый. Однажды дворникъ пришелъ сюда съ тарелкою въ рукахъ. Тѣнь отъ этой тарелки была то круглая, то продолговатая, то представлялась черточкою, смотря по тому, какъ онъ ее держалъ. Это оттого, что тарелка плоска. Но тѣнь нашего сыра оставалась все круглою, слѣдовательно она кругла, и кругла, какъ шаръ.

Сдѣланное открытіе заинтересовало и другихъ червячковъ. Они стали также наблюдать, и вскорѣ нашли еще новыя доказательства тому, что жилище ихъ имѣетъ видъ шара. Такъ, напримѣръ, они замѣтили, что веревка, на которой висѣлъ шаръ, удлинилась по мѣрѣ того, какъ они приближались къ ней; а когда они удалялись отъ нея, то она казалась все короче. Далѣе они замѣтили, что лампа освѣщала не весь сыръ, а только одну часть его; когда же дворникъ переносилъ ее то туда, то сюда, то одни червяки видѣли свѣтъ ея раньше, а другіе позже. Изъ всего этого они заключили, что жилище ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, шарообразно.

307. Облака.

Какъ прекрасны облака по утру! Они походятъ на рубины, оправленные въ золото; жаворонокъ поднимается къ нимъ и поетъ, будто при вратахъ неба.

Какъ пышны облака въ полдень, когда они висятъ такъ высоко и сіяютъ бѣлизною въ лазуревомъ пространствѣ!

При закатѣ солнечномъ они опять прекрасны, и на далекомъ западѣ принимаютъ всякіе цвѣты и образы. Иногда они бываютъ похожи на башни и замки, на высокіе престолы и терема изъ топазовъ и золота.

Ночью, когда их освѣщаетъ мѣсяць, они такъ ярки, бѣлы и чисты; и когда все успокоится и затихнетъ, они будто стадо спящихъ барашковъ.

Но что такое облака? Просто пары. Они быстро исчезаютъ, быстро измѣняются: то они темнѣютъ во время грозы, то надуваются въ бурю; но потомъ является радуга, и природа посреди потоковъ дождя улыбается.

Жизнь подобна облаку: также проходчива и переменчива; сегодня она свѣтла и пріятна, завтра темна и печальна; но снова солнце сіяетъ надъ нею, и она съ миромъ погружается въ вѣчный покой.

Что придаетъ облакамъ ихъ блескъ и красоту? Солнце, которое ихъ освѣщаетъ, золотитъ своими лучами и раскрашиваетъ своею улыбкою.

Что придаетъ жизни ея сіяніе? Благость Того, Кто облакамъ велѣлъ дождемъ орошать землю и освѣжать все растенія и травы.

Онъ, Онъ даритъ утру жизни свѣтлую радость; Онъ въ годы мужества поддерживаетъ и укрѣпляетъ насъ; въ бурю и мракъ Онъ, какъ радуга, сіяетъ намъ своею улыбкой, и даже когда смерть готова опустить передъ нами завѣсу свою, онъ освѣщаетъ намъ душу — свѣтомъ надежды.

308. Утренняя звѣзда.

Откуда, звѣздочка краса? Что рано такъ на небеса въ одеждѣ праздничной твоей, въ огнѣ блистающихъ кудрей, въ красѣ воздушно-голубой, умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше васъ? Анъ нѣтъ? мы жнемъ ужъ цѣлый часъ; не счесть накиданныхъ сноповъ. Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ, бодрѣй глядитъ на Божіи свѣтъ; ему за трудъ вѣснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать; за то и утра не видать. А жнецъ съ восточною звѣздой всегда встаетъ передъ зарей. Работа рано по утру — досугъ и пѣсни въ вечеру.

А птички? Все давно ужъ тутъ; играютъ, свищутъ и поютъ съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь; кричатъ другъ дружкѣ добрый дель! И томно горлянки журчатъ; да чу! и къ заутренѣ звонятъ.

Вездѣ молитва началась : «Небесный Царь, услыши насъ : Тво владычество приди, насъ въ искушенье не введи; на путь спасенія наставь и отъ лукаваго избавь.»

Зачѣмъ же звѣздочка краса всегда такъ рано въ небеса?... Звѣзда подружка тамъ горитъ. Пока родное солнце спитъ, спѣшать увидѣться онѣ въ уединенной вышинѣ.

Но что-жъ, увидится ли?... Нѣтъ, спѣшать за ними солнце вслѣдъ. Ужъ вотъ оно : востокъ зажгло, свой первый завѣсъ подняло, надѣло знойный свой уборъ и ярко смотритъ изъ-за горъ. А звѣздочка?... Ужъ не блеститъ; печально блѣдная бѣжить, подружкѣ шепчетъ : Богъ съ тобой! и скрылась въ безднѣ голубой. И солнце на небѣ одно, великолѣпно и красно.

Идетъ по свѣтлой высотѣ въ своей спокойной красотѣ; затеплился на церкви крестъ; и тонкій паръ встаетъ окрестъ; и взглянуть лишь куда оно, тамъ мигомъ все оживлено.

На кровлѣ аистъ носъ остритъ; и въ небѣ ласточка кружить; и дымъ клубится изъ печей; и будить мельницу ручей; и тихо рдѣетъ темный боръ; и звучно въ немъ стучитъ топоръ.

Жуковскій.

309. Разсвѣтъ.

Свѣтаетъ. Въ полѣ тишина. Густой туманъ, какъ пелена съ посеребрѣнною каймой, клубится надъ Днѣпромъ рѣкой. И сквозь него высокій боръ, разсыпанный по скату горъ, безмолвно смотрится въ рѣкѣ, едва чернѣя вдаль; и изъ-за тѣхъ густыхъ лѣсовъ выходятъ стаи облаковъ, а изъ-за нихъ, огнемъ горя, выходитъ красная заря.

Лермонтовъ.

310. Утро.

* 1.

Ужъ солнца первый лучъ чудесно озолотилъ востока край; уже проснулся день прелестный, — вставай, дитя моё, вставай!

Игриво жаворонокъ вѣется съ веселою пѣсенкой своей; чирикание повсюду раздаётся средь зеленѣющихъ вѣтвей. Уже при солнечномъ сіяньи цвѣты, покрытые росой, какъ въ серебристомъ одѣяньи, блистаютъ новой красотой.

Прекрасно утра пробужденіе! Минуть напрасно не терай, молись въ сердечномъ умиленіи, — вставай, дитя моё, вставай!

2.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака. Бѣлый паръ по лугамъ разстилается. По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка отъ зари алый свѣтъ разливается. Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь, безлюдье вокругъ, чуть примѣтна тропинка росистая. Кустъ задѣнешь плечомъ, на лицо тебѣ вдругъ съ листьевъ брызнетъ роса серебристая. Потянулъ вѣтерокъ, воду морщитъ, рбитъ. Пронеслись утки съ шумомъ и скрылись. Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ. Рыбаки въ шалашѣ пробудились, сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ... а востокъ все горитъ, разгорается. Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ, и стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается. Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашень блеститъ за морями ночлегъ свой покинуло, на поля, на дуга, на макушки ракиръ золотыми потоками хлынуло. Вдѣтъ пахарь съ сохой, вѣдетъ — пѣсню поетъ, по плечу молодцу все тяжелое... Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ! Здравствуй, солнце да утро веселое!

Никитинъ.

311. Сумерни.

Полно тишиною все въ лѣсу, въ поляхъ; шепчуть лишь порою струйки въ ручейкахъ. Чашечки закрылись миленькихъ цвѣтовъ птички воротились подъ домашній кровъ. Какъ имъ тамъ привольно въ гнѣздышкахъ своихъ! Дерево спокойно, вѣтерокъ затихъ. Къ сладкому покою часъ для всѣхъ насталъ; щедрою рукою Тотъ его посладеъ, чѣе благословенье множество щедротъ, жизнь всему, движенье и покой даетъ.

312. Вечеръ.

1.

Солнце въ розовыхъ лучахъ и вершины горъ зардѣлись! вновь бриллыанты на цвѣтахъ, волны пурпуромъ одѣлись. Межъ колосьевъ и цвѣтовъ вѣтеръ тихо пролетаетъ и со скошенныхъ луговъ ароматомъ навѣваетъ. Наступаетъ время сна, умолкаетъ птичекъ пѣнье, всюду миръ и тишина, — какъ прекрасно все творенье!

2.

День догораетъ; усталое стадо до дому тихо идетъ; все утруденно, все отдыху радо: вечеръ уже настаеъ. Солнышко ниже, упала роса; воздухъ пахнулъ холоднѣй; только на западъ горятъ небеса... Чу! засвисталъ соловей. Тихо; и пѣснь одинокой пѣвицы, мнится, миръ слушаетъ весь; мнится, за тѣмъ же и звѣз-

дочекъ лица въ землю глядятся съ небесъ. Вотъ по лазури въ обычный дозоръ сторожемъ всходитъ луна, и надъ вселенною ангеловъ хоръ носится съ пѣсною сна.

* 3.

Вечерь отрадный легъ на холмахъ, вѣтеръ прохладный дуетъ въ поляхъ. Дуетъ, лобзаетъ травку, цвѣты, тихо качаетъ розы кусты. Роза молодая льетъ аромать, птички порхая въ рошѣ сви-стятъ. Всѣ веселятся, пляшутъ, поютъ, къ играмъ стремятся, къ шуткамъ зовутъ. Вечеромъ въ полѣ мило гулять; мило на волѣ, други, играть! Время терпѣнью, время трудамъ, время ученю, время гульбамъ. Играмъ часъ смѣло мы отдадимъ; книгамъ день цѣлый мы посвятимъ.

313 Наступленіе ночи.

Вотъ уже солнце за горами, вотъ усыпала звѣздами ночь спокойный сводъ небесъ; мраченъ доль и мраченъ лѣсъ. Вотъ и мѣсяцъ величавой сталъ надъ тихою дубравой; то изъ облака блеснетъ, то за облако зайдетъ; съ горъ простерты длинны тѣни; и лѣсовъ дремучихъ сѣни, и зеркало зыбкихъ водъ, и небесъ далекій сводъ въ свѣтлый сумракъ облечены... Спать пригорки отдаленны, боръ заснудъ, долина спитъ... чу!... полночный часъ звучить.

Дюковский.

Загадка.

Махнула птица крыломъ, и покрыла весь свѣтъ однимъ перомъ.

314. Ночь.

При сіяющихъ звѣздахъ — въ полусвѣтѣ, въ полумглі — тихо-тихо въ небесахъ, тихо-тихо на землѣ. Волны моря не шумятъ, и не вѣетъ вѣтерокъ; на деревьяхъ птицы спятъ, спитъ и шумный городокъ. Но въ безмолвіи ночью непримѣтною тропой, въ городкѣ изъ дома въ домъ ходятъ ангелы толпой. Тутъ къ дитяти подойдутъ, свѣтлой радостью блестя — и во снѣ смѣется тутъ непорочное дитя. Тамъ склонятся надъ больнымъ съ кроткой благостью любви и цѣлятъ крестомъ святымъ жаръ взволнованной ерови. А иному бѣдняку тихимъ вѣяніемъ крыль на работу, на тоску прибавляютъ свѣжихъ силъ. Тѣмъ во снѣ шепнуть совѣтъ — дѣло доброе начать; тѣхъ же учатъ и средь бѣды добрый подвигъ докончать. Отъ опасностей храня беззащитно спящій людь, до сіяющаго дня ходятъ, ходятъ тамъ и тутъ. Въ полу-

свѣтъ, въ полумглѣ, при сіяющихъ звѣздахъ — тихо-тихо на землѣ, тихо-тихо въ небесахъ.

Одѣлося сумракомъ поле. На темной лазури сверкаетъ гряда облаковъ разноцвѣтныхъ. Блѣднѣя, заря потухаетъ. Вотъ вспыхнули яркія звѣзды на небѣ одна за другой, и мѣсяцъ надъ лѣсомъ сосновымъ поднялся, какъ щитъ золотой; извивы рѣки серебристой межъ зеленью луга блеснули. Вокругъ тишина и безлюдье: и поле и берегъ уснули; лишь мельницы старой колеса, алмазъ рассыпая, шумять, да съ вѣтромъ волнистыя нивы Богъ знаетъ о чемъ говорятъ. На колыяхъ, вдоль берега вбитыхъ, растянуты мокрыя сѣти; вотъ бѣдный шалашъ рыболова, гдѣ вечеромъ рѣзвыя дѣти играютъ трепещущей рыбой и ищутъ въ травѣ водяной улитокъ и маленькихъ камней, обточенныхъ синей волной. Какъ лебеди, бѣлыя тучи надъ полемъ плывутъ караваномъ; надъ чистой рѣкою спятъ ивы, одѣтыя легкимъ туманомъ, и, къ свѣтлымъ струямъ наклонившись, сквозь чуткій прерывистый сонъ, тростникъ молчаливо внимаешь таинственной музыкѣ волнъ.

Ужъ поздно... Конь усталый мой хрипитъ и просится домой... Холмы полоніе кругомъ — степные виды! за холмомъ печально свѣтится пожаръ — овинъ горитъ. На небѣ парь; на небѣ мѣсяцъ золотой блеститъ холодной красотой, и подъ лучемъ его нѣмымъ туманъ волнуется, какъ дымъ. Большія тѣни тамъ и сямъ лежатъ недвижно по полямъ, и различаешь глазъ едва лѣсовъ высокихъ острова. Кой-гдѣ, по берегамъ рѣки въ кустахъ мерцаютъ огоньки; внезапный крикъ перепеловъ гремитъ одинъ среди луговъ, и синія, ночная мгла какъ будто нехотя тепла.

И. Тургеневъ.

Загадка.

Черная овечка вся въ огнѣ горитъ.

315. Звѣзды.

Въ часъ полночный близъ потока ты взгляни на небеса: совершаются далѣко въ горнемъ мірѣ чудеса. Ночи вѣчныя лампы, невидимы въ блескѣ дня, стройно ходятъ тамъ громады негасимаго огня. Но впивайся въ нихъ очами, и увидишь, что вдали, за ближайшими звѣздами, тьмами звѣзды въ ночь ушли. Вновь вгля-

дись — и тьмы / за тьмами утомить твой робкій взгляд : всѣ звѣздами, всѣ огнями бездны синія горять.

Хомяковъ.

Загадки.

1. Разсыпался горохъ по сту дорогъ, никто его не собирать : ни царь, ни царица, ни красная дѣвица, ни бѣлая рыба.
2. Поле не мѣряно, овцы не считаны, пастухъ рогатый.

316. Солдаты и падающая звѣзда.

Кто не видалъ падающихъ звѣздъ ; а между тѣмъ дѣйствительно ли звѣзды падаютъ ? Нѣтъ ; явленіе это , по всей вѣроятности , не что иное какъ маленькія тѣла , которыя плаваютъ въ небесномъ пространствѣ и иногда воспламеняются вблизи земной атмосферы. Звѣзды же находятся отъ насъ на разстояніи нѣсколькихъ милліоновъ миль , и каждая изъ нихъ безостановочно и неуклонно совершаетъ путь , разъ навсегда предначертанный ей всемогущимъ Творцомъ . Но есть люди , которые вѣрятъ , что звѣзды не только падаютъ , но что паденіе ихъ предвѣщаетъ всегда смерть какого-нибудь великаго человѣка . Такое мнѣніе конечно ни на чемъ не основано ; оно придумано людьми , которые ничему не учились , никогда не мыслятъ и судятъ только по первому впечатлѣнію , какое производитъ на нихъ всякое необыкновенное явленіе . Такъ точно судилъ и тотъ солдатъ , о которомъ я хочу вамъ рассказать . Онъ стоялъ ночью на часахъ . Отъ нечего дѣлать онъ сперва началъ высчитывать , сколько разъ онъ уже сидѣлъ подъ арестомъ ; а потомъ для разнообразія сталъ разсматривать сосѣдніе дома и башни освѣщенные послѣднею четвертью луны , а между прочимъ и обсерваторію , въ которой астрономы наблюдаютъ небесныя тѣла . Вдругъ одинъ изъ астрономовъ выставилъ телескопъ и направилъ его къ тому мѣсту на небѣ , гдѣ видѣлось наибольшее число звѣздъ . « Вотъ-те на ! » подумалъ солдатъ : « ужъ не хочешь ли онъ стрѣлять въ звѣзды ? вѣдь это казись винтовка . Такъ и есть ! Ну , посмотримъ . » И онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать , когда астрономъ выстрѣлитъ . « Однако онъ что-то ужъ слишкомъ долго прицѣливается , должно быть не у нашего командира учился , а не то бы... » Солдатъ вдругъ неволью прервалъ свою рѣчь , увидѣвъ падающую звѣзду . « Попалъ ! » воскликнулъ онъ въ изумленіи : « ну , братъ , молодецъ ! Рѣдко , да мѣтко ! Прощай , звѣздочка ; поминай , какъ звали ! И тогда это онъ успѣлъ выпалить ? »

я даже выстрѣла не слыхалъ. Должно быть это у нихъ особое такое оружіе, которое безъ пороху палить. Вотъ подумаешь, право, какіе хитрые бываютъ люди на свѣтѣ: и впрямь звѣзды съ неба хватаютъ!»

317. Природа днемъ и ночью.

Днемъ природа дѣйствуетъ рѣзко, осязательно для глаза и слуха. Съ восточной зарей пробуждается ея неугомонная дѣятельность, и цѣлый день слышится она, выраженная множествомъ звуковъ, пѣсенъ и криковъ животнаго міра. Но низится къ западу солнце, гложнутъ звуки, замирая постепенно съ послѣднимъ мерцаньемъ сгорѣвшей зари. Замолкло пѣвчее племя, разсѣялось по вѣткамъ, попряталось въ чащу, листву кустарную, и спить, завернувъ подъ крыло утомленную голову. Только немногіе крики и пѣсни, потерянные днемъ среди общаго нестройнаго хора, выступаютъ теперь ярко среди общаго затишья. Громче слышится теперь бой перепеловъ, жадно бѣгущихъ, летящихъ на отклики самокъ. Громче кричитъ дергачъ на раздолѣ, и далеко несется по темной луговинѣ его рѣзкій трескучій крикъ. Въ темныхъ рощахъ, въ частыхъ кустахъ, раздавались трели соловьевъ, и въ перебой, въ переливъ льются ихъ пѣсни, несутся на встрѣчу проснувшейся ночи; а съ ночью проснулась и новая жизнь. Не дремлетъ природа; но не криками сказывается теперь ея дѣятельность, — безмолвно, тайно творить она свое дѣло.

Въ глухомъ оврагѣ проснулась сова, встряхнула перо и зорко глядитъ въ сумракъ, легшій на доли. Проснулись и сычъ, и филинъ, ненавистники свѣта, и широко распустили райки своихъ глазъ, собираясь летѣть за заснувшей добычей. Вылѣзъ изъ норы и хорекъ, и фыркаетъ носомъ, жадно нюхала ночной вѣтеръ, не принесетъ ли онъ залогъ ночной добычи, не пахнетъ ли онъ теплой, горячей кровью. А тамъ на широкой цвѣтистой лугъ слѣлись стаи ночныхъ мотыльковъ и съ легкимъ шумомъ, какъ журчанье далекаго ручья, вьются надъ цвѣтами, высасывая изъ нихъ сахаристые соки. На прибрежьи широкаго пруда, въ сумракѣ нависшихъ кустовъ разсыпались зеленыя искры; засвѣтились ивановы червячки. Въ дуплѣ старой липы слышится пискъ: проснулась въ немъ семья летучихъ мышей, и вотъ показалась одна, вспорхнула, летитъ неслышнымъ полетомъ, а за ней другая, третья... всѣ понеслись, стелются, вьются надъ водой, рѣжутъ воздухъ, какъ рѣзвыя ласточки.

Загадки.

1. Поутру въ сажень, въ полдень въ пядень, а къ вечеру чрезъ поле хватаетъ.
2. Ходитъ безъ ногъ, рукава безъ рукъ, уста безъ рѣчи.

318. Времена года.

Алексѣй. Отчего это, батюшка, лѣтомъ солнце грѣеть гораздо сильнѣе, чѣмъ зимою? Быть можетъ, лѣтомъ оно ближе къ намъ?

Отецъ. Вовсе нѣтъ, сынъ мой! зимою солнце ближе къ намъ, чѣмъ лѣтомъ; но близость солнца въ этомъ отношеніи ничего не значить, а важно собственно его положеніе на небѣ. Посмотри на солнце въ полдень яснаго зимняго дня, и замѣть, какъ высоко стоитъ оно на тверди небесной; то же сдѣлай и въ полдень яснаго лѣтняго дня: и ты увидишь, что въ зимній день солнце стоитъ гораздо ниже, а въ лѣтній — гораздо выше надъ землею. — Чѣмъ выше надъ нами стоитъ солнце, тѣмъ отвѣснѣе падаютъ на нашу землю его лучи, и тѣмъ самымъ производятъ большую теплоту. Это ты можешь замѣчать каждый день; утромъ и вечеромъ солнечные лучи не содержатъ въ себѣ такой теплоты, какъ въ полдень, когда солнце занимаетъ самое высокое положеніе надъ нами и когда лучи его падаютъ на землю почти отвѣсно. Лѣтомъ солнце описываетъ гораздо большую дугу надъ горизонтомъ, т. е. оно восходитъ гораздо выше, чѣмъ въ другія времена года, отчего лучи его и падаютъ на землю отвѣснѣе и даютъ больше тепла. Кромя того, лѣтомъ солнце появляется на небесномъ сводѣ гораздо раньше и оставляетъ его гораздо позже, — слѣдовательно свѣтитъ много часовъ сряду, а потому земля долѣе и сильнѣе нагревается: отъ этого происходятъ долгіе и теплые дни. И такъ чѣмъ выше надъ нами стоитъ солнце, чѣмъ отвѣснѣе падаютъ на землю его лучи и чѣмъ продолжительнѣе оно сіяетъ, начиная отъ востока и до заката, тѣмъ больше даетъ она тепла.

Зимою солнце описываетъ гораздо меньшій кругъ. Оно стоитъ гораздо ниже на небѣ; отъ этого и лучи его падаютъ на землю не такъ отвѣсно, какъ лѣтомъ, а гораздо косѣе или наклоннѣе, и потому не могутъ сильно нагревать землю. Сверхъ того, зимою солнце восходитъ гораздо позже, и закатывается гораздо раньше, въ это время оно только что начнетъ нагревать въ какомъ-либо мѣстѣ землю, какъ уже принуждено бываетъ оставить это мѣсто и идти далѣе. Отсюда — короткіе и холодные зимніе дни. И такъ чѣмъ ниже надъ нами солнце, чѣмъ наклоннѣе падаютъ на землю лучи его и чѣмъ кратчайшее время сіяетъ оно отъ восхода и до заката, тѣмъ менѣе даетъ тепла.

Ты не можешь не замѣтить и того, что не вдругъ дѣлается совершенно холодно, или жарко. Послѣ зимняго холода становится постепенно теплѣе, и наконецъ наступаютъ жаркіе лѣтніе дни; точно такъ же послѣ лѣтнихъ жаровъ дѣлается понемногу все холоднѣе. Постепенный переходъ отъ холоднаго къ теплему или жаркому времени мы называемъ *весною*, а постепенный переходъ отъ лѣта къ зимѣ — называемъ *осенью*. Эти четыре періода времени: *весна*, *лѣто*, *осень* и *зима*, составляютъ цѣлый годъ, и потому называются *временами года*.

Загадка.

Въ саду царскомъ, на деревѣ райскомъ, съ боку малина, съ другого калина, съ третьяго вишенья, а съ четвертаго нѣтъ ничего — одно зябелю.

319. Весеннія воды.

Еще въ поляхъ бѣдѣтъ снѣгъ, а воды ужъ весной шумять, бѣгутъ и будятъ сонный берегъ, бѣгутъ и блещутъ, и гласятъ... Онѣ гласятъ во всѣ концы: «весна идетъ, весна идетъ, мы молодой весны гонцы; она насъ выслала впередъ!» Весна идетъ, весна идетъ, и тихихъ, теплыхъ майскихъ дней румяный, свѣтлый хороводъ толпится весело за ней.

В. Тютчевъ.

320. Начало весны.

Гонимы вѣшними лучами, съ окрестныхъ горъ уже снѣга сбѣжали мутными ручьями на потопленные луга.

Улыбкой ясною природа сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года; снѣга, блещутъ небеса; еще прозрачные лѣса какъ будто пухомъ зеленѣютъ. Пчела за данью полевой летитъ изъ кельи восковой; долины сохнутъ и пестрѣютъ; стада шумятъ, и соловей ужъ нѣтъ въ безмолвіи ночей.

Пушкинъ.

321. Весна.

*1.

Наступила весна; солнце согнало снѣгъ съ горъ и равнинъ, зазеленѣли верхушки поблеклой травы, распустились почки деревьевъ, и изъ нихъ выглянули молоденькіе листочки. Проснулась пчелка отъ глубокаго сна, въ которомъ она пролежала цѣлую зиму; она

протерла себѣ глаза и пошла будить своихъ подругъ: онѣ отворили улей и стали смотрѣть, удалились ли враги ихъ: ледъ, снѣгъ и сѣверный вѣтеръ. Видя, что повсюду свѣтитъ и грѣетъ солнышко, онѣ выпоззали изъ улья, оправили крылышки и начали летать. Прилетѣли онѣ къ яблонѣ и спросили: «нѣтъ ли у тебя чего-нибудь съѣстного для насъ, голодныхъ пчелокъ? Мы цѣлую зиму ничего не ѣли.» Яблоня отвѣчала: «нѣтъ, друзья мои, вы слишкомъ рано пришли ко мнѣ; цвѣты мои еще скрыты въ почкахъ, а кромѣ нихъ у меня ничего нѣтъ. Ступайте къ вишневому дереву!» Пчелки полетѣли къ вишневому дереву: «милая вишня», сказали онѣ: «нѣтъ ли у тебя цвѣтовъ для насъ, голодныхъ пчелокъ?» Вишня отвѣчала: «приходите завтра, сегодня мои цвѣты еще не раскрылись; но лишь только они покажутся, то милости просимъ!» — Тогда пчелки полетѣли къ красному тюльпану, который уже почти совершенно расцвѣлъ; но цвѣтъ его не имѣлъ ни запаха, ни сладости, и пчелки не нашли въ немъ вовсе меду. Печальныя и голодныя, онѣ уже хотѣли возвратиться домой, какъ вдругъ замѣтили подъ кустомъ темно-голубой цвѣтокъ. Это была фиалка: она скромно поджидала гостей и радушно раскрыла имъ свою чашечку, исполненную благоуханія и сладости; пчелки насытились и принесли домой первый медъ.

2.

Весна! выставляется первая рама! И въ комнату шумъ ворвался, и благовѣстъ ближняго храма, и говоръ народа, и стукъ колеса. Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей: вонъ — даль голубая видна... И хочется въ поле, въ широкое поле, гдѣ шествула сыплеть цвѣтами весна! Голубенькій чистый подснѣжникъ цвѣтокъ! А подлѣ сквозистый послѣдній снѣжокъ... Послѣднія слезы о горѣ быломъ, и первыя грезы о счастьи иномъ....

А. Майковъ.

322. Весна въ Россіи.

Нигдѣ весна не имѣетъ столько прелестей, какъ въ Россіи. Бѣлая одежда зимы наконецъ утомляетъ зрѣніе; душа жаждетъ перемѣны, и звонкій голосъ жаворонка раздается на высотѣ воздушной. Сердца трепещутъ отъ удовольствія. Солнце быстрымъ дѣйствіемъ лучей своихъ расплавляетъ снѣжные холмы; вода шумитъ съ горъ, и поселянинъ, какъ мореплаватель при концѣ океана, радостно восклицаетъ: земля! Рѣки рвутъ на себѣ ледяныя оковы, пышно выливаются изъ береговъ, и самый маленькій ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдныя луга, ушитанные

благодарною влагою, пушатся свѣжею травкою и красятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя рощи зеленѣютъ; за ними и дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ веселыхъ птичекъ, одѣваются листьями, и зефиръ всюду разноситъ благоуханіе ароматной черемухи.

Карамзинъ.

* 323. Весеннія пѣсенки.

Ласточка примчалась изъ-за синя моря, съла и запѣла: какъ февраль ни злился, какъ ты, мартъ, ни хмурься, будь хоть снѣгъ, хоть дождикъ — всё весною пахнетъ!

Дождались мы свѣтлаго мая; цвѣты и деревья цвѣтутъ, и по небу синему, тая, румяныя тучки плывутъ.

Запѣли весѣлыя пташки въ играющей листьѣ лѣсовъ; и бѣлые скачутъ барашки на зелени мягкихъ луговъ.

Травка зеленѣетъ, солнышко блеститъ, ласточка съ весною въ сѣни къ намъ летитъ. Съ нею солнце дольше и весна милѣй... Прощебечъ съ дороги намъ привѣтъ скорѣй! Дамъ тебѣ я зѣренъ а ты пѣсною спой: что изъ странъ далекихъ принесла съ собой.

Я пройдуся по лѣсамъ; много птичекъ есть тамъ, всё поркаютъ, поютъ, гнѣзда теплыя вьютъ.

Побываю въ лѣсу; тамъ я пчелокъ найду: и шумять, и жужжать, и работать спѣшать.

Я пройдуся по лугамъ; мотылѣчки есть тамъ: какъ красивы они въ эти свѣтлые дни.

Весенній день, прекрасный день! какъ ясенъ неба сводъ! раскинулась деревьевъ сѣнь, свѣтлѣютъ токи водъ. Цвѣты пестрѣютъ на лугахъ, лиловѣетъ сирень, и вѣетъ вѣтерокъ въ поляхъ въ весенній свѣтлый день. Пѣвцы пернатые, кружась, щебечутъ и свистить, и днѣмъ весеннимъ веселясь — съ куста на кустъ летять. Какъ солнце ярко въ небесахъ! какъ весело гулять! пушиста травка, и въ садахъ свободнѣе дышать! Хвала Творцу! мы дождались весеннихъ красныхъ дней. Рѣзвиться въ рощахъ собрались — и слышимъ смѣхъ дѣтей.

324. Весенняя гроза.

Чудна гроза въ началѣ мая, когда весенній первый громъ, какъ бы рѣзвися и играя, грохочеть въ небѣ голубомъ. Гремятъ раскаты молодые, воть дождикъ брызнулъ, пыль летить, повисли перлы дождевые и солнце нивы золотить; съ горы бѣжитъ потокъ проворный, въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ, и гамъ лѣсной и шумъ нагорный — все вторить весело громамъ. *Ф. Тютчевъ.*

Загадка.

Меня никто не видитъ, но за то всякій слышитъ; а вѣрную спутницу мою всякій можетъ видѣть, но никто не слышитъ.

325. Передъ дождемъ.

Заунывный вѣтеръ гонить стаю тучъ на край небесъ, ель, надломленная стонетъ, глухо шепчетъ темный лѣсъ. На ручей рябой и пестрой, за листкомъ летитъ листокъ, и струей сухой и острой набѣгаетъ холодокъ. Полумракъ на все ложится; налетѣвъ со всѣхъ сторонъ, крикомъ въ воздухъ кружится стая галокъ и воронъ.

Надъ проѣзжей таратайкой спущенъ верхъ, перёдъ закрыть и «пошѣль!» привставъ съ нагайкой, ямщику деньщикъ кричить...

326. Буря.

Клубятся въ поддень черны тучи по раскаленнымъ небесамъ и вихрь несетъ песокъ горячій съ дороги пыльной по холмамъ; въ томлени душномъ жнецъ лѣнивый лежитъ въ тѣни, оставя нивы; пастухъ со стадомъ въ лѣсъ бѣжитъ; боръ темный шепчетъ и дрожитъ; сожженный листъ о стебель бьется, все пришло, все молчитъ: и вдругъ огонь по тучамъ вьется, грохочетъ громъ, съ нимъ дождь и градъ въ поляхъ встревоженныхъ шумятъ...

Утихла буря; сводъ небесъ межъ дымныхъ тучъ уже синѣетъ и ароматомъ дышитъ лѣсъ, и какъ свѣжо съ поляны вѣетъ; Цвѣты, омытые дождемъ, блестятъ подъ влажнымъ жемчугомъ, и солнце вечера спокойно бросаетъ ярко лучъ незнойный.

И. Козловъ.

327. Туча. И. ест.

Последняя туча разъяренной бури! одна ты несешься по ясной лазури, одна ты наводишь унылую тьму, одна ты печалишь ликующий день. Ты небо недавно кругомъ облегла, и молнія грозно тебя обвивала, и ты издавала таинственный громъ и алчную землю поила дождемъ. Довольно, сокройся! пора миновалась, земля освѣжилась и буря промчалась, и вѣтеръ, лаская листочки деревьевъ, тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ. Пушкинъ.

Загадка.

Безъ крыль летить, безъ ногъ сбѣжить.

* 328. Эхо.

Маленькій Миша вовсе не зналъ, что значить эхо или отголосокъ. Однажды, гуляя въ большомъ саду, на дачѣ, онъ вздумалъ кричать: «о! о!» и въ ту же минуту онъ услышалъ, что изъ-за рощицы ему отвѣчали тѣми же самыми восклицаніями. Удивлённый Миша громко спросилъ: «кто ты?» На это таинственный голосъ отвѣчалъ такъ же: кто ты? Мишѣ стало досадно, и онъ безъ церемоніи сказалъ: «видно ты какой-нибудь дурачекъ!» — Дурачекъ отвѣчалъ голосъ изъ рощицы. Тутъ Миша ужъ совсѣмъ разсердился и началъ браниться съ невидимкой. Эхо возвращало съ точностію всякую брань. Миша отправился отыскивать негодного мальчика напрасно — никого не было.

Пробѣгавъ безъ успѣха до усталости по рощѣ и саду, Миша пошёлъ къ маменькѣ и жаловался ей, что какой-то злой мальчишка спрятался въ саду и бранить его. «Понался же ты, мой милый Миша! самъ на себя всё высказалъ», отвѣчала ему маменька: «знай, мой дружекъ, что ты слышалъ только то, что самъ говорилъ; какъ ты видишь въ свѣтлой водѣ своё лицо, точно такъ же ты сейчасъ слышалъ свой голосъ въ рощѣ. Если бы ты закричалъ какое-нибудь ласковое слово, то непременно и самъ услышалъ бы такое же. Такъ всегда бываетъ; и пословица говоритъ: какъ аукнется, такъ и откликнется.»

Загадка.

Живетъ безъ тѣла, говорить безъ языка, никто его не видитъ, а всякій слышитъ.

329. Лѣтній вечерь.

Знать солнышко утомлено: за горы прячется оно, лучь погасаетъ за лучомъ и, алымъ тонкимъ облачкомъ задернувъ ликъ усталый свой, уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть; мы знаемъ, лѣтній дологъ путь. Вездѣ-жь работа: на горахъ, въ долинахъ, рощахъ и лугахъ; того согрѣй, тѣмъ свѣту дай и всѣхъ притомъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты и имъ расписывай листы; потомъ медвяною росой пчелу работницу напои, и чистыхъ капель межъ листовъ оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну скорлупку расколи, и молодую изъ земли былинку выведи на свѣтъ; пичужкамъ приготовь обѣдъ; тѣхъ приюти между вѣтвей, а тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ, не позабудь горячій свѣтъ разсыпать на зеленый садъ, и золотистый виноградъ отъ зноя листьями прикрыть, и колось зрѣлостью налить.

А если жаръ для стадъ жестокъ, смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ; и тучку темную скопи, и травку влагой окропи, и яркой радугой съ небесъ сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подъ острою косою трава ложится полосой, туда безоблачно сіяй и сѣно въ кошны собирай, чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ, и съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

И такъ совсѣмъ не мудрено, что разгорѣлося оно, что отдыхаетъ на горахъ въ полупотухнувшихъ лучахъ, и намъ, сходя за небосклонъ, въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ; одинъ на банихъ лишь пѣтухъ за нимъ глядитъ, сіяя вслѣдъ.... Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ, сейчасъ оно передъ тобой задернетъ алый завѣсъ свой.

И ночь ужъ на небо взошла, и тихо на небѣ загла гостепріимные огни; и все замолкнуло въ тѣни, и по долинамъ, по горамъ все спитъ.... пора ко сну и намъ.

Жуковский.

330. Лѣтняя жара.

Былъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ лѣтнихъ дней.

«Ахъ зачѣмъ такъ нестерпимо жарко!» говорила Марія своей матери, утирая потъ, постоянно появлявшійся у ней на лбу и лывавшихъ щекахъ: «я дышать не могу».

«Зачѣмъ теперь такъ жарко, дитя мое», сказала мать: «на это я отвѣчу тебѣ лучше чрезъ нѣсколько недѣль. А теперь скажу только, что такъ угодно Богу, и что Богъ не дѣлаетъ ни чего такого, что было бы худо для насъ.»

Марія замолчала, повѣривъ словамъ матери, отъ которой слышала всегда одну истину. Она приложила всѣ усилія къ тому, чтобы терпѣливо перенести дѣтнюю жару, которая продолжалась еще нѣсколько времени.

Но вотъ прошелъ августъ, а съ нимъ и жара. Прохладная осенняя атмосфера и тихое сіяніе солнца каждый день вызывали Марію въ садъ.

Овощи и плоды уже созрѣли, а тутъ наступила и жатва.

Привлекательная красота яблоковъ, вишенъ и персиковъ приводила Марію въ удивленіе, а сладость ихъ превосходило для нея все: даже медъ казался ей не слаще ихъ.

«Ахъ, маменька, какіе чудные плоды далъ намъ Богъ!» вскричала Марія въ восхищеніи.

«Да, дитя мое; но вспомни-ка, не сердилась ли ты недавно еще за то, что Онъ хотѣлъ даровать тебѣ эти плоды? Знай же теперь, что та самая жара, которая едва не вывела тебя изъ терпѣнія, дала нашимъ плодамъ ихъ привлекательный цвѣтъ и прекрасный вкусъ.»

Жарко, мучительно жарко... Но лѣсъ недалеко зеленый! Съ пыльных, безводныхъ полей дружно туда мы спѣшимъ. Входимъ.... въ усталую грудь душистая лется прохлада; стынеть на жаркомъ лицѣ ѣдая влага труда. Ласково приняли насъ изумрудныя, свѣжія тѣни; тихо выиграли кругомъ, тихо на мягкой травѣ шепчуть привѣтныя рѣчи прозрачныя, легкіе листья.... Иволга звонко кричить, словно дивится гостямъ. Какъ отрадно въ лѣсу! И солнца смягченная сила здѣсь не пышетъ огнемъ, блескомъ играетъ живымъ. Бархатный манитъ насъ мохъ, руками дріадъ округленный.... Зову противиться въ насъ нѣтъ ни желанья, ни силъ. Всѣ раскинулись члены; стихаютъ горячія волны крови; машеть на насъ темными маками сонъ. Изъ-подъ тяжелыхъ рѣсницъ взоръ наблюдаетъ недолго мелкихъ бугашекъ и мухъ, ихъ суетливую жизнь. Вотъ онъ закрылся.... Сосѣдъ уже спитъ.... съ довѣрчивымъ вздохомъ самъ засыпаешь.... и ты вѣч-

ная мать, земля, кротко баюкаешь ты, лелѣешь усталого сына.... Новыхъ исполненный силъ, грудь онъ покинетъ твою.

Н. Турецкаг.

* 331. Солнечное сіяніе и дождь.

«Ахъ, если бы всегда сіяло солнце!» говорили дѣти въ одинъ пасмурный, бурный и дождливый день. Ихъ желаніе скоро исполнилось; въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ не видно было ни одного облачка на небѣ. Но эта продолжительная засуха причинила много вреда полямъ и лугамъ. Въ саду поблекли цвѣты и травы; а лёнъ, который такъ много радуется дѣвушкѣ, былъ почти не длиннѣе пальца.

«Видите ли теперь», сказала дѣтямъ мать: «что и дождь бываетъ также необходимъ, какъ и солнечное сіяніе.»

Загадки.

1. Высокъ и тонокъ, въ травѣ не видать.
2. Шель догвоязъ, въ сыру землю увязъ.

332. Исторія дождевой капли.

Красное солнышко стало звать водяную каплю, дочь глубокаго моря, погулять съ нимъ по воздушной синевѣ. Хотѣлось бы капелькѣ изъ глубины своей выглянуть на Божій свѣтъ, да море родимое не пускаетъ; вотъ и послало къ пей солнышко одинъ изъ свѣтлыхъ лучей своихъ: онъ взялъ ее, сдѣлалъ невидимкой и понесъ все выше и выше къ самому солнышку. Гуляетъ солнышко по высокому поднебесью, далеко, далеко надъ горами, надъ морями; вдругъ устала капелька, не можетъ идти далѣе, силъ нѣтъ. И не одна она — много гулягъ, сестрицъ ея убѣжало изъ родной пучины морской. Всѣ онѣ сидятъ въ сѣромъ облачкѣ и плачутъ о томъ, что не могутъ идти далѣе за краснымъ солнышкомъ. Но благодѣтельное солнышко сжалилось надъ ними, послало имъ свѣтлѣй вѣтерокъ: потянулъ онъ заблудшихъ малютокъ, какъ стадо, домой. Какъ сошлись онѣ вмѣстѣ, — и увидѣлись и узнали другъ друга, потому что перестали быть невидимками, сдѣлались опять водяными капельками. Обнялись онѣ дружно и упали на землю; а люди говорятъ: «дождь идетъ». Наша капелька удала на высокую гору, а съ нею и много сестрицъ подружекъ; эта гора далеко, далеко отъ моря, — нужно имъ торопиться, чтобы поспѣть домой. Весело запрыгали онѣ по кочкамъ, по камешкамъ, по скаламъ. Но имъ нужно еще пробѣгать по мельничнымъ ко-

лесамъ: поворачали наши капельки — наконецъ всплыли. Да что въ томъ пользы? Онѣ думаютъ по гладкому пути со всѣми удобствами путешествовать, а вотъ имъ положили на спину тяжелыя лодки, разсѣкаютъ волны ихъ шумящіе пароходы, — понесутъ ихъ бѣдняжекъ, пока не воротятся наконецъ отдохнуть на родину, въ объятія родимаго моря.

333. Роса и шеей.

«Марѳа», спросилъ однажды маленькій Костя, «скажи пожалуйста-ста, откуда берется роса?»

«Она падаетъ съ неба», отвѣчала няня.

Костя обратился къ отцу и спросилъ, точно ли роса падаетъ съ неба?

Отецъ улыбнулся. «Нѣтъ, другъ мой», сказалъ онъ: «это заблужденіе. Она появляется вотъ какимъ образомъ: изъ земли и растеній выходятъ испаренія; ночью, когда бываетъ холоднѣе чѣмъ днемъ, эти испаренія сгущаются и превращаются въ капли, и онѣ-то называются росой. Что роса не съ неба падаетъ въ этомъ ты можешь увѣриться собственнымъ опытомъ.»

Вечеромъ отецъ взялъ горшечекъ и отправился съ Костей въ садъ. «Вотъ видишь, Костя», сказалъ онъ, «эта трава теперь совершенно сухая; я накрою ее горшечкомъ. Если роса въ слѣдующую ночь падетъ съ неба, то она не въ состояніи будетъ пробиться сквозь горшечекъ, и потому небольшое мѣстечко подъ горшечкомъ должно остаться сухимъ. Если же мы завтра найдемъ подъ горшечкомъ росу, то это будетъ яснымъ доказательствомъ что она не падаетъ съ неба.»

На слѣдующее утро отецъ и сынъ сняли горшечекъ, и подъ нимъ нашли росу.

Осенью роса нерѣдко замерзаетъ, и это называется *инеемъ*.

Загадки.

1. Въ вечеру прилетаетъ, ночь на землѣ пребываетъ, а по утру на небо улетаетъ.
2. Заря зарянка, ключи потеряла; мѣсяцъ пошелъ не нашель; солнце взошло ключи нашло.

334. Прииѣты осени.

Мелькаетъ желтый листъ на зелени дерѣвъ, работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ, и покраснѣлъ уже вдали коверъ

луговъ, и зрѣлыя плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ. Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ: тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина; тамъ склядь виднѣется, а тамъ черезъ заборъ кистями красными повиснула рябина; тамъ жнива толстая щетинится, а тамъ ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ, и курится овинъ, и долго по утрамъ, какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ.... И цѣлый день скрипятъ воза, и далеко токъ отзывается подъ дружными цѣнами, и стая журавлей несется высоко, перекликаясь порой подъ небесами.

335. Осень.

Ласточки пропали, а вчера зарей все грачи летали, да какъ сѣтъ мелькали вонь надъ той горой.

Съ вечера все спитса, на дворѣ темно. Листъ сухой валится, ночью вѣтеръ злится, да стучить въ окно.

Лучше-бъ снѣгъ да вьюгу встрѣтить грудью радъ! Словно какъ съ испугу, раскричавшись, въ югу журавли летать.

Выйдешь, по неволѣ тяжело — хоть плачь! Смотришь: черезъ поле перекаати-поле прыгаетъ, какъ мячъ. Фетъ.

Кроеть ужъ листъ золотой влажную землю въ лѣсу.... Смѣло топчу я ногой вешнюю лѣса красу. Съ холоду щеки горять; либо въ лѣсу мнѣ бѣжать, слышать, какъ сучья трещать, листья ногой загребать! Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ! Лѣсъ съ себя тайну совлекъ: сорванъ послѣдній орѣхъ, свянулъ послѣдній цвѣтокъ; мохъ не приподнять, не взрыть грудой кудрявыхъ груздей; около пня не виситъ пурпуръ брусничныхъ кистей; долго на листьяхъ лежатъ ночи морозъ, и сквозь лѣсъ холодно какъ-то глядитъ ясность прозрачныхъ небесъ. А. Майковъ.

Кроткіе льются лучи съ небесъ на согрѣтую землю; стелется тихо по ней, теплой скользитъ вѣтерокъ. Но давно подъ травой изсякли болтливыя воды въ тучныхъ лугахъ; и сама вся пожелтѣла трава. Сумракъ душистый лѣсовъ, отрадныя, пышныя тѣни, гдѣ вы? гдѣ ты, лазурь яркихъ и темныхъ небесъ? Осень настала давно; ея прощальныя ласки часто милѣе душѣ первыхъ улыбокъ весны. Бурне сучья раскинула липа; береза вся золотая стоитъ; тополь одинъ еще свѣжъ — также дрожитъ и шумитъ и тихо блеститъ, серебристый; но побагровѣлъ дав-

во дуба могучаго листь. Яркія краски вездѣ смѣнили привѣт-ную зелень: издали пышуть съ рябинѣ красныя гроздыя плодовъ давно рдѣть заря причудливымъ, долгимъ пожаромъ!... Смотришь и вѣришь едва жадно впереннымъ очамъ. Но природа во всемъ, какъ ясный и строгій художникъ, чувство мѣры хранить, стройной вѣрна простотѣ. Молча гляжу я кругомъ, вниманья печальнаго полный!... Въ тронутомъ сердцѣ звучить грустное слово: прости!

И. Тургеневъ.

336. Осень въ деревнѣ.

Солнце спряталось за тучи, вѣтеръ сильный, холодно; листься сыплются, и въ кучки вѣтромъ всё ихъ намело. Рѣчка ходитъ такъ сердито, лѣсъ такъ жалобно шумитъ, небо тучами закрыто небо дождекомъ грозить. Птички всё прижались въ полѣ, рыбки спрятались на дно; всёмъ и въ волѣ, какъ въ неволѣ — холодно, всёмъ холодно!

337. Осенняя пѣсенка.

Вянетъ, вянетъ лѣто красно, улетаютъ ясны дни! Стелется туманъ ненастной ночи въ дремлющей тѣни; опустѣли злачны нивы; хладенъ ручеекъ игривый, лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ; сводъ небесный поблѣднѣлъ.

Скоро, скоро холодъ зимній рошу, поле посѣтитъ; огонекъ въ лачужкѣ дымной скоро ярко заблеститъ.

Пушкинъ.

338. Ласточки.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ; помять онъ, поломанъ и пусть, хоть пышно еще доцвѣтаетъ настурцій въ немъ огненный кустъ... Миѣ грустно! меня раздражаетъ и солнца осеняго блескъ, и листь, что съ березы спадаетъ, и позднихъ кузнечиковъ трескъ. Взгляну-ль по привычкѣ подъ крышу — пустое гнѣздо подъ окномъ; въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу; солома обвѣтрилась въ немъ...

А помню я, какъ хлопотали двѣ ласточки, строя его, какъ прутики глиной скрѣпляли, и пуху таскали въ него! Какъ веселье былъ трудъ ихъ, какъ ловець! какъ любо имъ было, когда пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ выглядывать стали съ гнѣзда! И цѣлый-то день говоруньи, какъ дѣти, вели разговоръ...

потомъ полетѣли, летуньи! я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ! И вотъ — ихъ гнѣздо одиноко! онѣ ужъ въ иной сторонѣ — далѣко далѣко, далѣко... О если бы крылья и мнѣ!

А. Мачковъ.

339. Солнце, морозъ и вѣтеръ.

Шелъ мужикъ, а на встрѣчу ему солнце, морозъ и вѣтеръ. Мужикъ сталъ посреди дороги и поклонился имъ въ поясъ.

«Это онъ мнѣ кланяется», сказала солнце, «чтобы я его не жгло.»

«Нѣтъ не тебѣ, а мнѣ», сказалъ морозъ: «потому что онъ меня болѣе боится.»

— Полно-те вздоръ молоть! перебилъ обоихъ вѣтеръ: не вамъ мужикъ кланялся, а мнѣ.

И начали они между собою спориться и ссориться.

«А коли такъ», сказала наконецъ солнце, «то спросимъ же самого мужика.»

Догнали они мужика и спросили: «скажи, мужикъ, кому изъ насъ троихъ ты отдашь поклонъ?»

— Вѣтру, отвѣчалъ мужикъ.

— Ну что? вѣдь говорилъ я, что нѣ вамъ, а мнѣ! сказала вѣтеръ.

«Такъ я-жъ его, какъ рака испеку!» сказала солнце: «будетъ онъ меня помнить.»

Не испечешь! возразилъ вѣтеръ: какъ начну я вѣять и охлаждать его, такъ не испечешь!

«Ну, такъ я его, бездѣльника, заморожу!» сказалъ морозъ.

— Полно, старина! перестану дуть; такъ безъ меня не заморозишь.

И побрелъ мужикъ своей дорогой, цѣлъ и невредимъ.

Загадка.

Безъ рукъ, безъ ногъ, а ворота открываетъ.

340. Зима.

Гдѣ сладкій шопеть моихъ лѣсовъ? потоковъ ропотъ, цвѣты луговъ? Деревья голы; коверъ зимы покрытъ холмы, луга и доли. Подъ ледяной своей корою ручей нѣмѣть; все цѣпяется, лишь вѣтеръ злой, бушуя, воетъ и небо кроетъ сѣдою мглой.

Здравствуйте, легкія звѣзды пушистаго, перваго снѣга! быстро на темной землѣ таете вы чередой. Но проворно летать за вами другія снѣжинки, словно пчелы весной, воздухъ недвижный пестра. Скоро наступитъ зима; — подъ тонкимъ и звучнымъ желѣзомъ рѣзвыхъ саней завизжитъ холодомъ стиснутый ледъ. Яркъ морозъ затрещитъ! румяныя щеки красавиць вспыхнутъ; иней слегка длинныхъ коснется рѣсницъ. Такъ! пора мнѣ съ тобой расстаться, степная деревня! Крышъ не увижу твоихъ, мягкимъ одѣтыхъ ковромъ, струекъ волнистаго дыма на небѣ холодномъ и синемъ, бѣлыхъ холмовъ и полей, грозныхъ и темныхъ лѣсовъ. Падай обильнѣе, снѣгъ! зоветь меня городъ далекий; хочется встрѣтить опять старыхъ враговъ и друзей.

Встаетъ заря во мглѣ холодной; на нивахъ шумъ работъ умолкъ; съ своей волчихою голодной выходитъ на дорогу волкъ; его почуя, конь дорожный храпитъ — и путникъ осторожный несется въ гору во весь духъ. На утренней зарѣ пастухъ не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва, и въ часъ полуденный въ кружокъ ихъ не зоветъ его рожокъ. Въ пѣбушкѣ, распѣвая, дѣва прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей, трещитъ лучина передъ ней. И вотъ уже трещать морозы и серебрятся средь полей... Опрятнѣй моднаго паркета блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта; мальчишекъ радостный народъ коньками звучно рѣжетъ ледъ... На красныхъ ланкахъ гусь тяжелый, задумавъ плыть по лону водъ, ступаетъ бережно на ледъ, скользитъ и падаетъ; веселый мельнаетъ, вьется первый снѣгъ, звѣздами падая на брегъ.

Вотъ съверъ, тучи нагоняя, дохнулъ, завылъ, и вотъ сама идетъ волшебница зима.

Пришла, рассыпалась; клоками повисла на сукахъ дубовъ; легла волнистыми коврами среди полей, вокругъ холмовъ; берега съ недвижною рѣкой сравнила пухлой пеленою; блеснулъ морозъ. И рады мы проказамъ матушки зимы.

Зима... Крестьянинъ, торжествуя, на дровняхъ обновляетъ путь; его лошадка, снѣгъ почуя, влететъ рысью какъ-нибудь; бразды пушистыя взрывая, летитъ кибитка удалая; ямщикъ сидитъ на облучкѣ въ тупицѣ, въ красномъ кушакѣ. Вотъ обгаеть

дворовый мальчикъ, въ салазки Жучку посадивъ, себя въ коня преобразивъ; шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ: ему и больно и смѣшно, а мать грозить ему въ окно...

Загадка.

Чистъ и ясенъ, какъ алмазь, дорогъ не бываетъ; онъ отъ матери рожденъ, самъ ее рождаетъ.

* 341. Морозъ.

Ой-ой-ой, какъ морозъ всё окошки занёсъ! Опушилъ, опанулъ, будто бѣлымъ крыломъ, а мѣстами сверкнулъ серебрянымъ цвѣткомъ. Вѣтви пальмъ, цѣлый лѣсъ, онъ на стѣкла нанёсъ; честь искусству его! Здѣсь тепло; нужды нѣтъ. На дворѣ каново? Тамъ онъ колетъ и жмётъ. Покажись-ка туда?... Я пойду, не бѣда! Русскій любить морозъ, съ нимъ родился, растётъ и румянѣ розъ на морозѣ цвѣтётъ. Студено, холодно, только любо оно! Свѣтло-алой струей дымъ изъ трубъ вверхъ летитъ; изъ подъ быстрыхъ саней снѣгъ хруститъ и крутитъ.

Загадка.

Дѣдушка мостъ мостить, безъ топора и безъ ножа.

342. Русская зима.

Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ изъ серебряной парчи! на тебѣ горятъ алмазы, словно яркіе лучи. Ты живительной улыбкой, свѣжей прелестью лица пробуждаешь къ чувствамъ новымъ усиленныя сердца. Здравствуй, русская молодка, раскрасавица душа, бѣлоснѣжная лебѣдка, здравствуй, матушка зима!

Намъ не страшень снѣгъ суровый, съ снѣгомъ — батюшка морозъ, нашъ природный, нашъ дешёвый пароходъ и паровозъ. Ты у насъ краса и слава, наша сила и казна, наша бодрая забава, молодецкая зима!

Пляшутъ бѣшенныя тройки, снѣгъ топоча у крыльца; вотъ взвились и полетѣли, что твой соколъ въ небесахъ. Красота ямской артели возжи ловко сжалъ въ рукахъ; въ шапкѣ, въ снѣгъ немъ полушубкѣ такъ и смотреть молодцомъ, погоняетъ загадочныхъ свистомъ, ласковымъ словцомъ.

Вяземскій.

343. Какъ образуется снѣгъ.

«Скажи мнѣ, батюшка», спросилъ однажды маленькій Вася, «какъ образуется снѣгъ?»

«Хорошо, я объясню тебѣ это», сказалъ отецъ. «Ты знаешь, что облака состоятъ изъ влажныхъ испареній; знаешь также, что эти испаренія, сгущаясь, обращаются въ капли и падаютъ на землю въ видѣ дождя; если эти дождевыя капли во время своего паденія замерзаютъ, въ такомъ случаѣ происходитъ градъ; все это ты уже знаешь. Но вотъ послушай дальше. Когда влажныя испаренія, стремясь соединиться въ капли, замерзаютъ прежде, чѣмъ успѣютъ сдѣлаться каплями, тогда образуются клочья, которые и называются *снегомъ*. Если погода бываетъ не очень холодна, то снѣжные хлопья принимаютъ большую величину; если же холодъ бываетъ сильнѣе, то величина ихъ бываетъ гораздо меньше, и въ такомъ случаѣ происходитъ такъ называемыя *изморозь*, совершенно похожая на мелкій дождь.»

Загадки.

1. У насъ на молодую скатерть бѣла весь мѣръ застлала.
2. Я какъ песчинка малъ, а землю покрываю; я изъ воды, а съ воздуха летаю, какъ пухъ лежу я на поляхъ, какъ бриллиантъ блещу при солнечныхъ лучахъ.
3. Зимой грѣеть, весной тѣбеть, лѣтомъ умираетъ, осенью оживаетъ.

344. Зимнее утро.

Морозить. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями. Изъ хижины ранній дымъ разносится клубами въ янтарномъ заревѣ пылающихъ небесъ. Въ раздуміи глядитъ на обнаженный лѣсъ, на дома, крытые ковромъ молодого снѣга, на зеркало рѣки, застынувшей у берега, свѣтила дневнаго кровавое ядро. Отливомъ пурпурнымъ блеститъ снѣговъ серебро; игlistымъ инеемъ, какъ будто пухомъ бѣлымъ, унижена кора по вѣтвямъ помертвѣлымъ. Люблю я, сквозь стекла блистательный узоръ, картиной новою увеселять свой взоръ; люблю въ тиши смотрѣть, какъ раннею порою деревня весело встрѣчается съ зимою. Тамъ, по льду гладкому и скользкому рѣки, свистятъ и искрятся визгливыя коньки; на лыжахъ звѣроловъ спѣшитъ къ лѣсамъ дремучимъ; тамъ въ хижинѣ рыбакъ предъ пламенемъ трескучимъ сухого хворста худую сѣть чинить, и сладостно ему вспомнить прежній бытъ, взирая на стекло окованной пучины — про зори утренни и крики лебединны, про бури ярыя и волнь мятежныя

взрывъ, и свой хранительный подъ ивами заливъ, и про счастливый ловъ въ часы безмолвной ночи, когда лишь мѣсяца задумчивыя очи проглотить, озлатить пучины снѣжной гладь, и свѣтить рыбаку свой неводъ поднимать. *А. Майковъ.*

345. Зимняя ночь.

Ночь морозная настала, небо чисто, какъ стекло; мгла вечерняя пропала, и на улицахъ свѣтло! Мѣсяцъ свѣтитъ надо мною, кровли зданій серебрить; на нихъ бѣлой целеною зимней снѣгъ вокругъ лежитъ. Все спокойно: только бѣгомъ мимо сани пролетать и полозьями по снѣгу звучно, шумно проскрипять да у церкви — не далеко — дремлетъ сторожъ въ тишинѣ и, проснувшись, бьетъ жестоко въ листъ желѣзный на стѣнѣ... Пусто тихо; ужъ пропали огоньки во всѣхъ окнахъ; люди бѣдные устали и покоются въ домахъ.

346. Великодушный незнакомецъ.

Однажды была чрезвычайно холодная зима. Снѣгу навалило болѣе двухъ аршинъ; по льду ѣздили съ тяжелыми обозами. Но передъ наступленіемъ весны сдѣлалась оттепель; снѣгъ началъ быстро таять; пошелъ дождь, сдѣлалось сильное и внезапное наводненіе; мосты были снесены. Нѣсколько стоявшихъ при рѣкѣ домовъ были въ большой опасности; люди, жившіе по берегу рѣки, оставляли свои дома, убѣгая отъ бѣды. Но одно семейство не могло спастись; приливъ воды внезапно распространился по всей окрестности, а ихъ жилище было построено у моста. Ледяныя глыбы одна за другой неслись на окруженную водою избу и грозили ея разрушить. Бѣдное семейство въ этомъ ужасномъ положеніи жалостно просило о помощи чрезъ окошко. На берегу стояло множество народу; всѣ сожалѣли, всѣ кричали, многіе плакали, но никто не рѣшался идти на помощь погибавшему семейству. Наконецъ изъ толпы народа выходить на берегъ незнакомый человѣкъ, садится въ ближайшую рыбацью лодку и счастливо доѣзжаетъ до избы; но такъ какъ лодка была очень мала, то онъ посадилъ въ нее только двухъ человѣкъ. Такимъ образомъ онъ возвращался три раза къ избѣ и спасъ все семейство. Но едва онъ высадилъ на берегъ послѣднихъ двухъ человѣкъ, какъ огромная льдина ударилась объ избу, и она съ ужаснымъ трескомъ обрушилась. Между тѣмъ какъ гла-

за всѣхъ жителей были обращены на разрушавшуюся избу, незнакомый спаситель скрылся въ толѣхъ. Спасенное семейство до того было поражено испугомъ, что не могло спросить даже имени своего спасителя, и когда прочіе люди осмотрѣлись, то уже не замѣтили его нигдѣ.

347. СНИГИРИ И МАЛЫШКИ.

Скоро, слишкомъ скоро проходитъ лѣто! Въмѣсто теплыхъ, ясныхъ дней настаютъ скучные туманы осени, отъ которыхъ вянуть цвѣты, желтѣютъ и грустно вадятся съ деревьевъ листья. А вѣдь отъ осеннихъ тумановъ не далеко и до снѣга: вотъ, пушистыми хлопьями налетѣвъ на землю, то свергаетъ онъ на ней въ алмазныхъ переливахъ при солнечномъ свѣтѣ, то въюгою волнуется, крутятся и клубятся надъ заустѣлыми полями.

У кого есть теплая одежда, кто живетъ въ хорошо натопленныхъ комнатахъ, тому зимою такъ же весело, какъ и лѣтомъ; но бѣдняки съ немалымъ трудомъ отстаиваютъ свою жизнь отъ свирѣпой зимы.

Тяжела зимняя стужа и для маленькихъ птичекъ. Бѣдняжки рѣдко, только случайно, находятъ себѣ пищу зимою, и продрогшія, голодныя, онѣ жалобно чиликаютъ, отыскивая вершинки иногда валяющіяся по близости отъ человеческихъ жилищъ. Пролетаемые вѣтромъ, красногрудые снигири переминаются и переступаютъ съ ноги на ногу у самыхъ дверей и оконъ, высматривая пожиры. У кого доброе сердце, тотъ не отгонитъ бѣдную птичку, не испугаетъ ее крикомъ, не подставитъ ей силка. Она вѣдь никому не дѣлаетъ вреда; а что она озябла и проголодалась, въ томъ, разумѣется, не ея вина. Только злые мальчишки любятъ мучить беззащитныхъ птичекъ.

Въ одно декабрьское утро подлетѣлъ къ окошку Пети измученный холодомъ и голодомъ снигирь. У всякаго сердце заболѣло бы отъ жалости при видѣ несчастной птички, какъ будто прошившей хриплымъ чиликаньемъ: «позвольте мнѣ порѣзаться у вашего окошка. Дайте и покушать; мнѣ вѣдь не много нужно: я буду сыта вашими объѣдками, хлѣбными крошками.»

Что же? Повѣрите ли вы? Петя не только не сжалился надъ снигиремъ, но еще воспользовался его слабостью, поймалъ его и началъ забавляться имъ, какъ кошка, которая играетъ съ пой-

манною мышью, прежде нежели съѣсть ее! Жалостно смотрѣла на мучителя птичка; тяжело дыша, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха, напрасно старалась она высвободиться изъ рукъ его; наконецъ выбилась изъ силъ и умерла.

Черезъ нѣсколько дней потомъ Петя, отлучившійся изъ дома безъ спроса, сбился съ дороги въ лѣсу, который росъ недалеко отъ дома его родителей. Онъ хотѣлъ уже воротиться назадъ, потому что начиналъ чувствовать холодъ въ ногахъ и ознобъ по всему тѣлу, но не тутъ-то было: не имѣя навыка ходить въ лѣсу, Петя удалялся отъ дома, вмѣсто того чтобы къ нему приближаться. Съ ужасомъ оглядывался онъ по сторонамъ: вездѣ деревья, одно другого мрачнѣе, вездѣ, и направо и налево, и впереди и назадъ, глушь безлюдная, безвыходная. Что тутъ дѣлать? Заплакавъ, зарыдалъ Петя. Къ счастью слезы и крикъ его слышалъ крестьянинъ, случайно проходившій по близости. Онъ ласково взявъ мальчика за руку, спросилъ о причинѣ слезъ и, прикрывъ его, озябшаго, собственнымъ тулуномъ, привелъ обратно домой.

Что, если бы крестьянинъ поступилъ при встрѣчѣ въ лѣсу съ Петею такъ, какъ Петя недавно поступилъ со снигиремъ?

348. Пословицы и поговорки, относящіяся къ явленіямъ природы.

Солнце сіяетъ на злыя и благія. Хорошъ и лунный свѣтъ; какъ солнца на небѣ нѣтъ. Рано солнце всходитъ, то ужъ быть дождю. Небо съ овчинку покажется. Чистое небо не боится ни молніи, ни грому. Послѣ ненастья и вѣдро будетъ. Послѣ дождика въ четвергъ. Не величка капля, а камень долбитъ. Безъ росы трава не выростетъ. Кто вѣтромъ служить, тому дымомъ платять. Не спи до зари, заря деньгу даетъ. Утро вечера мудренѣе. Чей день завтра, а нашъ нынѣ. Не суйся пятница прежде четверга. Не гляди сентябрьемъ, гляди розсыпью. Одна ласточка весны не дѣлаетъ. Лѣто собираетъ, а зима поѣдаетъ. Осень говорить: я поля хлѣбомъ уряжу, а весна говорить: еще я погляжу. Зимѣ да лѣту союзу нѣту. Хвали зиму послѣ Николаина дня. Два Николая: одинъ съ травой, другой съ морозомъ. Мясляница объѣдуха, деньгамъ приберуха. Захотѣлъ ты въ апрѣлѣ кислыхъ щей. Ай, ай, мѣсяць май: и тепель, да голодень. Далеко кулику до Петрова дня. Дастъ Богъ дождь, уродится и рожь. Не моли лѣта долгаго, моли лѣта теплаго. Живетъ и такой годъ, что на день семь погодъ.

VII. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВѢКА КЪ БОГУ.

349. Добрый отецъ.

Одинъ добрый отецъ по важнымъ дѣламъ жилъ въ главномъ городѣ страны, а мать съ дѣтми жила вдали отъ него — въ маленькой деревушкѣ. Однажды онъ послалъ имъ большой тюкъ, наполненный дорогими вещами, и при немъ письмо, въ которомъ писалъ «Милыя дѣти! будьте скромны и добры, и вы скоро ко мнѣ прѣдете. Радуйтесь: въ домѣ, который я приготовилъ для васъ, есть еще много и гораздо лучшихъ подарковъ для васъ.»

Услыхавъ это, дѣти пришли въ большой восторгъ и сказали: какъ добръ нашъ отецъ, и сколько радостей онъ доставляетъ намъ! Да, мы хорошо поступаемъ, когда такъ искренно любимъ его, хотя и не видимъ и даже не помнимъ его. Доставимъ же и мы съ своей стороны ему радость: будемъ исполнять все, что написано въ письмѣ его. И какъ велика будетъ наша радость, когда вдругъ увидимъ нашего добраго отца.

Тогда мать сказала: «милыя дѣти! какъ вашъ отецъ поступаетъ съ вами, такъ точно Отецъ небесный поступаетъ со всѣми людьми.

Конечно мы, люди, въ настоящее время не можемъ видѣть всеблагаго Господа Бога. Но Онъ подаетъ намъ дары всякаго рода: солнце, луну и звѣзды, цвѣты и плоды, которые ясно показываютъ Его любовь къ намъ.

Священное Писаніе есть тоже письмо Господа къ намъ, въ которомъ Онъ открываетъ намъ Свою волю и обѣщаетъ царство небесное. О, тамъ еще лучшіе дары и еще большія радости ожидаютъ насъ!

Станемъ же любить Бога исполнять Его волю и радоваться при мысли о царствѣ небесномъ.»

* 350. Богъ не оставляетъ сиротъ.

Вечеръ былъ, сверкали звѣзды, на дворѣ морозъ трещалъ: ѣлъ по улицѣ малютокъ: посинѣлъ и весь дрожалъ. «Боже!» ворила малютка; «я прозябъ и ѣсть хочу; кто-жъ согрѣетъ и ормятъ, Боже добрый, сироту?»

Шла дорогой той старушка—услыхала сироту, приютила и согрѣла и поѣсть дала ему, положила спать въ постельку. «Какъ тепло!» промолвилъ онъ: заперъ глазки, улыбнулся и заснулъ... Спокойный сонъ! Богъ и птичку въ полѣ кормить и кропить росой цвѣтокъ, безприютнаго сиротку также не оставитъ Богъ!

351. Вѣрность.

Одинъ языческій царь приказалъ привести къ себѣ христіанскаго епископа и требовалъ отъ него, чтобы онъ отрекся отъ своей вѣры и принесъ жертву идоламъ. Но епископъ со всею кротостію отвѣчалъ: «государь! этого я не могу сдѣлать.»

«Какъ!» сказалъ тогда разгнѣванный царь, «развѣ ты не знаешь, что жизнь твоя находится въ моей власти, и я могу предать тебя смерти? Одно мановеніе — и тебя не будетъ.»

«Это я знаю», отвѣчалъ епископъ; «но позволь мнѣ, государь, предложить тебѣ одно сравненіе и одинъ вопросъ на рѣшеніе. Представь себѣ, что одинъ изъ вѣрнѣйшихъ служителей твоихъ попался въ руки враговъ твоихъ, и они всячески старались побудить его къ невѣрности противъ тебя и измѣнѣ. Но какъ вѣрный слуга твой оставался неизмѣннымъ и непоколебимымъ въ своей вѣрности, то враги взяли его, сняли съ него всю одежду, и нагаго прогнали отъ себя съ посмѣяніемъ. Скажи, государь, когда онъ придетъ къ тебѣ, не дашь ли ты ему лучшія изъ одеждъ своихъ, и не вознаградишь ли его за посмѣяніе и поруганіе честію и славою?»

«Конечно такъ», отвѣчалъ царь: «но къ чему же это, и гдѣ бы такое случилось?»

Тогда благочестивый епископъ сказалъ! «государь! ты можешь снять съ меня эту земную одежду; но Господь мой облечетъ меня въ новую, лучшую... Могу ли же я такъ много дорожить этою, что и отдать за нее вѣрность мою?»

Тогда царь сказалъ: «иди; я дарю тебѣ жизнь.»

352. Испытаніе.

Константинъ Клоръ, получивъ власть надъ римскою имперіею желалъ увергнуть испытанію своихъ придворныхъ, изъ коихъ большая часть были христіане. Онъ призвалъ ихъ къ себѣ и предложилъ имъ отступить отъ христіанства, въ противномъ же случаѣ повелѣваетъ удалиться отъ двора.

Нѣкоторые изъ нихъ были столь малодушны и достойны презрѣнія, что согласились для выгоды пожертвовать своею вѣрою;

другіе же, и большая часть, лучше желали лишиться почестей, нежели измѣнить своей совѣсти.

Тогда Комстацій, обратясь къ симъ послѣднимъ, превознесъ ихъ похвалами. Когда вы остались вѣрны вашему Богу, сказалъ онъ, то не измѣните и вашему государю. Отнынѣ вѣрю вамъ себя и мои тайны. Потомъ, обратясь къ отступникамъ вѣры, сказалъ: когда вы отступили отъ Бога, то еще скорѣе измѣните государю; съ сими словами онъ изгналъ ихъ отъ себя и удалилъ отъ двора.

353. Друзья послѣ смерти.

Одинъ отецъ разсказалъ своимъ дѣтямъ слѣдующую притчу. Намѣстникъ нѣкоего короля, управлявшій долгое время однимъ островомъ, долженъ былъ наконецъ дать отчетъ въ управленіи своему повелителю, почему и былъ принужденъ отправиться къ нему лично. Друзья, на которыхъ намѣстникъ такъ много полагался, какъ въ ихъ искренности, такъ и въ любви и расположеніи, не тронулись даже съ мѣста, чтобы проводить его хотя до корабля, на которомъ онъ долженъ былъ отправиться.

Другіе, которые его прежде увѣряли въ своей дружбѣ и клялись вездѣ за нимъ слѣдовать, проводили до самаго корабля. Напротивъ тѣхъ, на которыхъ онъ мало или совсѣмъ не полагался, отправились съ нимъ вмѣстѣ и проводили его до самаго царскаго престола; здѣсь они говорили въ его пользу, ходатайствовали за него и просили у царя милости.

Дѣти не поняли этой притчи. Тогда отецъ сказалъ: человѣкъ имѣеть также троякихъ друзей на землѣ, которыхъ онъ тогда только вполне узнаеть, когда оставить сей свѣтъ, чтобы дать отчетъ Царю небесному въ своихъ мірскихъ поступкахъ. Первые эти друзья суть деньги и имѣніе: они не провожаютъ человѣка. Вторые друзья суть родственники и добрые знакомые, которые провожаютъ его по крайней мѣрѣ до могилы. Третьи—его добрыя дѣла, которыя идутъ съ нимъ въ вѣчность до престола Царя царей. Они-то суть ходатаи предъ Господомъ, потому что человѣкъ получаетъ по дѣламъ своимъ наказаніе, или награду.

354. Товія.

Когда Товію младшему, благословенному долгою дней, исполнилось сто двадцать семь лѣтъ, проведенныхъ радостно въ Божіемъ, тогда впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь, и конецъ

житія его приблизился. Сынъ его Азарія стоялъ у одра его и плакалъ; страданія отца раздирали сердце его. Но Товія не жаловался и не стоналъ; душа его была ясна, и лицо просіявало, когда болѣзнь на краткое время отступала.

Тогда Азарія рекъ: «Отче! душа моя недоумѣваетъ, какъ можешь ты быть веселъ и мужественъ въ толикой борьбѣ, въ горькихъ страданіяхъ и предъ лицомъ смерти?»

Товія отверзъ уста свои и рекъ: «сынъ мой! я часто рассказывалъ тебѣ о странствованіи моемъ изъ Ниневіи въ землю мидійскую, которое повелѣлъ мнѣ отецъ во дни моей юности. Подъ руководствомъ Божиимъ, исполнивъ вѣрно волю отца моего, я долженъ былъ возвратиться въ отчизну. Съ радостнымъ мужествомъ пустился я въ трудный путь: ибо я совершилъ дѣло мое и шелъ въ домъ отца моего. Послѣдніе дни странствованія моего были самыя тяжкіе, ибо путь мой лежалъ чрезъ горячія песчанья пустыни и дикія крутыя горы. Но помышленія объ отцѣ и отчизнѣ наполняли сердце мое мужествомъ и укрѣпляли утомленное тѣло мое. Я удвоилъ шаги, достигъ отчизны и палъ въ объятія отца моего.»

Тутъ объяли умирающаго жестокія страданія. Когда они прошли, старецъ улыбнулся и продолжалъ: «и что значить смертный отецъ предъ Вѣчнымъ? Не руководилъ ли Онъ меня въ теченіе жизни? Не посылалъ ли онъ мнѣ ангела Своего во время опасности и печали? Оставить ли меня нынѣ на распутіи? Нѣтъ странствованіе мое скончается; я возвращаюсь въ отчизну.»

По сихъ словахъ Товія благословилъ сыновъ своихъ и сыны сыновъ своихъ, и скончался на рукахъ Азаріи. Они погребли его, и все племя Товія ходило по пути правому, въ жизни непорочной.

355 Сонъ и смерть.

Братски обнявшись, шествовали по землѣ ангель сна и ангель смерти. Наступилъ вечеръ. Они расположились на одномъ холмѣ, не далеко отъ жилищъ человѣческихъ. Вокругъ царствовала глубокая тишина.

Молча сидѣли оба благодѣтельные геніи человѣчества въ дружескихъ объятіяхъ, и вотъ настала ночь. Тогда ангель сна всталъ и тихонько посыпалъ невидимыя зернышки сна. Вечерніе вѣтерки понесли ихъ къ мирнымъ жилищамъ утружденныхъ поселянъ. Сладкій сокъ объялъ всѣхъ жителей — отъ старца съ посохомъ,

въ рукѣ до малютки въ колыбели. Большой забывалъ свою болѣзнь, печальный — свои скорби, бѣднякъ — свои заботы. У всѣхъ сомкнулись глаза.

Совершивъ свое дѣло, благодѣтельный ангелъ сна опять сѣлъ подлѣ своего степеннаго друга. «Когда взойдетъ утренняя заря», сказалъ онъ съ веселою невинностію, тогда люди будутъ благословлять меня какъ друга и благодѣтеля своего. О, какая радость дѣлать добро тайно! какъ счастливы мы, невидимые посланники всеблагаго Существа! какъ прекрасно скромное наше званіе!»

Такъ говорилъ дружественный ангелъ сна. — Съ тихою грустію смотрѣлъ на него ангелъ смерти, и слезы выкатились изъ глазъ его. «Ахъ», сказалъ онъ, «зачѣмъ не могу и я, подобно тебѣ, наслаждаться радостною благодарностію! Меня называютъ на землѣ врагомъ и губителемъ радостей.»

«О, братъ мой!» сказалъ ему ангелъ сна, «но развѣ добродѣтельные не назовутъ и тебя своимъ другомъ и благодѣтелемъ при своемъ пробужденіи, и не будутъ благословлять тебя отъ всей души? Не братья ли мы и не посланники ли одного Отца?»

Такъ говорилъ ангелъ сна, и взоръ ангела смерти прояснился, и крѣпче обнялись братья геніи.

356. Церковь.

Когда ты въѣзжаешь въ село, что прежде всего тебѣ бросается въ глаза? — Церковь!

Стоитъ она выше всѣхъ домовъ; колокольную ты еще версты за двѣ завидѣлъ. Церковь стоитъ поодаль отъ всѣхъ домовъ: ни на одинъ домъ она не похожа и больше всѣхъ домовъ. Ни въ одинъ домъ не пойдутъ міряне со всего села, а въ церкви мѣсто для всѣхъ есть: и старому и малому, и богатому и бѣдному, и здоровому и больному. Всѣ равно предтоять предъ Господомъ.

Въ церкви тебя крестили.

Въ церковь тебя принестутъ, когда отдашь душу Богу.

Близко церкви тебя похоронять.

Словомъ, что бы важнаго въ твоей жизни ни случилось, во всемъ тебѣ помогаетъ церковь.

И не тебѣ одному; посмотри, вокругъ церкви лежатъ отцы твои, дѣды и прадѣды. Всѣ они въ церкви крестились, жени-

лись, приносили крестить своихъ дѣтей; всѣ они тамъ молились гдѣ ты молишься.

Стало-быть церковь не то, что всякій другой домъ. Въ иной домъ ты самъ не пойдешь, въ иной тебя не пустятъ. Въ иномъ домѣ у тебя другъ, въ иномъ врагъ. Но въ церковь Божию всѣ входятъ: и знакомые и незнакомые, и родня и неродня; и други и недруги; и часто враги, предстоя въ одно время предъ престоломъ Божиимъ, умиляются сердцемъ и забываютъ объ обидахъ.

357. Слово въ Великій Пятокъ.

Одному благочестивому пустыннику надлежало сказать что-либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ, вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: «братіе, давайте плакать!» — и всѣ пали на землю и пролили слезы.

Знаю, братіе, что и вы ожидаете теперь слова назиданія; но уста мои невольно заключаются при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ?... И что можно сказать вамъ о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили бы сіи язвы? Кого не тронуть онѣ, тотъ тронется ли отъ слабаго слова человѣческаго? — На Голгоѣѣ не было проповѣди, тамъ только рыдали и били *въ перси своя*. И у сего гроба мѣсто не разглагольствію, а покаянію и слезамъ. Братья! Господь и Спаситель нашъ во гробѣ: начнемъ же молиться и плакать!

Инокентій.

358. Монастырь.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкій въ крутыхъ берегахъ кипитъ, шумитъ, у роши на горѣ высокой обитель иноковъ стоитъ, вокругъ ея стѣна съ зубцами, четыре башни по угламъ и по срединѣ Божій храмъ съ позолоченными главами; рядъ келій, темный переходъ; часовня у святыхъ воротъ съ чудотворящею иконою, и подлѣ ключъ воды студеной журчитъ цѣлительной струей подъ тѣнью липы вѣковой.

И. Козловъ.

359. Истинное благочестіе.

Отецъ Николай, священникъ небольшого села, накопила въ продолженіе долгаго времени, со всею возможною бережливостію,

статки отъ своихъ доходовъ, собрали наконецъ сто рублей. Онъ ихъ назначилъ для покупки въ свою церковь хорошаго кожаного на престольнаго ковчега, въ замѣнъ стараго, посеребрёнаго, который весь уже почернѣлъ и въ которомъ, ему казалось, не прилично было хранить святые дары. Онъ отправился въ путь, пѣшкомъ, съ деньгами въ кожаномъ кошелькѣ, въ ближайшій городъ, гдѣ находилась лавка съ серебряными вещами. И вотъ онъ пришелъ и, проходя по улицамъ, ищетъ глазами желаемого магазина. Между тѣмъ шумъ въ одномъ дворѣ привлекъ его вниманіе. Черезъ отворенныя ворота онъ увидѣлъ полицейскаго чиновника, который, стоя на столѣ, продавалъ съ молотка окружающей его толпѣ: сковороды, кочергу, ухватъ, разную посуду и другія вещи какаго-то бѣдняка.

Бѣднякъ стоялъ въ углу двора и, со слезами на глазахъ смотрѣлъ, какъ переходили въ чужія руки необходимыя вещи столь долго служившія ему, и безъ которыхъ онъ съ своей семьей оставался въ совершенной нищетѣ. — Отецъ Николай подошелъ къ нему и ласковымъ голосомъ, который такъ къ лицу служителямъ Божиимъ, спросилъ: зачѣмъ онъ продаетъ свое хозяйство?

— Это не я продаю, отвѣчалъ бѣднякъ, а продаетъ полиція по жалобѣ хозяина дома. Вотъ уже два года, какъ я все болѣю и не могу зарабатывать, сколько мнѣ нужно; я задолжалъ за квартиру, и мои вещи продаются въ уплату долга. Богъ знаетъ, въ состоянн ли я буду...

Священникъ не далъ ему кончить. Онъ обратился къ полицейскому: — какую сумму долженъ этотъ человекъ?

— Сто пять рублей, тридцать пять копѣекъ?

Священникъ вынулъ изъ кармана кожаный кошелекъ, въ которомъ было сто рублей, прибавилъ къ нимъ пять рублей тридцать пять копѣекъ изъ денегъ, взятыхъ имъ на дорогу, и заплатилъ долгъ.

Бѣднякъ собралъ свое хозяйство и со слезами благодарилъ священника. Отецъ Николай, какъ пришлось, не ѣвши и безъ ковчега, воротился домой. Онъ рассказалъ своимъ прихожанамъ приключеніе и прибавилъ: «Я буду по прежнему хранить святые дары въ старомъ истертомъ ковчегѣ. Богу, Который по любви къ намъ родился въ ясляхъ, угоднѣе будетъ наша помощь бѣдной семьѣ, нежели серебряный ковчегъ для Его тѣла и крови.»

360. Пословицы религиозныя.

Безъ Бога ни до порога, а съ Богомъ хоть за море. Гдѣ любовь, тутъ и Богъ. Живи не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Не по нашему хотѣнью, а по Божьему изволенью. Тотъ не унываетъ, кто на Бога уповаеть. На Бога надѣйся, а самъ не плошай. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Коли самъ плохъ, такъ не дастъ и Богъ. Кто Бога не боится, тотъ и людей не стыдится. Дастъ Богъ утро и день, дастъ и пищу. Кого хочетъ Богъ наказать, у того отнимаетъ разумъ. Убогимъ Богъ убѣжище. Береженаго и Богъ бережетъ. Совѣсть добрая есть гласъ Божій. Блаженнѣе далти, нежели взимати. Блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ. Послѣ смерти нѣтъ покаянїя. Вольному воля, а спасенному рай. Жить—Богу служить. Въ малѣ Богъ, и въ великѣ Богъ. Другъ объ другѣ, а Богъ обо всѣхъ. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Сѣй, разсѣвай, да на небо взирай! Съ молитвой въ устахъ, съ работой въ рукахъ. Съ Бога начинай, и Господомъ кончай.

361. Притчи Иисуса Христа.

(Еванг. отъ Матвея, гл. 13.)

- а Вышедши же въ день тотъ изъ дому, Іисъ сѣлъ оу морѣ.
 б И собралось къ Немъ множество народа, такъ что Онъ вошелъ и сѣлъ; а весь народъ стоялъ на верегѣхъ.
 в И повѣчалъ ихъ много притчами, говорѣ: вотъ, вышелъ сѣ-
 тель сѣять.
 д И когда Онъ сѣлъ, иное оупало при дорогѣ: и налетѣли птицы и поклевали то.
 е Иное оупало на мѣста каменистыя, гдѣ не много было земли, и тотчасъ взошло, потому что земля была не глубока.
 з Когда же взошло солнце, погорѣло и, такъ какъ не имѣло корня, засохло.
 и Иное оупало въ терние, и выросло терние, и заглушило его.
 н Иное оупало на добрую землю, и принесло плодъ: одно во сто кратъ, а другое въ шестьдесятъ, иное же въ тридцать.
 о Кто имѣетъ оуши слышать, да слышитъ.
 п И приступивъ, оученики сказали Ему: для чего притчами говориши имъ;
 а Іисъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: для того, что вамъ дано знать тайны црствїа небсннхъ, а имъ не дано.

- вѣ Ибо кто имѣеть, томѣ дано вѣдетъ и приумножится: а кто не имѣеть, оу того отнимется и то, что имѣеть.
- гѣ Потомѣ говорю имѣ притчами, что Они видѣти не видѣтъ, и слыша не слышатъ, и не разумѣютъ.
- дѣ И свывѣется надъ ними прѣрочество Исаи, которое говоритъ: слухомѣ оуслышите, и не оуразумѣете: очи оу очами смотрѣть вѣдете и не оувидите.
- еѣ Ибо отъгрѣвило сердце людей сихъ, и оушамѣи ѣ трѣдомѣ слышатъ, и очи свои сомкнули, да не оузрѣтъ очами и не оуслышатъ оушамѣи, и не оуразумѣютъ сердцемѣи, и да не вѣратѣтся, чтобы ѣ исцѣлилъ ихъ.
- жѣ Ваши же блаженны очи, что видѣтъ, и оуши ваши, что слышатъ.
- зѣ Ибо истинно говорю вамѣ, что многіе прѣороки и праведники желали видѣти, что вы видите, и не видѣли, и слышать, что вы слышите, и не слышали.
- иѣ Вы же выслушайте значеніе притчи ѣ сѣтеель.
- ъѣ Ко всѣкому, слышающему слово ѣ прѣстѣи и не разумѣющему, приходитъ лѣкавый и похищаетъ посѣанное в сердце ѣго: вѣтъ когѣ ѣзначаетъ посѣанное при дорогѣ.
- вѣ А посѣанное на каменистыхъ мѣстахъ ѣзначаетъ того, кто слышитъ слово, и тотчасъ ѣ радостію принимаетъ ѣго.
- гѣа Но не имѣеть в себѣ корня и непостояненъ: когдѣ настанетъ скорѣвь или гоненіе за слово, тотчасъ совлазнетъ.
- гѣв А посѣанное в терниѣ ѣзначаетъ того, кто слышитъ слово, но забота вѣка сегѣи и ѣвольщеніе богатства заглушаетъ слово, и онѣо вываетъ безплодно.
- гѣг Посѣанное же на доброй землѣ ѣзначаетъ слышащаго слово и разумѣющаго, который и вываетъ плодѣносенъ, такъ что иной приноситъ плодъ во сто кратъ, иной в шестьдесятъ, а иной в тридцать.
- гѣд Другѣю притчѣ предложилъ онѣи имѣ, говорѣ ѣ царство небное подобно чѣивку, посѣавшему доброе сѣмя на полѣ своемѣ.
- гѣе Когдѣ же люди спали, пришелъ врагѣи ѣго и посѣалъ между пшеницею плевелы, и оушелъ.
- гѣз Когдѣ взошла зѣлень и показался плодъ, тогда явились и плевелы.

- кз Пришедши же рабы домовладыки, сказали е́мъ: господина не доброе ли сѣмя сѣялъ ты на полѣ своемъ; ѿкуда же на немъ плéвель; и отвѣда она, ѿмоу, отвѣкла оти она.
- кн Онъ же сказа́лъ имъ отвѣра́и члв́къ: сѣя́лъ е́то. А рабы сказа́ли е́мъ: хочешь ли, мы поиде́мъ, соведе́мъ ихъ;
- ко Но Онъ сказа́лъ: и́тъ: ꙗ́кы вы, собира́а плéвель, вы не выдержали вмѣстѣ съ ними пшеницы.
- л Уста́вьте расти́ вмѣстѣ то и дру́гое до жатвы, и по вре́мъ жатвы ꙗ́ скажѹ жнеца́мъ: соберите́ пре́жде плéвель, и свя́жите ихъ, ꙗ́ пшеницу́ оубере́ите въ житни́цу мою.
- ла Иню́ притчу́ предложи́а Онъ имъ, гого́ра: цр́ство нб́сное подобно́ зерну́ горчи́чному, кото́рое члв́къ взя́а и посѣя́а на полѣ́ своемъ.
- лв Кото́рое, хотѹ́ меньше́ всѣхъ сѣмени́, но когда́ вы́ростетъ, выва́етъ во́льше всѣхъ зла́ковъ и стано́вится дере́вомъ, та́къ что прилета́ютъ пти́цы нб́снымъ и оу́крыва́ются въ вѣтвяхъ егѡ́.
- лг Иню́ притчу́ сказа́а Онъ имъ: цр́ство нб́сное подобно́ за́кваскѣ, кото́рую же́нщина, взя́въ, положи́а въ три мѣры́ му́ки, доко́ль не вскисло́ все.
- лд Все́ сие́ Исѹ́ говори́а притча́ми и и́ безъ притчи́ не говори́а имъ.
- ле Да свѣ́детсѹ́ рече́нное чре́з проро́ка, кото́рый говори́тъ: ѿверъѹ́ въ притча́хъ оуста́ мой, и зрекѹ́ сокрове́нное ѿ созда́нiя мiра.

362. Кни́га бы́тiя гла́ва 1.

- а Въ нача́лѣ сотвори́ Бгъ нбо́ и зе́млю.
- б Зе́мля́ же вѣ́ невидима́, и небу́строена́: и тма́ верху́ вѣданы́: и Дхъ́ Бжií ноша́шесѹ́ верху́ воды́.
- в И рече́ Бгъ: да вѣ́детъ свѣ́тъ: и бѣ́сть свѣ́тъ.
- г И ви́дѣ Бгъ свѣ́тъ, ꙗ́къ до́бро: и разлучи́ Бгъ ме́ждъ свѣ́томъ, и ме́ждъ тмо́ю.
- д И наре́че Бгъ свѣ́тъ день, и тма́ наре́че но́щь, и бѣ́сть ве́черъ, и бѣ́сть оутро́, де́нь е́динъ.
- е И рече́ Бгъ: да вѣ́детъ тве́рдь посре́дѣ воды́: и да вѣ́детъ разлуча́ющи посре́дѣ воды́: и бѣ́сть та́къ.
- з И сотвори́ Бгъ тве́рдь: и разлучи́ Бгъ ме́ждъ водо́ю, ꙗ́же вѣ́ подъ тве́рдю́, и ме́ждъ водо́ю, ꙗ́же вѣ́ надъ тве́рдю́.

- и И нарече Бгъ твердь нбо : и видѣ Бгъ , ꙗко добрѣ , и высть вечеръ и высть оутро , день вторый .
- б И рече Бгъ : да соверетсѣ вода , ꙗже подъ нбсемъ и собраніе едино , и да ꙗвитсѣ съша : и высть такъ : и собрасѣ вода ꙗже подъ нбсемъ , в собраніѣ своѣмъ , и ꙗвисѣ съша .
- г И нарече Бгъ съшъ зѣмлю : и собраніѣмъ вѣдъ нарече морѣ : и видѣ Бгъ , ꙗко добрѣ .
- аи И рече Бгъ : да прораститъ землѣмъ выліе травное , съющее сѣмъ по родѣ и по подобію , и дрѣво плодовитое творѣщее плодъ , ѣмъ же сѣмъ ѣгѣмъ в нѣмъ по родѣ на землі : и высть тако .
- ви И ѣзнесѣ землѣмъ выліе травное , съющее сѣмъ по родѣ и по подобію , и дрѣво плодовитое творѣщее плодъ , ѣмъ же сѣмъ ѣгѣмъ в нѣмъ по родѣ на землі : и видѣ Бгъ , ꙗкѣ добрѣ .
- ги И высть оутро , день третій .
- ди И рече Бгъ : да вѣдѣтъ свѣтила на тверди нбснѣй , ѡсвѣщати зѣмлю , и разлѣчати междѣмъ днѣмъ , и междѣмъ нощію : и да вѣдѣтъ и знаменіѣмъ , и во времена , и во дни и в лѣта .
- еи И да вѣдѣтъ в просвѣщеніе на тверди нбснѣй , ꙗкѣ свѣтити по землі : и высть такъ .
- зи И сотвори Бгъ два свѣтила великаѣмъ : свѣтило великое в началѣ днѣ , и свѣтило мѣншее в началѣ нощи , и звѣзды .
- зѣ И положи ѣ Бгъ на тверди нбснѣй , ꙗкѣ свѣтити на зѣмлю , ии И владѣти днѣмъ и нощію , и разлѣчати междѣмъ свѣтомъ и междѣмъ тмѣю : и видѣ Бгъ , ꙗкѣ добрѣ .
- ѣи И высть вечеръ , и высть оутро , день четвѣртый .
- к И рече Бгъ : да ѣзведѣтъ воды гады дѣшъ живыхъ и птицы летающыѣ по землі по тверди нбснѣй : и высть тако .
- ка И сотвори Бгъ киты великіѣмъ , и всѣмъ дѣшъ животныхъ гадѣмъ , ꙗже ѣзведѣша воды по родѣмъ ихъ , и всѣмъ птицѣмъ пернатѣмъ по родѣ : и видѣ Бгъ , ꙗко двбра .
- кв И благослови ѣ Бгъ , глѣмъ : раститесѣмъ и множитесѣмъ , и напѣлните воды , ꙗже в морѣхъ : и птицы да оумножатсѣ на землі .
- кг И высть вечеръ , и высть оутро , день пятый .
- кд И рече Бгъ : да ѣзведѣтъ землѣмъ дѣшъ живѣ по родѣ , четвѣронѣгамъ и гады и звѣри землі по родѣ : и высть такъ .
- ке И сотвори Бгъ звѣри землі по родѣ , и скоты по родѣ ихъ и всѣ гады землі по родѣ ихъ , и видѣ Бгъ , ꙗкѣ двбра .

кз И рече Бгъ : сотворимъ члвѣка по образѣ нашему и по подобію : и да овладаетъ рыбами морскими и птицами небными [и звѣрми], и скотами, и всею землею, и всеми гадами пресмыкающимися по землі.

кз И сотвори Бгъ члвѣка, по образѣ Бжю сотвори его : мужа и жену сотвори ихъ.

ки И благослови ихъ Бгъ, гла : раститеся и множитесь, и наполните землю, и гдствуйте ей, и овладайте рыбами морскими [и звѣрми], и птицами небными, и всеми скотами, и всею землею, и всеми гадами пресмыкающимися по землі.

кф И рече Бгъ : се дахъ вамъ всѣкую траву сѣмению съюшью сѣмя, еже есть верхъ землі всея : и всѣкое древо, еже имать в себѣ плодъ сѣмене сѣменнаго, вамъ вдаеть в снѣдь.

л И всѣмъ звѣремъ земнымъ, и всѣмъ птицамъ небнымъ, и всѣмъ гадъ пресмыкающимся по землі, иже имать в себѣ дѣш животѣ, и всѣмъ травъ зелению в снѣдь : и высть такъ.

ла И видѣ Бгъ все ѣлика сотвори и се добра зѣлъ, и высть вечеръ, и высть оутро, день шестый.

363 . Книги бытія глава лз.

а Вселися же Іаковъ в землі, идѣже обитѣ Ісаакъ, оцъ его, въ землі Ханаани.

в Си же роди Іаковъ : Іосифъ же бѣше семнадцати лѣтъ, пасый овы оца своего с братією своею, юнъ сый, с сими баалы, и с сими Зѣлфы, женъ оца своего, нанесоша же на Іосифа зла клеветъ ко Ісраилю оцъ своему.

г Іаковъ же люблѣше Іосифа паче всѣхъ синовъ своихъ тако снъ в старости емъ высть : и сотвори емъ ризъ пестръ.

д Видѣвше же братіа его, яко любитъ его оцъ паче всѣхъ синовъ своихъ, возненавидѣша его, и не можаху глаголати к нему ничтоже мирно.

е Видѣвъ же Іосифъ сонъ, повѣда братіа своей.

з И рече имъ : послушайте сна сего, его же видѣхъ.

з Шнѣхъ васъ вѣждущихъ снопы средѣ поля и воста мой снопы, и ста прѣмъ : ваши же снопы обратившеса поклоншася моему снопу.

- и Рѣша же ѣмъ вратѣмъ егѡ : ѣгда црѣствѡмъ црѣствовать вѣдешинадѡ нами , или гдѣствѡмъ гдѣствовать вѣдешинадѡ нами ; и приложиша ѣще ненавидѣти ѣго сиѡвѡ ради ѣго и ради словесъ егѡ .
- ѡ Видѣ же сѡнъ дрѡгѣй , и повѣда ѣго ѡцѣ своемъ , и вратѣи своеѣй , и рече : се видѣхъ дрѡгѣй сѡнъ : ѡки вы сѡлнце и лѡна , и единѡнадесятъ звѣздъ поклонѡхусѡ мнѣ .
- т И запрети ѣмъ ѡцѣ егѡ , и рече ѣмъ : что сѡнъ сей , ѣго же ѣси видѣлъ ; ѣгда пришѣдше приѣдемъ ѡзъ и мѡти твоѡ , и вратѣмъ твоѡ поклонитисѡ тебѣ до землѣи ;
- аи Позавидѣша же ѣмъ вратѣмъ егѡ : ѡцѣ же егѡ соблюде слово сѣе .
- ѡи ѡидѡша же вратѣмъ егѡ пастѣи ѡвцы ѡцѡ своегѡ в Ѣвхѣмъ .
- гѣ И рече Исраиль ко Іѡсифѣ : ѣгда вратѣмъ твоѡ не пасѣтъ в Ѣвхѣмъ ; градѣи , да послю тѡ кѡ нимъ , рече же ѣмъ : се ѡзъ .
- дѣ Рече же ѣмъ Исраиль : шѣдъ , видѣ , ѡще зарѡвствѣютъ вратѣмъ твоѡ и ѡвцы ; и повѣжда мнѣ , и посла ѣго ѡ юдѡбли Хеврѡни : и приѣде в Ѣвхѣмъ .
- ѣи И ѡвръте ѣго члѣвѣкъ завлѣждающа на пѡли : вѡпроси же ѣго члѣвѣкъ , глаголѡмъ : чегогѡ ищѣши .
- ѣи ѡнъ же рече : вратѣи моѡмъ ищѣ : повѣжда мнѣ , гдѣ пасѣтъ .
- ѣи Рече же ѣмъ члѣвѣкъ : ѡидѡша ѡсѡдѡ : слышахъ во ихъ глаголющихъ : пойдемъ в Дѡданѣмъ . и иде Іѡсифѣ в слѣдъ вратѣи своемъ , и ѡвръте ѡ из Дѡданѣмъ .
- ии Прѣдъзрѣша же ѣго издалѣче , прѣжде привлѣженѣи егѡ кѡ нимъ : и злѣ оумыслиша оубѣити ѣго .
- ѡи Рече же кѡнждѡ кѡ вратѣмъ своемъ : се сновидѣцъ ѡнѣй иѣдетъ .
- кѣ Нынѣ оубѡ приѣдите , оубѣемъ ѣго и ввѣржимъ ѣго во ѣдинъ ѡ рѡвѣ : и речемъ : свѣрь лютѣ снѣде ѣго : и оузримъ , что вѣдѣтъ сѡниѡ егѡ .
- ка Слышавъ же Рѡвѣмъ , ѡмъ ѣго из рѡвѣкъ ихъ . и рече : не оубѣемъ ѣго на дѡшѣи .
- кв Рече же имъ Рѡвѣмъ : не пролѣйте крѡве : ввѣрзите ѣго во ѣдинъ ѡ рѡвѣкъ сѣихъ , иже в пѣстыни , рѡвѣи же не возложѣте на него : [тѣишесѡ во] гѡко да изыметъ ѣго ѡ рѡвѣкъ ихъ , и ѡдѡстѣ ѣго ѡцѣ своемъ .
- кг Бѣысть же ѣгда приѣде Іѡсифѣ кѡ вратѣи своеѣй , совлекѡша со Іѡсифѡ рѣзъ пѣстрѣлю , ѡже на нѣмъ .
- кд И поѣмше ѣго , вверѡша в рѡвъ : рѡвъ же тѡцѣ , водѣи не имѡше .

- кѣ И сѣдоша ѧсти хлѣвъ: ꙗко въззрѣвше очима, видѣша: ꙗко се пѹт-
ницы Исмаилѣне идѣху ѿ Галаада, ꙗко вельюды ѧхъ полны
ѡмліама, ꙗко рѣтины *] ꙗко стѣкты: идѣху же везѹще во Егѹпетъ.
- кз Рече же Иуда къ братіи своєи: како польза, аще оубіємъ брата
нашего, ꙗко скрыйемъ кровь егѡ.
- лз Градите продадимъ егѡ Исмаилѣаномъ симъ: рѣчь же наши
да не вѣдѹтъ на нѣмъ, ꙗко братья наши, ꙗко плоть наша єсть.
послѣшаша же братіа егѡ.
- лн И мимодоша члѣвцы Мадіамастїи кѡпцы: ꙗко ѡзвлекѡша и воз-
ведѡша Іѡсїфа изъ рѡва, ꙗко продѡша Іѡсїфа Исмаилѣаномъ на
двѣдесѣть златницъ: ꙗко поведѡша Іѡсїфа во Егѹпетъ.
- ло Возвратїся же Рѡвимъ къ рѡвѹ, ꙗко не оузрѣ Іѡсїфа въ рѡвѣ:
разстерзѡ рїзы своѡ,
- лп И прїиде къ братіи своєи, ꙗко рече: Строчище нѣсть, азъ же
како идѡ вѣтомъ;
- лр Взѣмше же рїзѹ Іѡсїфовѹ, заклѡша козлище ѿ кѡзъ, ꙗко по-
мѡзаша рїзѹ кровію.
- лс И послѡша рїзѹ пѣстрѣю, ꙗко принесѡша ко Оцѣ своємѹ, ꙗко ре-
кѡша: сїю ѡбрътохомъ: познавай, аще рїза сына твоегѡ
єсть, ꙗко ли нї.
- лт И позна ю, ꙗко рече: рїза сына моего єсть: свѣрь люте
снѣде егѡ: свѣрь восхитї Іѡсїфа.
- лу И растерзѡ Іаковъ рїзы своѡ, ꙗко возложи вѣтїще на чресла
своѡ, ꙗко плакашесѡ сїа своего дни многї.
- лѵ Говрѡшасѡ же вси сынове егѡ ꙗко дщєри, ꙗко прїидѡша оутѣшити
егѡ: ꙗко не хотѣше оутѣшитисѡ, глагола: ꙗко снѣдѡ къ снѣ
моемѹ свѣдѡ во адъ, ꙗко плакашѡ ѿ нѣмъ Оцѣ егѡ.
- лѶ Мадіане же продѡша Іѡсїфа во Егѹпетъ Пентѣфрію євнѹхѹ
Фараѡновѹ, архїмагїрѹ.

364. Книги бытія глава ѡа.

- а Бїсть же по двою лѣтѹ днєи, Фараѡнъ видѣ сонъ: мнѡшесѡ
стоѡти при рѣчь.
- б И се ѡки изъ рѣки ѡсхождѡху сѣдмь краѡвъ добры видомъ, ꙗко
избранны тѣлесы, ꙗко пасѡхуся по брегѹ.

*] Тѣкъ масїтїи изъ дрѣва текѹщїи.

- Г Дрѹгѹм же сѣдмь крапцѹ нзыдоша по снхъ изъ рѣки злы вѹ-
домз и тѣлесы хѹды, и пасѹхѹсѹ сѣ кравами по врегѹ рѣчномѹ.
- Д И пождоша сѣдмь кравы злыѹ и хѹдыѹ тѣлесы сѣдмь крапцѹ
добрѹхъ вѹдомз, и избраннѹхъ тѣлесы. [и сѹм невидимы выша,
ѹкѹ внидоша в чресла нхъ.] воста же Фараонъ.
- Е И видѣ сѹнз вторѹй : и се сѣдмь класѹ нсхождахѹ изъ стѣблѹм
ѣдинагѹ избраны и добры.
- З Дрѹзѹн же сѣдмь класѹ тонцын, нстончѣни вѣтромз, нзрастахѹ
по нхъ.
- И И пожроша сѣдмь класѹ тонцын и нстончѣни вѣтромз, сѣдмь
класѹвз избраннѹхъ и полнѹхъ. воста же Фараонъ, и бѹше
сѹнз.
- И Бѹсть же завтра, и возмѹтѹсѹ дѹша ѣгѹ : и послѹвз, созва
всѹ сказѹтели Егѹпетскѹ, и всѹ мѹдарѹм ѣгѹ : и повѣда нмз
Фараонъ сѹнз своѹ и не бѹше сказѹмѹ тогѹ Фараонѹ.
- Ф И рече старѣйшина вѹнарскѹ к Фараонѹ, глагола : грѣхъ моѹ
вспоминаю днесь.
- Г Фараонъ разгнѣвѹсѹ на рабы своѹ и вверже насѹ в темницѹ,
в домѹ архѹмагѹра, мене и старѣйшинѹ житѹрска.
- Д И видѣхѹмз сѹнз Ѣва ѣдинѹм ноци азъ и онъ, кѹждо своѹ
сѹнз видѣхѹмз.
- В И бѹше же тамѹ сѹ нами юноша, Ѣтрокѹ Еврѣннѹ архѹмагѹровнъ:
и повѣдахѹмз ѣмѹ, и разсѣди намз.
- Г И бѹсть же ѹкѹже сказа намз, тѹкѹ и случѹсѹ, мнѹ пѹки
быти во своѣмз старѣйшинствѹ а онѹм повѣшенѹ.
- Д И послѹвз же Фараонъ, призва Іѹсѹфа : и нзведоша ѣгѹ нз
твердыни, и ѹстригоша ѣгѹ и нзмѣниша рѹзы ѣмѹ : и прѹиде
к Фараонѹ.
- Е И рече же Фараонъ Іѹсѹфѹ : сѹнз видѣхѹ, и сказѹмѹ ѣгѹ нѣсть:
азъ же слышахѹ ѹ тебѹ глаголющѹхъ, ѹкѹ слышавз сны,
разсѹждаѣши тѹмъ.
- З И Ѣвѹчѹвз же Іѹсѹфѹ Фараонѹ, рече : безъ Бѹга не ѹвѣщѹетсѹ
спасѣнѹ Фараонѹ.
- И И рече же Фараонъ Іѹсѹфѹ, глагола : во снѹ моѣмз мнѹхѹсѹ
стоѹти на врезѹ рѣчнѹмз :
- И И ѹкѹ нз рѣки нсхождахѹ сѣдмь кравы добры вѹдомз, и нз-
бранны тѣлесы, и пасѹхѹсѹ по врегѹ.

- ѳі И се другіа седмь кравь исхождахъ и слѣдъ ихъ изъ рѣки, слы и недобры видомъ, и худы тѣлы, іаковыхъ не видѣ таковыхъ во всей землі Егѳпетстѣй худшихъ.
- ѳѣ И измодоша седмь кравы слыа и худыа седмь кравъ первыхъ добрыхъ и избранныхъ.
- ѳа И внидоша во оутрѣвы ихъ и не іавишася. іако внидоша во оутрѣвы ихъ и ввличахъ ихъ зла быша іакъ и исперва: воставъ же, [пакі] оуснухъ.
- ѳв И видѣхъ пакі во снѣ моёмъ, и акі седмь класы исхождахъ изъ єдинаго стѣвліа полны и добры.
- ѳг Дрззи же седмь класы тонцыи и вѣтромъ истончєни існицяхъ в слѣдъ ихъ.
- ѳд И пожрѣша седмь класы тонцыи и вѣтромъ истончєни седмь класовъ добрыхъ и полныхъ. рѣхъ оубо сказателемъ, и не высть повѣдай мнѣ тогѣ.
- ѳе И рече Іусифъ Фараонъ: сонъ Фараоновъ єдинъ: єсть єлика Пѣз творитъ, показя Фараонъ.
- ѳз Седмь кравы добрыа седмь лѣтъ сѣть, и седмь класы добрицъ, седмь лѣтъ сѣть, сонъ Фараоновъ єдинъ єсть.
- ѳи И седмь класы худыа же изыдоша по снѣхъ, седмь лѣтъ сѣть, и седмь класы тонцыи, и истончєни вѣтромъ седмь лѣтъ сѣть: вѣдѣтъ седмь лѣтъ глада.
- ѳи Слово же єже рѣхъ Фараонъ, єлика Пѣз творитъ, показя Фараонъ.
- ѳѳ Се седмь лѣтъ приходитъ, обилность многа во всей землі Егѳпетстѣй.
- л Приидѣтъ же седмь лѣтъ глада по снѣхъ: и забѣдѣтъ сѣтости вѣдѣшымъ во всемъ Егѳптѣ, и погѣбитъ гладъ землю:
- ла И не познаетсѣ Обиліе на землі ѿ глада вѣдѣшаго по снѣхъ: силенъ во вѣдѣтъ сѣлѣ.
- лв Повторисѣ же сонъ Фараонъ дважды, іако истинно вѣдѣтъ слово єже ѿ Пѣа: и оускоритъ Пѣз сотворити Оно.
- лг Пынь оубо оусмотрі члѣвка мудра и смыслена, и постави єго надъ землєю Егѳпетскою:
- лд И да сотворитъ Фараонъ. и поставитъ мѣстоначланики по землі: и да собираютъ пѣтвю часть ѿ всѣхъ плодовъ землі Егѳпетскіа седмь лѣтъ Обилныхъ:

лѣ И да совершѣтъ всѣмъ пищѣ седми лѣты градѣишихъ добрыхъ
сѣихъ: и да совершѣтъ пшеница подъ рѣкѣ Фараоню: пища во
градѣхъ да хранитсѣ.

лѣ И вѣдѣтъ пища соблюденѣна земли на семь лѣтъ гладныхъ, иже
имѣтъ быти въ землѣ Египетскѣй, да не потребитсѣ земля въ
гладѣ.

лѣ Оугодно же вѣсть слово предъ Фараономъ и предъ всѣми рабѣи егѣ.

лѣ И рече Фараонъ всѣмъ равѣмъ своимъ: еда ѡвращемъ члвѣка
сицеваго, иже имать Дѣла Нѣжѣ въ севѣ.

лѣ Рече же Фараонъ Іѡсифѣ: понѣже показа Бгъ тебѣ всѣ сѣи,
нѣсть члвѣка мѣдрѣйша и смѣсленнѣйша паче тебѣ.

лѣ Ты вѣдѣши въ домѣ моѣмъ, и оустъ твоихъ да послѣшаютъ
всѣ люде мои: развѣ престоломъ азъ болѣе тебѣ вѣдѣ.

лѣ Рече же Фараонъ Іѡсифѣ: се поставлю тѣ днѣсь надъ всею
землею Египетскою.

лѣ И снѣмъ Фараонъ перстень съ рѣки своеѣ, возложи егѣ на
рѣкѣ Іѡсифовѣ: и ѡвлече егѣ въ ризѣ червленѣхъ, и возложи
гривнѣхъ златѣхъ на вѣю егѣ:

лѣ И всади егѣ на колесницѣхъ свою вторѣю, и проповѣда предъ нимъ
проповѣдника: и постави егѣ надъ всею землею Египетскою.

лѣ Рече же Фараонъ Іѡсифѣ: азъ Фараонъ: безъ тебѣ не воздвиг-
нетъ рѣки своеѣ никтоже во всей землѣ Египетскѣй.

лѣ И нарече Фараонъ имѣмъ Іѡсифѣ, ѡноомфанихъ: и даде емѣ
Асенѣфѣ, дщѣрь Петефрѣи жреца Илопѣлскаго, емѣ въ женѣ.

лѣ Іѡсифѣ же вѣше лѣтъ тридесѣти, егда предста Фараонѣ, црѣю
Египетскомѣ, изыде же Іѡсифѣ ѡ лица Фараона, и пройде
всю зѣмлю Египетскѣю.

лѣ И сотвори земля въ седми лѣтѣхъ Обилнѣхъ жатвѣ.

лѣ И собра въсѣмъ пищѣ седми лѣтъ, и ниже вѣше Обилность
въ землѣ Египетскѣй: и положи пищѣ во градѣхъ: пищи полъ
града свѣшихъ Окрестъ егѣ положи въ немъ.

лѣ И собра Іѡсифѣ пшеницѣхъ иако песѣкъ морской многѣхъ стѣмъ,
дондеже не можѣхъ исчести: безъ числа во вѣше.

лѣ И Іѡсифѣ же вѣста два сына, прѣжде пришѣствѣмъ седми лѣтъ
гладныхъ, иже роди емѣ Асенѣфа, дщѣрь Петефрѣи жреца
Илопѣлска.

ѡа Нарече же Іўсифъ ѡмъ первенцѣ, Манассѣмъ, [глаголомъ]: ꙗко за-
 быти мнѣ сотвори Бѣгъ всѣмъ волѣзнии моѣ, и всѣмъ, ꙗже Оца моего.
 ѡв ѡмъ же второму нарече Ефраимъ, [глаголомъ]: ꙗко возрасти мѣ
 Бѣгъ въ земли смиреніѣ моего:
 ѡг Минуша же седмь лѣтъ Обильныхъ, ꙗже быша въ земли Егѣ-

ѡд И начаша седмь лѣтъ глѣдныхъ приходити, ꙗкоже рече Іўсифъ:
 ѡи бысть глѣдъ по всей земли: во всей же земли Егѣпетстѣй
 [не] быша хлѣба.

ѡе И взала всѣ земли Егѣпетскѣ: возопи же народъ къ Фараону
 ѡ хлѣбѣхъ. рече же Фараонъ всѣмъ Егѣптяномъ: идите ко
 Іўсифу, ѡ ꙗже речеть вамъ, сотворите.

ѡз И глѣдъ бѣше на лицѣхъ всей земли. ѡвѣрзе же Іўсифъ всѣ
 житницы, ѡи продааше всѣмъ Егѣптяномъ.

ѡз И всѣ страны приходяху во Егѣпетъ, куповати ко Іўсифу:
 ѡвдержаше во глѣдъ всю землю.

365. Книги Бытія глава ѡв.

ѡ Видѣвъ же Іаковъ, ꙗко купомъ есть [пшеницы] во Егѣптѣ,
 рече сѣомъ своимъ: почто не радите.

ѡв Се слышахъ, ꙗко есть пшеница во Егѣптѣ: идите тамъ, ѡи
 купите намъ малу пици, да живи вѣдемъ ѡи не оумремъ.

ѡг Идоша же братіѣ Іўсифовы десѣтъ, купити пшеницы во Егѣпетъ.
 ѡд Ренѣмина же, брата Іўсифова, не ѡишести ѣ братіѣю егѣ,
 рече во: да не когда случится [на пѣтѣ] емѣ слѣ.

ѡе Придоша же сѣоме Ісраилевы купити ѣ приходящими: бѣше
 во глѣдъ въ земли Ханаанстѣй:

ѡс Іўсифъ же бѣше князь земли: сей продааше всѣмъ людемъ
 земли [томъ]. пришедше же братіѣ Іўсифовы, поклонишася
 емѣ лицемъ до земли.

ѡз Видѣвъ же Іўсифъ братіѣю свою, позна: ѡи ѡтчуждѣшесѣ ѡхъ:
 ѡи глаголаше ѡмъ жестоку. ѡи рече ѡмъ: ѡкѣдъ придоште; ѡи
 же рѣша: ѡи земли Ханаанскѣ, купити пици.

ѡи Позна же Іўсифъ братіѣю свою: ѡи же не познаша егѣ.

ѡѣ И помани Іўсифъ сны свои, ꙗже видѣ ѡи: ѡи рече ѡмъ,
 соглѣдѣте есте, соглѣдѣте пѣтѣи страны [сѣмъ] придоште.

ѡт ѡи же рѣша: ни, гдѣне, рѣчи твоѣ придохомъ купити пици.

- аї Всі єсмы сїнове єдинаго члвѣка: мїрницы єсмы, не сѣтъ равнї твой согладати.
- бї Рече же їмъ: нї, но пѣти земли [сѣм] прїидете согладати.
- гї Они же рѣша: дванадесѣть єсмы братїм, равнї твой в земли Ханаани: и се меншїй [ѡ насъ] со оцѣмъ нашими днесь: а другаго нѣсть.
- дї Рече же їмъ Іўсифъ: сїе єсть, єже рекохъ вамъ, глагола: ꙗкѡ согладати єстѣ.
- єї Въ сѣмъ павитеса: такъ ми здравїа Фараона, не изыдете ѡсюдѡ, аще братъ вашъ меншїй не прїидетъ съмъ.
- ѕї Послите ѡ себѣ єдинаго, и возьмите врата вашего: вы же держимы вѣдите, дондеже ꙗвѣ вѣдѣтъ словеса ваша, аще истинствуете или нї: аще же нї, такъ ми здравїа Фараона, воистинѣ согладати єстѣ.
- зї И даде ѡ подѣ стражѡ, на три дни.
- иї Рече же їмъ в день третїй: сїе сотворите, и живи вѣдете: Бѣга во азъ воюса.
- ѣї Аще мїрницы єстѣ, братъ вашъ да оудержитса єдинъ подѣ стражею: сами же идите, и ѡтвезите къ пленю пшеницѡ вашѡ: и врата вашего меншаго приведите ко мнѣ, и вѣрна вѣдѣтъ словеса ваша; аще же нї, оумрете: и сотвориша такъ.
- ка И рече кїждо к братѡ своему: єї, во грѣсѣхъ во єсмы врата ради нашего, ꙗко презрѣхомъ скорѣнїе дѡшнї єгѡ, єгда молашесѡ намъ, и не послушахомъ єгѡ: и сегѡ ради прїиде на ны скорѣнїе сїе.
- кв Сѡвѣщавъ же Рѡвѣмъ, рече їмъ: не рѣхъ ли вамъ, глагола: не прешѣдите дѣтица; и не послушасте мене: и се кровь єгѡ разыскветса.
- кг Тїи же не вѣдѣша, ꙗко развѣдетъ Іўсифъ: толмачъ во междѡ ими вѣше.
- кд Сѡвративса же ѡ нїхъ, проплакаса Іўсифъ: и паки прїиде к нимъ, и рече їмъ: и подѣ Сумешна ѡ нїхъ, и свѣза єго предѣ ними.
- ке Повелѣ же Іўсифъ наполюти сосѡды ихъ пшеницы, и возвратити сребрѡ ихъ кождо во вретїще свое, и дати їмъ вѣшно на пѣтъ: и вѣсть їмъ такъ.
- кѕ И возложивше пшеницѡ на ѡслы свои, ѡидѡша ѡтѣдѡ.

366. Іова гл. лѡ—м̄.

Или ты швложилъ еси конѡ силою, и швлеклъ же ли еси выю егѡ въ страхъ; Швложилъ же ли еси егѡ всеоружіемъ, слѡвѡ же персей егѡ дерзостию; Копытомъ копѡмъ на полі иґраеть, и иґсходитъ на поле съ крѣпостию: Ерѡтамъ стрѣлы посмѣиваетъ, и не швратитъ ш же-лѣза. Надъ нимъ иґраеть лукъ и мечъ, и гнѣвомъ потрѣви зѣмлю, и не имать вѣры іати, дѡндеже вострѣвити трѣва. Трѣвѣ же вострѣ-вившей глаголетъ: благоже: издалеча же швонѣти рать, со скака-ніемъ и ржаніемъ. И твоєю ли хитростию стоитъ іастрева, распро-стѣръ крилѣ недвижимъ зрѡ на югъ; Твоимъ же ли повелѣніемъ воз-носите ѡрелъ; неѡсытъ же на гнѣздѣ своемъ сѣдѡ вселѣетъ на верѣ камене и въ сокровѣнѣ; Тамъ же сый иґщеть вращна, изда-леча Очи егѡ наблюдаютъ.

Извлечеши ли змѡ оудицею, или швложиши оузда ш ноздрѣхъ егѡ, или вдѣжеши колцѣ въ ноздри егѡ; шиломъ же повертиши ли оустнѣ егѡ; возглаголетъ же ли ти съ молѣніемъ, [или] съ прошѣ-ніемъ крѡткъ; сотворитъ же ли завѣтъ съ тобою; поймеша же ли егѡ равѡ вѣчна; понграеша же ли съ нимъ, іакоже со птицею, или свѣжеша егѡ іако вравѡмъ дѣтишъ; всѡ плавающѡмъ совравшесѡ, не подѡмѣтъ кожи единымъ ѡшиба егѡ, и коравли рыбарей главы егѡ.

367. Псаломъ дѡ.

Гдѡ, ктѡ швбитаетъ въ жилищи твоѡмъ; или ктѡ вселѣтѡ во стѣю гѡрѡ твою; ходѡй непорѡченъ, и дѣлаѡй правдѡ, глаголаѡй иґстинѡ въ сѣрдцѣ своемъ. Иже не оулсти іазыкомъ своимъ, и не сотвори иґскреннемъ своемъ зла, и поношенѡмъ не прѡйтъ на влижнѡмъ своемъ: оуничженъ естъ предъ нимъ лѡкѡвнѡмъ, боѡщѡмъ жесѡ Гдѡ славитъ: кленѡмъ иґскреннемъ своемъ, и не шметѡмъ: сребрѡ своегѡ не даде въ лѡхѡ, и мзда въ неповинныхъ не прѡйтъ, тво-рѡй сѡдѡ не подвижитѡ во вѣкъ.

368. Псаломъ. иѡ.

Нѣсѡ повѣдаютъ слѡвѡ Гдѡ, творѣніе же рѡкъ егѡ возвѣщаетъ тѣрѣдѡ. Дѣнь днѡ шрыгаеть глѡ, и ношь ноши возвѣщаетъ рѡзѡмъ. Не сътъ рѣчи, ниже словеса, иґхже не слышатѡмъ гласи иґхъ. Во всю зѣмлю иґзыде вѣщаніе иґхъ, и въ концы вселѣннѡмъ глаголы иґхъ, въ сѡлнцѣ положи селѣніе свое: и той іакѡ женихъ иґсходѡй ш чертога

своегѡ, возраддетса ѣкѡ исполнѣтъ теши пѣтъ: ѡ краѣмъ нѣсѣ исхѡдѣ
 ѣгѡ, и срѣтеніе ѣгѡ до краѣмъ нѣсѣ: и нѣсть ѣже оукрыетса теплоты
 ѣгѡ. Законъ Гдѣнь непороченъ, ѡбращаѣмъ дѣшы: свидѣтельство
 Гдѣне вѣрно, оумѣдрѣющее младенцы, ѡправданіемъ Гдѣмъ права, ве-
 селѣща сѣрдце; заповѣдь Гдѣмъ свѣтла, просвѣщающа ѡчи.
 Страхъ Гдѣнь чистъ, преываѣмъ въ вѣкъ вѣка: судьбы Гдѣни ѣстинны,
 ѡправданы вѣспѣ: вождѣбны пачѣ злата и камене чѣстна многа,
 и слаждаша пачѣ мѣда и соѣта. Ибо рабѣ твоѣи хранѣтъ ѣ: внегда
 сохранѣти ѣ воздаѣніе много. Грѣхѡпаденіемъ ктѡ разѡмѣтъ; ѡ тай-
 ныхъ моѣхъ ѡчѣсти мѣ, и ѡ чѣждѣхъ пощади раба твоегѡ: ѣще
 не ѡбладаютъ мною, тогда непороченъ бѣдѣ, и ѡчѣшѣса ѡ грѣхѣ ве-
 ліка. И бѣдѣтъ до благоволеніе словеса оустъ моѣхъ, и повѣченіе сѣца
 моегѡ предъ тобою вѣнѣ. Гдѣи помощниче моѣи и избавителю моѣи.

369. Притчи Соломоновы.

изъ второй главы.

- а Бже, ѣще прѣимъ глаголѣ моеѣ заповѣди, скрѣши въ себѣ.
 в Послѣшаетъ премѣдрости твоѣ оухѡ, и приложѣши сѣрдце твое
 къ разѡмѣ: приложѣши же ѣ въ наказаніе сынѣ твоемѣ.
 г ѣще во премѣдрость призовѣши, и разѡмѣ даси гласѣ твоѣи,
 чѣвство же възыщѣши великимъ гласомъ:
 д И ѣще възыщѣши ѣмъ ѣкѡ сревра, и ѣкоже сокровѣща испѣтаѣши ю.
 е Тогда оуразѣмѣши страхъ Гдѣнь, и познаніе Бжѣе ѡбращѣши:
 з Икѡ Гдѣ даѣтъ премѣдрость и ѡ лица ѣгѡ познаніе и разѡмѣ:
 и И сокровѣщѣетъ исправляющимъ спасеніе, защищѣетъ же
 шѣствие ѣхъ.
 и Бже сохранѣти пѣти, ѡправданій, и пѣтъ благоговѣнствѣющихъ
 ѣгѡ сохранѣтъ.
 ѡ Тогда оуразѣмѣши правдѣ и судѣ, и исправиши всѣ стѣзи благѣмъ.
 т ѣще во прѣидѣтъ премѣдрость въ твою мѣсль, чѣвство же твоѣи
 дѣши добродѣ быти возмнѣтса,
 аи Говѣтъ добрѣ сохранѣтъ тѣ, помышленіе же преподѡбное со-
 блюдетъ тѣ:
 вѣ Да избавѣтъ тѣ ѡ пѣти злагѡ, и ѡ мѣжа глаголюща ничтѡже вѣрно:
 гѣ Ѣ ѡставѣши пѣти правыхъ, ѣже ходѣти въ пѣтѣхъ тмѣ!
 дѣ Ѣ веселѣщѣтса ѡ слыхѣ, и радѣющѣтса ѡ развращеніи злагѣмъ!

- ̅҃҃҃ И҃же стези стрѣпотни, и крива течѣніа ихъ, ѣже далѣче тѣ
 сотворити ѿ пѣти правѣагъ,
 ̅҃҃҃ И чѣжда ѿ праведнагъ разума, снѣ да тѣ не постигнетъ со-
 вѣтъ слѣи,
 ̅҃҃҃ Уставающій оучѣніе юности, и завѣта Бжественнагъ забывшій.
 ̅҃҃҃ Постаѣи во при смѣрти дома своѣа, и при ѣдѣ сѣ земными
 дѣланіа своа:
 ̅҃҃҃ Всѣи ходѣщій по немѣ не возвратѣтса, никѣ постигнѣтъ стези
 правыхъ, ни во достигнѣтъ лѣтъ жизни:
 ̅҃҃҃ Аще во выша ходѣли вѣ стези благіа, швѣрѣли оубѣ выша
 стези правы гладки. блѣзи вѣдѣтъ житѣли на землѣ, незлѣбѣви
 же встанѣтъ на нѣй:
 ̅҃҃҃ Яко правѣи вселѣтса на землѣ, и пренѣдѣбни встанѣтъ на нѣй:
 ̅҃҃҃ Пѣтѣ нечестѣвыхъ ѿ землѣ погнѣнѣтъ, прѣвѣззакѣни же ѣзри-
 нѣтса ѿ нѣмѣ.

ИЗЪ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ.

- ̅҃҃҃ Блаженъ члѣвкъ, иже швѣрѣте премѣдрѣсть, и смѣртѣнъ, иже
 оубѣдѣ разумъ.
 ̅҃҃҃ Лучше во сѣю кѣповѣти, нежели злата и сребра сокрѣвища,
 ̅҃҃҃ Честнѣйша же ѣсть кѣменій многоцѣнныа: не сопротивлетса
 ѣй ничѣже лѣкаѣ. благознѣтна ѣсть всѣмъ прѣближающымса
 ѣй, всѣко же честнѣе недѣстойно ѣмѣ ѣсть.
 ̅҃҃҃ Долготѣ во житѣи и лѣта жизни вѣ деснѣцѣ ѣмѣ, вѣ шѣцѣ же
 ѣмѣ богѣтство и слаѣа: ѿ оубѣ ѣмѣ ѣсходѣтѣ правѣа, законъ
 же и милѣсть на ѣзыцѣ нѣситѣ.
 ̅҃҃҃ Пѣтѣ ѣмѣ пѣтѣ добри, и всѣа стези ѣмѣ мирны:
 ̅҃҃҃ Дрѣѣво животѣа ѣсть всѣмъ держѣщымса ѣмѣ, и воскланѣющымса
 на нѣю, ѣко на Гдѣа, твердѣа.
 ̅҃҃҃ Бѣтъ премѣдрѣстѣю ѣсновѣа землѣю, оубѣготѣа же невѣса разумѣмъ:
 ̅҃҃҃ Вѣ чувствѣа ѣгѣ вѣзаны разѣверѣшаса, ѣблацы же ѣсточѣша рѣсѣ.
 ̅҃҃҃ Снѣ, да не прѣминѣши, совлѣдѣи же мѣой совѣтъ и мыслѣ:
 ̅҃҃҃ Да живѣа вѣдѣтѣа лѣуша твоѣа, и благодѣтъ бѣдетѣа на твоѣей выи:
 [вѣдѣтѣа же ѣсцѣленѣе плѣтемъ твоимъ и оубрѣчѣванѣе костѣмъ
 твоимъ].
 ̅҃҃҃ Да ходѣши надѣвѣса вѣ мирѣ во всѣхъ пѣтѣхъ твоихъ, ногѣ же
 твоѣа не потѣкнетса.

ѡдъ ѿще во сѣдѣши, безвозмезднѣ будѣши, ѿще же поспѣши, сла-
достнѣ поспѣши:

ѡе ѿ не оубоиши сѣ страхѣ нашедшаго, ниже оустремленіа нече-
стивыхъ нахощаго:

ѡзъ Гдѣ во будѣтъ на всѣхъ путѣхъ твоихъ, и оутвердитъ ногѣ
твою, да не поползнешисѣ.

ѡзъ Не ѡреци сѣ благоговорити трѣбующему, егда имать рука твоѣ
помогати.

ѡи Не рцы: ѡтшѣдъ возвратисѣ, и завтра дамъ, силнѣ ти сѣшъ
благоговорити: не вѣси во что породитъ нахощій день.

ѡо Не сплетай на друга твоего зла, пришельца сѣща и оупо-
вающа на тѣ:

ѡа Не враждуй на члѣвѣка твое, да не что на тѣ содѣетъ злое.

ѡа Не стажни слыхъ мѣже поношеніа, ни возревнуй путѣмъ ихъ.

ИЗЪ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЫ.

ѡа Послушайте дѣти наказаніа оубо, и внемлите развѣсти по-
мышленіе.

ѡб Даръ во благій дарю вамъ: моего закона не ѡставляйте.

ѡгъ Сынъ во выхъ и азъ оубо послушливый, и любимый предъ ли-
цемъ матере:

ѡдъ Иже глаголаша и оучиша мѣ: да оутверждѣтсѣ наше слово
въ твоёмъ сердцѣ: храни заповѣди: не забывай,

ѡе Стажи премѣдрость, стажни развѣмъ: не забвди, ниже презри рече-
ніа моихъ оустъ, ниже оуклонисѣ ѡ глаголъ оустъ моихъ.

ѡзъ Не ѡстави еѣ, и иметсѣ тебе: возжелѣй еѣ, и соблюдетъ тѣ.

ѡзъ Начало премѣдрости: стажати премѣдрость, и во всемъ ста-
жаніи твоёмъ стажни развѣмъ.

ѡи ѡградѣ ю, и вознесѣтъ тѣ: почти ю, тѣ да ѡбѣметъ:

ѡо Да дастъ главѣ твоей вѣнецъ благодѣтей, вѣнцемъ же сладости
защититъ тѣ.

ѡа Слыши сѣе, и прѣими моѣ словеса, и оумножатсѣ лѣта
живота твоего, да ти будѣтъ мнози пути житіа.

ѡбъ Путѣмъ во премѣдрости оучѣ тѣ, наставляю же тебе на те-
ченіа праваѣ.

ѡвѣ ѿще во ходиши, не запнѣтсѣ стопы твоѣ: ѿще ли течѣши,
не оутрѣдиши сѣ.

- ГІ Имѣса моего наказаніа, остави: но сохрани є себѣ въ жизнь твою.
- ДІ На пути нечестивыхъ не иди, ниже возревни пѣтемъ законопреступныхъ.
- ЕІ На немже аще мѣстѣ вѣмъ совербѣтъ, не иди тамъ: оуклони-са же ѿ нихъ, и измѣни.
- ЗІ Не оуснѣтъ бо, аще зла не сотворѣтъ: ѿметса сонъ ѿ нихъ, и не спѣтъ.
- ИІ Тѣи бо питаются пищею нечестіа, виномъ же законопреступнымъ оупиваются:
- ИІІ Путь же праведныхъ подобенъ свѣту свѣтатса: предхѣдѣтъ и просвѣщаютъ, дондеже исправитса дѣнь.
- КІ Путь же нечестивыхъ тѣмни: не вѣдѣтъ, како претыкаются.
- КІІ Сне моимъ глаголомъ внимаи, и моимъ же словесемъ прилагаи оухо твоє.
- КІІІ Да не ѿскѣбѣютъ ти источницы твои, храни ѿ въ сердца твоѣмъ: живѣтъ во сѣть вѣмъ ѿвертающимся ѿ и всѣй плоти ихъ исцѣленіе.
- КІІІІ Всѣмъ храненіемъ влуди твоѣ сердце: ѿ сѣхъ бо исхѣдиша живота.
- КІІІІІ Оуми ѿ себѣ строптива оуста, и ѿбидливы оустнѣ далече ѿ тебе ѿрѣни.
- КІІІІІІ Очи твои право да зрѣтъ, и вѣжди твои да помаваютъ праведна.
- КІІІІІІІ Права теченіа твори твоими ногами; и пути твои исправляи: не уклони са ни на десно, ни на шѣе: отврати же ногѣ твою отъ пути зла.
- КІІІІІІІІ Путь бо деснымъ вѣсть Гдѣ, развращени же сѣтъ, иже ѿшѣю: Тѣи же права сотворитъ теченіа твои, и хожденіа твои въ мѣръ поспѣшитъ.

ИЗЪ ДЕСЯТОЙ ГЛАВЫ.

- А Снз премѣдръ веселитъ оца: снз же безѣмнѣ печаль матери.
- В Не пользѣютъ сокровища беззаконныхъ, правда же избавитъ ѿ смѣрти.
- Г Не дубѣтъ гладомъ Гдѣ дѣшѣ праведнѣю, живѣтъ же нечестивыхъ низвратитъ.
- Д Нищета мѣжа смиретъ: рѣцѣ же мѣжественныхъ ѿбогачаются.

- Ѣ Снз наказанъ премъдръ вѣдетъ, безумный же слвгою оупотре-
битса: спасетса ѿ зноа снз разумный, вѣротлненъ же вы-
вдетъ на жатвѣ снз беззаконный.
- Ѥ Благословеніе Гдне на главѣ праведнаго: оуста же нечесті-
выхъ покрыетъ плачь безвременный.
- Ѧ Памать праведныхъ съ похвалами: йма же нечестівыхъ оуга-
саетъ.
- ѦѢ Ѿ многословіа не извѣжиши грѣхѣ: шадмй же оустнѣ, ра-
зменъ вѣдешн.
- ѦѤ Греврѣ разженное ѡзыка праведнаго: сердце же нечестиваго
исчезнетъ.
- ѦѦ Оустнѣ праведныхъ вѣдѣтъ высѡкамъ: безумніи же въ скѣдсти
скончаваются.
- ѦѦѤ Благословеніе Гдне на главѣ праведнаго, сіе ѡбогашаетъ, и
не ймать приложитса емѣ печаль въ сердце.
- ѦѦѦ Омѣхомъ безумный творитъ славу: премъдрость же мъжеви
раждаетъ разумъ.
- ѦѦѤ Изъ погивели нечестивый ѡбнѡсится: желаніе же праведнаго прѣ-
ѣтно.
- ѦѦѦ Преходѣщей вѣри, нечестивый йсчезаетъ: праведный же оукло-
нитса спасаетса во вѣки.
- ѦѦѤ Йкоже грѣздіе зеленое вредь збѡмъ, и дымъ очима: такъ
законопрестѣпленіе творщымъ ѣ,
- ѦѦѦ Страхъ Гднь прилагаетъ дни: лѣта же нечестивыхъ оумалѣтса.
- изъ главы двадцать четвертой.
- ѦѦѦѤ Не вѣди свидѣтель живъ на твоего гражданина, ниже простра-
ннѣйса твойма оустнѣма.
- ѦѦѦѦ Не рцы: ймже ѡбразомъ сотвори ми, сотвориѣ емѣ, и ѡмщѣ
емѣ, йлиже ма прешвѣдѣ.
- ѦѦѦѤ Йкоже нива мъжъ безумный, и йакъ винограды члѣвкъ скѣдо-
умный:
- ѦѦѦѤѤ Йще ѡставиши его, ѡпѣстетъ, и травѡю порастетъ весь и
вѣдетъ ѡставленъ, ѡграды же каменнымъ его раскопаются.
- ѦѦѦѤѦ Послѣднй ѡзъ покѡмхса: воззрѣхъ йзврати наказаніе.
- ѦѦѦѤѦѤ Малъ дремлю, малъ же сплю, и малъ ѡбѣмлю рѣкѣма перси.
- ѦѦѦѤѦѦ Йще же сіе твориши, прійдетъ прѣидѣши нищета твоѡ, и
скѣдость твоѡ йакъ блѣгъ течѣцъ.

370. Премудрости Ісуса сына Сирахова, гл. в.

- а Чудо, аще пристѹпаєши рабѠтати Гдѣви Бг҃у, оуготови дѹшѹ твою во искѹшеніе:
- б Оуправи сердце твоє, и потерпи, и не скорѹи буди во время наведеніа:
- г Прилѣпнѣи ємѹ, и не ѡтѹпи да возрастєши на послѣдокѹ твоѹ.
- д Все єлико аще, нанесєно ти вѹдетѹ прїимѹ и во измѣненіи смиреніа твоегѹ долготерпи:
- є Ико во Однѹ искѹшаєтсѹ злато, и члѣвцы прїѡтнѹ в пещи смиреніа.
- ѕ Вѣрѹи ємѹ, и застѹпнѣтѹ тѹ, и оуправи пѹти твоѹ, и оуповай нанѹ,
- з Болющисѹ Гдѹ, пождѣте милости єгѹ, и не оуклонѣтсѹ, да не падєте:
- и Болющисѹ Гдѹ, вѣрѹйте ємѹ, и не имать ѡпасти мздѹ вѹша:
- ѡ Болющисѹ Гдѹ, надѣйтсѹ на благѹм, и весєліє вѣка и милости.
- т Воззрѣте на дрєвнѹ рѠды, и видѣте: ктѹ вѣрова Гдѣви, и постыдѣсѹ; илѣи ктѹ превѣсть в стращѣ єгѹ, и ѡстависѹ; илѣи ктѹ призвѹ єгѹ, и презрѣ и;
- аі Занє щєдрѹ и милостивѹ Гдѹ, и ѡставляєтѹ грѣхѹ, и спасаєтѹ во время скорѹи.
- бі ГѠре сердцѹмѹ страшнѹвымѹ и рѹкамѹ ѡслаблєннымѹ, и грѣшникѹ ходѹщѹ на двѣ стєзи:
- гі ГѠре сердцѹ ѡслаблєнѹ, тѹкѹ не вѣрѹєтѹ: сегѹ рѹди покровєннѹ не вѹдетѹ.
- дї ГѠре вѹмѹ погѹблєшымѹ терпѣніє: и чтѹ сотворнѣтѹ, єгда поскѣтѣтѹ Гдѹ:
- єі Болющисѹ Гдѹ не сѹмнѣваютсѹ ѡ глаголѣхѹ єгѹ, и любѹщїи єгѹ сохранѣтѹ пѹти єгѹ:
- ѕї Болющисѹ Гдѹ пощѹтѹтѹ благоволєніа єгѹ, и любѹщїи єгѹ испѠлнатсѹ законѹ:
- зї Болющисѹ Гдѹ оуготовѹтѹ сердца своѹ, и прєд нимѹ смирѣтѹ дѹшы своѹ, [глаголюще]:
- иі Да впадємѹ в рѹцѣ Гдѣни, а не в рѹцѣ члѣвѣчески: тѹкѹ во величєство єгѹ тѹко и милость єгѹ.

ГЛАВА 5.

- а И вмѣстѣ друга не буди врагъ, ѿмъ бо лукаво стѣдзъ и поношеніе наслѣдитъ: сице грѣшникъ двоюзыченъ.
- б Не возноси себѣ совѣтомъ души твоѣмъ, да не расхищена будеть ѡки юнець душа твоѡ:
- г Дѣствіе твоѣ поѡси, и плоды твоѡ погубиши, и вставиши себѣ ѡкв древо сѣхо.
- д Душа лукава погубитъ стѣжавшаго ю, и порѡдованіе врагѡмъ сотворитъ єго.
- е Гортань сладокъ оумножитъ други своѡ, и ѡзыкъ доброглаголивъ оумножитъ дшвы бесѣды.
- с Мирствующи съ тобою да вѣдуть мнози: совѣтницы же твоѡ єдинъ ѡ тысащъ.
- з ѡще стѣжеша друга, во ѡскушеніи стѣжи єго, и не скорѡ оувѣрси ємъ.
- и Есть бо другъ во врѣмъ своѣ, и не превѣдетъ во врѣмъ скорби твоѣмъ.
- ѡ И єсть другъ прѣмѣнѡмъ во врагъ, и свѡрз поношеніи твоегѡ ѡкрыетъ.
- т И єсть другъ ѡбщникъ трапѣзамъ и не превѣдетъ во врѣмъ скорби твоѣмъ.
- аі И во благихъ твоихъ будеть ѡкоже ты, и на равъ твоѡ дерзнеть.
- бі ѡще смиренъ будеша, будеть на тѡ, и ѡ лица твоегѡ скрѣтсѡ.
- гі Ѹ врагѡвъ твоихъ ѡлчи сѡ, и ѡ другѡвъ твоихъ внимай.
- ді Другъ вѣренъ, кровъ крѣпокъ: ѡвѣртыи же єго ѡвѣрте сокровище.
- єі Другъ вѣренъ нѣсть ѡзмѣны, и нѣсть мѣрила добротѣ єгѡ.
- сі Другъ вѣренъ, врачеваніе житію, и боѡщисѡ Гда ѡвращаетъ єго.
- зі Боѡщисѡ Гда оуправлетъ дружбу свою, ѡкоже во самъ, ѡкв и ѡскренни єгѡ.

ГЛАВА 6.

- а Прѣмѡдрость смиреннагѡ вознесеть главъ єгѡ, и посреде велимѡжъ посадитъ єго.
- б Не похвали члѣвѡка въ красотѣ єгѡ, и не буди ти мѣрзокъ чловѣкъ видѣніемъ своимъ.
- г Жалѡ єсть въ пернатыхъ пчелѡ, и начѡтокъ сладостей плодъ ємъ.

- ā Но ѡдѣлании ризъ не похвалисѧ, и въ день славы не превозносисѧ. ѡкѡ дѣлна дѣла Гдѣмъ, и тайна дѣла ѣгѡ предъ члѣвѣки.
- ē Мнѡзи мѣчители сѣдоша на земли, нечѣстмый же оубазѣсѧ вънцѣмъ.
- ̄с Мнѡзи силити оукорѣни быша зѣлѡ, и славнии предани быша въ рѣки инѣхъ.
- ̄з Первѣе неже испытаѣши не порицай, оубразѣмѣи прежде, и тогда запрещай.
- и Прежде неже оуслышиши, не ѡвѣщавай, и не влагайсѧ въ средѣ бесѣды.
- ъ Ѡ вещи, ѡже ти нѣсть на потребѣ, не тѣжисѧ, и на судѣ грѣшникѡвъ не сѣдай.
- ̄т Чѣдо, дѣланимъ твоимъ да не вѣдѣтъ ѡ мнозѣ: ѡще оумножиши, не вѣдѣши неповиненъ, и ѡще се гониши, не постигнеши, и не оутечеши въжащъ.
- āī Есть тѣрждѣайсѧ и потѣсѧ и тѣсѧ, и толѣкѡ пѣче лишѣетсѧ.
- бī Есть слава и трѣбѡмъ заступлѣнѣмъ, лишѣайсѧ силы, и нищетѡю избѡилѣетъ.
- ̄тī И Очи Гдѣни призрѣста ѣмѣ въ благѡмъ, и воздѣже ѡ смиренѣмъ ѣгѡ, и вознесе главѣ ѣгѡ, и дивѣшасѧ ѡ немъ мнози.
- ̄дī Благѡмъ и зламъ, живѡтъ и смѣрть, нищета и богатство, ѡ Гдѣ сѣтъ.

ГЛАВА ли.

- ̄сī Чѣдо, надъ мертвецѣмъ источи слѣзы, и ѡже злѣ страждущѣмъ начини плачь: и ѡже достѡитъ ѣмѣ, соскѣтай тѣло ѣгѡ, и прѣзри погребѣнѣмъ ѣгѡ.
- ̄зī Горекъ сотвори плачь, и рыданѣе тепло, и сотвори сѣтованѣе, ѡже ѣмѣ достѡити, день ѣдинъ и два хѣленѣмъ ради, и оутѣшисѧ печѣли ради:
- иī Ѡ печѣли во смѣрть вывѣетъ, и печѣль сердѣчнаѣмъ слѣчетъ крѣпость.
- ъī Въ нанесѣнѣи превывѣетъ и печѣль, и житѣе нишагѡ въ сѣрацы.
- ̄к Не дѣждь въ печѣль сѣрдца твоегѡ, ѡстави ю поманѣвъ послѣднимъ.
- ̄ка Не завѣди, нѣсть во возвращѣнѣмъ, и ѣмѣ пользы не сотвориши, и севѣ ѡзлѡбиши.
- ̄кв Помни сѣдъ ѣгѡ, ѡкѡ сѣце и твоѣ: мнѣ вчера, а тебѣ днѣсь.

ѣгъ въ покои мертвеца оупокоей паметъ егѡ, и оутѣшиша ѡ немъ во исходѣ дѡа егѡ.

ГЛАВА ѡа.

а Ѣ смерть, коль горька твоѡ естъ паметъ члѣвкъ мирно во имѣннѡхъ своихъ живущѣ,

б Шжеви не пекѡщѣса и благополѣчнѣ во всѣхъ, и ещѣ возмогающѣ прѣати пищѣ.

г Ѣ смерте, добръ сѣдъ твоѡ естъ члѣвкъ трѣбующемѣ, и оумалѡющѣса крѣпостю,

д Въ послѣдней старости сѣшемѣ, и пекѡщѣса ѡ всѣхъ, и невѣрствующѣ, и погубившѣ терпѣнїе.

е Не войсѣ сѣдѡ смерти: помѡни перцамъ твоѡмъ и послѣднѡмъ сей во сѣдѣ ѡ Гдѡ всѡкой плѡти:

ѕ И почтѡ ѡмѣшешисѣ благоволѣнїѡмъ вышнѡгѡ; аще десѣтъ, аще стѡ, аще тысѣща лѣтъ,

з Нѣсть во адѣ ѡбличенїѡмъ животѡ.

371. Пророка Іеремїи гл. ѡс, ст. г—вї.

Возмите оружіе и щиты, и идите на брань, ѡсѣдѡйте кони, и всѣдѡйте всѡдники, и станите въ шлемѣхъ вашихъ, оуставите кѡпѣѡ, и ѡблечитесѣ въ брѡниѡ ваша. Чтѡ оубѡ видѣхъ ихъ страшнѡвѡхъ, и хребты ѡбращающѡхъ; крѣпцыи ихъ извѣты, повѣгоша скорѡ, и не ѡзрѣшасѣ вспѡтъ, ѡвсюдѡ страхъ, глетѣ Гдѣ. Не оутечетѣ легкій, ниже возмѡжетѣ извѣвитесѣ крѣпкій на полнощѣ: влизъ рѣкѡ Еуфрата повѣждѣни сѣтъ, и падѡша. Ктѡ естъ той, иже ѡкв рѣкѡ восходитѣ, и ѡкв рѣкѡ воздвижутсѣ волны егѡ; воды Егѡпта ѡки рѣкѡ възыдѣтъ. и ѡки рѣкѡ восколебаютсѣ воды егѡ, и речѣ: възыдѣ, и покрѡю зѣмлю, и погублю градѣ, и живущѡмъ въ немѣ. Возсѡдѡдите на кони, и оустройте колесницы, изыдите силнѡи мѡринстѡи, и Лѡване вѡврѡженнѡи щитами, и Лѡдѡне възыдите налѡцающе лѡкѣ. День сей Гдѡ Бгѡ Вседержитѣлѡ, день ѡмщѣнїѡмъ, да ѡмститѣ врагѡмъ своимъ: и пожретѣ ѡ мѣчь Гдѣнъ, и насытитсѣ, и оупїетсѣ кровїю ихъ, ѡкв жѣртѡ Гдѣ Вседержитѣлю и землѡ полнощнѣй, влизъ рѣкѡ Еуфрата. Взыди въ Галаадѣ, и возми ритѡнѣ дѣво дѡшѡ Егѡпетска: все оумножила еси врачеванїѡмъ твоѡмъ, и цѣлѡвы нѣсть тебѣ. Оуслышашѡ ѡзыцы гласѣ, и плѡчь твоѡ наполнѡ зѣмлю: ѡкв силнѡи срѣтесѣ сѣ силнѡмъ, и сѣѡѡ вкѡпѣ изнемогѡста, и падѡста.

322. Пророка Даниїла гл. 5.

- а И высть оугодно пред црѣмъ, и постави в црствѣ князѣй сто и двадесать, еже быти имъ во всемъ црствѣ егѡ.
- б Над ними же три чиновники, ш ни хже вѣ Даниїлъ единъ, давы шдавали имъ князи слово, такъ да црю не стужаютъ.
- г И вѣ Даниїлъ над ними, такъ духъ вѣше превозвиленъ в немъ, и црь постави его над всемъ црствомъ своимъ.
- д Чиновницы же и князи искаху вины шврѣсти на Даниїла: и всемъ вины и соблазна и грѣха не шврѣтоша на него, такъ вѣренъ вѣше.
- е И рѣша чиновницы: не шврѣшемъ на Даниїла вины, аще не въ законѣхъ Бга егѡ.
- ж Тогда чиновницы и князи предсташа црю, и рѣша емъ: Даріе црю, во вѣки живи.
- з Говѣщаша вси иже в царствѣ твоѣмъ воеводы и князи, впаты и швладающіи странами, еже оуставити оуставъ црскій, и оукрѣпити предѣлъ, такъ аще кто попроситъ прошеніа ш всемагъ бога и члвѣка, до дней тридесати развѣ точію ш тебе, црю, да вверженъ вдетъ в ровъ левскій.
- и Нынѣ оубо, црю, оустави предѣлъ, и положи писаніе, такъ да не ишмѣнитса заповѣдь Шидска и Пересска, [да никто же престѣпитъ еѡ].
- к Тогда црь Дарій повелѣ вписати заповѣдь.
- л Даниїлъ же егда оувѣдѣ, такъ заповѣдь вчиниса, вниде в домъ свой: двѣрцы же шверзты емъ въ горницѣ егѡ противу Іерусалима, в три же времена дне вѣше преклонѣнъ колѣна своимъ, молѣсѣ и исповѣдасѣ предъ Богомъ своимъ, такъже вѣ творѣи прежде.
- м Тогда мѣжи они навлюдоша, и шврѣтоша Даниїла просѣща и молѣшасѣ Бгу своимъ.
- н И пришедше рѣша предъ црѣмъ: црю, не вчинилъ ли еси ты предѣла, такъ да всемъ члвѣкъ, иже аще попроситъ оу всемагъ бога и члвѣка прошеніа, до тридесати дней, но точію оу тебе, црю, да ввержетса в ровъ левскъ; и речѣ црь: истинно слово, и заповѣдь Шидска и Пересска не мимоидетъ.
- п Тогда швѣщаща предъ црѣмъ и глаголаша: Даниїлъ, иже ш сѣшъ въ плѣна Іудейска, не покориса заповѣди твоѣй, [и не радѣ] ш предѣлъ егѡже вчинилъ еси, в три во времена дне проситъ оу Бга своего прошеніа своимъ.
- р Тогда црь, такъ слышавъ слово сіе, стѣлѡ ш печалисѣ ш немъ,

- и ѿ Даниїлѣ прѣшесѧ ѣже ѡзбавити єго, и вѣ даже до вѣчера
 прѣшесѧ ѣже ѡзбавити єго.
- ѣ1 Тогда мѡжи Оніи глаголаша црѣю: вѣждь црѣю, ꙗко Шидсмѡ
 и Персмѡмъ не лѣтъ єсть премѣнити всѧкагѡ предѣла и оу-
 става, єгоже царь оуставитъ,
- ѣ2 Тогда црѣ рече, приведоша Даниїла, и ввергоша єго въ ровъ
 лѣвскъ. и рече црѣ Даниїлѣ: Бгѣ твой, ємѡже ты слѡжиши
 приснѡ, той ѡзбавитъ тѧ.
- ѣ3 И принесоша камѣнь єдинъ, и возложиша на оустіе рѡа, и
 запечѧта црѣ перстнемъ своимъ, и перстнемъ велмѡжъ своимъ,
 да не ѡзмѣнитсѧ дѣлїе ѡ Даниїлѣ.
- и1 И ѡнде црѣ въ домъ свой, и лѡже вѣз вѣчера, и ꙗди не вне-
 соша ѡ немъ: и сонъ ѡтступї ѡ немѡ. и заключї Бгѣ оуста
 львѡмъ, и не стѡжиша Даниїлѣ.
- ѣ4 Тогда црѣ востѡвѣз заутра на свѣтѣ, и со тѣнїемъ прїиде ко
 рѡвѣ лѣвскѣ.
- ѣ5 И єгда прїблїжисѧ ко рѡвѣ, возопї гласомъ крѣпкимъ: Да-
 ниїле, рабѣ Бгѡ вышнѡгѡ, Бгѣ твой, ємѡже ты слѡжиши
 приснѡ, возможе ли ѡзбавити тѧ изъ оустъ львѡвыхъ;
- ѣ6 И рече Даниїлъ црѣви: црѣю, во вѣки живї.
- ѣ7 Бгѣ мой посла Аггѡла своего, и затвори оустѧ львѡвѣ и не
 вредїша менѣ, ꙗкѡ ѡвѣрѣтсѧ предъ нимъ правдѧ моѧ, и
 предъ тобою, црѣю, согрѣшенїѧ не сотворїхъ,
- ѣ8 Тогда црѣ вельмї возвеселїсѧ ѡ немъ, и рече Даниїла изве-
 стї изъ рѡа, и ѡзведенъ вѣсть Даниїлъ изъ рѡа, *] и всѧкагѡ
 тлѣнїѧ не ѡвѣрѣтсѧ на немъ, ꙗкѡ вѣрова въ Бгѡ своего.
- ѣ9 И рече црѣ, и приведоша мѡжы ѡклеветѡвшимъ Даниїла, и въ ровъ
 лѣвскъ ввергоша ѡ, и снѣ ѡхъ, и женѣ ѡхъ: и не доидоша днѧ
 рѡа, даже сошдолѣша ѡмъ львы, и всѧ кѡсти ѡхъ ѡстончїша.
- ѣ0 Тогда Дарїѡ црѣ написѧ всѣмъ людемъ, племенѡмъ, ꙗзыкомъ,
 живѡущымъ во всеї землї: мїръ вамъ да оумножитсѧ.
- ѣ1 О лица моего заповѣдасѧ заповѣдь сѧ во всеї землї црѣства
 моего, да вѣдѡтъ трепещѡще ѡ воѡщесѧ ѡ лица Бгѡ Даниїлова,
 ꙗкѡ той єсть Бгѣ живїѡй и превѣвѡмї во вѣки, и црѣство єгѡ
 не разсыплетсѧ, и влѡсть єгѡ до концѧ.

*] И ни єдинагѡ вреда.

кз Подѣмлетъ и избавлетъ, и творитъ знаменіа и чудеса на нбси и на земли, иже избави Даниїла ѿ оустъ львовыхъ.
 ки Даниїлъ же оуправляше в црствѣ Даріевѣ, и в црствѣ Кіра Персанина.

373. Еванг. Матѣ. гл. аї ст. в—аї.

в Іваннъ же слышавъ во оузилици дѣла Хртова, послѣ два ѿ оученикъ своихъ.
 г Рече емѣ: ты ли еси градый, или иного чамѣ;
 д И ѿвѣщавъ Іисъ рече имъ: шедше возвестите Іваннови, таже слышите и видите:
 е Глѣни прозираютъ, и хромїи ходятъ, прокаженни ѿчищаются, и глѣси слышатъ: мертви востаютъ, и ниши блговѣствуютъ:
 з И блженъ естъ, иже аще не соблазнитъ ѿ мнѣ.
 з Тѣмъ же исходимымъ, начатъ Іисъ народомъ глати ѿ Іваннѣ: чесѡ изыдѣте в пѣстыню видѣти; трѣсть ли вѣтромъ колеблемъ;
 и Но чесѡ изыдѣте видѣти; члѣва ли в мѣгки ризы ѿблеченна; се, иже мѣгкамъ носщи, въ домѣхъ цркнхъ сѣтъ.
 ф Но чесѡ изыдѣте видѣти; пророка ли; ей глю вамъ, и лишше пророка.
 г Сей во естъ, ѿ немъже естъ писано: се азъ посылаю Англа моего предъ лицемъ твоимъ, иже оуготовитъ пѣть твою предъ тобою. Аминь глаголю вамъ, не воста въ рожденныхъ женами болій Іванна кртителъ: мнѣ же во црствїи нбснѣмъ, болій егѡ естъ.

374. Еванг. Луки. гл. в ст. кѣ—лв.

кѣ Бѣ члѣвкъ во Іерлїмѣ, емѣже йма Гумеонъ: и члѣвкъ сей праведенъ и блгочестивъ, чамъ оутѣхи Іилевы; и дхъ вѣ стѣ в немъ.
 кз И вѣ емѣ ѿвѣщанно Дхомъ стымъ, не видѣти смѣрти, прежде даже не видитъ Хрста Гднѣ.
 ки И прїиде Дхомъ и церковь: и егда введѣста родителя отрока Іиса, сотворити йма по Обычаю законномъ ѿ немъ,
 ки И той прїемъ егѡ на рѣкъ своєю, и благослови Бга, и рече:
 кѣ Нынѣ ѿвдѣещи раба твоегѡ, влко, по глагола твоемъ е мирома.
 л Йакъ видѣеть Очи мой спасеніе твое.
 ла Еже еси оуготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людѣй:
 лв Свѣтъ во шкровеніе пазыкомъ, и слава людѣй твоихъ Йма.

VII. РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО.

375. О землѣ и находящихся на ней государствахъ, особенно русекомъ.

Ты живешь въ селѣ; а въ томъ селѣ и избы и церковь Божія, и при селѣ пашни и луга и всякія угодыя. Ты знаешь, что не одно твое село на Руси, а есть и другія села; а кромѣ сель есть еще и города: уѣздные, губернскіе и столицы. Все же вмѣстѣ называется русскимъ царствомъ. Но надобно знать, что какъ ни велико русское государство, а за нимъ есть еще и другія, большія и малыя царства, въ которыхъ также есть и пашни, и угодыя, и села, и города. Всѣ царства вмѣстѣ составляютъ то, что называется *землею*.

А земля и все, что есть на землѣ, и все небо съ солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами, называется *міромъ*.

Земля, на которой мы живемъ, хотя и кажется плоскою, но въ самомъ дѣлѣ она есть огромнѣйшій шаръ. Были люди, которые объѣзжали землю кругомъ, т. е. поѣхали съ одного мѣста все прямо, не поворачивая ни направо, ни налево, и пріѣхали опять на то же мѣсто. А всего пути ихъ было 37,590 верстъ. Объѣхать же нельзя было бы, если бы земля не была круга, словно яблоко или шаръ.

Земной шаръ состоитъ изъ твердой земли. Эта земля сначала была покрыта вся водою; но теперь третья часть земной поверхности стала сушею, а двѣ трети земли все еще покрыты водою, т. е. великимъ океаномъ и морями.

Твердую землю раздѣляютъ на пять частей свѣта; онѣ называются такъ: *Европа, Азія, Африка, Америка, и Океанія*.

За 375 лѣтъ знали у насъ только Европу, Азію и Африку. Потому эти три части свѣта называются *старымъ свѣтомъ*. Америка же и Океанія называются *новымъ свѣтомъ*.

Среди трехъ частей стараго свѣта стоитъ море *Средиземное*; на сѣверъ или на полночь отъ него Европа, гдѣ и мы живемъ; на востокъ Азія, на полдень Африка, а на западъ *Великій западный океанъ*, за которымъ Америка сама по себѣ на другой сторонѣ земного шара. Пониже Азіи, на *Южномъ океанѣ*, лежитъ Океанія.

Больше всѣхъ частей свѣта Азія и Америка; Африка почти третью частью меньше Азіи, а Европа вдвое меньше Азіи и одинаковой величины съ Океаніей.

Въ этихъ пяти частяхъ свѣта многое множество различныхъ государствъ и народовъ, говорящихъ разными языками. Но не въ примѣръ больше всѣхъ наше отечество.

Русское государство занимает слишком восьмую часть всей земли: почти половину Европы, больше третьей части Азии и часть Америки. У России въ Европѣ: 2.430.000, въ Азии 125.930.000, въ Америкѣ 1.127.000, а всего 130.487.000 квадратныхъ верстѣ.

Границы у русскаго царства на сѣверѣ или на полночь — *Сѣверный океанъ* или *Ледовитое море*, отъ котораго отдѣляется особое *Бѣлое море*, гдѣ стоитъ *Соловецкій* монастырь, славный угодами Божиими.

Восточную границу России составляетъ *Восточный океанъ* или *Тихое море*, за которымъ лежатъ владѣнія России въ Америкѣ, откуда привозятъ дорогіе бобровыя мѣха.

На полуденной или южной границѣ лежитъ *Китайское* государство, откуда идетъ къ намъ чай; поближе къ намъ лежитъ сначала *Туркистанъ*, гдѣ живутъ бухарцы и хивинцы, которые привозятъ къ намъ халаты. Еще поближе лежатъ *Каспійское море* и *Персія* или персидское государство, у котораго мы завоевали *Армянскую* область съ высокою горою *Араратомъ*.

Рядомъ съ Персією, на нашей границѣ, лежитъ *Турція* и *Черное море*, большая половина котораго принадлежитъ намъ. Черезъ Черное море ѣздить въ *Царьградъ*, а тамъ и въ *Иерусалимъ* на поклоненіе гробу Господню. Отъ Чернаго моря отдѣляется внутрь государства море *Азовское*, на берегу котораго стоитъ городъ *Таганрогъ*, откуда идетъ много пшеницы за море.

На западной границѣ у насъ лежитъ *Австрія* и *Пруссія*, гдѣ живетъ народъ все больше нѣмецкій.

На западъ же лежитъ у насъ *Балтійское море* и по ту сторону его — *шведское* королевство.

Въ отечествѣ нашемъ земля больше все плоская; но есть и горы. Подальше отъ Петербурга на сѣверѣ есть горы, которыя называются *финляндскими*, потому что проходятъ по великому княжеству Финляндіи. Онѣ всѣ больше изъ твердаго камня — гранита, изъ котораго сдѣланъ памятникъ императору Александру Благословенному въ Петербургѣ и нижняя часть памятника въ Москвѣ Минину и Пожарскому. Въ финляндскихъ горахъ есть однако и мраморъ, изъ котораго построены въ Петербургѣ *Исаіевскій* соборъ. Между финляндскими горами много большихъ озеръ, въ которыхъ ловится много рыбы.

На сѣверѣ же России, между Петербургомъ и Москвою, лежатъ горы *валдайскія*; онѣ хоть и не высоки, однако изъ нихъ вытекаетъ много рѣкъ, и самыхъ большихъ; Волга, Днѣпръ и западная Двина.

На самомъ полуденномъ концѣ русскаго государства, на берегу Чернаго моря, лежатъ *крымскія* горы; онѣ называются также *таврическими* горами; по ту и сю сторону ихъ растетъ много винограда, но лучший по ту сторону, къ морю, потому что тамъ теплѣе.

Отъ таврическихъ горъ какъ пойдешь на востокъ и переѣдешь Черное море, такъ и упрешься въ *кавказскія* горы. Онѣ очень высоки, и потому и въ самые сильные жары снѣгъ не таетъ на ихъ верхушкахъ.

Кавказскія горы идутъ отъ Чернаго до Каспійскаго моря; а отъ Каспійскаго моря прямо на сѣверъ самага до Сѣвернаго океана идутъ горы *уральскія*. Онѣ гораздо ниже кавказскихъ горъ; но въ нихъ много желѣза, мѣди, серебра и золота; и потому на уральскихъ горахъ устроено много разныхъ рудокопныхъ заводовъ.

За уральскими горами лежитъ азіятская Россія или *Сибирь*, которую завоевалъ казакъ Ермакъ Тимофеевъ въ 1581 году послѣ Рождества Христова, стало быть за 286 лѣтъ до насъ.

Въ Сибири, на полуденной сторонѣ, есть также высокія горы, покрытыя снѣгомъ; онѣ называются *алтайскими* и богаты золотомъ и серебромъ. Изъ алтайскихъ горъ вытекаетъ много рѣкъ, которыя всѣ текутъ по Сибири, отъ полудня на полночь, въ Ледовитое море. Самая большая сибирская рѣка—*Лена*; она течетъ безъ малаго 4.000 верстъ. Потомъ поближе сюда сперва течетъ рѣка *Енисей*, на которой стоятъ города *Енисейскъ* и *Красноярскъ*; затѣмъ рѣка *Обь*, а еще поближе рѣка *Иртышъ*, которая впадаетъ въ Обь. На Иртышѣ стоятъ города *Омскъ* и *Тобольскъ*; въ этой рѣкѣ утонулъ Ермакъ Тимофеевъ, завоеватель Сибири.

Въ европейской Россіи рѣкъ и рѣчекъ много множество: изъ нихъ такихъ, по которымъ плаваютъ суда съ товаромъ и сплавляютъ лѣсъ да дрова, считается до 200.

Но самая главная и большая рѣка есть *Волга*. Всего она течетъ безъ мала 3.500 верстъ и впадаетъ въ Каспійское море.

На ней стоятъ губернскіе города: Тверь, Ярославль, Кострома, Нижній-Новгородъ, Казань, Симбирскъ, Саратовъ, Самара и Астрахань, которая стоитъ почти на концѣ Волги, недалеко отъ Каспійскаго моря, и торгуетъ красною рыбою и персидскими товарами.

На Волгѣ, кромѣ губернскихъ городовъ, стоятъ многіе уѣздные города, и всѣ торговые. Изъ нихъ самый богатый есть *Рыбинскъ*, торгующій на многіе милліоны рублей хлѣбомъ.

Въ Волгу втекаетъ много судоходныхъ рѣкъ; но самыя главные двѣ: справа *Ока*, слева *Кама*. На рѣкѣ *Окѣ* стоятъ губернскіе города: Орель, Калуга, Рязань, и Нижній-Новгородъ; въ Нижнемъ течетъ также и Волга и бываетъ славная ярмарка, на которую привозятъ товаровъ со всѣхъ концовъ русскаго царства на 50 милліоновъ рублей серебромъ. Рѣка *Кама* течетъ отъ уральскихъ горъ, и пониже Казани впадаетъ въ Волгу; на Камѣ стоитъ одинъ только губернской городъ—*Пермь*. По Камѣ идетъ много желѣза и мѣди въ Нижній на ярмарку.

Изъ уральскихъ же горъ идетъ рѣка *Уралъ* и впадаетъ въ

Каспійское море. На Уралѣ стоитъ городъ *Оренбургъ*, а на низу живутъ уральскіе казаки; дальше же за Уралъ рѣку, на востокъ, живутъ киргизы: народъ кочевой, домовъ у нихъ нѣтъ; они зимою и лѣтомъ живутъ въ юртахъ изъ войлока.

Почти въ томъ же мѣстѣ, гдѣ выходитъ Ока изъ Орловской губерніи, въ Тульской начинается рѣка *Донъ* и течетъ на полдень въ *Азовское* море, которое само течетъ въ Черное море. Близъ Дона стоитъ губернский городъ *Воронежъ*, а ниже начинается земля войска донскаго. Донцы живутъ по обѣимъ сторонамъ Дона; у нихъ главный городъ *Новочеркасскъ*.

Днипръ начинается неподалеку отъ Волги и течетъ въ Черное море. Самый главный городъ на Днипрѣ есть *Кіевъ*, съ пещерами и мощами св. угодниковъ. Повыше Кіева на Днипрѣ, стоятъ губернскіе города *Могилевъ* и *Смоленскъ*, который въ 1812 году разорили французы. Пониже Кіева, на Днипрѣ же, стоитъ губернский городъ *Екатеринославъ*, построенный въ честь императрицы Екатерины II. За *Екатеринославомъ* начинаются на Днипрѣ каменные пороги, которые мѣшаютъ баркамъ и плотамъ ходить внизъ; плаваютъ же по нимъ безопасно только весною въ половодье. На концѣ Днипра, почти у самаго Чернаго моря, стоитъ городъ *Херсонъ*, построенный императрицею Екатериною II; изъ Херсона водою ходятъ въ городъ *Одессу*, который стоитъ самъ по себѣ на берегу Чернаго моря. Въ *Одессѣ* нѣтъ никакой рѣки, а городъ большой, торговый; пріѣзжаетъ много всякаго иностраннаго народа, все больше моремъ. Между *Херсономъ* и *Одессою* стоитъ городъ *Николаевъ*, гдѣ строятся военные корабли. Въ *Николаевѣ* идетъ рѣка *Бугъ*. *Бугъ* чѣмъ выше отъ города, тѣмъ мельче, и судового хода по немъ почти не бываетъ.

Подальше отъ *Одессы* въ Черное же море впадаетъ рѣка *Днѣстръ*, которая къ намъ идетъ изъ Австріи.

Мы все говорили о рѣкахъ, которыя текутъ больше на полдень; а еще есть много, которыя текутъ и на полночь — либо въ Балтійское море, либо въ Бѣлое и Ледовитое.

Въ Балтійское море течетъ рѣка *Висла*, на которой стоитъ городъ *Варшава*; по близости течетъ рѣка *Нѣманъ*, на которой губернскіе города *Гродно* и *Ковно*.

Самая большая рѣка, которая впадаетъ въ Балтійское море, есть рѣка *западная Двина*; она начинается неподалеку отъ Волги, изъ валдайскихъ горъ, и течетъ мимо губернскихъ городовъ *Витебска* и *Риги*. *Рига* городъ большой и торговый; ведетъ торгъ больше съ нѣмцами лѣсомъ, хлѣбомъ, пенькою и льномъ.

Въ Балтійское же море впадаетъ рѣка *Нева*, на которой, какъ извѣстно, стоитъ городъ *Петербургъ*, столица русскаго царства.

Рѣка *Нева* не длинна, всего 60 верстъ, но широка и глубока, и воды въ ней всегда много, оттого что она течетъ изъ большого *Ладожскаго* озера.

Въ Ладожское озеро впадаетъ много рѣкъ; но самыя большія двѣ: Волховъ, идущій изъ озера *Ильменя*, и Свирь, которая идетъ изъ озера *Онеги*. Онежское озеро и Ильмень также большія озера, но меньше Ладожскаго.

Почти у самаго Ильменя озера, на рѣкѣ Волховѣ, стоитъ городъ *Новгородъ*.

На Онежскомъ озерѣ стоитъ городъ *Петрозаводскъ*, гдѣ императоръ Петръ I своими руками ковалъ желѣзо, и гдѣ теперь льютъ пушки. — Изъ Новгорода и Петрозаводска можно проѣхать прямо водою чрезъ Ладожское озеро въ Неву, и потомъ въ Петербургъ.

Ладожское озеро очень бурливо: оттого Петръ Великій и велѣлъ вокругъ него, отъ Невы до Волхова, вырыть каналъ, который идетъ на 109 верстъ и называется ладожскимъ.

Самая главная рѣка, текущая въ Бѣлое море, есть *сѣверная Двина*; на ней стоитъ городъ *Холмогоры*, гдѣ славный холмогорскій скотъ, и городъ *Архангельскъ*, куда на корабляхъ привозятъ за хлѣбомъ и лѣсомъ разный иностранный народъ, а больше англичане.

3 376. Печерскій край.

Печерскій край заключается между Ледовитымъ океаномъ, уральскими горами, Камой и Вычегдой. Это огромное пространство, заключающее въ себѣ самыя разнообразныя богатства, пространство мало населенное и мало извѣстное, обратило на себя въ послѣднее время особенное вниманіе. Намъ поражаютъ здѣсь прежде всего непроходимыя лѣса, которые истребляются пожарами, рубятся жителями безъ всякой бережливости, нерѣдко только для удобнѣйшаго сбора кедровыхъ шишекъ, — и которыхъ все еще чрезмѣрно много! Лѣса эти наполнены всякаго рода звѣрями и птицами. Большая часть дорогихъ мѣховъ, въ которые мы кутаемся, привозятся оттуда. Дичь, дѣнящаяся у насъ иногда очень дорого, водится тамъ и ловится въ огромномъ количествѣ. Также много здѣсь рыбы въ озерахъ и рѣкахъ; прекрасныя семги, вкусныя сига достаются почти даромъ. Въ океанѣ огромными стадами разгуливаютъ тюлени, моржи, а часто встрѣчаются и киты.

Сѣверная часть этого края состоитъ изъ необозримыхъ тундръ, по которымъ пасутся многочисленныя стада оленей и кочуютъ полудикіе самоѣды. Бѣдная жизнь этихъ людей въ ихъ жалкихъ чумахъ, ихъ нравы, обычаи, религія, ихъ занятія представляютъ не менѣе особенностей и интереса. Жители печорскаго края состоятъ изъ русскихъ, зырянъ и самоѣдовъ. Главныя занятія ихъ состоятъ въ звѣроловствѣ, рыболовствѣ и оленеводствѣ. Дремучіе лѣса сдѣлали ихъ отличными охотниками, рѣка и море — хорошими рыбопромышленниками и отважными мореходами, а

огромныя тундры, своимъ мохомъ доставляющія оленямъ круглый годъ прекрасный кормъ, — опытными оленеводцами.

Пустынная страна эта, въ которой часто на разстояніи 300 верстъ не попадаетъ ни одной деревушки, лишена путей сообщенія и правильно устроенныхъ дорогъ; только по рѣкамъ сообщаются жители на лодкахъ и небольшихъ суденышкахъ. Путешествіе по этой странѣ представляетъ бездну затрудненій: надобно пробиваться своими средствами, пѣшкомъ, верхомъ, на лодкѣ, гдѣ какъ удобнѣе. Самый удобный путь — водный, и тотъ сопряженъ со многими неудобствами: по верховьямъ рѣчекъ разбросаны часто огромные камни, образующіе пороги, грозящіе заплеснуть или разбить лодку.

Въ южной части края жители бѣдны, питаются по большей части толченой осиновой корой съ молокомъ или рыбой, если она есть. Огромное количество бѣлокъ, которыхъ они настрѣливаютъ, не доставляетъ имъ достаточнаго дохода, потому что продаются за неимѣніемъ дорогъ, по очень дешевой цѣнѣ, а хлѣбъ по той же причинѣ очень дорогъ.

Зима здѣсь долгая; настоящее лѣто продолжается мѣсяца 2½, въ теченіе которыхъ солнце почти не скрывается за горизонтомъ.

377. Кола.

Кола — самый сѣверный городъ въ европейской Россіи. Онъ лежитъ въ Архангельской губерніи, въ пятидесяти верстахъ отъ Сѣвернаго океана, при сліяніи рѣкъ Колы и Туломы.

Климатъ Колы по мѣстоположенію еще довольно умѣренный. Зима наступаетъ въ началѣ октября и продолжается до половины апрѣля. Въ продолженіе всей зимы сѣверныя сіянія составляютъ здѣсь обыкновенное явленіе. Въ концѣ апрѣля рѣки Кола и Тулома вскрываются ото льда. Въ этихъ рѣкахъ по два раза въ сутки бываетъ приливъ и отливъ съ моря. Во время прилива вода дѣлается почти негодною для употребленія, а по отливѣ принимаетъ прежній вкусъ. Съ начала іюня и до половины августа продолжается лѣто и называется *межоннымъ* временемъ, какъ короткій промежутокъ между весной и осенью. Въ Колѣ солнце не восходитъ на горизонтъ съ половины ноября по исходъ декабря, и тогда только около полудня показывается заря на небѣ, а ночи озаряются яркою луною и сѣвернымъ сіяніемъ; лѣтомъ же солнце не скрывается за горизонтъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ.

Почва земли здѣсь каменистая, и жители не сѣютъ хлѣба, который не успѣлъ бы созрѣть по краткости лѣта. Сѣнокосныхъ луговъ здѣсь тоже почти нѣтъ. Для коровъ и лошадей закупаютъ кормъ въ другихъ мѣстахъ, и держатъ ихъ въ весьма маломъ количествѣ. Такъ въ 1855 году въ Колѣ было 5 лошадей, 32 головы рогатаго скота и 40 овецъ. Главное занятіе колянъ —

рыбная ловля въ рѣкахъ. Впрочемъ они участвуютъ съ жителями окрестныхъ странъ и въ дальнихъ морскихъ рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ. Жителей въ Колѣ считается 432 чело-
вѣка.

378. Кивачъ.

Два года тому назадъ, проѣзжая Олонецкую губернію, я по-
сѣтилъ знаменитый водопадъ Кивачъ. Онъ находится въ 68 вер-
стахъ отъ города Петрозаводска. Дорога отъ этого города къ
водопаду прелестна: множество деревень, густые лѣса и обшир-
ные луга — ежеминутно встрѣчаются. Въ 40 верстахъ отъ Пет-
розаводска находится Кончезерскій чугуно-плавильный заводъ,
построенный императоромъ Петромъ Великимъ въ 1707 году;
отличный чугунъ, выплавляемый здѣсь, доставляется въ С.-Петер-
бургъ для издѣлія Александровскаго завода. Отсюда проѣзжая
дальше 9 верстъ, немного въ сторонѣ отъ большой дороги,
встрѣчаются намъ такъ называемыя дворцовыя минеральныя
воды. Въ царствованіе императора Петра Великаго и императ-
рицы Екатерины II воды эти славились цѣлительными своими свой-
ствами: изъ многихъ губерній пріѣзжали больные и здѣсь лечи-
лись, а нынѣ, съ открытіемъ кавказскихъ и другихъ минераль-
ныхъ водъ, ихъ весьма рѣдко посѣщаютъ. Противъ самыхъ ми-
неральныхъ водъ стоятъ развалины четырехъ небольшихъ деревян-
ныхъ дворцовъ, построенныхъ императоромъ Петромъ Вели-
кимъ: этотъ монархъ очень часто жилъ здѣсь со всѣмъ дворомъ
своимъ и принималъ иностранныхъ посланниковъ. Здѣсь же на-
ходится небольшая деревянная церковь во имя св. апостоловъ
Петра и Павла.

Одинъ изъ здѣшнихъ жителей показывалъ мнѣ посаженныя
здѣсь императоромъ Петромъ Великимъ двѣ березы — одну назван-
ную въ честь этого монарха — петровскою, а другую въ честь
имени супруги его — екатерининскою. Великій примѣръ для
подданныхъ! Императоръ Петръ I, не смотря на свое величіе,
трудился, какъ простой работникъ. Онъ показалъ этимъ, что
трудъ дѣлаетъ честь не только простому гражданину, но и вели-
кому государю. Дальше, въ верстѣ отъ минеральныхъ водъ,
стоитъ прекрасная живописная деревенька Вороново; отсюда до
Кивача надо плыть водою, потому что дорога сухимъ путемъ до
водопада весною затруднительна и опасна. Въ небольшой, но
спокойной лодочкѣ я и еще одинъ военный офицеръ поплыли къ
Кивачу. Рѣка Суна, по которой мы плыли, живописно изги-
баясь по пустыннымъ, но красивымъ берегамъ Карелии, съ шумомъ
разбѣгается у деревни Моховой, находящейся въ двухъ
верстахъ отъ Кивача, и потомъ заключенная между двумя горами,
бросается съ трескомъ и визгомъ въ огромную, наполненную
большими камнями лощину, и образуетъ собою картину ужасную

великолѣпную, — это Кивачъ! Шумъ водопада столь силенъ, что вы не можете разслушать ни одного слова, хотя бы вамъ кричали со всею силою на ухо.

Бросьте по теченію какое угодно огромное бревно — вода разломаетъ его въ мелкія щепы и выброситъ на берегъ верстахъ въ двухъ ниже водопада. Разсказываютъ, что во время отдаленной древности литовцы вели войну съ Россією; шайка первыхъ напала на одну русскую деревню близъ Кивача и, захвативъ нѣсколько мужиковъ въ плѣнъ, поплыла съ ними по Суиѣ. Крестьяне, зная опасность приближенія своего къ Кивачу, въ трехъ верстахъ отъ водопада бросились въ рѣку и выплыли на берегъ. Литовцы же, ничего не зная, продолжали плыть и, достигши Кивача, всѣ погибли въ шумящихъ волнахъ его.

Окрестности Кивача прелестны: по обѣимъ сторонамъ его стоятъ большіе лѣса, наполненные всякаго рода звѣрями и птицами. Медвѣди, волки, лисицы и зайцы водятся здѣсь во множествѣ, изъ птицъ же куропатки, рябчики, тетери и глухари летаютъ стадами. Русскіе промышленники покупаютъ ихъ битыхъ тысячами и привозятъ къ намъ въ Петербургъ. Крестьяне Олонецкой губерніи — народъ трудолюбивый и честный. Мнѣ случалось видѣть ихъ житье-бытье. Не смотря на бѣдность и неплодородіе земли, большая часть изъ нихъ живутъ порядочно; войдите въ хижину ихъ: — во всемъ видны чистота и опрятность; всякая вещь лежитъ на своемъ мѣстѣ; хозяева не валяются, какъ лѣнивцы, праздно на полатяхъ, а всегда что-нибудь работаютъ; даже дѣти ихъ имѣютъ всегда какое-нибудь занятіе: плетутъ лапти, щеплютъ лучину, бьютъ масло и проч. За то они хотя не богаты, но живутъ безъ нужды.

379. Эльтонское озеро.

Эльтонское озеро находится на луговой сторонѣ Волги, въ Астраханской губерніи, Царевскомъ уѣздѣ. Оно имѣетъ видъ нѣсколько продолговатый, въ длину 20, въ ширину 16 верстъ. Въ озеро впадаетъ восемь небольшихъ рѣчекъ, но изъ него не выходитъ ни одного источника. Въ жаркое лѣто эти рѣчки пересыхаютъ, или имѣютъ слабое теченіе; зимою же, при самыхъ жестокихъ морозахъ, не замерзаютъ. Вода въ нихъ теплая на вкусъ соленая, горьковатая.

При озерѣ находится нѣсколько казенныхъ зданій: православная церковь, дома для священника, смотрителя, магазины для складовъ соли и проч.

Дно Эльтонскаго озера покрыто солью въ такомъ изобиліи, что ею можно снабжать весь міръ; но ее берутъ только по мѣрѣ надобности, на большомъ пространствѣ. Вода озера заключаетъ въ себѣ чрезмѣрное множество соляныхъ частицъ, съ примѣсью щелочныхъ веществъ, и называется *рапою* или

тузлукомъ. Она отличается такою ослѣпительною бѣлизною, что при солнечномъ сіяніи на нее нельзя смотрѣть безъ боли для глазъ, особенно же слабыхъ. Рапою покрыта большая часть озера, а все прочее имѣетъ отвердѣлую толщу соли, которой дна доселѣ не могли достать. Если вѣрить рассказамъ, то раскапывали будто бы на 30 сажень, и чѣмъ глубже копали, тѣмъ соль оказывалась чище и столь крѣпкою, что желѣзные ломы отскакивали.

Глубина рапы на озерѣ различная: весною въ аршинъ, среди же лѣта, когда озеро испаряется отъ жаровъ, доходитъ до четверти аршина. По этой жидкости плаваютъ работники на досчанникахъ и гребутъ изъ-подъ рапы особыми лопатами соль, которую складываютъ на свои продолговатыя лодки. Соль, которую они берутъ, есть самая чистая: она образуется ежегодно отъ осадка рапы.

Добытую изъ озера соль рабочіе привозятъ къ берегу и складываютъ въ продолговатыя скирды, гдѣ она остается до тѣхъ поръ, пока достаточно просохнетъ, а потомъ уже складывается въ запасные магазины. Въ Эльтонскомъ озерѣ ежегодно добывается до 1.000.000 пудовъ отличной соли.

Такъ какъ всякая соль образуется кристалльными слоями, то можно готовить изъ нея разныя вещи. Сдѣланную какою-нибудь вещь изъ дерева, напримѣръ крестъ, чашу или тому подобное, кладутъ въ рапу и оставляютъ тамъ на двѣ или на три недѣли: положенная такимъ образомъ вещь окристалливается, а самое вещество превращается въ соль. Окристаллизованныя вещи портятся только въ сырую погоду.

Почва около Эльтонскаго озера солонцоватая и глинистая послѣдняя очень вязка и весьма удобна къ выдѣлыванію кирпича; въ окрестностяхъ растетъ весьма тощая трава, которая, по мѣрѣ углубленія въ степь, дѣлается лучшею, каковою появляется не ближе двадцати-верстнаго разстоянія.

380. Чудское озеро.

Прекрасно озеро Чудское,
 Когда надъ нимъ свѣтило дни
 Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,
 Встаетъ въ торжественномъ покоѣ:
 Его красой озарена,
 Цвѣтами радуги играя.
 Лежитъ равнина водная,
 Необозрима и пышна;
 Прохлада утренняя вѣетъ,
 Едва кольшутся лѣса,
 Какъ блестя золота свѣтлѣетъ
 Ихъ переливная роса;
 У пробудившагося берега

Стоять, готовые для бѣга,
 И тихо плещутъ паруса;
 На лодку мрежи собирая,
 Рыбакъ взываетъ и поетъ,
 И пѣсня русская, живая,
 Разносится по глади водъ.
 Прекрасно озеро Чудское.
 Когда блистательнымъ столбомъ
 Свѣтило искрится почное
 Въ его кристаллѣ голубомъ:
 Какъ тѣнь, отброшенная тучей,
 Вдоль искривленныхъ береговъ,
 Чернятъ образы лѣсовъ,

И кое-гдѣ огонь пловучій	Рыбакъ живить веселымъ словомъ
Горитъ на челнахъ рыбаковъ; —	Своихъ товарищей труда;
Безмолвна синяя пучина,	Или путемъ дугообразнымъ
Въ дубравахъ мракъ и тишина,	Съ небесныхъ падая высотъ,
Небесъ далекая равнина	Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ.
Сянья мирнаго поля;	Огнемъ разсыплется алмазнымъ
Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ	И въ отдаленіи пропадетъ.
Подъемя съти изъ воды,	<i>Н. Лыковъ.</i>

381. Финляндія.

Здѣсь повсюду земля кажетъ видъ опустошенія и безплодія повсюду мрачна и угрюма. Здѣсь льто продолжается не болѣе шести недѣль; бури и непогоды царствуютъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ, осень ужасная, и самая весна нерѣдко принимаетъ видъ мрачной осени; куда ни обратишь взоры, вездѣ встрѣчаешь или воды, или камни. Здѣсь глубокія длинныя озера омываютъ волнами утесы гранитные, на которыхъ вѣтеръ съ шумомъ качаетъ сосновыя рощи; тамъ цѣлыя развалины древнихъ граничныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ, или разлитіемъ океана. Въ концѣ апрѣля начинается весна; — снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ въ горахъ, съ шумомъ и пѣною извергаются въ озера, которыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Ботническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе пирамидальные утесы, по берегамъ стоящіе, начертываются длинными полосами въ зеркалѣ водъ. — На нихъ-то хищныя птицы вьютъ свои гнѣзда и, по древнему преданію скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера вызываютъ крикомъ своимъ бурю — изъ тайной глубины нещеръ. Вѣтеръ повѣялъ съ сѣвера, и поверхность соннаго озера пробудилась, какъ отъ сна!.. Видишь ли, какъ она пѣнится? Слышишь ли, съ какимъ глухимъ и протяжнымъ шумомъ разбивается о гранитныя, неподвижныя скалы, которыя нѣсколько вѣковъ презираютъ порывъ бурь и ярость волнъ? Сосѣдніе лѣса повторяютъ голосъ бури, и вся природа является въ ужасномъ разстройствѣ. Сіи мрачныя явленія напоминаютъ мнѣ мрачную міеологию скандинавовъ, которымъ божество являлось всегда въ гнѣвѣ, карающимъ слабое челоуѣчество.

Лѣса финляндскіе непроходимы; они растутъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаетъ. Деревья, сокрушенныя временемъ, или дуновеніемъ бури, заграждаютъ путь предприимчивому охотнику. Въ сей ужасной и безплодной пустынѣ, въ сихъ пространныхъ мѣстахъ, путникъ слышитъ только рѣзкій крикъ плотоядной птицы, завыванія волка, ищущаго добычи, паденіе скалы, низвергнутой рукою всеокрушающаго времени, или ревъ источника, образованнаго снѣгомъ, который стрѣлою протекаетъ по каменному дну между скалъ гра-

нитныхъ, быстро преодолагаетъ все препятствія и увлекаетъ въ теченіи своемъ деревья и огромные камни. Вокругъ него пустыня и безмолвіе! — Посмотрите далѣе; огонь небесный, или неутомимая рука пахаря зажгли сей боръ; опаленныя сосны, исторгнутыя изъ утробы земной съ глубокими корнями; обожженныя скалы; дымъ, восходящій густымъ, чернымъ облакомъ отъ сего огнища; все это образуетъ картину столь дикую, столь мрачную, что путешественникъ невольно содрогается и спѣшитъ отдохнуть взорами или на ближнемъ озерѣ, которое величественно дремлетъ въ отлогихъ берегахъ своихъ, или на зеленой полянѣ, гдѣ воля жуетъ сочную и густую траву, орошенную водами источника.

Какіе народы въ древности населяли землю сію! Гдѣ признаки ихъ бытія? Гдѣ слѣды ихъ? Время все изгладило; или сіи сыны дикихъ лѣсовъ не ознаменовали себя никакимъ подвигомъ, и исторія, начертавшая малѣйшія событія странъ полуденныхъ и восточныхъ, молчитъ о народахъ сѣвера? Но существовали народы сіи — угрюмые, непобѣдимые сыны первобытной природы, или изгнанники изъ странъ счастливѣйшихъ: они населяли сіи пещеры, питались млекоомъ звѣрей и полагали предѣломъ блаженства удачу на охотѣ, или побѣду надъ врагомъ, изъ черепа котораго (страшное воспоминаніе!) пили кровь и славили свое могущество. Когда зима покрывала рѣки льдами, сыпала иней и снѣга, тогда дикія чада лѣсовъ выходили изъ логовищъ своихъ и пролагали путь по морямъ гиперборейскимъ къ новымъ пустынямъ и новымъ лѣсамъ. Вооруженные сѣкирою и палицей, они идутъ войной на стада пустынныхъ чудовищъ; ихъ мчатъ быстрые олени; ихъ несутъ лыжи по равнинамъ снѣжнымъ; они сражаются, побѣждаютъ и учреждаютъ кровавую трапезу! Томимые голодомъ, нуждою, исполненные мужества, рѣшимости, презирая равно и жизнь и смерть, не знаютъ опасности; въ звѣрскомъ изступленіи наполняютъ крикомъ лѣса — и эхо повторяетъ гласъ ихъ въ пространной пустынѣ. — Но сіи пустыни, сіи вертепы, сіи непроходимые лѣса, въ среднихъ вѣкахъ повторяли голосъ скальда. И здѣсь поэзія разсыпала цвѣты свои, она смягчила нравы, укротила звѣрство и утѣшила страждущее человѣчество своими волшебными пѣснями о богахъ, о герояхъ, о лучшемъ мірѣ и о прекрасной будущей жизни. Разныя племена народовъ собрались воедино, составили селенія на берегахъ сего залива. Мало по малу и самая природа приняла другой видъ, не столь суровый и дикій.

Батюшковъ.

382. Вазуза и Волга.

Волга съ Вазузой долго спорили, кто изъ нихъ умнѣе, сильнѣе и достойнѣе большаго почета. Спорили, спорили, другъ

друга не пересорили, и рѣшились вотъ на какое дѣло: «давай вмѣстѣ ляжемъ спать, а кто прежде встанетъ и скорѣе придетъ къ морю Хвалынскому, та изъ насъ и умнѣе, и сильнѣе и почету достойнѣе». Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убѣжала отъ Волги, выбрала себѣ дорогу и прямѣе и ближе, и потекла. — Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а какъ слѣдуетъ; въ Зубцовѣ догнала Вазузу, да такъ грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее къ себѣ на руки и снести въ море Хвалынское. — А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будитъ Волгу отъ зимняго сна.

383. Сожъ и Днѣпръ.

Быль, жилъ слѣпой старикъ Двина; у него было два сына: старшій — Сожъ, младшій Днѣпръ. Сожъ былъ буйнаго нрава, таскался по лѣсамъ, горамъ и полямъ; а Днѣпръ отличался кротостію, сидѣлъ все дома и былъ любимцемъ матери. Сожа не было дома, когда мать обманомъ заставила старика отца благословить на старѣйшинство младшаго сына. Двина благословилъ его: «разлейся, мой сынъ, рѣкою широкою и глубокою, протекай города, обмывай села безъ счету до моря; твой братъ да будетъ тебѣ слугою. Богатѣй и тучнѣй до конца вѣковъ!» Днѣпръ разлился рѣкой по тучнымъ лугамъ и дремучимъ лѣсамъ; а Сожъ на третій день воротился домой и сталъ жаловаться. «Если хочешь повелѣвать братомъ, сказалъ ему отецъ, бѣги скорѣе скрытыми путями, непроходимыми, темными лѣсами, и если обгонишь брата — то онъ послужитъ тебѣ». Сожъ пустился въ погоню мѣстами непроходимыми, размывалъ болота, прорѣзывалъ овраги и рвалъ корни дубовъ. Днѣпру сказалъ о томъ ястребъ, и онъ прибавилъ бѣгу, прорѣзывая высокія горы, чтобы не сворачивать въ бокъ. А Сожъ уговорилъ ворона летѣть прямо къ Днѣпру, и только что обгонитъ его хоть на шагъ — каркнуть три раза; самъ же нырнулъ подъ землю, рассчитывая выскочить наверхъ по крику ворона и такимъ образомъ опередить брата. Но ястребъ напалъ на ворона; воронъ закаркалъ прежде, нежели опередилъ рѣку Днѣпръ. Сожъ выскочилъ изъ-подъ земли и — со всего размаху. вилъ въ Днѣпръ.

384. Самарскія степи.

Самара лежитъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Волга круто заворачиваетъ вправо, гдѣ ея теченіе принимаетъ направленіе

отъ востока къ западу. Пройдя въ этомъ направленіи около 110 верстѣ, Волга поворачиваетъ возлѣ Сызрани прямо на югъ и течетъ дальше къ Хвалынску, Вольску и Саратову.

На этомъ пространствѣ нагорный берегъ Волги богатъ деревнями, построенными во многихъ мѣстахъ не дальше какъ на сто сажень отъ рѣки, часто на скатѣ горы, иногда на вершинахъ тамошнихъ живописныхъ горъ, извѣстныхъ подъ именемъ Жегулевскихъ.

Лѣвый берегъ — лугово или низменный, съ перваго взгляда кажется совершенно пустыннымъ; на немъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни одной деревушки, ни одного дома ближе десяти верстѣ отъ Волги, потому что во время половодья Волга покрываетъ всѣ низменныя мѣста вплоть до степи. Эта полоса, отъ пяти и до десяти верстѣ и болѣе въ ширину и много сотенъ верстѣ въ длину, покрыта необыкновенно сочными и поемными лугами. Трава по полямъ взрослому человѣку, густая, мягкая; идешь по ней — ноги путаются, а ляжешь отдохнуть — сердце радуется. А кругомъ свистъ, гулъ и трескотня безчисленныхъ насѣкомыхъ: тамъ посвистываетъ перепелка, здѣсь трещитъ коростель; вотъ онъ подходитъ ближе, вотъ ужъ затрещалъ у васъ надъ самымъ ухомъ и вдругъ, увидя васъ, притихъ, и только слышно, какъ онъ, убѣгая въ испугѣ, шелеститъ мягкой травой.

Но поемные луга не вездѣ сплошныя. Во многихъ мѣстахъ есть углубленія, въ которыхъ остается вода, и тутъ образуются длинныя озера, поросшія непроходимо частымъ ивовымъ густарникомъ. Въ многихъ мѣстахъ Волга пускаетъ отъ себя длинныя рукава въ сторону; обыкновенно эти воложки или маленькія волги довольно мелки; многіе протоки можно переѣзжать въ бродѣ, другіе гораздо глубже, и надо хорошо знать мѣстность, чтобы переѣзжая, не утопить въ воложкѣ лошадей. Вездѣ берега покрыты очень частыми густами, сажени въ полторы или двѣ вышиною и очень рѣдко попадаютъ между ними тамъ одна, а тамъ двѣ-три старыя узловатыя ивы. Въ немногихъ мѣстахъ есть длинныя возвышенія, покрытыя лѣсомъ, называемыя *гривами*. Воздухъ надъ поемными лугами или займищами оживленъ безчисленнымъ множествомъ чаекъ и мартышекъ, которыя иногда цѣлыми стадами выютъ надъ воложками и озерами, отнимаютъ одна отъ другой пойманную рыбу, кричатъ, стремглавъ нападаютъ одна за другою въ воду, вслѣдъ за упавшею добычей; потомъ опять поднимаются, крутятся въ воздухѣ тѣснымъ клубомъ и вдругъ, когда которой-нибудь удастся наконецъ проглотить рыбу, всѣ спокойно разлетаются въ разныя стороны. Только одна которая-нибудь, можетъ быть, самая обиженная, изрѣдка покрикиваетъ сердито и жалобно.

На воложкахъ и озерахъ водится множество дикихъ утокъ, которыя тамъ вовсе не дико. Охотникъ спокойно подходитъ къ

нимъ на полвыстрѣла, даетъ имъ отплыть и, когда онѣ удобно расположатся, стрѣляетъ въ самую гущу стада. Мѣстами изъ кустарника быстро взлетаетъ огромный сѣбно-бѣлый пелеканъ; а тамъ, на ужасающей высотѣ, распластавъ крылья, величественно плаваетъ въ воздухѣ беркутъ, бѣлоголовый орель.

Тамъ, гдѣ кончаются поймы, куда ужъ не заходить вода Волги въ весенній разливъ, начинаются степи — еще богаче, еще великолѣпнѣе займищъ. Въ степи воздухъ несравненно суше, и трава хоть не такая густая и сочная, какъ на поемныхъ лугахъ, за то цвѣтовъ тамъ гораздо больше. Волга въ иной годъ долго не сходитъ; такъ покамѣстъ поймы еще мокнуть подъ водой, степь давно ужъ расцвѣла; тамъ утки выжидаютъ еще, чтобы изъ воды выглянули *сырты* и *гривы*, а тутъ перепелки выводятъ птенцовъ и немолчнымъ крикомъ своимъ день и ночь наполняютъ воздухъ. Никакіе драгоценныя ароматы въ многоцѣнныхъ стекляночкахъ не сравнятся съ благоуханіемъ нашихъ степей, и всякая человѣческая музыка уступить въ звучности и разнообразіи чудному вечернему ихъ говору.

Много разъ мнѣ случалось странствовать по степи. Вези меня, ямщикъ, только не по большой пыльной дорогѣ, а по заросшей травой тропѣ, дальше, дальше все въ степь! Кони мчатся все вихремъ, дорога глаже всякаго шоссе, степь раскрывается въ обѣ стороны шире и шире, и охватываетъ меня своими мощными объятіями. Вотъ сибурка, прехорошенькая птичка, бѣгаетъ по дорогѣ и суетливо что-то подбираетъ; вотъ лошади почти наѣхали на нее; она быстро вспорхнула и перенеслась шаговъ на сто впередъ и торопится подобрать свой кормъ на дорогѣ, а тамъ опять изъ-подъ ногъ лошадей вспархиваетъ и летитъ дальше. Вотъ въ двухъ шагахъ отъ дороги сидитъ пшеница съ тоненькимъ прелестнымъ хохолкомъ и вѣжливо даетъ проѣхать тройкѣ. Вотъ пронеслись дружною семьей и въ одинъ мигъ обогнали быстрыхъ лошадей горлицы. Вотъ поднимается изъ травы, распутивъ свой красивый хвостъ, дикій голубь или вяхирь; а тамъ надъ стадомъ овецъ носится и перелетаетъ стая скворцовъ въ нѣсколько сотъ; а перепелки, никогда не показываясь изъ травы, на каждомъ шагу встрѣчаютъ и провожаютъ проѣзжаго своимъ свистомъ. Быстро мчится *тарантасъ*; а проѣзжіи, спокойно покачиваясь на его длинныхъ дрогахъ, едва успѣваютъ слѣдить глазами за мелькающимъ говдеемъ, за кустами дикой вишни, за голубыми и малиновыми цвѣточками.

Но вотъ въ сторонѣ, на небольшомъ *сырту* или на возвышеніи, множество мельницъ; подъѣзжаемъ ближе — село. Дома большіе, крѣпкіе. Земля здѣсь добрая, хорошо родитъ пшеницу и щедро вознаграждаетъ трудъ пахаря. Каждый крестьянинъ держитъ лошадей десять, иной и двадцать; есть такіе, у которыхъ и по сорока и по пятидесяти лошадей.

Но вот деревня промелькнула, и проѣзжіи опять погружаются въ безграничную степь. И, кажется, что тут хорошаго? Ни деревца нигдѣ, ни кустика, все равнина, да равнина, и конца ей не видно; но въ этой безконечности, при быстрой и продолжительной ѣздѣ, и есть что-то обаятельное, чарующее, отъ чего голова кружится.

385. Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орель, съ отдаленной поднявшися вершины,
Парить неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной,
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады,
Подъ ними утесовъ наги громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже роши, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по значнымъ стремнинамъ.

И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ берегахъ,
И нищій наѣзникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Текеръ играетъ въ свирѣномъ весельи;

Играетъ и воетъ камъ звѣрь молодой,
Завидѣвши пицу изъ клѣтки желѣзной,
И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...

Вотще! нѣтъ ни пици ему, ни отрады:

Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

386. Грузія.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника.

Съ высоты Гуть-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спукались въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и тепелъ. Я почевалъ на берегу Арагвы, въ домѣ Г. Ч. На другой день я разстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселой Арагвою, смѣнили мрачныя ущелья и грозный Терекъ

Вмѣсто голыхъ утесовъ, я видѣлъ около себя зеленныя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптического обмана: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ. Пушкинъ.

387. Каспійское море.

Взгляните на востокъ: тамъ вдали, въ глубинѣ, между синью неба и дали, видите ли вы, какъ яснѣетъ полоса оживленнаго серебра? Это Каспійское море. Но кто скажетъ, гдѣ граница горъ съ моремъ, гдѣ кончаются горы и начинается море? Вотъ оно, — эта гармонія, слышимая одной душѣ, сливающая въ одинъ ладъ, въ одинъ блескъ и земное и небесное. Вотъ радуга прекраснаго, возникающая какъ мостъ между міромъ и Богомъ.

Любуюсь вновь и вновь.... Прекрасно! До того прекрасно, что невольныя слезы навертываются на глазахъ. Солнце вровень со мною, словно горящій корабль, плыветъ въ яхонтовомъ океанѣ воздуха, прыщетъ, пышетъ лучами, льетъ позолоту свѣта, наводитъ чернь тѣней на далекіе волнистые хребты. Изъ-за нихъ кой-гдѣ пробивается молодая зелень полей, а по ней узорно вьются ручьи и рѣчки, и вся эта картина улыбается намъ изъ мрачныхъ рамъ ущелья, жива, ярка, блестяща, какъ вешній сонъ юности, недоступна и далека, какъ потерянный край Эдема. Лучами и кругами расходятся отъ меня горы, возникаютъ, выглядываютъ другъ изъ-за друга то иззубренныя дождями, то пробитыя на вылетъ трещинами, идѣ чернѣя дремучимъ лѣсомъ, тамъ красуясь полосами снѣговъ, или разсыпаясь въ холмы, которые, какъ эмиры въ зеленыхъ чалмахъ, сидятъ подъ тѣнію палатъ падишаха міра.

388. Москва.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясанъ лентой пашень
Весь пестрѣешь ты въ садахъ
Сколько храмовъ, сколько башень
На семи твоихъ холмахъ!

Исполнискою рукою
Ты, какъ хартия, развить;
И надъ малою рѣкою
Сталь великъ и знаменитъ!

На твоихъ церквахъ старинныхъ
Вырастаютъ дерева;

Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ:
Это матушка Москва.

Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Бремя-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана звонаря?

Кто царь-колоколъ подниметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордець, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?...

Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ,
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ!

Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!

И рѣка въ тебѣ кипѣла
Буриопламенная!

И подъ пепломъ ты лежала
Положенною.

И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!

Противѣтай же славою вѣчною,
Городъ храмовъ и палатъ!
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной России градъ!

В. Глинка.

389. Нижній-Новгородъ.

Городъ весь называется базаромъ. Узкая полоса домовъ вдоль берега Оки и Волги — нижній базаръ, а на горѣ — верхній. «Гдѣ вы остановились?» спросить васъ кто-нибудь. И если вы хотите, чтобы васъ поняли, не говорите, что остановились возлѣ почтамта, возлѣ гимназіи, возлѣ собора, — просто на верхнемъ базарѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Нижній-Новгородъ, знаменитѣйшая ярмарка въ Европѣ, такъ и кипитъ торговою дѣятельностью. Еще далеко до начала ярмарки на той сторонѣ почти что ни проходу, ни проѣзду нѣтъ: строятся дома, балаганы, шалаши и шалашики для торговли и товаровъ. Стукотня топоровъ, визгъ пиль, крики рабочихъ, говоръ какъ будто такъ, безъ цѣли толпящагося народа; все это съ перваго раза удивить проѣзжаго, который мирно, безъ шума проѣхалъ отъ Москвы.

Я былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ половинѣ іюня. Мостъ черезъ Оку еще не былъ готовъ, такъ приходилось переѣзжать рѣку на паромѣ. Съ той стороны только что причалилъ къ плоту паромъ, тяжело нагруженный телѣгами, людьми, лошадьми и разными товарами; а толпа татаръ, босикомъ, въ длинныхъ, пониже колѣна, сѣрыхъ рубашкахъ, безъ пояса и въ сѣрыхъ шляпахъ, выгружаетъ все это на берегъ. Работаютъ они необыкновенно усердно, живо, и все толкуютъ что-то по своему и кричатъ во все горло.

На нижнемъ базарѣ народъ толпится во всю ширину и во всю длину улицы. Это большею частію бурлаки, которые ищутъ работы, или сговариваются, какъ бы уѣхать на *низъ*. На низовыхъ пристаняхъ довольно легко бываетъ найти работу, такъ бурлаки и сговариваются иногда человекъ по тридцати, по сорока и по пятидесяти, покупаютъ какую-нибудь старую большую лодку и пускаются внизъ по Волгѣ.

Нижній базаръ — главное мѣсто всякой торговли, сдѣлокъ подрядовъ, найма, уговоровъ; а какъ только повернешь на гору, — улицы почти пусты. Подъемъ на гору чрезвычайно крутъ, такъ что прямо подниматься невозможно; устроены двѣ довольно отлогія дороги по косогору, и обѣ онѣ почти сходятся наверху, на верхнемъ базарѣ: одна оканчивается возлѣ стѣнъ Кремля, а другая проходитъ черезъ самый Кремль. Домовъ на скатѣ почти вовсе нѣтъ, да и быть имъ трудно, потому что негдѣ устроить

двора, да и дождевая вода, когда бѣжить по крутизнѣ, того и гляди подмоетъ домъ.

Всякій разъ, какъ поднимаешься въ Кремль, ужасно устаешь; за то оттуда не налюбишься на Волгу и на волжскія равнины. Въ устьѣ Оки толпятся всякія суда: расшивы съ однимъ большимъ парусомъ тяжело тянутся по Волгѣ; тамъ, близъ противоположнаго берега, чернѣетъ точка: это расшива, ставшая на мель; а тамъ, среди волнъ, мелькаетъ что-то... щепка это, или лодка? Волга такъ широка, что лодка кажется едва замѣтною щепкой.

На луговой сторонѣ Волги, близъ берега, чернѣетъ какъ будто полѣнница; но вотъ между дровами три шпиль; неужели это церкви?— Да, и то, что кажется дровами—огромнѣйшее село Боръ съ тремя церквами. Нѣсколько лѣвъ Бора большой островъ, покрытый, какъ видно, кустарникомъ; съ одной стороны онъ прилегаетъ къ Волгѣ, а съ другой его обтекаетъ рукавъ Волги—воложка. На немъ нѣтъ никакого жилья, потому что онъ весь покрывается водою въ половодье.

Ближе къ этому берегу лодокъ и судовъ всякаго рода гораздо больше; здѣсь же стоятъ на якорѣ и два-три парохода различныхъ компаній. Эти пароходы возятъ пассажировъ и товары вверхъ до Рыбинска и внизъ до Астрахани. Пассажиры помѣщаются на самомъ пароходѣ, а товары въ большихъ плоскодонныхъ баркахъ или баржахъ, которыя прицѣпляются къ пароходу длиннымъ канатомъ.

Въ Кремлѣ, неподалеку отъ собора на большой площади, противъ казармъ, стоитъ памятникъ одному изъ самыхъ знаменитыхъ людей нашего отечества, Козьмѣ Минину, спасителю Россіи въ страшныя времена безначалія.

390. Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣбрь сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣбрь нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Громко пѣсни раздалися,
Въ небѣ стихъ вечерній звонъ:
«Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?»

«Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса полей.»

— «Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!»
— «Край мой—теплый берегъ Эвксина!»
— «Край мой—берегъ тѣхъ дальнихъ
странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ.»

— «Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ;
Тамъ страна моя родная!»
— «Мнѣ отчизна старый Псковъ.»

— «Я отъ Ладоги холодной»;
«Я отъ синнихъ волнъ Невы.»

бокую яму, въѣ города, на дворѣ теремномъ. На другой день, сядя въ теремѣ, Ольга послала за гостями. Посланные стали звать ихъ на великую честь. «Не ѡдемъ ни на коняхъ, ни на повозкахъ», сказали они: «несите насъ въ лодкахъ.» Кіевляне отвѣчали: «Намъ воли своей нѣтъ: князь нашъ убить, а княгиня хочетъ идти за вашего князя», — и понесли ихъ. Они же спѣшили съ великою важностію: какъ принесли ихъ на дворъ, такъ и бросили въ яму вмѣстѣ съ лодкою. Ольга же наклонилась и спросила; «Что? хороша вамъ честь?» — «Нуже намъ Игоревой смерти», отвѣчали они. Тутъ ихъ и засыпали живыми. Ольга тогда посылаетъ къ древлянамъ: «Просите, какъ слѣдуетъ! пришлите всѣхъ, кто познатиѣ. Я должна идти къ вамъ съ великимъ почетомъ: иначе не пустятъ меня кіевскіе люди.» Древляне исполнили ея волю. Для прибывшихъ гостей, по старому обычаю, приготовили баню: тамъ ихъ заперли и сожгли. Послѣ этого Ольга сама отправилась къ древлянамъ, посплавъ напередъ сказать: «Пристройте многіе межи на томъ мѣстѣ, гдѣ убили моего мужа; я хочу въ послѣдній разъ справить по немъ тризну.» Съ малою дружиною пришла она на могилу мужа и горько надъ нею плакали: она велѣла людямъ насыпать большою мочильный холмъ и начать тризну. Древляне съѣли пшть съ нею, а отроки ея имъ прислуживали. «Гдѣ же наша дружина, что послали за тобою?» спросили древляне. «Идутъ вслѣдъ за мной съ дружиною моего мужа», отвѣчала Ольга. Когда они всѣ порядкомъ упились, то Ольга удалилась, а своимъ людямъ велѣла перебить ихъ. Вернувшись въ Кіевъ, она собрала большое войско и вмѣстѣ со Святославомъ двинулась на древлянъ. Святославъ былъ тогда еще ребенкомъ. Кіевляне встрѣтились съ древлянами и его посадили на коня. Онъ первый бросилъ копьё: но копьё перелетѣло черезъ уши коня и упало ему въ ноги. «Князь уже началъ», сказали воеводы, — «дружина! за княземъ!» Древляне были разбиты и затворились въ своихъ городахъ; Кіевляне скоро взяли ихъ главный городъ Искоростень и сожгли его.

Побѣдивъ древлянъ, Ольга ѡздила по всей землѣ, и вездѣ установила оброки и дани. Въ 955 году поѣхала она въ Царь градъ и здѣсь крещена была патріархомъ. Сказывали, будто царь греческій тогда хотѣлъ на ней жениться; но она прежде попросила его быть крестнымъ отцомъ, а потомъ, когда онъ напомнилъ о свадьбѣ, сказала: «вѣдь я твоя крестная дочь: ты самъ знаешь, что у христіанъ нѣтъ таковаго закона.» — «Переключала (перехитрила) ты меня, Ольга», воскликнулъ царь, и отпустилъ ее съ дарами. Сынъ Ольги, Святославъ, тогда уже выросъ, и мать часто уговаривала его креститься; но онъ отвѣчалъ: «Какъ я одинъ переменяю вѣру? дружина будетъ надо мной смѣяться!» Тогда въ Кіевѣ никому не мѣщали креститься,

и Диру: «мы гости, идемъ въ Грецію отъ Олега и Игоря, поѣдите насъ, своихъ одноземцевъ.» Кіевскіе князья вышли. Тогда воины выскочили изъ лодокъ, и Олегъ молвилъ Аскольду и Диру: «Вы не князья и не княжескаго роду, а я одного роду съ княземъ.» Между тѣмъ принесли маленькаго Игоря: «А вотъ и сынъ Рюрика», добавилъ онъ.

Аскольда и Дира убили и погребли на горѣ; Олегъ же съѣлъ княжить въ Кіевѣ, сказавъ: «Будь этотъ городъ матерью городовъ русскихъ.» Повоевавъ древлянъ, сѣверянъ и другія славянскія племена, платившія дань козарамъ, Олегъ съ большимъ войскомъ, на коняхъ и корабляхъ, пошелъ къ Царюграду: однихъ судовъ было у него до 2000. Греки затворились въ городѣ и заперли гавань. Олегъ вытащилъ суда на берегъ и сталъ воевать около города: множество грековъ было избито, палаты разорены, церкви сожжены; изъ плѣнниковъ однихъ рубили на мѣстѣ, другихъ мучили, разстрѣливали, бросали въ море. Греки устрашились и послали пословъ съ такою рѣчью: «Не губи города; бери дань, какую хочешь!» Они вынесли также брашна и вина, но Олегъ не принялъ, потому что греки подмѣшали туда отравы. Наконецъ утверждёнъ миръ, очень выгодный для русскихъ. Греческій царь, давая клятву, цѣловалъ крестъ, а русскіе клялись по своему закону оружіемъ и богомъ своимъ Перуномъ, и Волосомъ, скотыимъ богомъ. Олегъ вернулся въ Кіевъ и привезъ съ собою золото, дорогія ткани, овощи, вино и много всякаго богатства. Люди прозвали его *Въщимъ* (чародѣемъ).

393. Ольга. (945—957 г.)

Ольга, родомъ изъ Пскова, жена Игоря, осталась послѣ его смерти съ маленькимъ сыномъ, Святославомъ. Древяне, убивъ ея мужа, сказали: «Вотъ, русскій князь убитъ; пусть его жена выходитъ за нашего князя Мала, а что сдѣлать со Святославомъ мы послѣ придумаемъ», — и послали они къ Ольгѣ въ лодкахъ лучшихъ мужей, числомъ 20. Ольга ласково встрѣтила посланныхъ: «Пришли добрые гости?» — «Пришли, княгиня», отвѣчали древяне. — «Ну, скажите; зачѣмъ же вы пришли?» Древяне начали говорить: «Насъ послала древянская земля съ такою рѣчью: мы убили твоего мужа, потому что твой мужъ, какъ волкъ, расхищаль и грабилъ; а наши князья добры всегда были, какъ добрые пастухи, для своей земли: выходи за-мужъ за нашего князя Мала.» Ольга отвѣчала: «Мнѣ любо это слышать... какъ быть? Ужъ не воскресну мужа! но я хочу завтра почтить васъ предъ своими людьми: теперь идите-ка въ лодки и разлягтесь тамъ съ важностію; утромъ, какъ пошлю за вами, вы и скажите: не ѣдемъ на коняхъ, и пѣшкомъ не пойдемъ, а несите насъ въ лодкахъ, — и понесутъ васъ въ лодкахъ»; и отпустила ихъ въ лодки. Между тѣмъ она велѣла выкопать глу-

богую яму, внѣ города, на дворѣ теремномъ. На другой день, сидя въ теремѣ, Ольга послала за гостями. Посланные стали звать ихъ на великую честь. «Не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на повозкахъ», сказали они: «несите насъ въ лодкахъ.» Кіевляне отвѣчали: «Намъ воли своей нѣтъ: князь нашъ убитъ, а княгиня хочетъ идти за вашего князя», — и понесли ихъ. Они же сидѣли съ великою важностію: какъ принесли ихъ на дворъ, такъ и бросили въ яму вмѣстѣ съ лодкою. Ольга же наклонилась и спросила; «Что? хороша вамъ честь?» — «Ще намъ Игоревой смерти», отвѣчали они. Тутъ ихъ и засыпали живыми. Ольга тогда посылаетъ къ древлянамъ: «Просите, какъ слѣдуетъ! пришлите всѣхъ, кто познатиѣ. Я должна идти къ вамъ съ великимъ почетомъ: иначе не пустятъ меня кіевскіе люди.» Древляне исполнили ея волю. Для прибывшихъ гостей, по старому обычаю, приготовили баню: тамъ ихъ заперли и сожгли. Послѣ этого Ольга сама отправилась къ древлянамъ, посплавъ напередъ сказать: «Пристройте многіе меды на томъ мѣстѣ, гдѣ убили моего мужа; я хочу въ послѣдній разъ справить по немъ тризну.» Съ малою дружиною пришла она на могилу мужа и горько надъ нею плакали: она велѣла людямъ насыпать большой могильный холмъ и начать тризну. Древляне сѣли пить съ нею, а отроки ея имъ прислуживали. «Гдѣ же наша дружина, что послали за тобою?» спросили древляне. «Идутъ вслѣдъ за мной съ дружиною моего мужа», отвѣчала Ольга. Когда они всѣ порядкомъ упились, то Ольга удалилась, а своимъ людямъ велѣла перебить ихъ. Вернувшись въ Кіевъ, она собрала большое войско и вмѣстѣ со Святославомъ двинулась на древлянъ. Святославъ былъ тогда еще ребенкомъ. Кіевляне встрѣтились съ древлянами и его посадили на коня. Онъ первый бросилъ копьѣ; но копьѣ перелетѣло черезъ уши коня и упало ему въ ноги. «Князь уже началъ», сказали воеводы, — «дружина! за княземъ!» Древляне были разбиты и затворились въ своихъ городахъ; Кіевляне скоро взяли ихъ главный городъ Искоростень и сожгли его.

Побѣдивъ древлянъ, Ольга ѣздила по всей землѣ, и вездѣ установила оброки и дани. Въ 955 году поѣхала она въ Царьградъ и здѣсь крещена была патріархомъ. Сказывали, будто царь греческій тогда хотѣлъ на ней жениться; но она прежде попросила его быть крестнымъ отцомъ, а потомъ, когда онъ напомнилъ о свадьбѣ, сказала: «вѣдь я твоя крестная дочь: ты самъ знаешь, что у христіанъ нѣтъ такого закона.» — «Переключала (перехитрила) ты меня, Ольга», воскликнулъ царь, и отпустилъ ее съ дарами. Сыиъ Ольги, Святославъ, тогда уже выросъ, и мать часто уговаривала его креститься; но онъ отвѣчалъ: «Какъ я одинъ переменяю вѣру? дружина будетъ надо мной смѣяться!» Тогда въ Кіевѣ никому не мѣшали креститься,

и Диру: «мы гости, идемъ въ Грецію отъ Олега и Игоря, поспѣйте насъ, своихъ одноземцевъ.» Кіевскіе князья выжили. Тогда воины выскочили изъ лодокъ, и Олегъ молвилъ Аскольдѣ и Диру: «Вы не князья и не княжескаго роду, а я одного роду съ княземъ.» Между тѣмъ принесли маленькаго Игоря: «А вотъ и сынъ Рюрика», добавилъ онъ.

Аскольда и Дира убили и погребли на горѣ; Олегъ же сѣлъ княжить въ Кіевѣ, сказавъ: «Будь этотъ городъ матерью городовъ русскихъ.» Новоеавъ древянъ, сѣверянъ и другія славянскія племена, плативши дань козарамъ, Олегъ съ большимъ войскомъ, на коняхъ и корабляхъ, пошелъ къ Царюграду: однихъ судовъ было у него до 2000. Греки затворились въ городѣ и заперли гавань. Олегъ вытѣнилъ суда на берегъ и сталъ воевать около города: множество грековъ было избито, палаты разорены, церкви сожжены; изъ ильничковъ однихъ рубили на мѣстѣ, другихъ мучили, разстрѣливали, бросали въ море. Греки устрашились и выслали пословъ съ такою рѣчью: «Не губи города; бери дань, какую хочешь!» Они вынесли также брашна и вина, но Олегъ не принялъ, потому что греки подмѣшали туда отравы. Наконецъ утверждёнъ миръ, очень выгодный для русскихъ. Греческій царь, давая клятву, цѣловалъ крестъ, а русскіе клялись по своему закону оружіемъ и богомъ своимъ Перуномъ, и Волосомъ, скотнымъ богомъ. Олегъ вернулся въ Кіевъ и привезъ съ собою золото, дорогія ткани, оwoцн, вино и много всякаго богатства. Люди прозвали его *Вещимъ* (чародѣемъ).

393. Ольга. (945—957 г.)

Ольга, родомъ изъ Пскова, жена Игоря, осталась послѣ его смерти съ маленькимъ сыномъ, Святославомъ. Древяне, убивъ ея мужа, сказали: «Вотъ, русскій князь убитъ; пусть его жена выходитъ за нашего князя Мала, а что сдѣлать со Святославомъ мы послѣ придумаемъ», — и послали они къ Ольгѣ въ лодкахъ лучшихъ мужей, числомъ 20. Ольга ласково встрѣтила посланныхъ: «Пришли добрые гости?» — «Пришли, княгиня», отвѣчали древяне. — «Ну, скажите, зачѣмъ же вы пришли?» Древяне начали говорить: «Насъ послала древянская земля съ такою рѣчью: мы убили твоего мужа, потому что твой мужъ, какъ волкъ, расхищаль и грабилъ; а наши князья добры всегда были, какъ добрые настухи, для своей земли: выходи за мужа за нашего князя Мала.» Ольга отвѣчала: «Мнѣ любо это слышать.... какъ быть? Ужъ не воскресну мужа! но я хочу завтра почтить васъ предъ своими людьми: теперь идите-ка въ лодки и разлягтесь тамъ съ важностію; утромъ, какъ пошло за вами, вы и скажите: не ѣдемъ на коняхъ, и пѣшкомъ не поидемъ, а несите насъ въ лодкахъ, — и понесутъ васъ въ лодкахъ»; и отпустила ихъ въ лодки. Между тѣмъ она велѣла выкопать глу-

— и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою; когда великій князь и бояре предпochли ее старой вѣрѣ отцовъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провозглаемый соборомъ греческихъ священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился, тогда священный соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ кievскихъ христианами: тогда Владиміръ въ радости и восторгѣ сердца, устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и неба: дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго: утверди въ нихъ вѣру правую! Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхваляю достойно имя Твое!...» Въ сей великій день, говоритъ летописецъ, земля и небо ликовали.

Карамзинъ.

397. Ярославъ Мървый.

Въ 1019 году на престолѣ кievскомъ воцарился Ярославъ. Онъ не менѣ отца своего, Владиміра Святого, способствовалъ ко благу и счастью Руси. День и ночь занимался чтеніемъ греческихъ священныхъ книгъ, приказывая ихъ списывать и переводить на русскій языкъ, строилъ великолѣпные храмы Божиі, украшалъ ихъ драгоценными каменьями, поставлялъ священниковъ, назначалъ имъ жалованье, заводилъ школы для духовныхъ, и свѣтъ истинной вѣры вскорѣ озарилъ самыя отдаленныя мѣста земли русской. Но не одною ревностію къ вѣрѣ былъ славенъ Ярославъ, онъ столько же заботился и о другихъ нуждахъ народа. Онъ первый увидѣлъ необходимость написать для русскихъ законы, которые могли бы удерживать ихъ отъ несправедливыхъ поступковъ; и эти законы, составленные Ярославомъ, извѣстны подъ общимъ наименованіемъ *Русской правды*.

Такииъ образомъ Ярославъ со славой княжилъ тридцать девять лѣтъ. При концѣ жизни онъ раздѣлилъ государство на удѣлы между сыновьями и внуками, убѣждая ихъ быть дружными между собой и почитать старшаго брата, бывшаго княземъ кievскимъ. «Милыя дѣти мои», говорилъ умирающій Ярославъ стоящимъ передъ нимъ сыновьямъ и внукамъ: «скоро уже меня не станетъ, потому прошу васъ исполнить мою послѣднюю просьбу. Я оставляю вамъ въ управленіе всю землю русскую, нашу отчину, которую самъ Богъ повелѣваетъ намъ хранить болѣе самихъ себя. Чтобы не обидѣть никого изъ васъ, я каждому дарю нѣсколько городовъ, составляющихъ его область или удѣлъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы меньшіе братья повиновались старшему брату. Въ старшемъ братѣ, великомъ князѣ кievскомъ, вы должны видѣть втораго отца и государя. Помните

стіанскую вѣру. Сбравъ многочисленное войско, онъ пошелъ на Корсунь, городъ греческій; корсунцы заперлись въ городѣ и крѣпко оборонялись. Владиміръ послалъ сказать имъ: «если не сдадитесь, то три года простою здѣсь»; но они не послушались. Тогда Владиміръ, устроивъ свое войско, велѣлъ дѣлать насыпи около города; но корсунцы, подкопавши городскую стѣну, уносили насыпаемую землю къ себѣ въ городъ. Въ это время одинъ житель корсунскій, именовъ Анастасъ, пустилъ стрѣлу въ станъ русскій, а на стрѣлѣ было написано: «на востокъ отъ тебя колодезь; изъ него вода идетъ по трубѣ въ городъ; откопай колодезь и перейми воду». Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать, и точно воду переняли у гражданъ; тогда послѣдніе, изнемогшіе отъ жажды, сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною и послалъ къ императорамъ Василю и Константину съ такими словами: «Вотъ я взялъ славный городъ; слышу, что у васъ есть сестра дѣвица: если вы не отдадите ее за меня, то и столицѣ вашей будетъ отъ меня то же, что и Корсуню»... Оба цари, услыхавъ это, сильно огорчились, и отвѣчали: «не прилично христіанамъ выдавать своихъ сестеръ за невѣрныхъ; если крестись, то и сестру нашу получишь, а вмѣстѣ съ нею царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать за тебя сестры.» Владиміръ отвѣчалъ посламъ: «скажите царямъ, что я готовъ креститься, потому что прежде испыталъ вашъ законъ, и мнѣ нравится ваша вѣра и богослуженіе.» Цари, услышавъ это, обрадовались и послали сестру свою, именовъ Анну, которую насилу могли уговорить идти: она сѣла на корабль, простилась съ родными, съ плачемъ поплыла черезъ море. Когда царевна прѣбывала въ Корсунѣ, Владиміръ крестился, а послѣ крещенія обвѣнчался съ Анною.

396. Крещеніе русн.

Наставленный херсонскимъ митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердныя язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины княжескіе оттапливали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для него послѣднею данію суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди русскіе: вельможи и рабы, бѣдные и богатые, шли креститься,

— и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ отцовъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провозжаемый соборомъ греческихъ священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился, когда священный соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ кievскихъ христианами: тогда Владиміръ въ радости и восторгѣ сердца, устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и неба; дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго: утверди въ нихъ вѣру правую! Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхваляю достойно имя Твое!...» Въ сей великій день, говорить летописецъ, земля и небо ликовали.

Карамзинъ.

397. Ярославъ Первый.

Въ 1019 году на престолѣ кievскомъ воцарился *Ярославъ*. Онъ не менѣ отца своего, Владиміра Святого, способствовалъ ко благу и счастію Руси. День и ночь занимался чтеніемъ греческихъ священныхъ книгъ, приказывая ихъ списывать и переводить на русскій языкъ, строилъ великолѣбные храмы Божіи, украшалъ ихъ драгоценными каменьями, поставлялъ священниковъ, назначалъ имъ жалованье, заводилъ школы для духовныхъ, и свѣтъ истинной вѣры вскорѣ озарилъ самыя отдаленныя мѣста земли русской. Но не одною ревностію къ вѣрѣ былъ славенъ Ярославъ, онъ столько же заботился и о другихъ нуждахъ народа. Онъ первый увидѣлъ необходимость написать для русскихъ *законы*, которые могли бы удерживать ихъ отъ несправедливыхъ поступковъ; и эти законы, составленные Ярославомъ, извѣстны подъ общимъ наименованіемъ *Русской правды*.

Такимъ образомъ Ярославъ со славой княжилъ тридцать девять лѣтъ. При концѣ жизни онъ раздѣлилъ государство на удѣлы между сыновьями и внуками, убѣждая ихъ быть дружными между собой и почитать старшаго брата, бывшаго княземъ кievскимъ. «Милія дѣти мои», говорилъ умирающій Ярославъ стоящимъ передъ нимъ сыновьямъ и внукамъ: «скоро уже меня не станетъ, потому прошу васъ исполнить мою послѣднюю просьбу. Я оставляю вамъ въ управленіе всю землю русскую, нашу отчину, которую самъ Богъ повелѣваетъ намъ хранить болѣе самихъ себя. Чтобы не обидѣть никого изъ васъ, я каждому дарю нѣсколько городовъ, составляющихъ его *область* или *удѣлъ*, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы меньшіе братья повиновались старшему брату. Въ старшемъ братѣ, великомъ князѣ кievскомъ, вы должны видѣть втораго отца и государя. Помните

стѣпанскую вѣру. Собравъ многочисленное войско, онъ пошелъ на Корсунь, городъ греческій; корсунцы заперлись въ городѣ и крѣпко оборонялись. Владиміръ послалъ сказать имъ: «если не сдадитесь, то три года простою здѣсь»; но они не послушались. Тогда Владиміръ, устроивъ свое войско, велѣлъ дѣлать насыпи около города; но корсунцы, подкопавши городскую стѣну, уносили насыпаемую землю къ себѣ въ городъ. Въ это время одинъ житель корсунскій, именемъ Анастасъ, пустилъ стрѣлу въ станъ русскій, а на стрѣлѣ было написано: «на востокъ отъ тебя колодезь; изъ него вода идетъ по трубѣ въ городъ; откопай колодезь и перейми воду». Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать, и точно воду переняли у гражданъ; тогда послѣдніе, изнемогшіе отъ жажды, сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною и послалъ къ императорамъ Василию и Константину съ такими словами: «Вотъ я взялъ славный городъ; слышу, что у васъ есть сестра дѣвица: если вы не отдадите ее за меня, то и столицѣ вашей будетъ отъ меня то же, что и Корсуню»... Оба цари, услышавъ это, сильно огорчились, и отвѣчали: «не прилично христіанамъ выдавать своихъ сестеръ за невѣрныхъ; если крестись, то и сестру нашу получишь, а вмѣстѣ съ нею царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать за тебя сестры.» Владиміръ отвѣчалъ посламъ: «скажите царямъ, что я готовъ креститься, потому что прежде испыталъ вашъ законъ, и мнѣ нравится ваша вѣра и богослуженіе.» Цари, услышавъ это, обрадовались и послали сестру свою, именемъ Анну, которую насилу могли уговорить идти: она сѣла на корабль, простилась съ родными, съ плачемъ поплыла черезъ море. Когда царица пріѣхала въ Корсунь, Владиміръ крестился, а послѣ крещенія обвѣнчался съ Анною.

396. Крещеніе руси.

Наставленный херсонскимъ митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумиромъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекали идола изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ; за конми онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для него послѣднею данію суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди русскіе: вельможи и рабы, бѣдные и богатые, шли креститься,

убивать, хотя бы и заслуживали смерти: не погубите никакой души христіанской.

Болѣе всего, не имѣйте гордости въ своемъ сердцѣ и умѣ: всѣ мы смертны, сегодня живы, а завтра въ гробѣ. Все, что намъ дано, не наше, а поручено намъ на мало дней, и въ землѣ не хороните сокровищъ: то великій грѣхъ.

Въ дому своемъ не дѣштитеся: надо всѣмъ надзирайте сами, не полагайтесь на тиуновъ и на отроковъ, чтобы приходящіе къ вамъ не посмѣялись надъ домомъ вашимъ и надъ обѣдомъ. На войну вышедъ, не лѣштитеся: не надѣштитеся на воеводъ; не предавайтесь ни ѣдѣ, ни питью, ни сну; сторожей сами разставляйте, и ночью, все устроивъ, ляте также при войскѣ, а встаньте рано; не снимайте оружія, не разглядывъ хорошенько, есть, или нѣтъ опасность: отъ безпечности человекъ легко погибаетъ.

Когда путешествуете по своимъ землямъ, не позволяйте своимъ отрокамъ (дружинѣ) наносить обиды ни въ селахъ, ни въ деревняхъ, чтобы не стали васъ проклинать. Гдѣ остановитесь, напоите и накормите бѣднаго; а болѣе всего чтите гости, откуда бы онъ ни пришелъ, будетъ онъ простой человекъ, или знатный, или посоль; если не можете одарить его, то хоть напоите и накормите; гости мимоходомъ разнесутъ по всѣмъ землямъ молву о человекѣ, какъ о добромъ, или какъ о зломъ.

Больного посѣтите; мертвыхъ провожайте: мы и сами смертны; не пропустите ни одного человекъ безъ привѣта, всякому скажите доброе слово. Жену свою любите, но не дайте ей власти надъ собою.

Что знаете добраго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь; отецъ мой, сидя дома, зналъ пять языковъ; за это намъ почетъ отъ другихъ земель. Лѣшность — мать всякаго порока. Съ нею человекъ забудетъ и то, что умѣетъ, а чего не умѣетъ, тому не учится; но если служите добру-то, то не будьте лѣшныи ни на какое доброе дѣло.

Чтобъ не застало васъ солнце на постелѣ. Воздавъ утреннюю хвалу Богу, садитесь думать съ дружиною, или подавать судъ людямъ; потомъ побѣжайте на ловъ — въ полдень спать: спанье ужъ Богомъ присуждено полудню; тогда почиваютъ и звѣрь, и птица, и человекъ.

А вотъ расскажу вамъ о моихъ трудахъ и ловахъ. Изъ Чернигова въ Кіевъ поснѣвалъ я къ отцу до вечерни; а всѣхъ моихъ походовъ было 83 большихъ, а другихъ меньшихъ и не припомню. Двадцать разъ безъ одного заключилъ я съ половецкими князьями миръ, при отцѣ и безъ отца, и давалъ имъ много отъ себя скота и платьевъ; пустилъ же изъ оковъ болѣ 100 ихъ лучшихъ князей, да избилъ около 200. А вотъ какъ судился я на охотѣ. Съ отцомъ ловилъ я урочъ и всякихъ

чала онъ отказывался, потому что были другіе наслѣдники престола ближе его: *Олеги* черниговскій и братья его — дѣти старшаго Владимірова дяди, *Святослава*; но потомъ, видя, что въ Кіевѣ происходятъ ужасные безпорядки отъ безначалія, согласился на желаніе кіевлянъ, тѣмъ болѣе что и самъ *Олеги*, старинный непріятель его и главный наслѣдникъ великаго княженія, не спорилъ съ народомъ и молчаніемъ своимъ подтверждалъ его выборъ.

Мономахъ во все время двадцатилѣтняго княженія своего продолжалъ отличатся храбростію. Не смотря на старость свою, онъ усмирилъ еще разъ половцевъ и два новыхъ народа, появившихся на Руси: *торковъ* и *берендѣевъ*. Съ его времени эти грубые народы уже не были такъ страшны русскимъ. Многіе изъ нихъ покорились Владиміру и поселились на берегахъ Днѣпра. Ихъ называли предки наши *черными клобуками*; это названіе произошло отъ того, что они носили черныя шапки.

Кромѣ побѣдъ надъ народами чужими и надъ непокорными князьями удѣльными, Мономахъ славился и другими дѣлами: онъ старался улучшать законы, строилъ церкви и общественныя дома, обводилъ каменными стѣнами старые города, закладывалъ новыя. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ на рѣкѣ Клязьмѣ городъ *Владиміръ*, основанный въ Суздальской области и названный *Залѣскимъ*, для отличія его отъ другого Владиміра, бывшаго на Волыни.

400. Поученіе Владиміра Мономаха дѣтямъ.

Дѣти мои, или кто другой, прочитавши эту грамотку, не смѣйтесь, а примите ее въ сердце. Если кому она не понравится, то пусть лучше скажутъ: собирался въ далекій путь, да на саяхъ (т. е. при смерти), говорилъ онъ нелѣпицу. Прежде всего будьте вѣрны своему слову. Разъ встрѣтили меня послы братьевъ на Волгѣ: «Присоединись къ намъ, говорили братья, выгонимъ Ростиславичей (Володаря, Василько) и займемъ ихъ волость; если не пойдешь съ нами, то и мы не будемъ помогать тебѣ.» — «Гдѣвайтесь пожалуй», отвѣчалъ я, «не могу идти съ вами: я цѣловалъ крестъ, давая клятву жить въ мирѣ.» После этого въ горести раскрылъ я псалтырь, и мнѣ выпало мѣсто: «Что печалишься, душа моя? Что слушаешься и проч.» Дѣти, ради Бога, не гнѣвайтесь, не тяжка заповѣдь Божія: слезы и милостыня — вотъ все, что спасетъ васъ. Ни одиночество, ни монашество, ни голодъ, что другіе добрые люди терпятъ, для этого не нужны.

Самое главное: не забываете убогихъ, но сколько можете, по силѣ, кормите; и сироту и вдовицу оправдайте сами, не давая сильнымъ обидѣть челоуѣка.

Ни праваго, ни виноватаго не убивайте и не дозволяйте

убивать, хотя бы и заслуживали смерти: не погубите никакой души христіанской.

Богѣ всего, не имѣйте гордости въ своемъ сердцѣ и умѣ: всѣ мы смертны, сегодня живы, а завтра въ гробѣ. Все, что намъ дано, не наше, а поручено намъ на мало дней, и въ землѣ не хороните сокровищъ: то великій грѣхъ.

Въ дому своемъ не лѣнитесь: надо всѣмъ надзирайте сами, не полагайтесь на тузовъ и на отроковъ, чтобы приходящіе къ вамъ не посмѣялись надъ домомъ вашимъ и надъ обѣдомъ. На войну вышедъ, не лѣнитесь: не надѣйтесь на воеводъ; не предавайтесь ни ѣдѣ, ни питью, ни сну; сторожей сами разставляйте, и ночью, все устройте, лягте также при войскахъ, а встаньте рано; не снимайте оружія, не разглядывъ хорошенько, есть, или нѣтъ опасность: отъ безпечности человекъ легко погибаетъ.

Когда путешествуете по своимъ землямъ, не позволяйте своимъ отрокамъ (дружины) наносить обиды ни въ селахъ, ни въ деревняхъ, чтобы не стали васъ проклинять. Гдѣ остановитесь, напоите и накормите бѣднаго; а болѣе всего чтите гости, откуда бы онъ ни пришелъ, будетъ онъ простой человекъ, или знатный, или посоль; если не можете одарить его, то хоть напоите и накормите; гости мимоходомъ разнесутъ по всѣмъ землямъ молву о человекѣ, какъ о добромъ, или какъ о зломъ.

Больного посѣтите; мертвыхъ провожайте: мы и сами смертны; не пропустите ни одного человека безъ привѣта, всякому скажите доброе слово. Жену свою любите, но не дайте ей власти надъ собою.

Что знаете добраго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь; отецъ мой, сидя дома, зналъ пять языковъ; за это намъ почетъ отъ другихъ земель. Лѣность — мать всякаго порока. Съ нею человекъ забудетъ и то, что умѣетъ, а чего не умѣетъ, тому не учится; но если служите добру-то, то не будьте лѣнны ни на какое доброе дѣло.

Чтобъ не застало васъ солнце на постелѣ. Воздавъ утреннюю хвалу Богу, садитесь думать съ дружиною, или подавать судъ людямъ; потомъ побѣжайте на ловъ — въ полдень спать: спанье ужъ Богомъ присуждено полудню; тогда почиваютъ и звѣрь, и птица, и человекъ.

А вотъ расскажу вамъ о моихъ трудахъ и ловахъ. Изъ Чернигова въ Кіевъ поспѣвалъ я къ отцу до вечерни; а всѣхъ моихъ походовъ было 83 большихъ, а другихъ меньшихъ и не припомню. Двадцать разъ безъ одного заключилъ я съ половецкими князьями миръ, при отцѣ и безъ отца, и давалъ имъ много отъ себя скота и платьевъ; пустилъ же изъ оковъ болѣе 100 ихъ лучшихъ князей, да избилъ около 200. А вотъ какъ трудился я на охотѣ. Съ отцомъ ловилъ я туровъ и всякихъ звѣ-

чала онъ отказывался, потому что были другіе наслѣдники престола ближе его: *Олеги* черниговскій и братья его — дѣти старшаго Владимірова дяди, Святослава; но потомъ, видя, что въ Кіевѣ происходятъ ужасные безпорядки отъ безначалія, согласился на желаніе кіевлянъ, тѣмъ болѣе что и самъ Олегъ, старинный непріятель его и главный наслѣдникъ великаго княженія, не спорилъ съ народомъ и молчаніемъ своимъ подтверждалъ его выборъ.

Мономахъ во все время двадцатилѣтняго княженія своего продолжалъ отличать храбростію. Не смотря на старость свою, онъ усмирилъ еще разъ половцевъ и два новыхъ народа, появившихся на Руси: *торковъ* и *беренюевъ*. Съ его времени эти грубые народы уже не были такъ страшны русскимъ. Многіе изъ нихъ покорились Владиміру и поселились на берегахъ Днѣпра. Ихъ называли предки наши *черными клобуками*; это названіе произошло отъ того, что они носили черныя шапки.

Кромѣ побѣдъ надъ народами чужими и надъ непокорными князьями удѣльными, Мономахъ славился и другими дѣлами: онъ старался улучшать законы, строить церкви и общественныя дома, обводитъ каменными стѣнами старые города, закладываетъ новыя. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ на рѣкѣ Клязьмѣ городъ *Владиміръ*, основанный въ Суздальской области и названный *Зальскимъ*, для отличія его отъ другого Владиміра, бывшаго на Волынѣ.

400. Поученіе Владиміра Мономаха дѣтямъ.

Дѣти мои, или кто другой, прочитавши эту грамотку, не смѣйтесь, а примите ее въ сердце. Если кому она не понравится, то пусть лучше скажутъ: собираясь въ далекій путь, да на саняхъ (т. е. при смерти), говорилъ онъ иелѣницу. Прежде всего будьте вѣрны своему слову. Разъ встрѣтили меня послѣ братьевъ на Волгѣ: «Присоединись къ намъ, говорили братья, выгонимъ Ростиславичей (Володаря, Василько) и займемъ ихъ волость; если не пойдешь съ нами, то и мы не будемъ помогать тебѣ.» — «Гнѣвайтесь пожалуй», отвѣчалъ я, «не могу идти съ вами: я иѣловалъ крестъ, давая клятву жить въ мирѣ.» Послѣ этого въ горестк раскрылъ я исалтырь, и мнѣ выпало мѣсто: «Что печалишься, душа моя? Что слушаешься Божія: слезы и милостыня — вотъ все, что спасетъ васъ. Ни одиночество, ни монашество, ни голодъ, что другіе добрые люди терпятъ, для этого не нужны.

Самое главное: не забывайте убогихъ, но сколько можете, по силѣ, кормите; и сироту и вдовицу оправдайте сами, не давая сильнымъ обидѣть челоуѣка.

Ни праваго, ни виноватаго не убивайте и не позволяйте

рода съ небольшою дружиною, быстро напалъ на враговъ, избилъ ихъ множество, и на лицо самого Биргера «возложилъ печать» острымъ копьемъ своимъ. Въ Александровомъ полку крѣпко мужествовали съ княземъ шестеро удалцовъ. Одинъ изъ нихъ — Гаврило, гоняся за Биргеромъ, наскочилъ на самый корабль по доскѣ, служившей для входа; но шведы взбѣжали прежде него, обернулись и опрокинули его съ конемъ въ воду. Онъ однако вышелъ изъ бѣды невредимымъ, снова набѣжалъ на полкъ шведскій и бился въ самой срединѣ непріятелей. Другой, новгородецъ Сбыславъ, долго однимъ топоромъ рубился съ врагами и многихъ положилъ на мѣстѣ, такъ что всѣ дивились его силѣ и храбрости. Третій, ловчій князя, напалъ на шведовъ съ мечомъ и заслужилъ похвалу отъ самого князя за мужество. Четвертый, новгородецъ Миша, ударилъ нѣшій со своею дружиною и погубилъ три корабля шведскихъ. Пятый, Сава, изъ молодыхъ слугъ князя набѣжалъ на великій золототерхій шатеръ Биргера и подрубилъ у него столбъ: войско Александра увидѣло паденіе шатра и радостно вскрикнуло. Шестой, княжескій слуга Ратмиръ, бился нѣшій: его со всѣхъ сторонъ обружили, и онъ палъ, весь израненный. Шведы три полныхъ корабля наклали труповъ лучшихъ людей своихъ и потопили въ морѣ, а для прочихъ ископали яму и безъ числа ихъ туда побросали. За эту великую побѣду Александръ и прозванъ Невскимъ. Преданіе рассказываетъ что еще передъ битвою одинъ старѣйшина земли Ижерской, который держалъ морскую стражу и не спалъ всю ночь, выглядывая непріятеля, вдругъ на восходѣ солнца услышалъ страшный шумъ на морѣ, и видитъ онъ: ѣдетъ на веслахъ судно, а по срединѣ его стоятъ въ красныхъ одеждахъ Св. Борисъ и Глѣбъ; гребцы же сидятъ, точно одѣтые мглою, — и сказалъ Борисъ: «Братъ Глѣбъ! вели гребти, поможемъ сроднику своему Александру.» — Послѣ того ливонскіе нѣмцы повоевали всю страну до Пскова; Александръ пошелъ со своими новгородцами и противъ нихъ. Дѣло было въ началѣ апрѣля. онъ сталъ съ полкомъ на Чудскомъ озерѣ. Нѣмцы первые на него ударили; но Александръ, послѣ кровавой сѣчи, одолѣлъ ихъ и гналъ семь верстъ по льду; тутъ погибло до 400 нѣмцевъ, а 50 взято въ плѣнъ; чуди же, сражавшейся вмѣстѣ съ ливонцами, безъ числа перебито. Эта сѣча такъ и прозвана: «ледянымъ побоищемъ». Въ тотъ же годъ нѣмцы прислали съ поклономъ: «Отъ городовъ, которые мы заняли мечомъ, отступаемся; пустите забранныхъ вами плѣнниковъ, а мы пустимъ вашихъ.»

Послѣ смерти отца своего, Ярослава, Александръ занялъ престолъ владимірскій. Только угождая татарамъ, онъ могъ удерживать власть за собою, и четыре раза ѣздилъ въ орду съ поклономъ, отвезъ ханамъ много серебра и золота; онъ принудилъ

самыхъ границъ нашихъ. Побѣжденные половцы убѣжали въ кievскую область, и въ числѣ ихъ былъ ханъ Котянъ, тесть Мстислава Храбраго. Этотъ ханъ встревожилъ всю Россію своими разсказами о страшныхъ татарахъ, умолялъ князей идти противъ нихъ, увѣряя, что если они не сдѣлаютъ этого, то татары придутъ и въ русскую землю такъ же, какъ пришли въ половецкую.

Князья русскіе, всегда любившіе войну и славу, не со страхомъ, но съ жадностію слушали разсказы стараго Котяна: имъ хотѣлось летѣть на встрѣчу новыхъ, еще не виданныхъ враговъ; и вотъ самые храбрые изъ нихъ: Мстиславъ галицкій, Мстиславъ черниговскій и Мстиславъ кievскій со многими молодыми князьями, не согласившись со старшими, безразсудно пошли искать татаръ.

На Дибирѣ смѣльчаки встрѣтили пословъ татарскихъ. Они еще не начинали ссоры, а напротивъ того пригласили князей русскихъ битъ вмѣстѣ съ ними половецвъ, которыхъ татары называли своими рабами и коюхами. Но князья думали, что мирныя предложенія татаръ происходятъ отъ трусости, и съ гордостію отвергли ихъ. Молодой князь волынскій, Даніилъ, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ, Мстиславомъ Храбрымъ, первые бросились на показавшійся вдали отрядъ непріятельскій и совершенно разбили его. Эта первая удача заманила далѣе минутныхъ побѣдителей: они переправились со вѣмъ войскомъ за Дибиръ, и девять дней шли до рѣки *Калки*. Здѣсь-то, на берегахъ этой несчастной для русскихъ рѣки, начались бѣдствія Россіи! здѣсь-то 31 мая 1224 года русскіе потерпѣли ужасное пораженіе, отъ котораго не спасли ихъ ни храбрость всего войска, ни отчаянное мужество неустрашимаго Даніила волынскаго. Этотъ герой въ жару сраженія не чувствовалъ раны, полученной въ грудь, и продолжалъ битъ татаръ. Все прекрасное войско русское исчезло: шесть князей и семьдесятъ славныхъ богатырей были убиты! Едва десятая часть спаслась бѣгствомъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ галицкимъ и Даніиломъ волынскимъ.

404. Александръ Невскій.

Александръ Невскій, княжившій въ Новгородѣ, прославился своими побѣдами надъ шведами, надъ нѣмцами (ливонцами), надъ Литвою. Разсказываютъ, что одинъ знатный рыцарь нарочно приходилъ отъ нѣмцевъ въ Новгородъ, чтобы его видѣть, и потомъ увѣрялъ: «прошелъ я много странъ и народовъ, но еще не встрѣчалъ такого ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя». Въ 1240 году шведы, по наущенію римскаго папы, собрали большое войско, наполнили имъ много кораблей и, подъ начальствомъ Биргера, пришли въ Неву, устью Ижоры. Они думали поплѣнить и Ладогу, и Новгородъ. Александръ выступилъ изъ Новго-

рода съ небольшою дружиною, быстро напалъ на враговъ, избилъ ихъ множество, и на лицо самого Биргера «возложилъ печать» острымъ копьемъ своимъ. Въ Александровомъ полку крѣпко мужествовали съ княземъ шестеро удалцовъ. Одинъ изъ нихъ — Гаврило, гоняся за Биргеромъ, наскочилъ на самый корабль по доскѣ, служившей для входа; но шведы взбѣжали прежде него, обернулись и опрокинули его съ конемъ въ воду. Онъ однако вышелъ изъ бѣды невредимымъ, снова нахалъ на полкъ шведскій и бился въ самой срединѣ непріятелей. Другой, новгородецъ Сбыславъ, долго однимъ топоромъ рубился съ врагами и многихъ положилъ на мѣстѣ, такъ что всѣ дивились его силѣ и храбрости. Третій, ловчій князя, напалъ на шведовъ съ мечомъ и заслужилъ похвалу отъ самого князя за мужество. Четвертый, новгородецъ Миша, ударилъ пѣшій со своею дружиною и погубилъ три корабля шведскихъ. Пятый, Сава, изъ молодыхъ слугъ князя нахалъ на великій золототерхій шатеръ Биргера и подрубилъ у него столбъ: войско Александра увидѣло паденіе шатра и радостно вскрикнуло. Шестой, княжескій слуга Ратмиръ, бился пѣшій: его со всѣхъ сторонъ окружили, и онъ палъ, весь израненный. Шведы три полныхъ корабля наклали труповъ лучшихъ людей своихъ и потопили въ морѣ, а для прочихъ ископали яму и безъ числа ихъ туда побросали. За эту великую побѣду Александръ и прозванъ Невскимъ. Преданіе разсказываетъ что еще передъ битвою одинъ старѣйшина земли Ижерской, который держалъ морскую стражу и не спалъ всю ночь, выглядывая непріятеля, вдругъ на восходѣ солнца услышалъ страшный шумъ на морѣ, и видитъ оны: ѣдетъ на веслахъ судно, а по срединѣ его стоятъ въ красныхъ одеждахъ Св. Борисъ и Глѣбъ; гребцы же сидятъ, точно одѣтые мглюю, — и сказалъ Борисъ: «Братъ Глѣбъ! вели грести, поможемъ сроднику своему Александру.» — Послѣ того ливонскіе нѣмцы повоевали всю страну до Пскова; Александръ пошелъ со своими новгородцами и противъ нихъ. Дѣло было въ началѣ апрѣля: онъ сталъ съ полкомъ на Чудскомъ озерѣ. Нѣмцы первые на него ударили; но Александръ, послѣ кровавой сѣчи, одолѣлъ ихъ и гналъ семь верстъ по льду; тутъ погибло до 400 нѣмцевъ, а 50 взято въ плѣнъ; чуди же, сражавшейся вмѣстѣ съ ливонцами, безъ числа перебито. Эта сѣча такъ и прозвана: «ледянымъ побоищемъ». Въ тотъ же годъ нѣмцы прислали съ поклономъ: «Отъ городовъ, которые мы заняли мечомъ, отступаемся; пустите забранныхъ вами плѣнниковъ, а мы пустимъ вашихъ.»

Послѣ смерти отца своего, Ярослава, Александръ занялъ престолъ владимірскій. Только угождалъ татарамъ, онъ могъ удержать власть за собою, и четыре раза ѣздилъ въ орду съ поклономъ, отвозилъ ханамъ много серебра и золота; онъ принудилъ

самыхъ границъ нашихъ. Побѣжденные половцы убѣжали въ кievскую область, и въ числѣ ихъ былъ ханъ Котиянъ, тесть Мстислава Храбраго. Этотъ ханъ встревожилъ всю Россію своими разсказами о страшныхъ татарахъ, умолялъ князей идти противъ нихъ, увѣряя, что если они не сдѣлаютъ этого, то татары придутъ и въ русскую землю такъ же, какъ пришли въ половецкую.

Князья русскіе, всегда любившіе войну и славу, не со страхомъ, но съ жадностію слушали разсказы стараго Котяна: имъ хотѣлось летѣть на встрѣчу новыхъ, еще не виданныхъ враговъ; и вотъ самые храбрые изъ нихъ: Мстиславъ галицкій, Мстиславъ черниговскій и Мстиславъ кievскій со многими молодыми князьями, не согласившись со старшими, безразсудно пошли искать татаръ.

На Днѣпрѣ смѣлчачи встрѣтили пословъ татарскихъ. Они еще не начинали ссоры, а напротивъ того приглашали князей русскіхъ бить вмѣстѣ съ ними половецвъ, которыхъ татары называли своими рабами и конюхами. Но князья думали, что мирныя предложенія татаръ происходятъ отъ трусости, и съ гордостію отвергли ихъ. Молодой князь волынскій, Даниилъ, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ, Мстиславомъ Храбрымъ, первые бросились на показавшейся вдали огрядъ непріятельскій и совершенно разбили его. Эта первая удача заманила далѣе минутныхъ побѣдителей: они переправились со всею войскою за Днѣпръ, и девять дней шли до рѣки *Дажги*. Здѣсь-то, на берегахъ этой несчастной для русскихъ рѣки, начались бѣдствія Россіи! здѣсь-то 31 мая 1224 года русскіе потеряли ужасное пораженіе, отъ котораго не спасли ихъ ни храбрость всего войска, ни отчаянное мужество неустранимаго Даниила волынскаго. Этотъ герой въ жару сраженія не чувствовалъ раны, полученной въ грудь, и продолжалъ бить татаръ. Все прекрасное войско русское исчезло: шесть князей и семьдесятъ славныхъ богатырей были убиты! Едва десятая часть спаслась бѣгствомъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ галицкимъ и Данииломъ волынскимъ.

404. Александръ Невскій.

Александръ Невскій, княжившій въ Новгородѣ, прославился своими побѣдами надъ шведами, надъ нѣмцами (ливонцами), надъ Литвою. Разсказываютъ, что одинъ знатный рыцарь нарочно приходилъ отъ нѣмцевъ въ Новгородъ, чтобы его видѣть, и потомъ увѣрялъ: «прошелъ я много странъ и народовъ, но еще не встрѣчалъ такого ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя». Въ 1240 году шведы, по наущенію римскаго папы, собрали большое войско, наполнили имъ много кораблей и, подъ начальствомъ Биргера, пришли въ Неву, устью Ижоры. Они думали поплѣнить и Ладогу, и Новгородъ. Александръ выступилъ изъ Новго-

ханомъ, властолюбіе и зависть много уменьшаютъ достоинство добрыхъ его качествъ.

406. Сраженіе на берегахъ р. Вожи, 11 августа 1378 года.

Господствовавшій въ ордѣ Мамай не равнодушно смотрѣлъ на увеличивающееся могущество великаго князя Дмитрія Іоанновича IV. Отлагая до времени явное на него нападеніе, онъ послалъ подвластнаго ему князя Бегича съ сильнымъ войскомъ разорять Россію; но Дмитрій, узнавшій заблаговременно о замыслахъ татаръ, успѣлъ собрать значительную армію.

Непріятели встрѣтились на берегахъ рѣки Вожи. Бегичъ началъ битву; переправясь чрезъ рѣку, онъ съ крикомъ ударился всею массою своего войска на русскихъ; но увидѣвши, что они крѣпко стоятъ, велѣлъ своимъ ѣхать малою рысью, пуская стрѣлы. Дмитрій стоялъ въ срединѣ своего ополченія, поручивъ одно крыло князю Давилу Пронскому, а другое воеводѣ Тимоею. По данному знаку всѣ русскіе устремились на татаръ. Двѣ арміи слились въ одну массу и вступили въ рукопашный бой. Трескъ оружія, яростный крикъ сражающихся, вопль и стоны раненыхъ и умирающихъ, ржаніе и топотъ лошадей, все это заглушало голоса начальниковъ, ободрявшихъ своихъ воиновъ. — Татары, подобно бурному океану, стремились поглотить своихъ противниковъ; русскіе, уподобляясь гранитному утесу, со свойственною имъ храбростію отражали напоръ степныхъ варваровъ. Тщетно Бегичъ со всею неустрашимостію старался прорвать центръ русскихъ; тщетно монголы, слѣдуя примѣру своего храбраго полководца, бросались съ яростію на русскихъ; непоколебимая твердость нашихъ воиновъ разстроила непріятеля и взяла верхъ надъ татарами. Враги обратили тылъ и въ беспорядкѣ побѣжали за рѣку. Побѣдители рубили, кололи и топтали татаръ въ Вожѣ цѣлыми сотнями; нѣсколько знаменитыхъ мурзь находились въ числѣ убитыхъ.

Ночь и густая мгла слѣдующаго утра спасли остатокъ Мамаевыхъ полковъ. На другой день не видно уже было ни одного непріятеля: только шатры, кибитки и телги со всякимъ товаромъ были разбросаны по степи.

Эта побѣда достопамятна тѣмъ, что была первою, одержанною русскими надъ татарами съ 1224 года. За нею послѣдовала вторая, блистательная побѣда на Куликовскомъ полѣ.

Рѣка Вожа протекаетъ въ Рязанской губерніи и уѣздѣ около 35 верстъ, принимаетъ въ себя рѣчку Мечу, и въ двадцати верстахъ выше Рязани впадаетъ въ Оку.

407. Битва Куликовская.

Это было 8-го сентября 1380 года. Въ шестомъ часу дня войско русское дошло до поля Куликова, которое простиралось

болѣ нежели на 10 версть. Здѣсь русскіе увидѣли непріятелей. Татаръ было болѣе, нежели русскихъ. Дмитрій, не смотря на просьбы князей и бояръ которые умоляли его не подвергать опасности жизнь свою, сражался въ передовомъ полку. Онъ первый ударилъ на враговъ. Мѣсто его было въ рядахъ протвѣхъ воиновъ. Три часа продолжалась страшная битва; кровь лилась на всемъ обширномъ полѣ, но все еще нельзя было рѣшить, кто останется побѣдителемъ. Въ одномъ мѣстѣ русскіе тѣснили татаръ, въ другомъ татары — русскихъ. Однако-жъ уже большія или княжескія знамена спасены были отъ рукъ Мамаю; уже нѣкоторые изъ полковъ московскихъ хотѣли было бѣжать, какъ вдругъ князь Владиміръ Андреевичъ, начальникъ засаднаго полка, выступилъ изъ роши, которая скрывала его отъ всѣхъ, и быстро, неустрашимо бросился на татаръ. Это смѣлое движеніе князя рѣшило судьбу сраженія: удивленные и измученные непріатели не могли уже противиться свѣжему войску, и всѣ побѣжали. Мамай, увидѣвъ это бѣгство, вскричалъ съ тоскою отчаянія: «великъ Богъ христіанскій!» и также побѣжалъ за своими войнами. Русскіе гнали ихъ до рѣки Мечи, убивали и топили безъ счета, и взяли въ добычу множество лошадей и верблюдовъ, навьюченныхъ разными драгоценностями.

Радость и счастье побѣдителей были неописанны. Перваго героя этого знаменитаго въ русской исторіи дня, великаго князя Дмитрія Іоанновича, назвали Донскимъ, втораго, князя Владиміра Андреевича — Храбрымъ. Они вмѣстѣ со всѣми оставшимися въ живыхъ князьями и боярами объѣзжали поле Куликово; много было убито русскихъ, но вчетверо болѣе татаръ: всего же, по увѣренію нѣкоторыхъ историковъ, было до 200,000 тѣлъ. Въ числѣ убитыхъ были также два инока Троицкаго монастыря — Александръ Пересвѣтъ и Ослябя. Великій князь плакалъ надъ всѣми ими, и въ знакъ благодарности къ храбрымъ защитникамъ отечества приказалъ вѣчно праздновать память ихъ въ Дмитріевскую субботу, которая бываетъ между 18 и 26 числами октября.

Такъ счастливому Дмитрію удалось въ одинъ день избавить Россію отъ сильнаго непріателя! Извѣстіе о побѣдѣ его восхитило не только жителей Москвы и областей великаго княжества, но и всѣхъ другихъ княжествъ. Народъ вездѣ смотрѣлъ на Донскаго, какъ на ангела-хранителя; вездѣ встрѣчали его съ неизъяснимымъ восторгомъ, какъ освободителя отечества отъ жестокой власти варваровъ; всѣ думали, что это освобожденіе уже исполнилось, что слава и счастье Россіи уже навсегда возобновились, что татары послѣ Куликовской битвы никогда уже не осмѣлятся идти на русскихъ!..

408. Иоанн III (1505—1533.)

Вступленіе на престолъ московскій Иоанна III, сына Василія Темнаго, послужило къ окончательному возрожденію монархіи русской. Иоаннъ былъ остороженъ, дѣтеленъ, справедливъ, обдумывалъ каждый свой поступокъ, и всѣ дѣйствія свои устремлялъ ко благу Россіи.

Иоаннъ Васильевичъ глубоко постигалъ, что Россія никогда не можетъ быть счастлива, пока въ ней существуетъ разновластіе, и что ей поэтому необходимо имѣть единаго правителя, которому бы все покорялось. Съ другой стороны онъ сознавалъ необходимость освобожденія земли русской отъ господства татаръ. Поощряемый убѣжденіями духовенства, Иоаннъ III наконецъ со славой совершилъ и то, и другое. Сперва онъ смирилъ всѣхъ непокорныхъ князей, удѣлы ихъ присоединилъ къ княжеству московскому, уничтожилъ вольность Новгородъ и провозгласилъ себя *царемъ и самодержцемъ всея Россіи*.

Тогда, собравъ сильное войско, отправилъ пословъ объявить татарскому хану, что отнынѣ Россія есть государство независимое, что болѣе она не платитъ дани и что царь русскій не признаетъ надъ собою постыдной власти хана. Тщетно татарскій ханъ Ахмать думалъ смирить русскаго царя и, предводительствуя огромными полчищами, вторгнулся въ Россію. Но увидѣвъ обширность русскаго воинства и убѣдившись въ единомудіи князей, онъ немедленно опять вышелъ, и вскорѣ послѣ того татарскія царства стали приходить въ разрушеніе.

Такъ совершилось то, о чемъ думалъ Александръ Невскій, къ чему стремились Иоаннъ Калита и Дмитрій Донской. Такъ уничтожилось гибельное разновластіе князей, и земля русская освободилась отъ татарскаго владычества. Россіи открылось обширное поприще славы; но еще много трудовъ и тяжкихъ испытаній должна была она претерпѣть, чтобы достигъ того величія, которымъ пользуется въ наше время.

409. Иоаннъ Грозный.

По кончинѣ Василія объявленъ царемъ трехлѣтній сынъ его, Иоаннъ IV Васильевичъ, подъ опекою матери своей, великой княгини Елены изъ рода Глинскихъ.

Пять лѣтъ управляла Елена государствомъ благоразумно и твердо, при содѣйствіи боярина Оболенскаго; преждевременная смерть ея была истиннымъ несчастіемъ и для Иоанна, и для Россіи. Боярская дума вступила въ управленіе дѣлами; по честолюбивые и своекорыстные бояре не думали о благѣ государства, не заботились о защитѣ его отъ враговъ внѣшнихъ, а только враждовали между собою за почетъ и мѣста (мѣстничество), губили другъ друга, грабили народъ и совершенно не радели о

воспитаніи юнаго государя. Самыя жестокия смуты произведены были князьями Шуйскими и Глинскими. Такъ прошло десять лѣтъ. Только кратковременное управленіе боярина Бѣльскаго, который на берегахъ Оки отразилъ набѣгъ крымскаго хана, представляеть зрѣлище нѣсколько утѣшительное.

Между тѣмъ Іоаннъ, безъ руководителя, предоставленный самому себѣ, окруженный разгульною и развратною молодежью, предавался неумеренно забавамъ, занимался травлею зверей, черствѣлъ душою и не обращалъ никакого вниманія на дѣла государственныя. Въ 1547 году Іоаннъ, достигшій 17-лѣтняго возраста, вѣнчался на царство и вступилъ въ бракъ съ прекрасною и добродѣтельною *Анастасією*, дочерью боярина Романа Захарина. Вскорѣ неожиданное происшествіе произвело въ царѣ дивную перемену. Въ Москвѣ вспыхнулъ страшный пожаръ и истребилъ почти всю столицу. Когда Іоаннъ со слезами смотрѣлъ на необъятное пепелище, гдѣ волновался народъ, доведенный до отчаянія, предсталъ предъ царя іерей *Сильвестръ* и такъ подѣйствовалъ на него своими увѣщаніями, что безпечный дотоле Іоаннъ далъ клятву предъ народомъ, на площади, посвятить жизнь свою благу подданныхъ и быть царемъ правосуднымъ. Съ этой поры онъ избралъ себѣ въ совѣтники мудраго старца *Сильвестра* и молодого околичнаго *Адашева*, челоуѣка, украшеннаго рѣдкимъ умомъ и добродѣтелями.

По указаніямъ *Сильвестра* и *Адашева*, Іоаннъ занялся утвержденіемъ порядка внутри государства, разстроеннаго во времена разнобоярщины. Онъ исправилъ и дополнилъ *Судебникъ* Іоанна III, наблюдалъ за правосудіемъ и благочиніемъ, учредилъ стрѣльцовъ, первое постоянное войско въ Россіи, построилъ на границахъ крѣпости, ввелъ книгопечатаніе, приглашалъ изъ западной Европы ученыхъ и художниковъ, и вступилъ въ торговыя и дружественныя сношенія съ Англійей, гдѣ царствовала тогда королева *Елисавета*.

Въ то же время Іоаннъ торжествовалъ и надъ внѣшними врагами. Въ 1552 году, предводительствуя сильнымъ войскомъ, онъ взялъ приступомъ Казань и навсегда присоединилъ ее къ Россіи, а потомъ покорилъ и Астраханское царство, держалъ въ страхѣ крымскихъ татаръ и успѣлъ было привлечь къ себѣ въ подданство донскихъ казаковъ.

Когда сила татаръ рушилась, въ степяхъ южной Руси появились толпы удалцовъ, которые не признавали надъ собою ни чьей власти, жили грабительствомъ, нападали и на татаръ, и на турокъ, и на Польшу, и на Россію. Эти шайки извѣстны были подъ именемъ *казаковъ*. Мало по малу они соединились въ большое общество и поселились одни на Днѣпрѣ около пороговъ и назвались *запорожцами*, а другіе близъ устья Дона

и назвались *донскими*. Послѣдніе, подавшисъ Россіи, составили для нея оплотъ отъ набѣговъ крымскихъ татаръ.

Къ несчастію, блистательные успѣхи въ продолженіе 13-ти лѣтъ сдѣлали Іоанна гордымъ и самонадѣяннымъ, а споры бояръ о назначеніи наслѣдника при самоѣ одрѣ царя, когда онъ лежалъ въ тяжкой болѣзни, поселили въ душѣ его подозрительность и истребили вѣру въ добродѣтель человѣческую. Сильвестръ и Адашевъ впали въ немилость и были удалены отъ двора. Первый постригся въ монахи, потомъ былъ перевезенъ въ Соловецкій монастырь и отданъ подъ строгій надзоръ; другой, посланный къ войску въ Ливонію, заключенъ въ тюрьму въ Дерптѣ, и умеръ тамъ отъ горести. Поводомъ къ обвиненію этихъ великихъ людей была смерть царицы Анастасіи. Такъ Іоаннъ и Россія лишились вдругъ трехъ главныхъ дѣятелей, удерживавшихъ царя на пути добродѣтели и охранявшихъ счастье отечества.

Іоаннъ совершенно измѣнился; окружилъ себя недостойными любимцами и явился такимъ же, какимъ былъ до московскаго пожара. Начались казни и преслѣдованія мнимыхъ злодѣевъ и измѣнниковъ, гибли цѣлыя семейства, опустошались цѣлые города. Мучимый подозрительностію, Іоаннъ неожиданно оставилъ Москву, поселился въ слободѣ Александровской (нынѣ городъ Александровъ, во Владимірской губерніи) и учредилъ для своей безопасности *опричнину*, т. е. отдѣлилъ себѣ нѣсколько городовъ въ свое собственное владѣніе и учредилъ набранную стражу — опричниковъ; вся же остальная Россія получила названіе *земщины*, и страдала отъ неумолимой строгости царя и отъ своеволя опричниковъ, которые не подлежали никакому суду. Но и всѣ необычайныя мѣры къ охраненію личной безопасности не могли успокоить тревожной души Іоанна: онъ собрался даже бѣжать въ Англію, и вель объ этомъ переговоры съ королевой Елисаветою.

Внѣшнія дѣла также приняли несчастный оборотъ. Еще при Сильвестрѣ и Адашевѣ Іоаннъ задумалъ покорить Ливонію. Войска русскія неоднократно одерживали надъ рыцарями побѣды, брали города и до того ослабили орденъ, что вождь его или гермейстеръ Готгардъ *Кетлеръ* уступилъ Ливонію (1561) преемнику Сигизмунда, польскому королю и литовскому великому князю Сигизмунду II Августу, а самъ получилъ отъ него герцогство Курляндію въ зависимости отъ Польши. Тогда Іоаннъ повелъ войну съ Сигизмундомъ Августомъ, и въ началѣ одерживалъ верхъ; но когда царь пересталъ заботиться о благѣ и устройствѣ государства, когда Литва соединилась съ Польшею въ одну *рѣчь посполитую* (республику) подъ властію избирательнаго короля, и когда на польскій престолъ былъ избранъ мужествен-

ный седмиградскій князь Стефанъ *Баторій*, — дѣла приняла другой оборотъ. Баторій отнялъ Ливонію у Іоанна, — побѣдами своими привелъ его въ такой страхъ, что онъ униженно просилъ мира и отказался навсегда отъ притязаній на эту страну. Пользуясь тогдашнимъ несчастнымъ положеніемъ Россіи, король шведскій отнялъ Иванъ-городъ и Копорье, а крымскій ханъ произвелъ неожиданное вторженіе и сжогъ Москву.

Только одно счастливое событіе нѣсколько озарило послѣдніе мрачные годы царствованія Іоанна, прозваннаго отъ народа *Грознымъ*. Атаманъ донскихъ казаковъ *Ермакъ Тимофеевъ*, при содѣйствіи именитыхъ людей Строгановыхъ, владѣвшихъ соловаренными заводами на Вычегдѣ, перешелъ за уральскія горы, разбилъ тамъ хана Кучума, овладѣлъ его столицей Искеръ на рѣкѣ Тоболи, и тѣмъ положилъ основаніе завоеванію Сибири.

Послѣ 50-лѣтняго царствованія Іоаннъ умеръ. Царство поручилъ онъ сыну своему Θεодору, назначивъ ему нѣсколькихъ совѣтниковъ; а другому сыну, Димитрію, далъ въ удѣлъ городъ Угличъ, гдѣ и жилъ онъ съ матерью своею Марією Θεодоровною изъ рода Нагихъ.

410. Народная пѣсня про покореніе Казани.

Вы, молодые ребята, послушайте,
 Что мы стары старики будемъ сказывать
 Про грознаго царя Ивана Васильевича,
 Какъ онъ нашъ государь-царь подъ Казань городъ ходилъ,
 Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
 За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
 А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.
 А татаре по городу похаживаютъ
 И всяко грубиянство оказываютъ;
 Они грозному царю насмѣхаются;
 А и не быть нашей Казани за бѣлымъ за паремъ?
 Ахъ, какъ тутъ нашъ государь разгнѣвался,
 Что подрывъ такъ долго медлится;
 Приказалъ онъ за то пушкарей казнить,
 Подкопщиковъ и зажигальщиковъ.
 Какъ всё тутъ пушкаріи призадумались,
 А одинъ пушкаръ поотважился:
 Прикажи, государь-царь, слово выговорить.
 Не успѣлъ пушкаръ слово выговорить:
 Тогда лишь догорѣли зажигательныя свѣчи,
 И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ.
 Какъ стѣны бросало за Сулай за рѣку,
 Всё татары тутъ братцы утрашилися,
 Они бѣлому царю покорилися.

411. Новгородъ.

О Новгородъ, Новгородъ! ты ли это? Да гдѣ же твои концы, гдѣ граждане, гдѣ дворъ Ярослава, гдѣ вѣче? Мнѣ сказали

кто-то: «дворъ Ярослава вонъ тамъ на площади, на рынкѣ, гдѣ написано: *постоялый дворъ*, идите туда». Богъ съ нимъ! подумалъ я, и пошелъ въ Кремль, въ церковь св. Софіи. Это древнѣйшій изъ храмовъ новгородскихъ, драгоценный памятникъ времени Ярослава. Вызолоченный куполь его окруженъ четырьмя главами, крытыми бѣлымъ желѣзомъ. Образа большею частию старинные; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Спасителя, присланный греческимъ царемъ князю Владиміру, корсунской Богоматери, св. Софіи и св. апостоловъ Петра и Павла — богато украшенные; своды также исписаны образами. Въ храмѣ покоятся мощи князя Владиміра Ярославича, умершаго въ 1051 году, матери его Анны, Θεодора, брата Александра Невскаго, и другихъ. Огромное мѣдное паникадило, присланное сюда царемъ Борисомъ Годуновымъ, виситъ на пяти чугунныхъ цѣпяхъ, — въ немъ вѣсу до 500 пудъ. Въ соборной сокровищницѣ очень много драгоценныхъ вещей, напр. рукописное евангеліе XV вѣка, одежды св. угодниковъ, изъ коихъ драгоценнѣйшая — патриарха Никона, вышитая жемчугомъ; серебряные и золотые сосуды, чаши, блюды, митры, наконецъ долбня, сдѣланная по образцу долбни царя Иоанна Грознаго. Съ любопытствомъ смотрѣлъ я на эту послѣднюю вещь. Описывать ее нечего: просто окрашенная дубинка; подлинникъ ея былъ, кажется, желѣзный: онъ служилъ Иоанну для обузданія непослушныхъ. Страшно вспомнить прошедшее; при одной мысли объ Иоаннѣ волосъ становится дыбомъ. Провидѣніе спасло новгородцевъ отъ варваровъ монголовъ, но въ замѣнъ того послало имъ грознаго Иоанна. Шестъ недѣль тѣшился онъ казнію; ежедневно бросали въ Волховъ отъ 500 до 1,000 человекъ; вода краснѣла кровію, и рѣка долго не могла пронести труповъ въ Ладожское озеро. Но за что же такая кара постигла Новгородъ? За мнимую измѣну архіепископа и сообщниковъ его! Той же участи подверглись почти всѣ города, и селенія, лежащія отъ Москвы до Новгорода.

Черезъ Волховъ построенъ отличный мостъ на десяти каменныхъ основахъ (быкахъ). Городской садъ въ большомъ безпорядкѣ; однако же мѣстоположеніе его весьма хорошо на полдень, и потому весьма удобно для разведенія разныхъ деревьевъ и кустарниковъ.

Въ Новгородѣ, кромѣ служащихъ, почти нѣтъ живущихъ помѣщиковъ; богатые изъ нихъ переселяются въ Петербургъ. Въ четырехъ верстахъ отъ города лежитъ Юрьевъ монастырь, который славится внутреннимъ устройствомъ своимъ и великолѣпиемъ.

§12. Борисъ Годуновъ.

Царица Ирина Θεодоровна приняла присягу; но черезъ девять дней послѣ похоронъ Θεодора сложила съ себя царскій санъ,

вступила инокинею въ монастырь и предоставила патриарху, боярамъ и воеводамъ избрать царя. Престоль предложили Борису Θεодоровичу, какъ брату царицы и бывшему правителю государства. Борисъ долго отказывался, и только по настоятельнымъ убѣжденіямъ патриарха, бояръ и народа согласился принять вѣнецъ царскій. Онъ началъ править съ прежней мудростью, упорочивалъ безопасность государствъ, распространялъ завоеванія въ западной Сибири и строилъ тамъ города, открылъ кораблямъ всѣхъ народовъ свободный доступъ въ русскія гавани, покровительствовалъ наукамъ и вызвалъ изъ Европы многихъ ученыхъ. Но слишкомъ не долго Борисъ наслаждался своимъ величіемъ. Скоро смутилось сердце царя, а потомъ настало смутное время и для всего царства. Борисъ убѣдился, что смерть царевича Дмитрія удалала отъ него сердца народа, считавшаго все его заботы и благодѣнія только лицемѣремъ. Боязнь овладѣла душою Бориса; онъ сдѣлался подозрительнымъ, сталъ слушать донощиковъ, и по извѣтамъ ихъ неумолимо преслѣдовалъ обвиненныхъ, а особенно бояръ, любимыхъ народомъ. Жертвами его ненависти между прочимъ сдѣлались и родственники добродѣтельной царицы Анастасіи съ ихъ семействами. Изъ этого рода остались въ живыхъ только Θεодоръ Никитичъ Романовъ, постриженный въ монахи подъ именемъ Филарета, — супруга его Ксенія, также постриженная подъ именемъ старицы Мары, и шестилѣтній сынъ ихъ *Михаилъ*. Поэтому не удивительно, что ужасный небывалой голодъ, постигшій Россію въ 1601 году, а за нимъ морь, приписаны народомъ грѣхамъ и преступленіямъ виновника смерти Дмитрія. Между тѣмъ какъ Борисъ истощался въ усиліяхъ отвратить ужасныя народныя бѣдствія, до него дошла роковая молва, что царевичъ Дмитрій — живъ.

413. Самозванецъ.

Появился въ Литвѣ человекъ, ложно выдававшій себя за Дмитрія будто бы спасеннаго въ Угличѣ отъ злобы Годунова. То былъ Григорій Отрепьевъ, бѣглый монахъ Чудова монастыря. Польскій король Сигизмундъ III призналъ его за истиннаго царевича и позволилъ ему набирать войско для возвращенія престола. Съ дружинами безпокойной польской шляхты и съ запорожскими казаками самозванецъ вступилъ въ Россію, гдѣ многие считали его дѣйствительно царевичемъ Дмитріемъ. Однако войско царское нанесло ему рѣшительное пораженіе близъ Сѣвска, и самозванецъ уже готовился бѣжать въ Польшу, какъ вѣсть о скоростижной смерти Бориса измѣнила положеніе дѣлъ. Эта вѣсть сильно потрясла умъ въ народѣ и была принята какъ знаменіе божескаго правосудія. Хотя Москва и присягнула сыну Борису, Θεодору, умному, прекрасному юношѣ; но войско и предводитель его Басмановъ предались самозванцу, а вслѣдъ за-

тѣмъ и въ Москвѣ произошло волненіе: юнаго царя взяли подъ стражу и вскорѣ потомъ умертвили. Самозванецъ былъ признанъ въ столицѣ законнымъ государемъ, и вся Россія послѣдовала этому примѣру.

Лжедмитрій торжественно вступилъ въ Москву при радостныхъ кликахъ народа. Чтобы отклонить всякое подозрѣніе, онъ вызвалъ въ Москву мать царевича Дмитрія и принялъ ее съ сыновнею нѣжностію; возвратилъ изъ ссылки всѣхъ сосланныхъ Борисомъ; знаменитаго инока Филарета возвелъ въ санъ митрополита Ростовскаго, а бывшей супруги его Марѣ съ сыномъ ея назначилъ для жительства Ипатьевскій монастырь въ Костромѣ. Однако-жъ легкомыслие самозванца, его безнравственность, презрѣніе русскихъ обычаевъ и уставовъ православной церкви, приверженность къ католицизму, предпочтеніе поляковъ и нѣмцевъ природнымъ русскимъ, скоро открыли глаза обманутому народу. Бракъ самозванца съ полькою Мариною, дочерью сендомирскаго воеводы Мнишека, не принявшею православія, утвердилъ общее убѣжденіе, что разстрига-царь намѣревался подчинить Россію папѣ введеніемъ латинской вѣры. На пагубу еретика составилъ въ Москвѣ заговоръ и распространился по другимъ городамъ. Вездѣ начали собирать войско и готовиться къ сверженію похитителя съ престола. Посреди пировъ, оруженный поляками, дерзко оскорблявшими русскихъ на каждомъ шагѣ, Лжедмитрій не думалъ объ отвращеніи опасности. Не прошло и года со дня вступленія его въ Москву, какъ произошло общее противъ него возстаніе. Самозванецъ лишился жизни, а Марина съ отцомъ спаслись бѣгствомъ. На другой день боярская дума, по требованію народа, объявила царемъ князя Василя Іоанновича Шуйскаго, бывшаго душою заговора и главнымъ виновникомъ погибели самозванца.

414. Палицынъ.

Подобно генію-хранителю дѣйствовалъ всюду Авраамій Палицынъ. Въ 1609 году открылся въ Москвѣ величайшій недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, доводившій жителей до крайности; тогда Палицынъ позволилъ имъ брать хлѣбъ изъ магазиновъ, принадлежавшихъ Троицкому монастырю, чрезъ что спокойствіе возстановилось и народъ оживился.

Въ 1610 году Авраамій и Діонисій явились величайшими борниками вѣры и свободы отечества. Польскій гетманъ Жолкевскій, видя невозможность покорить Москву войною, принялъ личину доброжелательства и вызвался охранять столицу отъ самозванцевъ. Простодушные русскіе повѣрили и позволяли занять Жолкевскому Москву, а войско свое послали въ Новгородъ для защищенія отъ шведовъ. Овладевъ Москвою, Жолкевскій принялся грабить казну и частныя имущества, и злодѣйствовать са-

мовластно. Узнавъ это, Авраамій и Діонисій поклялись спасти Россію. Во всѣ города писали они призывныя грамоты, собирали ратныхъ людей изъ крестьянъ и монастырскихъ слугъ, надъ коими вѣривъ начало князю Трубецкому, пошли и сами въ рядахъ ихъ какъ простые воины; ободряли унывавшихъ, снабжали съѣстными припасами и вновь разсылали повсюду призванія, заклиная именемъ Бога всѣхъ идти на брань. Однажды казаки, неудовольствованные жалованьемъ, взбунтовались; Авраамій, не имѣвшій денегъ, предложилъ имъ свои ризы и церковную утварь; тронутые казаки ничего не взяли и поклялись умереть или взять Москву. Послѣ трехдневной упорной битвы побѣда увѣнчала наконецъ успѣхомъ старанія вѣрныхъ сыновъ церкви и отечества, и поляки въ унижительномъ бѣгствѣ искали себѣ спасенія.

415. Мининъ.

Мининъ спокойно доживалъ дни свои въ Нижнемъ-Новгородѣ, занимаясь торговлею, которая, будучи добросовѣстна, отнюдь не унижительно никому, почему и семейство его пользовалось хорошимъ расположеніемъ жителей. Сказываютъ, что однажды, проходя по улицѣ, Мининъ былъ привлеченъ большимъ стеченіемъ народа къ одному дому и подошелъ узнать причину. Читали воззванія Авраамія Палицына. Вѣсть о плачевномъ состояніи Москвы, о тиранствахъ поляковъ и мысль объ угрожаемомъ рабствѣ сильно поразила Козьму. Толпа разбрелась; а онъ, какъ вкопанный, стоялъ на улицѣ и чуть внятнымъ голосомъ шепталъ: «святая вѣра поругана! церкви осквернены! младенцы избиты! Все дѣлается безнаказанно, и гдѣ же? внутри Россіи! Боже праведный, неужели Ты отвратилъ лицо Свое отъ насъ и допустилъ намъ пережить безчестіе отчизны!»

Вечерній звонъ колоколовъ наконецъ прервалъ печальныя думы Минина и напомнилъ о семействѣ, давно ожидавшемъ его къ обѣду.

Въ тотъ же день увѣдомилъ Мининъ всѣхъ друзей и знакомыхъ своихъ, чтобы по весьма необходимой нуждѣ пришли къ нему.

Съ растерзаннымъ сердцемъ, блѣднымъ лицомъ и слезами на глазахъ, онъ встрѣтилъ своихъ гостей. — «Что съ тобою, Козьма?» спрашивали пришедшіе: «не больны ли дѣти?» — Нѣтъ! отвѣчалъ онъ. — «Не понесъ ли убытковъ?» — «Ахъ, нѣтъ! мое несчастье есть общее наше несчастье, ни съ чѣмъ въ мірѣ несравненное! Вѣра и отечество наше погибаютъ; но мы можемъ спасти ихъ. Не пощадимъ жизни и имущества для избавленія Москвы; продадимъ дома свои, заложимъ женъ и дѣтей своихъ и выкупимъ изъ бѣды отечество. Богъ благословитъ наше предпріятіе!» Успокоившись, Мининъ пересказалъ гостямъ со-

держаніе посланія Палицына, и присутствовавшіе нижегородцы, увлеченные сердечнымъ краснорѣчіемъ Минина, воскликнули: «умремъ за Русь святую!»

Такъ созрѣло великое дѣло избавленія Россіи.

416. Князь Пожарскій.

19-ое число марта 1611 года означено въ лѣтописяхъ нашихъ кровавою чертою. Нельзя безъ содроганія вообразить объ этомъ ужасномъ днѣ убійствъ, совершившихся въ Москвѣ. Кровь священниковъ, старцевъ, женъ и младенцевъ лилась ручьями. Крики; стоны умирающихъ, звукъ оружія и буйныя восклицанія поляковъ оглашали воздухъ; храмы, дома пылали, солнце скрылось, и багровое зарево освѣщало городъ! Ярость враговъ дошла до высочайшей степени! Немногіе изъ бояръ успѣли спастись отъ смерти; иные вынесены на рукахъ изувѣченные.

Покрытый ранами, на смертномъ одрѣ лежалъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій; лучъ лампы освѣщаль его комнату, и изрѣдка тяжелый вздохъ страдальца нарушалъ глубокую тишину. Вдругъ послышался шумъ у дверей; внезапно къ постелѣ умирающаго подбѣгаетъ человекъ въ одеждѣ крестьянина. — «Князь!» вскричалъ пришлецъ, смѣло схвативъ руку его: «князь! Россія гибнетъ отъ супостатовъ: иди на избавленіе ея!» Потомъ упалъ на колѣни и прерываемый рыданіями, продолжалъ: «товарищи мои, подвизаемые вѣрою, стеклись сюда и велѣли мнѣ звать тебя, князь, съ собою на брань за вѣру и отечество; будь нашимъ вождемъ, самъ Богъ повелѣваетъ тебѣ.» — Князь, оживленный будто бы свыше, не чувствуя болѣзни, приподнялся, освѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, и сказалъ: «да будетъ воля Его святая, иду съ вами!»

Пожарскій принялъ начальство надъ ополченіемъ. Ничто не могло остановить героя. Гибельно врагамъ, утѣшительно россиянамъ было его шествіе. Увѣнчанный священнымъ именемъ избавителя отечества, онъ доказалъ позднѣйшему потомству, что великая душа его была чужда честолюбія, и что всѣ помышленія его стремились къ истинному благу отчизны; когда, Богомъ вдохновенный, онъ завѣщаль русскимъ отраду и счастье съ владычествомъ августѣйшаго дома Романовыхъ.

417. Подвигъ Ивана Сусаннина.

Когда поляки, шатавшіеся цѣлыми толпами около Москвы, узнали объ избраніи на царство Михаила Феодоровича Романова, тогда они рѣшились извѣсть новопоставленнаго русскаго царя, который жилъ еще въ костромской своей деревнѣ. Отправившись для совершенія злодѣйскаго умысла, они раздѣлились на нѣсколько шаекъ и одна изъ нихъ сбилась съ дороги: это было

зимую, въ сильную метель. Имъ встрѣтился крестьянинъ дворцоваго села Домнина, Иванъ Сусанинъ, котораго поляки оставили и спрашивали о мѣстопребываніи Михаила Феодоровича. Онъ вызвался къ нимъ въ проводники, и поляки обѣщали наградить его пригоршнями золота. Сусанинъ заводилъ ихъ по дорогѣ къ себѣ въ деревню, утѣшаетъ ихъ, поить, а между тѣмъ тайно посылаетъ своего сына предупредить царя о близкой опасности. Злодѣи, поужинавъ, отогрѣвшись и немного соснувъ, съ полуночи собрались въ дорогу, предводимые Сусанинымъ, который, сворота по проселочной дорогѣ, по сугробамъ и цѣдикомъ завелъ ихъ въ непроходимый лѣсъ. Выбившись изъ силъ, поляки стали подозрѣвать проводника и, махая надъ старческою его головою саблями, вскричали: «ты обманулъ насъ!» — Не я, спокойно отвѣчалъ имъ Сусанинъ: не я, вы сами себя обманули. Ложно мыслили вы, что я выдамъ вамъ жизнь и здоровье царя-государя. Богъ подкрѣпилъ меня: царь Михаилъ спасенъ! Поляки въ бѣшенствѣ изрубили его въ мелкія части, и сами померли отъ стужи и голода.

418. Пословицы историческія.

Кто противъ Бога и великаго Новгорода? — Языкѣ до Кіева доведеть. Москва царство, а деревня рай. Астрахань осетрами, а Сибирь соболями. Нужда изъ Сызрани пѣшкомъ въ Москву шла. Хозяинъ въ дому, что ханъ въ Крыму. Незванный гость хуже татарина. Никто столько Руси бѣды не надѣлалъ, какъ ханъ крымскій, да папа римскій.

Радимичи волчьего хвоста бѣгаютъ. Чужое взять, свое потерять. Въ одинъ день по двѣ радости не живетъ. Душа на Великой, а сердце на Волховѣ. Камень въ вѣнецъ, кругомъ вода, а въ срединѣ бѣда. Новгородцы такали, такали, да Новгородъ и протакали. Въ одну сторону черемиса, а съ другой берегися. Пришли казаки съ Дону, да погнали лиховъ до дому. Къ кому Богородица, а къ намъ Литва. Москва людна и хлѣбна. Не великъ городокъ, да семь воеводъ. Не тяга емъ боярскій. Въ Москвѣ сорокъ сороковъ церквей. Московская правда. На Крестцѣ не стрѣльцамъ сборъ. Москва сторѣла отъ денежной свѣчи. Летить гусь на святую Русь. Отогрѣлся въ Москвѣ, да замерзъ на Березинѣ.

419. Ученіе Петра Великаго.

Никита Моисеевичъ Зотовъ, изъ почетнаго званія дьяковъ былъ учителемъ Петра Великаго.

Каждое утро уроки начинались съ русской грамоты и съ обученія закону Божію. Послѣ обѣда Зотовъ говорилъ Петру о дѣлахъ славныхъ государей.

Стѣны комнаты, въ которой обучался Петръ, Зотовъ велѣлъ покрыть листами, на которыхъ представлена была вся российская исторія въ лицахъ и расписана красками. Тамъ видѣнъ былъ Святославъ, окруженный въ битвѣ врагами, но взывающій къ воинамъ: «Ляжемъ здѣсь! мертвымъ не бываетъ стыда!» Тамъ представленъ Владиміръ, свергающій идола Перуна въ рѣку и пирующій съ богатырями; тамъ князь Александръ, поразившій шведскаго короля у береговъ Невы. Въ другихъ покоехъ выставлены были рисунки, представляющіе знаменитые европейскіе города: древнюю Вѣну, огромный Парижъ, торговый Амстердамъ, виды великолѣпныхъ зданій и проч. Зотовъ водилъ Петра по комнатамъ и объяснялъ ему всѣ сіи предметы.

Царевичъ не только со вниманіемъ слушалъ своего учителя, но самъ обо всемъ подробно спрашивалъ, любопытствуя все узнать и желая всему научиться, такъ что утомлялъ своего учителя, который не успѣвалъ отвѣчать на всѣ его вопросы.

Бояре почитали такіе труды неприличными достоинству царскому; патриархъ и царица согласились съ ними, думая, что Петръ изнуряетъ силы свои.

Однажды, по просьбѣ бояръ и царицы, патриархъ сталъ увѣщевать юнаго царя. Упражненія твои полезны, говорилъ онъ ему, а здоровье твое всего дороже. И мы, твои богомольцы, просимъ тебя не ослаблять твоего здоровья трудами безмѣрными.

— Святый Владыко, молвилъ Петръ, видно кто-нибудь излишнее говорилъ тебѣ о трудахъ моихъ.

Патриархъ сказалъ, что онъ самъ о томъ знаетъ, и много разъ отъ бояръ о томъ слышалъ.

— Видно бояре худо знаютъ, отвѣчалъ Петръ, какъ другіе, цари европейскіе воспитываютъ дѣтей своихъ въ безпрерывныхъ трудахъ. Наука безъ труда не бываетъ. Я тружусь по охотѣ, и это меня укрѣпляетъ; притомъ же, прибавилъ Петръ вздохнувъ много времени проходитъ у меня и въ пустыхъ забавахъ, отъ которыхъ однако никто меня не отводитъ.

420. Жизнь Петра Великаго въ Сардамѣ.

Донныя жители Сардама гордятся тѣмъ, что у нихъ жилъ и учился Петръ Великій, и преданіе народное повторяетъ множество разказовъ объ его сардамскомъ житіи-бытіи. Такъ, напримеръ, вспоминаютъ тамъ, какъ отличался онъ искусствомъ между всѣми плотниками мастеровыми, и получилъ за это названіе бастъ или мастеръ, какъ онъ работалъ на пильной мельницѣ, въ маслобойнѣ и на бумажной фабрикѣ. Мельница крупчатка, гдѣ обтесалъ онъ доску, донныя называется *царскою*. Посѣтители домога дивятся искусству въ сдѣланныхъ царемъ корабельныхъ моде-

ляхъ, тамъ сохраняемыхъ. Царь самъ носилъ себѣ дрова на кухню, топилъ печку, стиралъ кушанье. Войдя однажды въ домъ къ знакомому плотнику въ грязныхъ башмакахъ, онъ былъ остановленъ сердитою хозяйкою; смиренно скинулъ онъ башмаки и, изъ опасенія замарать чистый полъ, остался въ чулкахъ. Онъ побѣтилъ мать бывшаго въ Россіи мастера Іозіаса, запросто завтракалъ съ нею и обѣдалъ у жены другого мастера, Ренсена. «Почему знаешь ты моего мужа?» спросила его жена Арриена Метъе, отъ котораго царь привезъ ей поклонъ изъ Россіи. — «Мы работали съ нимъ вмѣстѣ у московскаго царя», отвѣчалъ Петръ. «Но кто же ты самъ?» спросила его любопытная голландка. «Я плотникъ», отвѣчалъ царь. — Идя однажды по улицѣ, царь толкнулъ какого-то мальчишку, не дававшего ему дороги. Шалуны разсердился и бросилъ въ лицо царю гнилое яблоко. Царь утерся и сказалъ: «виновать! я все думаю, что я еще въ Москвѣ!» Купивши у одного сардамца бота, по приглашенію продавца царь долженъ былъ распить съ нимъ въ магарычъ кружку пива. Онъ купилъ себѣ, кромѣ бота, яхту, самъ отдѣлалъ на ней мачту, прогуливался съ нею по морю, плавалъ нѣсколько разъ въ Амстердамѣ, и однажды, пустившись въ шляпкѣ по заливу въ бурное время, едва не утонулъ, когда сильнымъ волненіемъ перекачнуло шляпку. Бывшіе при царѣ успѣли схватить его. «Мнѣ надобно было окреститься въ Нѣмецкомъ морѣ!» сказалъ Петръ смѣясь.

421. Князь Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ.

Армія наша (въ 1700 году) осаждала уже Нарву; успѣхъ казался несомнѣннымъ, какъ неожиданная измѣна нашего военачальника герцога де-ла-Кроа, дала дѣлу иной оборотъ. Самого царя не было; голодъ и ненастная погода ослабили бодрость солдатъ новобранцевъ, и положеніе нашихъ войскъ требовало отступленія. Карлъ XII, согласившись съ предложеніемъ Долгорукова на свободный пропускъ всей арміи, обязался въ томъ честнымъ словомъ и, въ доказательство вѣрности, пожалъ руку у Долгорукова. Однако же герой Фридрихсгама запятналъ честь свою постыднымъ поступкомъ: позволивъ большей части лучшихъ нашихъ войскъ переправиться чрезъ Серру, онъ бросился на оставшіеся полки, обезоружилъ ихъ и объявилъ военноплѣнными. Вмѣстѣ съ Долгоруковыми непріатели схватили и прочихъ генераловъ, и всѣхъ отправили въ Стоггольмъ. 10 лѣтъ провелъ здѣсь Яковъ Федоровичъ, посвящая все это время изученію шведскаго правовѣдѣнія и полезныхъ наукъ.

Недостатокъ въ продовольствіи хлѣбомъ, оказавшійся въ 1711 году въ Стоггольмѣ, принудилъ шведское правительство перевезти часть нашихъ плѣнныхъ въ Готецбургъ. Плывъ моремъ и пользуясь немногочисленностію отряда, Долгоруковъ вознамѣрился

овладѣть фрегатомъ и возвратиться въ отечество. Уговоривъ товарищей, онъ предложилъ исполнить предпріятіе въ субботу, въ часъ вечерней службы, когда започють: «Дерзайте, люди Божіи!». Въ одно мгновеніе шведы были окружены, иные связаны и заключены подъ палубу, иные брошены въ море; а шкиперъ, уstraшенный угрозами князя, направилъ путь къ ревелской гавани, и скоро фрегатъ возвѣстилъ о своемъ прибытіи пушечными выстрѣлами.

Съ распростертыми объятіями принялъ царь своего вѣрноподданнаго и, цѣлуя, хвалилъ его храбрость и умъ. Долгоруковъ не могъ говорить отъ радости, увидѣвши Петра, — онъ плакалъ; Царь и окружавшіе его также плакали. Скоро князь назначенъ былъ сенаторомъ, съ завѣдываніемъ сверхъ того комиссаріатомъ. Съ сего времени начинается рядъ его дѣяній, пріятныхъ монарху, полезныхъ отечеству.

422. Кто онъ?

На берегу Невы великой,
По тропинчкѣ лѣсной
Ѣхалъ всадникъ. Вкругъ все дико:
Ель, сосна да мохъ сѣдой.

Передъ нимъ рыбацья хата;
Подъ сосной, у синихъ волнъ,
Старый рыбарь бородатый
Колотилъ дыривый чѣльнъ.

Всадникъ молвилъ: «дѣдъ, здорово!
«Богъ на помощь! Какъ живешь?
«Много-ль ловишь ты, и дова
«Гдѣ добычу продаешь?»

Отвѣчалъ старикъ сердито:
«Рыбы мало ли въ рѣкѣ?
«Только нѣтъ много сбыта,
«Какъ въ еоссѣднемъ городкѣ.

«Да теперь мнѣ что въ ловитвѣ?
«Вишь, какая здѣсь возня!
«Вы дрались, а бомбой въ битвѣ
«Чѣльнъ прошибло у меня.»

Всадникъ прочь съ коня: безмолвно
Взялъ топоръ и млатъ съ пилой,
Мигомъ сбилъ борты у чѣлна,
Руль привѣсилъ за кормой.

«Ну, старинушка, готово!
«Смѣло въ воду чѣльнъ содвинь,
«И на счастье Петрово
«Сѣти на морѣ закинь!»

Онъ исчезъ. Старикъ строптивый
Думалъ молча: «Что за диво?
«Съ виду смотреть онъ паремъ,
«А гораздъ такъ топоромъ!»

А. Майковъ.

423. Утреннія занятія Петра Великаго.

Петръ Великій ложился спать въ 10 часовъ вечера и вставалъ лѣтомъ и зимою въ три часа утра. Вставши, онъ часъ ходилъ по комнатѣ, читалъ Санктпетербургскія Вѣдомости, или пересматривая въ рукописи переводы книгъ, сдѣланные по его повелѣнію. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣна самимъ государемъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и кофею, выпивъ рюмку анисовой водки, отправлялся, съ тростью въ одной рукѣ и съ записной книжкой въ другой, смѣрять производившіяся работы.

Однажды онъ назначилъ бранденбургскому посланнику фонъ-

Принцу приемную аудиенцию въ 4 часа утра. Посланникъ, не полагая, что государь встаетъ такъ рано, думалъ, что не опоздаетъ, явившись во дворецъ въ пять, но онъ не засталъ Петра, который уже работалъ на марсѣ военнаго корабля. Фонъ-Принцъ, имѣвшій важныя порученія и не могшій вступить въ переговоры съ русскими министрами, не выдавъ царя, принужденъ былъ отправиться въ адмиралтейство. Когда Петру доложили о приѣздѣ посланика, онъ сказалъ: пусть побезпокоится приди сюда, если не умѣлъ застать меня во дворцѣ. Посланникъ принужденъ былъ по вантамъ взбираться на гротъ-мачту, и государь, сѣвъ на бревно, принялъ отъ него вѣрющую грамоту и выслушалъ обыкновенныя привѣтствія.

424. Полтава.

Полтава знаменита побѣдою, одержанною близъ нея Петромъ I надъ Карломъ XII, 27 іюня 1709 года. Въ старину она была обведена землянымъ валомъ съ пятью воротами; но въ настоящее время отъ ея прежнихъ укрѣпленій не оставалось и слѣдовъ.

Въ числѣ полтавскихъ достопримѣчательностей, напоминающихъ славную побѣду Петра, обращаетъ, между прочимъ, на себя вниманіе деревянная, низенькая церковь Спаса. Она стоитъ на площадкѣ, недалеко отъ мѣста, на которомъ въ старину находились куриловскія ворота. Церковь эта достопамяна тѣмъ, что здѣсь, по преданію, жители Полтавы, осажденные шведами и терзаемые голодомъ, молились и клялись не сдаваться; а послѣ побѣды Петръ Великій здѣсь принесъ первое молебствіе, поселившись вблизи, въ домѣ одного полтавскаго обывателя.

Чтобы предохранить церковь Спаса отъ разрушенія, надъ нею устроена каменная одежда; внутри же церкви для поддержанія стѣнъ возведены четыре каменные столба.

Домикъ, въ которомъ Петръ I отдыхалъ послѣ полтавскаго сраженія, давно уже не существуетъ; но всякій въ городѣ укажетъ теперь мѣсто близъ церкви Спаса, гдѣ онъ стоялъ. На этомъ мѣстѣ воздвигнуть въ 1847 году бронзовый памятникъ, представляющій четырехугольный, массивный столбъ на гранитномъ основаніи. Сверху столба — шлемъ, лавры, щитъ и мечъ. На сторонѣ, обращенной къ церкви Спаса, надпись:

Здѣсь Петръ I покоился

послѣ трудовъ своихъ

27 Іюня 1709 г.

Благоговѣй!

Мѣсто свято есть!

Кромѣ памятника подлѣ церкви Спаса, въ Полтавѣ есть также другой монументъ, напоминающій побѣду русскихъ надъ шведами. Онъ находится на главной площади города, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, побѣдитель Карла XII былъ

впервые встрѣченъ жителями Полтавы. Памятникъ этотъ состоитъ изъ чугунной колонны на гранитномъ пьедесталѣ; сверху колонны орель съ распростертыми крыльями, обращеннымъ къ другому памятнику въ честь Петра I-го — къ полтавскому петровскому кадетскому корпусу. На пьедесталѣ памятника находится надпись: Юня 27 дня 1709 года.

Въ шести верстахъ отъ Полтавы, близъ дороги на Диканьку и Зеньковъ, находится такъ называемая шведская могила, гдѣ погребены русскіе воины, павшіе въ полтавскомъ бою. Убитые шведы были похоронены въ особыхъ ямахъ, которыхъ нынѣ нѣтъ уже возможности отыскать. Эта исполинская могила имѣетъ въ окружности при подошвѣ около 52 сажень, на верхней площадкѣ 4 сажени и въ отвѣсѣ 5 сажень. Отъ посѣщающихъ могилу вершина ея и бока раздѣлены на крестъ четырьмя тропинками; дожди размыли эти тропинки, и могила кажется составленною изъ двухъ насыпей. Похорошивъ убитыхъ воиновъ 28 юня 1709 года, Петръ I собственноручно водрузилъ надъ могильнымъ холмомъ крестъ съ надписью: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, Юня 27-го дня.» Лѣтъ тридцать тому назадъ, на мѣсто этого стараго за ветхостію снятаго креста поставленъ новый съ надписью, слова которой взяты изъ рѣчи Петра Великаго къ воинамъ, на канунѣ битвы: «А о Петръ вѣдайте, что ему жизнь его не дорога; только бы жила Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея.» На другой сторонѣ креста находится надпись, въ которой означено, что подъ могилою погребены: 1 бригадиръ, 2 полковника, 1 подполковникъ, 3 майора, 45 оберъ-офицеровъ, 1293 напрана и рядовыхъ, всего — 1345 человекъ. Ежегодно у подножія холма со времени Петра I-го совершается въ день 27-го юня торжественная панихида.

Близъ шведской могилы воздвигнута въ новѣйшее время церковь во имя преподобнаго Сампсонія, четырехъугольная, очень простой архитектуры; а съ другой стороны могилы выстроены два дома для инвалидовъ-сторожей.

Поле, на которомъ происходило полтавское сраженіе, видно съ могилы, какъ на ладони.

425. Гонимецъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ	Какъ стекло бузатъ его блестятъ,
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?	Мѣшонъ за пазухой звенитъ.
Чей это конь неутомимый	Не спотыкаясь конь ретивый
Бѣжитъ въ степи необозримой?	Бѣжитъ, размахивая гривой.
Казакъ на сѣверъ держитъ путь,	Черовины нужны для гонна,
Казакъ не хочетъ отдохнуть	Бузатъ — потѣха молодца,
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,	Ретивый конь — потѣха тоже :
Ни при опасной переправѣ	Но шапка для него дорожа.

За шапку онъ оставить радъ   Зачѣмъ онъ шапкою дорожитъ?
 Кона, червонцы и булаты;   Зачѣмъ, что въ ней доносъ зашить,
 Но выдасть шапку только съ бою,   Доносъ на гетмана злодѣя
 И то лишь съ буйной головою.   Царю Петру отъ Кочубея.

Пушкинъ.

426. Русскія рѣки.

ВОЛГА.

Деять обширныхъ губерній пьютъ мою воду: поэты
 Миѣ, какъ парижъ, поютъ громкія пѣсни свои.

ДВѢРЬ.

Помяну: по волгамъ моимъ свирѣпой грозой въ Византію,
 Въ легкихъ пеллисахъ ладяхъ витязи сѣверныхъ странъ,
 И, возвратившись съ набѣга въ Кіевъ престольный съ добычей,
 Славили падшихъ друзей, тризну справляя по нихъ.

УРАЛЬ И ДОНЪ.

Мы плодородье даемъ сторонамъ, не обильной водою;
 Въ пѣсняхъ лихихъ казаковъ наши гремятъ имена.

НЕВА.

Гордо, привольно теку я въ крутыхъ берегахъ изъ гранита;
 Кратокъ, но славенъ мой бѣгъ; я украшаю собой
 Городъ богатый, чудесный — столицу имперіи сильной;
 Быстро по волнамъ моимъ въ море летятъ корабли.

СѢВЕРНАЯ ДВІНА.

Плодъ сочетанья двухъ рѣкъ — прекрасной Суховы и Юга,
 Въ Бѣлое море я шлю съ грузомъ богатымъ суда.

ИРТЫШЪ.

Я отомстилъ Ермаку, покорителю царства Бучума:
 Въ волнахъ сердитыхъ моихъ завоеватель погибъ.

ЛЕНА.

Рѣки! вы славны, не спорю; но я исполню передъ вами,
 Въ устьѣ обширномъ моемъ сотни лежатъ острововъ.

МОСКВА.

Я не обильна водами и не тануса по картѣ

Длинной чертою, какъ вы, рѣки отчизны моей;
 Но на моихъ берегахъ красуется гордо столица,
 Главы златыя Кремля смотрятся въ воды мои.

ТЕРЕКЪ И КУРЪ.

Быстро по камнямъ межъ горъ съ шумомъ и пѣной мы мчались,
 Ропотомъ вторя своимъ пѣснямъ Кавказа сыновъ.

Почайна.

Я хоть ничтожная рѣчка, но мои воды священны:
 Въ прежние годы онѣ были кумелью славянъ.

Балга.

Грустно мнѣ вспомнить понинѣ, какъ страшный врагъ отъ востока
 Въ Русь святую проникъ, какъ на мнѣхъ берегахъ.
 Грозный, во прахъ онъ разбѣгалъ дружины князей знаменитыхъ,
 Какъ, имъ разбитый, бѣжалъ съ поля Мстиславъ Удалой.

Сить.

Ахъ! и я вспоминаю съ тоскою про то поражение,
 Гдѣ полъ мечами татаръ князь Георгій погнѣлъ.

Непрадъва.

Рѣки! утѣштесь: я видѣла битву героя Донского,
 Гдѣ вашъ губительный врагъ, имъ пораженный, бѣжалъ.

427. Одесса.

Одесса до 1789 года была не что иное, какъ бѣдная турецкая деревушка, называвшаяся *Хаджибей*. Ея положеніе при Черномъ морѣ очень понравилось императрицѣ Екатеринѣ, и такъ какъ она давно желала учредить въ этихъ мѣстахъ портъ, то и поручила князю Потемкину овладѣть Хаджибеемъ. Вскорѣ турецкое селеніе дѣйствительно перешло къ намъ во владѣніе, благодаря стараніямъ храбраго вице-адмирала де-Рибаса. Получивъ извѣстіе о побѣдѣ, государыня приказала основать тутъ немедленно городъ и портъ. И вотъ явился сперва маловажнѣйшій городишко съ плохенькими зданіями и малонаселенный; но портъ его представлялъ очень удобное убѣжище для кораблей, которые въ немъ были совершенно защищены отъ всѣхъ вѣтровъ, по-этому вскорѣ со всѣхъ сторонъ приплыли въ него суда. Такимъ образомъ Одесса оживилась, и главная причина ея будущей славы — торговля — основалась. Насталъ 1789 годъ, и вдругъ въ Россіи явился французскій герцогъ Ринельё, искавшій спасенія въ нашемъ отечествѣ отъ безпорядковъ, колебавшихъ Францію; у насъ онъ нашелъ покровительство, и въ 1803 году императоръ Александръ назначилъ его градоначальникомъ Одессы.

Поговорите объ этомъ человекѣ съ кѣмъ-нибудь изъ одесскихъ жителей, и каждый скажетъ вамъ, что герцогъ былъ другомъ рода человѣческаго: какъ отецъ родной, онъ пекся о жителяхъ, когда въ Одессѣ свирѣпствовала чума; посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ ихъ, и мертвымъ самъ собственными руками приготавливалъ послѣднее убѣжище; онъ же основалъ и *лицей*, давшій отечеству нашему уже много полезныхъ и достойныхъ гражданъ. Благодарная Одесса воздвигла ему памятникъ на морскомъ берегу возлѣ бульваровъ, и каждая мать, прогуливаясь

туть съ сыномъ и указывая на бронзовую статую, стоящую на гранитномъ пьедесталѣ, скажетъ: «Вотъ, другъ мой, изображеніе герцога де-Ришельё, которому отецъ твой очень многимъ обязанъ. Чти его память, люби его и всегда внутренно благодари за благодѣянія, которыми онъ украсилъ воспоминаніе о себѣ». Одною рукою указываетъ онъ на портъ, какъ бы любуясь множествомъ судовъ подъ разноцвѣтными флагами, которыя теснятся по морю на бѣлыхъ парусахъ; въ другой рукѣ онъ держитъ свѣтъ, вѣроятно указъ.

Пройдемъ на морской бульваръ; какая очаровательная картина представляется глазамъ: внизу, въ саженяхъ тридцати, волнуется Черное море, покрытое красивыми кораблями, плывущими во всѣхъ направленіяхъ; за деревьями мелькаютъ прекрасныя зданія, какъ-то: домъ графа Воронцова, присутственные мѣста, публичная бібліотека; налѣво открывается прекрасная биржа; живая, суетящаяся, шумливая, и отъ нея тянется рядъ красивыхъ строеній; предъ вами величественная статуя Ришельё, а немного въ сторонѣ красивый, огромный карантинъ, около котораго толпятся нестройными групами корабли.

429. Два Великана.

Въ шанкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.

За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ объ немъ разсказъ.
И помѣяться главами
Захотѣлось имъ хоты разсказъ.

И пришесть съ грозой военной
Трехвѣдальный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хватъ за вражескій вѣнецъ.

Но улыбой роковою
Русскій витязъ отвѣчалъ:
Посмотрѣлъ, трихнулъ главою —
Ахнулъ дерзкій, и упалъ.

Но упалъ онъ въ дальнемъ мѣстѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пустыною шумитъ лавой.

№ 29. Бородино.

Скажи-ка, дядя, въдъ не даромъ въста
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?

Въдъ были-жь схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнить вся Россія
Про день Бородины!

Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя,
Богатыри — не вы!

Плохая имъ досталась доля:
Не многіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:

«Что-жь мы? на зимнія квартиры!
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.

У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И дѣса синія верхушки —
Французы тутъ, какъ тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угоню я друга!
Постой ка братъ мусье!

Что тутъ хитрить пожалуй къ бою,
Ужь пойдемъ зомить стѣною,
Ужь постоимъ мы головою
За родину свою.

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ:
Что толку въ такой бездѣлкѣ!
Мы ждали третій день.

изъ лиць лѣтняго сада временъ императора Петра I-го. Въ этой кюль хранится нерукотворенный образъ Спасителя, сопутствовавшій всюду императору. Богатый вѣнецъ, усыпанный сорока осмью драгоценными камнями, украшаетъ его.

Направо изъ сѣней находится довольно обширная комната, служившая кабинетомъ императору. Въ ней два широкія окна. Одно изъ нихъ — къ сторонѣ лѣтняго сада, а другое обращено къ крѣпости; каждое окно состоитъ изъ нѣсколькихъ рамъ, въ которыя вставлены небольшія стекла въ жестяныхъ обравахъ.

Въ этой комнатѣ находятся два стола, крытые стекломъ, въ которыхъ хранятся разныя приношенія; но изъ числа всѣхъ этихъ вещей обращаютъ на себя особенное вниманіе два костяныхъ ожерелья, выточенные превосходнымъ образомъ самимъ императоромъ. Далѣе вдоль стѣнъ разставлены кресла и стулья, сдѣланные изъ лиць лѣтняго сада. У окна, обращеннаго къ крѣпости, помѣщается простое кресло и подножная скамейка работы Петра Великаго.

Весь домикъ окруженъ галлереею, въ которой хранится четырехъ-весельная верейка съ веслами и рулемъ. Изъ описанія отечественныхъ достопамятностей можно полагать, что эта верейка работы самого императора, на которой онъ объѣзжалъ берега Невы и осматривалъ производившіяся тогда работы въ Петербургѣ.

Длина этой верейки по борту тридцать пять четвертей, каждое весло въ двадцать четвертей. Вѣтхій парусъ, принадлежащій къ этой верейкѣ, хранится въ кабинетѣ императора.

Прошло болѣе полутора ста лѣтъ, какъ существуетъ этотъ домикъ. Широко раскинулся съ тѣхъ поръ Петербургъ, и со всѣхъ сторонъ окружилъ его своими обширными зданіями. Маленькій дворецъ, сохраняя скромное названіе домика Петра Великаго, переживетъ еще много столѣтій и внушитъ внукамъ нашимъ то же святое чувство благоговѣнія, съ какимъ каждый изъ насъ поощаетъ его нынѣ.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЯ БУКВЫ

а	азъ	А	а	Оу	У	оу	у	уко	Х	У
ь	буки	Б	б	Ф	ф	ферта	Ф	Ф	Ф	Ф
в	вѣди	В	в	Х	х	хъро	Х	Х	Х	Х
г	глаголь	Г	г	Ѹ	Ѹ	отъ	Ѹ	Ѹ	Ѹ	Ѹ
д	добро	Д	д	Ц	ц	ца	Ц	Ц	Ц	Ц
ѣ	ѣсть	Е	ѣ	Ч	ч	червъ	Ч	Ч	Ч	Ч
ж	жмелте	Ж	ж	Ш	ш	ша	Ш	Ш	Ш	Ш
з	зѣло	З	з	Щ	щ	ща	Щ	Щ	Щ	Щ
и	земля	З	з	Ъ	ъ	еръ	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ
и	иже	И	и	Ы	ы	еръ	Ы	Ы	Ы	Ы
і	і	І	і	Ь	ь	ерь	Ь	Ь	Ь	Ь
к	како	К	к	Ъ	ъ	яль	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ
л	люди	Л	л	Ю	ю	ю	Ю	Ю	Ю	Ю
м	миселте	М	м	Ш	ш	ш	Ш	Ш	Ш	Ш
н	наше	Н	н	Щ	щ	я	Щ	Щ	Щ	Щ
о	онъ	О	о	Ъ	ъ	келль	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ
п	покой	П	п	Ѹ	Ѹ	овпелль	Ѹ	Ѹ	Ѹ	Ѹ
р	рцы	Р	р	Ѹ	Ѹ	овпелль	Ѹ	Ѹ	Ѹ	Ѹ
с	слово	С	с	Ѹ	Ѹ	ижица	Ѹ	Ѹ	Ѹ	Ѹ
т	тверда	Т	т	Ѹ	Ѹ		Ѹ	Ѹ	Ѹ	Ѹ

УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ СЛОВСОКРАЩЕНІЯ.

А҃г҃лаз А҃нгелз
 а҃г҃лскій а҃нгельскій
 а҃п҃лаз а҃постолз
 а҃п҃лскій а҃постольскій
 бѣ҃гз бѣл҃гз
 бѣж҃енз бѣж҃енз
 бѣгословѣнз бѣгословѣнз
 бѣл҃тъ бѣл҃годѣть
 бѣобл҃тнѣй бѣобл҃годѣтнѣй
 Бѣ҃гз Бѣгз
 Бѣ҃ви Бѣгови
 Бѣз҃ъ Бѣзъ
 Бѣжтѣво Бѣжестѣво
 Бѣца Бѣгорѣдица
 вѣлка вѣлѣдыка
 вѣлѣца вѣлѣдычица
 вѣл҃чество вѣлѣдычество
 вѣскр҃еніе вѣскр҃есеніе
 Гѣд҃ь Гѣспѣдѣ
 гѣд҃ство гѣспѣдѣство
 гѣд҃рь гѣспѣдѣрь
 гѣнз, гѣднз гѣспѣдинз
 гѣднѣ гѣспѣденѣ
 гѣлз гѣл҃голз
 Дѣвѣз Дѣвѣдз
 дѣнѣ денѣ
 дѣнѣ денѣ

Дѣхъ дѣхъ
 дѣхѣвнѣй дѣхѣвнѣй
 дѣша дѣша
 дѣва дѣва
 дѣтѣво дѣтѣство
 ѣп҃кпз ѣп҃скопз
 ѣп҃кнство ѣп҃скопнство
 ѣстѣво ѣстѣство
 ѣвлѣе ѣвлѣгелѣе
 ѣвлѣстз ѣвлѣгелѣстз
 имѣкз имѣрѣкз
 Іерѣлѣмз Іерѣсалимз
 Іилѣ Іерѣанѣлѣ
 Іилскій Іерѣанѣлѣскій
 Іѣ, Іисз Іисѣсз
 крѣтз крѣстз
 крѣшеніе крѣщеніе
 крѣтитѣль крѣститѣль
 лѣвомѣрз лѣвомѣарз
 лѣдскій лѣдскій
 Мѣрѣа Мѣрѣа
 мѣтрь мѣтѣрь
 мѣртѣвз мѣртѣвз
 мѣлѣсть мѣлѣость
 мѣсѣрдѣе, мѣлѣрдѣе мѣлѣосѣрдѣе
 мѣтынѣ мѣлѣостынѣ
 мѣлнцз мѣлѣдѣнѣцз

мѣръ мѣдрѣ
 мѣрѣсть мѣдрѣсть
 мѣчникъ мѣченикъ
 мѣцъ мѣсѣцъ
 нѣсѣ нѣсѣ
 нѣшъ нѣшъ
 нѣво нѣво.
 нѣбный нѣбесный
 нѣхъ нѣбесѣхъ
 нѣ, нѣлѣ нѣдѣлѣ
 нѣтъ нѣтъ
 оѣцъ оѣтѣцъ
 оѣче оѣтче
 оѣчь оѣтѣчь
 оѣчество оѣтѣчество
 прѣвнъ прѣвѣденъ
 прѣтѣча прѣдѣтѣча
 прѣмѣрѣсть прѣмѣдрѣсть
 прѣпѣвнъ прѣподѣбенъ
 прѣстѣ, прѣтѣ прѣсвѣтѣ
 прѣтѣлъ прѣстѣлъ
 прѣнш прѣснш
 прѣрѣкъ прѣрѣкъ
 рѣжѣво рѣждѣство
 рѣжѣвенъ рѣждѣственъ
 стѣ свѣтѣ
 свѣщенникъ свѣщенникъ
 стѣ свѣтѣтель

сѣрѣце сѣрдѣце
 слѣва слѣва
 смѣръ смѣрѣть
 слѣнѣце солѣнѣце
 сѣре сѣредѣ
 стрѣть стрѣсть
 трѣтѣ трѣсвѣтѣ
 трѣтѣе трѣсвѣтѣе
 трѣца трѣнца
 трѣченъ трѣнѣченъ
 оѣчѣнкъ оѣчѣникъ
 оѣчѣнѣскъ оѣчѣнѣскъ
 оѣчѣть оѣчѣтель
 хѣ, хѣрѣтъ хѣрѣтъ
 хѣрѣтъ хѣрѣтъ
 хѣрѣтѣнинъ хѣрѣтѣнинъ
 цѣрь цѣрь
 цѣрѣца цѣрѣца
 цѣрѣтво цѣрѣство
 цѣрѣскѣй цѣрѣскѣй
 цѣрѣковъ цѣрѣковъ
 чѣть чѣсть
 чѣтѣный чѣтѣный
 чѣлкъ чѣловѣкъ
 чѣлкѣй чѣловѣчѣскѣй
 чѣтъ чѣстѣ
 шѣтитѣ шѣститѣ.

ЦИФРЫ.

А
 Б
 Г
 Д
 Е
 Ѕ
 З
 И
 Ф
 Т
 А
 В
 П
 Д
 Е
 Ѕ
 З
 И
 Ф
 Т

1
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19

И
 КА
 Л
 М
 Н
 О
 П
 Р
 С
 Т
 У
 Ф
 Х
 Ц
 Ч
 Ш

20
 21
 30
 40
 50
 60
 70
 80
 90
 100
 200
 300
 400
 500
 600
 700
 800
 900
 1000

УЧЕБНЫЯ И ДРУГІЯ КНИГИ

ИЗДАНЫЯ

МОСКОВСКИМИ КНИГОПРОДАВЦАМИ

БРАТЬЯМИ САЛАЕВЫМИ.

Гг. иногородные могутъ выписывать изъ нашего магазина всѣ книги, отъ кого бы то ни было публикованныя.

Книжный магазинъ, имѣя большой запасъ учебныхъ книгъ своего изданія, а равно приобретенныхъ отъ Гг. сочинителей и издателей въ большомъ количествѣ экз. или цѣлыми изданіями, можетъ высылать для учебныхъ заведеній съ значительною уступкою противъ другихъ книгопродавцевъ.

Сверхъ означенныхъ книгъ магазинъ имѣетъ большой выборъ книгъ для народнаго чтенія и для сельскихъ школъ.

Учебныя заведенія и Земскія Управы могутъ высылать требованія, а деньги послѣ полученія книгъ и счета, но не далѣе 3-хъ или 6-ти мѣсяцевъ со дня полученія книгъ.

БРАТЬЯ САЛАЕВЫ.

Анъ д-ръ. Руководство къ скорому и легкому изученію англійскаго яз., въ 2-хъ ч. М. 1868 года, ц. 1 р.

Атласъ, географическій и живою, состоящій изъ 6-ти картъ, съ приложеніемъ стѣей для черченія и упражненія въ рисованіи картъ Россіи, Европы, Азіи, Африки, Америки Южной и Сѣверной. М. 1870 г., цѣна 60 к.

— Географическихъ стѣей для первоначальнаго упражненія въ черченіи и рисованіи картъ Россіи, Европы, Азіи, Африки, Америки Сѣверной и Южной 6 картъ. М. 1871 г., цѣна 25 к.

Азбука французская, приспособленная къ дѣтскимъ понятіямъ, содержащая въ себѣ легчайшій способъ правильно и въ короткое время научиться читать по французски, съ прибавленіемъ разговоровъ, басенъ и примѣровъ для перевода съ французскаго на русскій. Изд. 3-е. М. 1865 г., цѣна 30 к.

— Русскаго слова съ различными примѣрами для чтенія и изученія наизусть, съ 28-ю гравированными картинками. М. 1868 г., цѣна 50 к.

— съ крашенными картинками и въ папкѣ, цѣна 75 к.

Аксаковъ С. Т. Семейная хроника и воспоминанія. Изд. 4-е, пополненное разсказомъ изъ студентской жизни: „Собирание бабочекъ“, „Очеркомъ Зимнаго дня“ и нѣкоторыми пояснительными примѣчаніями. М. 1870 г., ц. 2 р.

Арабскія сказки для дѣтей: Тысяча одна ночь, съ хромолитографир. и красками отпечатанными картинками, въ папкѣ и золотомъ отпечатанной сорочкѣ. Изд. 2-е. М. 1866 г., цѣна 1 р.

Бокъ. Человѣческое тѣло его строеніе жизнь и холя. Руководство для учащихся съ 25-й рисунками въ текстъ пер. съ нѣмецкаго подѣ редакцію Паульсона Спб. 1870 г. цѣна 40 к.

Бургеръ, Краткій учебникъ географіи для начинающихъ, съ 25 нѣмецк. изданія, перевелъ соединилъ и справилъ А. Тельгннъ. М. 1871 г., цѣна 25 к.

Богдановъ, Самоучитель Русской каллиграфіи на 14 лѣт. М. 1867 г., ц 75 к.

Буслаевъ. Историческая грамматика Русскаго языка, изд. 3-е исправленное и дополненное, 2 т. М. 1868 г., ц. 2 р 50 к.

— О преподаваніи отечественнаго языка, изд. 2-е. М. 1867 г., п. 1 р. 75 к

— Краткое руководство къ первоначальному преподаванію Русскаго яз. М. 1867 г., цѣна 35 к.

Буссе. Руководство къ ариметикѣ, напечатанное съ изданія Департамента Народнаго Просвѣщенія, для употребленія въ уѣздныхъ училищахъ. Отд. 1-е изд. 17-е ц. 6 к., въ корешкѣ 10 к., отдѣлъ 2-й ц 12 к., въ кор. 18 к.

— Собрание ариметическихъ задачъ, расположенное по руководству къ ариметикѣ для уѣздныхъ училищъ, напечатано съ изд. Департамента Народнаго Просвѣщенія. М. 1869 г., цѣна 12 к., въ корешкѣ 18 к.

— Руководство къ Элементарной геометріи для употребленія въ уѣздныхъ училищахъ. Изд. 7-е печатано съ изданія Департамента Народнаго Просвѣщенія. М. 1869 г., цѣна въ корешкѣ 27 к.

— Основаніе Геометріи, руководство составленное для гимназій по порученію Министерства Народнаго Просвѣщенія. Изд. 4-е. М. 1868 г., цѣна въ корешкѣ 45 к.

Букаръ русскій для обученія чтенію, напечатанный съ изданія Департамента Народнаго Просвѣщенія. М. 1870 г., цѣна 3 к.

Богородицкій, Грамматика языка Русскаго (въ объемѣ гимназическаго курса) вып. 1-й, изд. 2-е. М. 1869 г., цѣна 60 коп.

Богородицкій. Грамматика языка Русскаго въ объемѣ гимназическаго курса. вып. 2-й. М. 1871 г., цѣна 60 к.

Бухаревъ. Книга для обученія чтенію и письму, съ прилеженіемъ статей для чтенія ежедневныхъ молитвъ, десяти заповѣдей Закона Божія и краткаго счетоводства съ картинками. Изд. 3-е. М. 1870 г., цѣна 30 к.

— Объясненіе ежедневныхъ домашнихъ молитвъ Православнаго христіанина и десяти Заповѣдей, начальные уроки закона Божія для вѣсныхъ классовъ гимназій и народныхъ школъ съ картин. М. 1869 г., ц. 15 к.

Басистовъ, Для чтенія и разсказа христоматія для употребленія при преподаваніи Русскаго языка, курсъ 1-й. Одобрен. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства императрицы Маріи. Изд. 9-е. М. 1870 г., цѣна 75 к.

— Для разборовъ и письменныхъ упражненій, Христоматія для употребленія при преподаваніи Русскаго языка. Курсъ 2, одобрен. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Изд. 2-е. М. 1870 г., цѣна 75 к.

— Забѣтки о практическомъ преподаваніи Русскаго языка. М. 1868 г. ц. 40 к.

— Песторова лѣтопись, издана для учащихся, съ примѣчаніями и словаремъ. М. 1869 г., цѣна 60 к.

Блашаръ. Правоучительные рассказы для дѣтей съ 8-ю хромолитографир. и красками отпечатан. карт., перев. съ франц. Строевой. М. 1870 г., ц. 1 р.

— Дѣдушкины рассказы, съ хромолитограф. и красками отпечатанными картинками. М. 1871 г., цѣна 1 р.

Богдановъ. Новая Русскія прописи на 12 лист. М. 1870 г., цѣна 50 к.

Библие. Курсъ Геометріи принятый за руководство въ Школахъ искусствъ и ремеслъ во Франціи, съ 21 изд., перев. Ф. Королевъ съ атласомъ чертежей. М. 1863 г. цѣна 1 р. 80 к.

Бальтюсъ. Бесѣды молодыхъ дѣвицъ (Французскіе разговоры). Изд. 2-е. М. 1850 г., цѣна 1 р.

Богдановъ. Зоологія и Зоологическая христоматія. Животныя безпозвоночныя въ 3 отд. М. 1862 г., ц. 4 р. 25 к.

Быстрицкій, священникъ, Священная Исторія Вѣтхаго и Новаго Завета, въ 2-хъ част. изд. 2-е. М. 1871 г., ц. 1 р., отдѣльно каждая часть по 50 к.

Бокъ д-ръ, Руководство патологической анатоміи и діагностики съ приложеніемъ къ употребленію при постели больного, перев. д-ръ Севрукомъ. М. 1853 г., ц. 3 р.

Виноградовъ священникъ, Жизнь Святыхъ 12-ть мѣсяцевъ, состав. по руководству: Четырехъ мѣней, Патристики, Русскихъ святыхъ Богослужебныхъ дней православной церкви и другихъ книгъ въ 12-ти частяхъ. М. 1870 г., цѣна 1 р. 80 к.

Востоковъ, Сокращенная Русская грамматика, напечатанная съ изданія Департамента Народнаго Просвѣщенія М. 1868 г., ц. въ бумажѣ 10 к., въ корешкѣ 14 к.

Вульфъ. Опытный руководитель Русскаго путешественника по Германіи, или новѣйшая теоретическая метода, представляющая возможность изучить нѣмецкій яз. въ самое короткое время и объясняться на немъ безъ помощи переводчика. М. 1863 г., цѣна 35 к.

Васильевъ, Школа рисованія цвѣтовъ и плодовъ, рисованная художникомъ Императорской Академіи Матвѣевымъ и учителемъ рисованія Александровымъ на 30-ти листахъ. М. 1871 г., цѣна 1 р. 50 к.

Волшебныя сказки для дѣтей съ 6-ю хромолитографирован. и красками отпечатанными картинками м. 1871 г. цѣна 50 к.

Григорьевъ, преподаватель Естественной Исторіи въ 1-й Московской гимназіи, Зоологія съ 206 полит. рисунк. Изд. 6-е. М. 1869 г., ц. 1 р. 50 к.

— Атласъ для элементарнаго изученія Естественной Исторіи, съ 367 политипажными рисунками. М. 1866 г., цѣна 1 р. 25 к.

— Руководство къ ботаникѣ, съ 517 полит. рисунками. Изд. 4-е. М. 1865 г., ц. 3 р.

— Краткая ботаника съ 492 полит. рисунками. Изд. 2-е. М. 1871 г., ц. 2 р.

Гернигъ, Нѣмецкая христоматія. Изд. 3-е. М. 1857 г., цѣна 1 р. 20 к.

- Герейъ**, Оперативная Хирургія, или практика руководства для произведенія операций. Перев. докторъ Реми. Изд. 2-е. М. 1864 г., цѣна 2 р. 50 к.
- Гейрикса**, Новая Нѣмецкiя прописи на 11 лист. М. 1869 г., цѣна 50 к.
- Гартнигъ**, Первобытнiй мiръ сравнительно съ современнымъ, съ предисловіемъ Шлейдена, съ 3-ми хромолитограф. рисунками, 19 политинажами. М. 1868 г., цѣна 2 р. 50 к.
- Гиліровъ и Кириичниковъ**, преподаватели Московскихъ Гимназiй Русская хрестоматiя для высшихъ классовъ гимназiй. М. 1869 г., цѣна 75 к.
- Гюманъ**, Руководство въ изученiю химическаго анализа для начинающихъ, преимущественно для тѣхъ, у которыхъ нѣтъ руководителя. М. 1858 г., ц. 1 р.
- Гертъ Баронъ**, Курсъ сферической тригонометрiи для среднихъ учебныхъ заведенiй. М. 1868 г., цѣна 60 к.
- Грубе**, Очеркъ изъ исторiи Народныхъ сказанiй: ч. 1-я—древняя исторiя. М. 1868 г. цѣна 75 к., часть 2-я—средняя исторiя. М. 1870 г., ц. 1 р., ч. 3-я—новая исторiя. М. 1866 г., цѣна 1 р. 25 к.
- Гумбольдтъ**, Космосъ, опытъ физическаго міроописанiя, перев. съ нѣмец. Фролова и Вейнберга, въ 4-хъ томахъ. М. 1863—71 г., цѣна 7 р. отдѣльно каждый томъ по 2 р.
- Гартманъ**, Богъ въ природѣ или единство мірозданiя, перев. съ нѣмецк. В. Григорьева, съ политинажами въ текстѣ. М. 1866 г., цѣна 2 р.
- Гиліровъ**, преподаватель Московской гимназiи. Сборникъ для чтенiя и письменныхъ упражненiй Ч. 1-я. М. 1871 г., цѣна 60 к.
- Даль В. И.**, Первая первинка, полуграмотной внуку. Сказки, пѣсенки и игры. М. 1871 г., ц. 40 к.
- Даніель**, Краткiй учебникъ географiи, перевелъ съ нѣмецкаго Корсакъ. Изданiе 2-е. М. 1865 г., ц. 60 к.
- Давидовъ**, ординарный профессоръ Московскаго университета. Руководство къ арифметикѣ. М. 1870 г., цѣна 90 к.
- Начальная алгебра, изд. 4-е. М. 1870 г. цѣна 1 р. 50 к.
- Элементарная геометрiя, въ объемѣ гимназическаго курса. Изд. 6-е. М. 1871 г., цѣна 1 р. 20 к.
- Дресслера**, Основанiя Психологiи и Логики по Бенке. руководство для преподаванiя и самообученiю перев. подъ редакцію Паульсона Спб. 1871 г. цѣна 1 р.
- Дресслера**, Очеркъ физической Антропологiи какъ основанiе педагогики, съ 14-го политинажами перев. подредакцію Паульсона Спб. 1870 г. цѣна 60 к.
- Датееа**, Очеркъ практической Педагогики, руководство для Педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарей перев. подъ редакцію Паульсона. Спб. 1869 г. цѣна 1 р.
- Диккенсъ**, исторiя Англiи для дѣтей, перев. съ англійскаго Анны Зонтагъ, 2 тома. М. 1861 г., цѣна 2 р.
- De viris Illustribus urbis Romae**. Изд. 4-е. М. 1867 г., ц. 40 к.
- Зонтагъ**, Сочельникъ предъ Рождествомъ Христовымъ, или собраніе повѣстей, и разказовъ для дѣтей старшаго возраста съ 10 хромолитографир. и красками отпечатан. картинами. 2 т. м. 1864 г., цѣна 2 р.
- Подарокъ дѣтямъ въ день Свѣтлаго Воскресенiя или собраніе повѣстей и разказовъ для дѣтей младшаго возраста съ 10-ю хромолитограф. и красками отпечатан. картинами, 2 тома. м. 1861 г., цѣна 2 р.
- Свещенная исторiя Вѣтхаго и Новаго Завѣта, 2 тома, изд. 8-е. м. 1864 г., цѣна 2 р.

— Дѣтскій театр, собраніе комедій съ 6-ю хромолитограф. и красками отпечатан. картинами. м. 1865 г., цѣна 1 р. 25 к.

— Волшебныя сказки для дѣтей съ 8-ю хромолитограф. и красками отпечатанными картинами. Изд. 2-е. м. 1871 г., цѣна 1 25 к.

Ивановъ, Русская грамматика, 14 исправленное и дополненное изданіе 105 тысяча. м. 1870 г., цѣна 50 к.

— Русскій міръ, для чтенія и упражненія въ Русскомъ языкѣ дома и въ училищѣ, 2 тома. м. 1869 г., цѣна 1 р. 50 к.

Избранныя мѣста изъ Священной исторіи Вѣтхаго и Новаго Завѣта, съ назидательными размышленіями, съ 49-ю хромолитограф. и красками отпечатанными съ картинъ великихъ художниковъ: Пусена, Рубенса, Рафаэля, Каррачи, Ребранта де Винчи и другихъ, въ 2-хъ томахъ. м. 1852 г., ц. 10 р.

Исторія Священная, для дѣтей, Вѣтхаго и Новаго Завѣта, въ 2-хъ част., съ 32-мя гравир. и раскрашенными картинами. м. 1870 г., цѣна 1 р. 50 к.

Киричниковъ и Гиляровъ, преподават. Московской гимназій **Этимологія Русскаго языка** для гимназій (примѣнительно къ правописанію). Одобрена Учен. Ком. какъ руково. изд. 3-е исправленное. м. 1870 г., цѣна 40 к.

— Синтаксисъ Русскаго языка примѣнительно къ правописанію. (Курсы 3-го класса.) Одобрено Ученымъ Комитетомъ какъ руководство. Изд. 2-е исправленное. м. 1870 г., цѣна 30 к.

— Историческая хрестоматія для старшихъ классовъ, ч. 1-я. Русская литература. м. 1870 г., цѣна 1 р. 25 к.

— Исторія Русской литературы для учащихся. м. 1869 г., цѣна 1 р. 25 к.

Кейзеръ, преподаватель Московской 4-й гимназій. Сборникъ статей для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій, содержащій предварительныя синтаксическія правила, практическія упражненія и примѣненія на каждую статью и краткій обзоръ нѣмецкой литературы. Изд. 5-е исправленное м. 1869 г., цѣна 90 к.

— Краткая нѣмецкая грамматика:

часть 1-я, этимологія, изд. 8-е. м. 1870 г., цѣна 25 к.

„ 2-я, упражненія на правила этимологіи, изд. 2-е. м. 1870 г., ц. 40 к.

„ 3-я, синтаксисъ съ нѣмецкими примѣрами для перевода и упражненіями; изд. 2-е исправленное. м. 1870 г., цѣна 90 к.

Корфъ баронъ, руководство къ обученію грамотѣ, (по звуковому способу). Изд. 4-е; (четвертый десятокъ тысячъ) одобренное Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. м. 1871 г., цѣна 25 к.

Крюгера. Элементарная физика руководство для вѣдшихъ учебныхъ заведеній съ 83 рисунками изд. Паульсона Спб. 1871 цѣна 60 к.

— То же о преподаваніи элементарной физики для учителя Спб. 1871 г. цѣна 15 к.

Кремеръ, преподаватель древнихъ языковъ при Московской 4-й гимназій **Xenophonis Anabasis** (Ксенофонта Анабасисъ) текстъ съ словаремъ, составленнымъ для гимназій. м. 1870 г., цѣна 75 к.

Homeri Odyssea (Гомера-Одиссея) текстъ съ словаремъ и приложеніемъ Гомеровскомъ діалектѣ, составленнымъ для гимназій. м. 1869 г., цѣна 1 р. 20. к.

— **Homeri Ilias**, (Гомера, Илиада) текстъ съ словаремъ, составленнымъ для гимназій. м. 1869 г., цѣна 1 р. 20 к.

— **Platonis Arologia, Socratis Crito**, (Аполлона, Сократа и Критонъ) текстъ съ словаремъ, составленнымъ для гимназій. м. 1870 г., цѣна 50 к.

— **Xenophonis Cyropaedia**, (Киропедія Ксенофонта) текстъ съ словаремъ, составленнымъ для гимназій. м. 1870 г., цѣна 90 к.

— Xenophontis Memorabilia, (Жизнозонта, воспоминаніе о Сократѣ) текетъ съ словаремъ, составленнымъ для гимназій. м. 1870 г., цѣна 75 к.

Кажъевъ, Краткая Русская исторія для народныхъ школъ съ 10-ю рисунками. м. 1869 г., цѣна 20 к.

Клевановъ, Корнелія Непота жизнеописаніе лучшихъ полководцевъ, чужестранныхъ народовъ. Спб. 1867 г., цѣна 1 р.

Крылова, Дмитриева, Хемницера и Измаилова, избранныя басни, съ объясненіемъ смысла каждой басни, примѣромъ изъ быта простаго народа и біограф. баснописцевъ, изд. 2-е съ дополнен. политипажными рисунками, приспособленныя къ первоначальнымъ училищамъ, состав. Львский. м. 1869 г., цѣна 15 к.

Курдіусъ, Греческая грамматика для гимназій, въ переводѣ Я. Кремера, преподавателя древнихъ языковъ въ 4-й Московской гимназій. м. 1869 г. цѣна 1 р. 25 к.

Кюперъ, Латинская грамматика, содержащая упражненія на правила этимологій и синтаксиса, христоматію, Латинско-Русскіе и Русско-Латинскіе словари, изд. 4-е, исправленное Я. Кремеромъ. м. 1871 г., цѣна 1-й части 85 к., 2-й части 65 к.

Кюръ, Руководство къ опредѣленію растений легкимъ и точнымъ способомъ, помощію собственнаго изслѣдованія, перев. съ 9-го изданія В. Григорьева, съ указаніемъ правилъ для сушенія и собиранія растений. м. 1861 г., цѣна 1 р. 50 коп.

Карусъ, Сравнительно-анатомическія таблицы, состав. при содѣйствіи Альмои Гагенбауера, Гукелея Келликера и друг. изд. Анатолиемъ Богдановымъ, изд. 2-е. м. 1867 г., цѣна 6 р.

Кугушевъ Князь, Постороннее вліяніе, романъ въ 4-хъ част. м. 1859 г., цѣна 2 р. 50 к.

Кистеръ, другъ дѣтей, 1-е изученіе нѣмецкаго языка съ обзоромъ нѣмецкой грамматики, изд. 7-е. м. 1870 г., цѣна 50 к.

Керкониусъ, Практическій курсъ нѣмецкаго языка, изд. 5-е, вновь передѣланное, Лейпцигъ 1869 г., цѣна 75 к.

Кроенбергъ, Латинско-Русскій и Русско-Латинскій словарь съ полнымъ объясненіемъ свойствъ и значеній каждаго слова, съ показаніемъ собственныхъ именъ древней географіи и мифологій, изд. 7-е. м. 1870 г. цѣна 2 р. 50 к.

Линдлей д-ръ, Письма о ботаникѣ, общепонятное руководство къ изученію главнѣйшихъ растительныхъ семействъ естественной силы, съ 50-ю рисунками въ текетѣ, перев. съ Англійскаго. Спб. 1865 г., цѣна 1 р. 50 к.

Лоландъ, Таблицы догариезовъ, съ предисловіемъ Малинина, изд. стереотипное. м. 1868 г., цѣна 85 к.

Ленцъ, академикъ, Руководство къ физикѣ, состав. по порученію Министерства Народнаго Просвѣщенія для Русскихъ гимназій, изд. 9-е. м. 1870 г., цѣна въ корешкѣ 82 к.

Махнъ, помощникъ присяжнаго. Вторая часть XI тома устава законовъ торговыхъ, фабричныхъ и ремесленныхъ по изданію 1857 г. и продолженій до 1869 г. съ разъясненіями по рѣшеніямъ Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената и алфавитный указатель къ каждому уставу. м. 1869 г., цѣна 2 р.

Мозговъ, рѣшеніе наиболее трудныхъ задачъ, помѣщенныхъ въ геометріи Давидова, съ политип. рисунками. м. 1870 г., цѣна 35 к.

Малининъ и Буренинъ, Руководство физики и собраніе физическихъ за-

даль для гимназій, въ 2-хъ част., съ 775 политип. рисунк., изд. 2-е. м. 1870 г., ц. 3 р.

— Руководство къ арифметикѣ для гимназій, изд. 4-е м. 1870 г., ц. 75 к.,
— Собраніе арифметическихъ задачъ для гимназій, изд. 5-е. м. 1870 г., ц. 50 к.

— Руководство къ космографіи и физической географіи для гимназій съ 102 политипажными рисунками, изд. 3-е. м. 1870 г., цѣна 1 р. 25 к.

— Курсъ физики для женскихъ учебныхъ заведеній, съ 333 политипаж. рисунками. м. 1869 г., цѣна 1 р. 60 к.

— Руководство прямолинейной тригонометріи для гимназій, съ политипажными, изд. 5-е дополненное. м. 1871 г., цѣна 60 к.

— Собраніе физическихъ задачъ для гимназій. м. 1868 г., цѣна 80 к.

Магницъ, Океанъ и его тайныя чудеса, съ 28-ю литографированными и въ 2 тома отпечатанными и 4-мя хромотографированными рисунками. м. 1868 г., ц. 3 р.

Магазинъ землеѣдвія и путешествія. Географическій сборникъ, состоящій изъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій профессорскъ: Грановскаго, Спасскаго, гг. Кетчера, Фролова, Гумбольдта, Араго, Левингстона и мног. друг. 6 большихъ томовъ, болѣе 3500 страницъ убористой печати съ гравиров. рисунками, картами и политипажными, цѣна за 6-ть томовъ 15 р. отдѣльно каждый томъ по 3 р.

Массе, Дѣдушкина арифметика. м. 1864 г., цѣна 40 к.

Мошеть, Причины и дѣйствія. м. 1868 г., цѣна 40 к.

Махинъ, Уставы о промышленности фабричной и ремесленной, по изданію 1857 г. и продолженіямъ. м. 1869 г., цѣна 60 к.

Махинъ, Уставъ о векселяхъ съ разъясненіями по рѣшеніямъ Кассационныхъ Департаментовъ о гербовомъ сборѣ съ векселей, заемныхъ писемъ и другихъ срочныхъ обязательствъ. м. 1869 г., цѣна 40 к.

Ивкольскій, Приготовительный курсъ Всеобщей географіи. м. 1870 г., ц. 15 к.

— Краткій учебный курсъ географіи Россійской Имперіи. м. 1870 г., ц. 25 к.

Ноель и Шансаль, Французская грамматика, часть 1-я. м. 1858 г., ц. 40 к.

Наставленіе практическое къ постройкѣ фабричныхъ и жилыхъ строеній и къ составленію для нихъ проектовъ и смѣтъ, состав. А. Р., съ 8-ю таблицами чертежей. м. 1857 г., цѣна 2 р.

Олендорфъ, учебникъ Нѣмецкаго языка, съ ключемъ, перев. съ послѣдняго изданія и снабдилъ примѣчаніями Ф. Кейзеръ. м. 1867 г., ц. 1 р. 75 к.

— Практическое руководство къ изученію Англійскаго языка, одобренное Ученымъ Комитетомъ главнаго Правленія училищъ, Учебнымъ Комитетомъ Педагогическаго совѣта и покойнымъ Лекторомъ С-Петербургскаго Университета Шау, изд. Софьей Кошлаковой, подъ редакцію Дункана, учителя Англійскаго языка и литературы при старшихъ классахъ Анненской и Реформатской школъ, изд. 2-е исправленное и дополненное, съ прибавленіемъ статьи для чтенія Дикенса и словаремъ этой статьи съ ключемъ. Спб. 1864 г., цѣна 1 р. 80 к.

Осповскій, Замѣчаніе Московскаго охотника на ружейную книгу съ лагавую собакою, изд. 2-е дополненное учебникомъ для собакъ. м. 1857 г., ц. 1 р. 50 к.

Отто, Руководство къ открытію ядовъ и распознаванію пятенъ при судебно-химическихъ изслѣдованіяхъ, для химиковъ, аптекарей, медиковъ и юристовъ съ рисунками въ текстѣ, переводъ Сабанъева и Саравинаки. м. 1867 г., цѣна 1 р.

Объясненіе иностранныхъ словъ, употребляющихся въ русскомъ языкѣ, сост. А. С., изд. 2-е исправленное и дополненное. м. 1861 г., ц. 75 к.

Паульсонъ, Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Учебное пособие для народныхъ училищъ, новое исправленное изд. (33 и 34 десятковъ тысячъ) м. 1871 г., ц. 45 к.

— **Арифметика** по способу нѣмецкаго педагога Грубе. Методическое руководство для родителей и элементарныхъ учителей. Изд. 8. м. 1871 г., ц. 60 к.

— **Букварь** для обученія грамотѣ по любому способу, м. 1869 г., ц. 3 к.

Пильцъ, Воспитаніе и обученіе или педагогическіе цвѣты, перев. съ нѣмецкаго Протопопова. м. 1868 г., цѣна 1 р. 25 к.

Протопоповъ, м. Подвижныя буквы церковно-гражданской печати, съ употребительными знаками препинанія, состоящія изъ 12 крупныхъ буквъ м. 1870 г., цѣна за 12 листовъ 50 к., отдѣльно каждый листъ по 5 к.

— То же отдѣльно, одни гражданскія буквы 6 листовъ, цѣна 30 к.

Пютцъ, Учебникъ сравнительной географіи для среднихъ учебныхъ заведеній, перевелъ и дополнилъ А. Тельгинъ; вып. 1-й Всеобщая Географія изд. 7-е. М. 1868 г., ц. 70 к.

Паульсонъ, Арифметика по способу нѣмецкаго педагога Грубе методическое руководство для родителей и элементарныхъ учителей, изд. 8-е м. 1871 г., ц. 60 к.

Паульсонъ, Пергаи учебная книжка классное пособие при обученіи письму, и началамъ роднаго языка изд. 1-е. Спб. 1870 г. цѣна 20 к.

Паульсонъ, Способъ обученія Грамотѣ по первой учебной книжкѣ объяснена для преподавателя изд. 2-е. Спб. 1870 г. цѣна 25 к.

Пютцъ, Выпускъ 2-й географіи Россійской имперіи, изд. 4-е совершенно переработанное. м. 1868 г., цѣна 70 к.

Пеловъ, Пособіе при изученіи образцовъ русской литературы, 3-е дополненное изданіе. м. 1870 г., цѣна 1 р. 50 к.

Поединокъ Снигири съ чижикомъ, иллюстрированная сказка. м. 1871 г. ц. 60 к

Пукирева, профессора и **Саврасова** академика, курсъ рисованія, состоящій изъ 40 М М, раздѣленный на три отдѣла: приготовительный, фигурный и пейзажный, анатомическіе рисунки рисованы профессоромъ Пукиревымъ и имъ же исправленъ весь фигурный отдѣлъ. Пейзажный отдѣлъ составленъ и рисованъ академикомъ Саврасовымъ. Рисовали на камнѣ: академикъ Саврасовъ, художникъ Рыбинскій и старшіе учителя рисованія: Скино, Пашкинъ и Чулановъ. м. 1869 г., ц. за весь три отдѣла 4 р.; отдѣльно приготовительный 50 к.; фигурный 2 р.; пейзажный 1 р. 50 к.

Погорельскій, Руководство къ геометріи. м. 1861 г., цѣна 80 к.

Путятинъ, протоіерей XV и VIII кратк. поученій. м. 1851 г., ц. 50 к.

— Его же VIII краткихъ поученій. м. 1859 г., цѣна 35 к.

— Его же краткія поученія XX новыхъ. м. 1863 г., цѣна 35 к.

— Его же катихизическія поученія. Р. 1863 г., цѣна 35 к.

Поздравительныя стихотворенія для дѣтей съ хромофотограф. и красками отпечатанными картинками въ папкѣ. м. 1868 г., цѣна 75 к.

Пропсен, новыя русскія на 10 листахъ, изд. 6-е. м. 1869 г., цѣна 15 к.

— Тетрадь чистописанія на 10 лист., изд. 3-е. м. 1867 г., ц. 15 к.

Плецъ, первоначальный курсъ французскаго языка. м. 1869 г., ц. 30 к.

Писемскій, Взабалаученное море, ром. въ 6-ти част. м. 1863 г., ц. 4 р.

Пивель, курсъ плоской тригонометріи съ рисунк. м. 1870 г., ц. 60 к.

Рѣшеніе геометрическихъ задачъ по университетской программѣ для желающихъ вступить въ университетъ. м. 1871 г., цѣна 30 к.

Ротиканскій, д-ръ медицины при Вѣвскомъ университетѣ. Руководство къ патологической анатоміи, въ 5 томахъ съ атласомъ, перев. д-ровъ Мина и Циммермана. м. 1849—57 г., цѣна 5 р.

Разсказы для дѣтей. Похожденіе бѣленькой кошечки, съ 6-ю хромолитографиров. и красками отпечатанными картинами м. 1871 г. цѣна 60 к.

Разсказы для дѣтей. Приключеніе Красненькой Шапочки, съ 6-ю хромолитографированными и красками отпечатанными картинами м. 1871 г., ц. 60 к.

Разсказы для дѣтей. Робинзонъ Крузе съ 6-ю хромолитографированными и красками отпечатанными картинами. м. 1871 г., цѣна 60 к.

Разсказы для дѣтей. Дѣти покинутые въ лѣсу съ 6-ю хромолитографирован. и красками отпечатанными картинами. м. 1871 г. цѣна 60 к.

Ренгартецъ, руководство къ изученію нѣмецкаго языка, изд. 9-е м. 1860 г., цѣна 60 к.

Ракина, полковника генеральнаго штаба и начальника архива В. Т. Д. и члена географическаго общества, атласъ Россійской Имперіи, состоящей изъ 4-хъ листовъ, содержащихъ въ себѣ: 1-я, политическая карта Европейской Россіи; 2-я, генеральная карта всей Россійской Имперіи, съ означеніемъ степени населенности, 3-я, карта сообщенія Европейской Россіи, 4-я, подробная карта Сибири. Спб. 1869 г., цѣна за весь 4 листа 1 р. 50 к.

Столяняскій и Абаза, книга для начальнаго чтенія въ войскахъ. Спб. 1871 г., цѣна 30 к.

Столяняскій. Учебная Книга для чтенія въ сельскихъ школахъ. Спб. 1870 г., цѣна 20 к.

Сико, учитель рисованія и черченія при 1-й Московской гимназій. Тетрадь черченія практической геометріи, приспособленная къ преподаванію предварительнаго изученія: архитектурнаго, машиннаго и перспективнаго черченія, изд. 2-е. м. 1870 г., цѣна 60 к.

Свирѣлициъ, священникъ. Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ начальныхъ народныхъ и уѣздныхъ училищахъ, изд. 2-е, исправ. м. 1867 г., цѣна 40 к.

Соснецкій, преподаватель 2-й Московской гимназій. Сборникъ статей для чтенія и разсказа по предмету русскаго языка, въ уѣздныхъ, городскихъ, начальныхъ и сельскихъ училищахъ съ приложеніемъ образцовъ систематическаго диктанта. м. 1871 г., ц. 40 к.

— **Исторія русской литературы.** (Курсъ гимназическій) м. 1870 г., ц. 1 р. 25

— **Разборъ образцовъ русской словесности,** пособіе для молодыхъ людей желающихъ поступить въ студенты Московскаго Университета, изд. 2-е, исправленное и дополненное. м. 1869 г., цѣна 1 р. 25 к.

— **Краткое практическое руководство къ русскому правописанію** для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ. м. 1870 г., цѣна 30 к.

— **Юлій Цезарь**, съ примѣчаніями и словаремъ, для употребленія въ гимназіяхъ, состав. по лучшимъ иностраннымъ изданіямъ, изд. 2-е. исправленное. м. 1869 г., цѣна 50 к.

— **Рѣчи Цицерона противъ Катилины**, два текста: подлинный и по упрощенной конструкціи, съ примѣчаніями и словаремъ для употребленія въ гимназіяхъ, состав. по лучшимъ иностраннымъ изданіямъ. м. 1869 г. ц. 50 к.

Соснецкій, Первая пѣснь павъ Энеиды Виргилія, два текста: подлинный и по упрощенной конструкціи, съ примѣчаніями и словаремъ для употребленія въ гимназіяхъ, вып. 1-й м. 1869 г., цѣна 30 к.

Смитъ, лекторъ англійскаго языка, при Московскомъ Университетѣ. Руководство къ изученію англійскаго языка, съ изображеніемъ произношенія по Фотонавигическому методу Питмана, для преподаванія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и для самообученія, въ 4-хъ отдѣлахъ. м. 1867 г., цѣна 2 р.

Синайскій, греческо-русскій словарь, въ 2-хъ част., изд. 2-е, исправленное. м. 1870 г., ц. 3 р.

— Русско-греческій словарь, изд. 2-е исправленное и дополненное. м. 1869 г. цѣна 2 р. 50 к.

Сослицкій, преподаватель Николаевского института, для чтенія, разсказа и письменныхъ упражненій. Русская хрестоматія для первыхъ четырехъ классовъ. м. 1870 г., цѣна 1 р. 25 к.

Тургеневъ, Дымъ: романъ, изд. 2-е. м. 1869 г., цѣна 1 р. 50 к.

— Полное собраніе сочиненій, въ 7 томахъ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали первымъ парижскимъ граверомъ Гедуень. м. 1869 г., цѣна 8 р. 50 к.

— Тождъ т. 8-й (дополнительный), содержащій въ себѣ: а) Странная Исторія, б) Казнь Тропмана, в) Степной Король „Диръ“ и г) Стукъ, Стукъ, Студія. м. 1871 г., цѣна 75 к.

Трескинъ, справочная, коммерческая книга, практическое и теоретическое руководство для занимающихся торговыми дѣлами. Книги эти содержать въ себѣ: торговый и вексельный уставы. Таблицы процентовъ отъ 3-хъ до 6-ти, съ капитала отъ 10,000 до 1 р. за 1 день и до 1 года, таблицы фондовъ, акцій и облигацій, иностранныя монеты, ифры и вѣсы, таблицы цѣвъ иностранныхъ монетъ по курсу, объясненіе вексельнаго курса, таблицы сравнительной независимости иностранныхъ монетъ и таблицы серій билетовъ Государственнаго казначейства, почтовые свѣдѣнія и таксы телеграфныя, желѣзныхъ дорогъ и уставъ общества поземельнаго кредита. Цѣна 1 р. 50 к.

Тихомировъ, профессоръ Московскаго Университета. Слово о полку Игоревѣ, издано для учащихся, изд. 2-е, исправленное. м. 1868 г., ц. 50 к.

Трубиновъ, полный курсъ письма каллиграфическаго и скорописнаго, состав. по особенному методу и гравирован. Касаткинымъ, съ 500 листами бумаги для письма по этому методу. м. 1868 г., ц. 3 р.

Тимертъ д-ръ, темъ, вып. 1-й, упражненія въ синтаксисѣ простаго предложенія, перев. В. Басова изд. 2-е м. 1869 г., цѣна 30 к.

Ушинскій, Родное слово для дѣтей младшаго возраста, годъ 1-й: азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія съ прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинками въ текстѣ, допущена для употребленія въ училищахъ подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія и военно-учебныхъ заведеніяхъ, изд. 11-е. Спб. 1871 г., цѣна 35 к.

— Его-же Родное слово для дѣтей младшаго возраста, годъ второй: вторая послѣ азбуки книга для чтенія съ картинками въ текстѣ, изд. 10-е. Спб. 1871 г., цѣна 35 к.

— Руководство къ преподаванію по Родному Слову, ч. 1-я. (приложеніе къ 1-му и 2-му году Роднаго Слова) изд. 8-е. Спб. 1870 г., ц. 30 к.

— Родное Слово, годъ третій. отдѣлъ 1-й грамматическій. Первоначальная практическая грамматика съ хрестоматіею, изд. 2-е. Спб. 1870 г. ц. 60 к.

— Руководство къ преподаванію по „Родному Слову“, ч. 2-я. (приложе-

іе къ 1-му отдѣлу третьяго года „Роднаго Слова“ къ практической грамматикѣ). изд. 2-е. Спб. 1870 г., цѣна 40 к.

Уигеръ, профессоръ Ввискаго Университета, основанія анатоміи и фізіологіи растеній, перев. Рабановича съ 116 политипажамн. м. 1869 г., цѣна 1 р. 50 к.

Фидлеръ, учитель нѣмецкаго языка, при 3-й Московской гимназіи, Лазаревскомъ институтѣ и въ Практической академіи. Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка, составленное по упрощенной методѣ Робертсона, курсъ 1-й, изд. 4-е м. 1870 г., цѣна 70 к.

— То-жь курсъ, изд. 2-е. м. 1869 г., цѣна 1 р. 20 к.

Фелькель, избранныя рѣчи Цицерона, рѣчи за поэта А. Архіа и за кв. Лигорія съ объясненіемъ и словаремъ, изд. 2-е м. 1870 г., цѣна 50 к.

— Книга XXI римской исторіи Тита Ливія, съ объясненіемъ и словаремъ. м. 1868 г., цѣна 80 к.

Фелькель. Рѣчь Цицерона за Т. Анніа Милона, съ объясненіемъ и примѣчаніями. м. 1870 г., цѣна 80 к.

Фишеръ, общепонятное руководство къ рациональному уходу за садоводствомъ и пользованію плодами, съ 19-ю рисунк., перев. Преображенскаго. м. 1862 г., цѣна 1 р. 25 к.

Хандриковъ, учебникъ русской исторіи, изд. 2-е, исправленное и дополненное. м. 1868 г., цѣна 60 к.

Краткій учебникъ русской исторіи. м. 1868 г., цѣна 35 к.

Шуфъ. Разказы и біографическіе очерки изъ русской исторіи (съ краткимъ описаніемъ древностей Москвы). Учебникъ для младшаго возраста, изд. 2-е, съ измѣненіями и дополненіями. м. 1870 г., цѣна 50 к.

Штаммеръ д-ръ. Химическая лабораторія, руководство къ практическому изученію химіи безъ помощи учителя, въ 3-хъ ч., перев. А. Вериго. м. 1864 г., ц. 1 р. 80 к.

Шампизъ, учитель чистописанія. Уроки чистописанія на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ на 15 листахъ. м. 1870 г., цѣна 75 к.

— Русскія прописи для воскресныхъ школъ на 15 листахъ, м. 1871 г., ц. 15 к.

— Русскія прописи для увѣдныхъ и начальныхъ училищъ, на 10 листахъ. м. 1868 г., цѣна 12 к.

— Русскія прописи по американской методѣ на 10 листахъ. м. 1870 г. ц. 25 к.

— Французскія прописи для учебныхъ заведеній на 14 листахъ. м. 1871 г., ц. 25 к.

Шнейдеръ. Ветеринарный врачъ, учебникъ домашнихъ животныхъ, съ 26 картинами изображающими домашнихъ животныхъ, въ 2-хъ ч. м. 1853 г., ц. 1 р. 50 к.

Шгаль, учитель первой Московской гимназіи. Ундина—Разказъ Фридриха Мотъ-Фуке, изданный для русскихъ гимназій, съ присоединеніемъ свиденія, объяснительныхъ примѣчаній, и словаря, изд. 2-е, исправленное. м. 1866 г., цѣна 60 к.

Шинса, Руководство къ переводамъ съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій, для младшихъ классовъ гимназій, перев. съ 21 изд. Куликовъ. м. 1870 г., цѣна 45 к.

0.32

Штейнгауера, Практическое руководство къ изученію нѣмецкаго языка по методу Ала, одобрен. Учен. Комитетомъ министерства. Курсъ 1-й. м. 1870 г., ц. 50 к.

— Тотъ курсъ 2 й. м. 1870 г., цѣна 75 к.

Якобъ, Латинскія христоматія, перев. В. Басова изд. 2-е дополненное м. 1870 г., цѣна 75 к.

Юнкенъ, Ученіе о глазныхъ болѣзняхъ, руководство для преподаванія и для собственнаго обученія врача, съ приложеніемъ діагностической таблицы воспаленія глазъ, перев. д-ра Гильдебрандта, 2 тома. м. 1857 г., ц. 3 р.

Сверхъ того печатаются:

Мадлингъ, Латинская грамматика, перев. Басова. Новое изданіе.

Григорьевъ, Наглядный описательный курсъ естественной исторіи въ объемъ женскихъ гимназій съ полнотипажными рисунками.

Фельбель, Рѣчь Цицерона за Россію Америкскаго.

Ивановъ, Рѣшеніе задачъ Тригонометріи Малюгина.

Министерство Народнаго Просвѣщенія
Вѣдомство Высшаго Учебнаго Завѣдѣнія
Секція Учебнаго Завѣдѣнія
Секція Учебнаго Завѣдѣнія
Секція Учебнаго Завѣдѣнія

Слѣ.
 —
 къ 1
 —
 практ.
 — **Рѣш.**: книгопродавцамъ Братьямъ САЛАЕВЫМЪ, въ
 Москвѣ на Никольской улицѣ.